

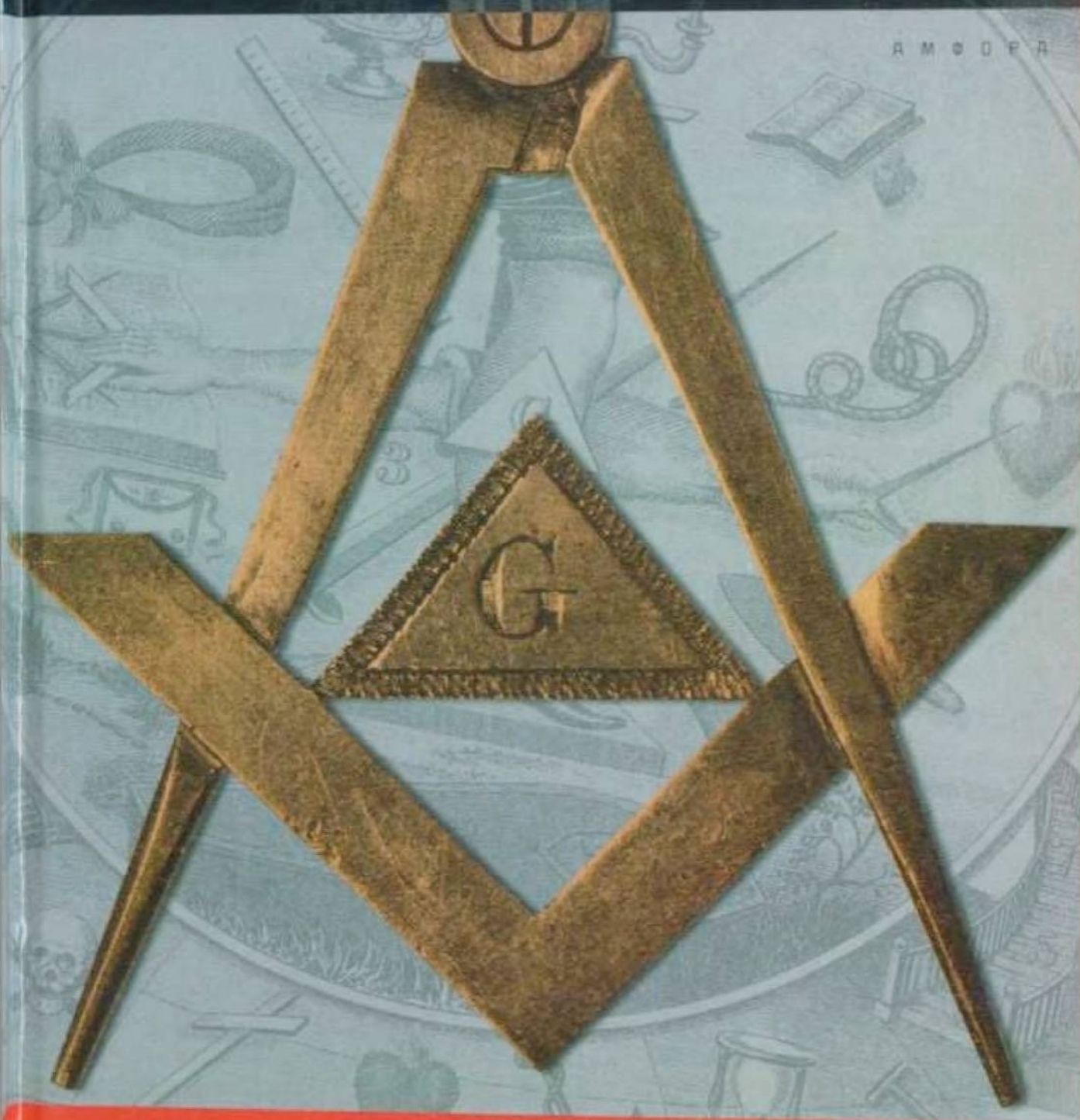
Джон Дж. Робинсон
Масоны: Рожденные в крови

Д Ж О Н Р О Б И Н С О Н

МАСОНЫ

РОЖДЕННЫЕ В КРОВИ

ЯМБОРЯ

ТАЙНЫ ИСТОРИИ

ОТДОХНИ!

*Посвящается Дж. Р. Уоллину,
Мастеру Ремесла*

От автора

Я хочу выразить свою особую признательность его преподобию Мэрину Чадвику, магистру гуманитарных наук, благочинному Чиппинг-Нортонского прихода в графстве Оксфордшир, благодаря которому я получил возможность работать в Бодлианской библиотеке Оксфордского университета. Когда я проводил там свои изыскания, мне оказал бесценную помощь д-р Морис Кин из Баллиолского колледжа, выкроивший в своем перегруженном расписании время для консультаций американского историка-любителя. Его понимание событий крестьянского восстания под руководством Уота Тайлера, его оценка учения Джона Уиклифа и рыцарей-лоллардов открыли передо мной новое направление в изысканиях, оказавшееся для меня плодотворным. Мне хочется выразить свою глубокую благодарность сотрудникам библиотек, труд которых, к сожалению, часто недооценивается, а именно: работникам книгохранилищ Оксфорда и Линкольна в Англии, библиотеки на 42-й улице Нью-Йорка и публичной библиотеки Цинциннати. Я благодарю за любезное содействие сотрудников архива графства в Оксфорде и музея в графстве Линкольншир.

Свою признательность я выражаю также масонам разных степеней, которые, не раскрывая перед посторонним «тайн» своего ордена, все же делились со мной сведениями об истоках братства, а также о целях его деятельности, как они излагаются масонскими авторами и проповедниками.

Отметив серьезную и бескорыстную помощь множества людей, оказанную мне при работе над этой книгой, должен сказать, что за все мнения и оценки, высказанные в ней, полную ответственность несу я один.

Не могу не упомянуть об участии моей жены. Ее помощь была многообразна и щедра: помимо перепечатывания рукописи она взяла на себя также проверку всех дат и географических названий. Наша совместная с ней исследовательская работа продолжалась четыре года, и все это время она активно обсуждала со мной тему и содержание каждой главы. Ее знание французского языка значительно облегчило работу с иностранными источниками, а знакомства и связи со времен ее учебы в Оксфорде стали основным каналом получения английских исторических материалов.

Наконец, несколько слов о человеке, которому я посвятил эту книгу. Дж. Р. Уоллин назван в посвящении Мастером Ремесла не в символическом значении масонской иерархии, а в буквальном смысле: мастер по обработке металла и стали. Он работает кузнецом, создавая у раскаленного горна декоративные решетки и самые разнообразные предметы домашнего обихода. В часы отдыха он делился со мной своими знаниями об изготовлении в Средние века таких вещей, как боевые палицы, кинжалы и турнирные шлемы. Долгие беседы увлекали нас в мир Крестовых походов и рыцарей, закованных в стальные доспехи. Они побуждали меня с новым энтузиазмом продолжать свою работу. Я решил посвятить эту книгу именно ему, потому что роль таких удивительных людей в нашей жизни нередко недооценивается. Не так уж часто встречаются милые чудачки, способные проводить долгие зимние вечера за пайкой тысяч и тысяч железных колечек, чтобы сплести их в рыцарскую кольчугу.

*Джон Робинсон
Ферма Твин-Брук
Кэрролл, штат Кентукки*

Введение В поисках великого общества

В мои исторические исследования изначально вовсе не входила ни история масонов, ни судьба Ордена тамплиеров. Я вынужден был ими заняться исключительно из-за интереса к некоторым странным моментам восстания в Англии под предводительством Уота Тайлера 1381 г., дикого бунта, захватившего и бросившего на Лондон более 100 тысяч крестьян. Влекомые, как казалось, слепой яростью, они двинулись на столицу, сжигая усадьбы, сокрушая тюрьмы и сметая все на своем пути.

Организаторы этого невиданного по мощи и разрушительности движения были для меня загадкой. В сущности они представляли собой группу из низшего священства – рядовые монахи, годами ходившие от села к селу с проповедями, осуждающими стяжательство и продажность князей Церкви. За несколько месяцев до восстания они образовали сеть связанных между собой ячеек в Центральной Англии. Входившие в ячейки люди проводили тайные встречи и совещания. Восстание было подавлено, а его

зачинщики сознались, что были агентами Великого общества, которое якобы находилось в Лондоне. Сведения об этом неведомом обществе были столь скудны, что большинство историков не обратили на них особого внимания, полагая, будто такого общества вообще не существовало.

Другую загадку для меня представляли странная ярость и ожесточенность, с какой бунтовщики обрушились именно на Орден госпитальеров Святого Иоанна, монахи которого известны ныне под названием иоаннитов, или рыцарей Мальтийского ордена. Вандализм толпы охватил буквально все имущество ордена, которое было полностью разграблено и выжжено дотла, а настоятеля восставшие выгнали из лондонского Тауэра, казнили и его голову выставили под ликование толпы на главном Лондонском мосту.

Для меня было совершенно очевидным, что ярость, с которой толпа обрушилась на крестоносцев-госпитальеров, не была случайной. Один из бунтовщиков, отвечая на вопрос о целях этого восстания, ответил так: «Во-первых и прежде всего... истребить госпитальеров». Чем руководствовался этот таинственный ненавистник, для кого уничтожение госпитальеров было первостепенной задачей?

Мстительное желание расчитаться с госпитальерами легко предположить у членов другого ордена крестоносцев – рыцарей Храма Иерусалимского, тамплиеров (храмовников). Дело в том, что за семьдесят лет до крестьянского восстания в Англии тамплиеры пережили страшные времена: папа Климент V упразднил этот орден, его члены жестоко преследовались, их бросали в тюрьмы, пытали и сжигали на кострах. А имущество ордена папским указом было передано именно Ордену госпитальеров. Однако здесь возникает вопрос: возможно ли, что жажда мести, горевшая в сердцах уцелевших и затаившихся тамплиеров, могла сохраниться в трех поколениях?

Точного и определенного ответа на этот вопрос нет. Однако есть все основания утверждать, что в Англии XIV в. мог быть только один инициатор кровавых событий восстания Уота Тайлера. Им являлось тайное общество, которое впоследствии стало Орденом свободных и организованных каменщиков. Прямой связи между руководителями восстания и масонами не обнаружить, если не принимать во внимание имя, точнее прозвище, его предводителя. Эта таинственная личность действовала на исторической сцене Англии всего восемь дней, и, кроме того, что он возглавлял восставших, о нем ничего не известно. Звали его Уолтером, Тайлер – прозвище, но было ли это прозвище простым совпадением с тем, что вооруженный стражник у входа в масонскую ложу также называется «тайлер»? Этот страж, имевший степень Мастера Ремесла, исполнял функцию часового и ответственного лица, проверяющего личность и документы посетителей масонской ложи. Если вспомнить, что все происходило в далекие, полные всевозможных опасностей времена, то место тайлера у входа в помещение ложи, где он стоял с боевым палахом наголо, выглядит весьма ответственным.

Мне известно о многих попытках историков открыть прямую связь между тамплиерами и масонами, но ни одна из них не была успешной. Все попытки сторонников этой идеи были обречены на неудачу, поскольку опирались на нелепые домыслы, а иногда даже строились на чистой воды фальсификациях. Однако, невзирая на то что попытки соединить эти два движения оказались неудачными, окончательно от этой идеи не отказались. Легенда о родстве тамплиеров и масонов продолжает волновать умы. И для этого, безусловно, есть основания, потому что все другие истории возникновения масонства носят совсем мифический характер и ни одна из них не получила сколько-нибудь убедительного подтверждения. В мои планы не входило изучение и оценка достоинства разных легенд, касающихся истоков масонства.

Я решил копнуть поглубже историю рыцарского Ордена тамплиеров, чтобы выяснить, нет ли там каких-нибудь следов связи между гонимыми тамплиерами и тайными группами, стоявшими за восстанием Уота Тайлера. Ступив на этот путь, я думал, что надолго расстанусь с масонами. И тут я сильно ошибся.

Как всякий человек, интересующийся историей Средних веков, я не мог обойти вниманием Крестовые походы; скажу больше – они захватили меня. Эти войны за Святую землю обладают особым притяжением как своей романтикой, так и историческими реалиями. В поездках по местам этих войн и походов я пытался вникнуть в то, что происходило в узких ущельях Ливана, сквозь которые пробивали себе путь армии крестоносцев, с жадностью разглядывал руины крепостей вокруг Сидона и Тира, пытаюсь уловить эхо грохотавших здесь некогда сражений. Меня восхитили стены Константинополя, я часами бродил по венецианскому Арсеналу, где снаряжался флот крестоносцев. Будучи в Лондоне, в Круглом храме рыцарей-тамплиеров, я рисовал в воображении сцены церемонии его освящения в 1185 г. патриархом Иерусалимским. Это было за триста с лишним лет до того, как Колумб направил свои корабли в Вест-Индию.

Орден тамплиеров был основан в 1118 г. после неудачного Первого крестового похода. Название ордена происходит от слова «храм» (по-латински «темплум»). Под храмом имеется в виду Храм царя Соломона, на развалинах которого в Иерусалиме первоначально размещалась штаб-квартира рыцарей этого ордена. Крестоносцы, которые вели на Святой земле беспрестанные сражения, остро нуждались в пополнении своих постоянно редевших рядов, и особая активность тамплиеров в этой великой кампании быстро вывела их на первые роли, дав и богатые трофеи, и политическое влияние. Но вместе с богатством и мощью ордена росло высокомерие рыцарской верхушки. Великий Мастер (Магистр) ордена де Ридфорд

сделал ряд опрометчивых шагов, и в 1187 г. христианский Иерусалим пал. Пришельцы из Европы смогли удержать в своих руках лишь узкую прибрежную полосу, на которой тамплиерам принадлежали лучшие земли и главные крепости.

Европейские монархи тем временем вели междоусобные войны и в конце концов перестали посылать солдат и деньги на отвоевывание у мусульман Святой земли. В 1206 г. египетский султан сумел сначала потеснить обосновавшихся на побережье крестоносцев, а вскоре вместе с рыцарскими орденами скинуть их в море. Святая земля была окончательно потеряна для христиан, и тамплиеры перенесли свой лагерь на остров Кипр, мечтая со временем восстановить свою былую славу и могущество.

Пока тамплиеры собирались с силами для нового похода против мусульман, король Франции Филипп IV задумал собственный «крестовый поход» против тамплиеров. Дело в том, что он задолжал этому рыцарскому ордену крупную денежную сумму, – орден располагал значительными средствами, осуществляя выгодные банковские операции. Теперь Филипп IV желал освободиться от этого неудобства. Деньги, что он должен был тамплиерам, требовались ему для войны с английским королем Эдуардом I.

Французскому королю помогла двадцатилетняя тяжба Англии с Католической церковью, изрядно подорвавшая силы обеих враждующих сторон. И тут Филиппу IV выпали сразу два козыря: умер его заклятый враг Эдуард I, и на английский трон вступил его слабый и нерешительный сын Эдуард II. К тому же Филиппу удалось возвести на трон святого Петра своего человека – Климента V.

Вскоре на Кипр пришло известие о намерении нового папы организовать Крестовый поход, и тамплиеры увидели в этом предвестие скорого возвращения им былой славы. Когда Великого Мастера Ордена тамплиеров престарелого Жака де Моле пригласили во Францию, он прибыл туда с готовым планом освобождения Иерусалима. Париж встретил его с большими почестями, которые длились до рокового дня 13 октября 1307 г. На рассвете по приказу Филиппа всех тамплиеров арестовали и заковали в цепи. Немедленно начались пытки с требованием признаться в ереси.

Когда папский приказ об аресте тамплиеров пришел в Лондон, молодой Эдуард II никаких репрессивных действий не предпринял. Более того, он выразил понтифику сомнения в вине тамплиеров. Только после выхода официальной буллы папы римского английский король был вынужден совершить какие-то шаги. Лишь в январе 1308 г. он издал приказ об аресте находившихся в Англии рыцарей Ордена тамплиеров. Но те еще три месяца назад получили предупреждение и смогли как следует подготовиться: многие тамплиеры ушли в подполье, а те, кого все-таки арестовали, нашли способ бежать из тюрем. Свои сокровища, драгоценности, святыни и важнейшие документы тамплиеры надежно спрятали. В Шотландии папский приказ даже не был обнародован. Таким образом, Англия и особенно Шотландия стали тайным прибежищем для тамплиеров континентальной Европы, и о полной его надежности говорит то, что тамплиеры помогали друг другу и пользовались поддержкой извне.

Трон английского короля перешел от Эдуарда II к Эдуарду III, а тот завещал корону своему десятилетнему внуку, который, став Ричардом II, наблюдал из своего Тауэра, как бушевали в Лондоне восставшие крестьяне Уота Тайлера.

Тем временем английский народ был вынужден испытывать много всяческих тягот. Беспрестанные войны опорожнили королевскую казну, а придворная камарилья растащила ее остатки. Эпидемия чумы унесла треть населения страны, свою жатву покойников собрали годы страшного голода. Королю по-прежнему требовались деньги на войну с Францией, и он вводил новые хитроумные налоги. Простой люд находился под гнетом многочисленных хозяев жизни. Закипал разрушительный котел народного гнева.

Церковь не была в состоянии исправить положение. Землевладельцы в сутанах были столь же безжалостны к своим крепостным, как и их коллеги из родовитого дворянства. А в среде ушедших в подполье тамплиеров царил религиозная смута. Организация рыцарей-монахов ранее не подчинялась никому в мире, кроме Святого Отца, как именовался папа римский. Когда папа, наместник Христа на земле, ополчился на них, казалось, разорвалась связь с самим Господом. Тамплиерам необходимо было найти новый способ общения с Богом. А в те времена всякое отклонение от учения Церкви клеймилось как безбожная ересь.

При рассмотрении сложившейся неразрешимой дилеммы на ум приходит главный постулат масонства, требующий от человека верить в Верховное Существо, Бога Вседержителя, без каких-либо правил, предписывающих, как и где Ему поклоняться. В католической Англии такая вера считалась преступлением, но она вполне устраивала тамплиеров, отколовшихся от Римской церкви. Беспощадное преследование за ересь, каковой считалось такое независимое от Церкви верование, объясняет основополагающий и старейший завет масонства, по сей день определяющий поведение членов братства: ни под каким видом не выдавать своего брата-масона, от сохранения тайны которого может зависеть его достояние или даже жизнь.

Это обстоятельство заставило меня внимательнее присмотреться к «Старым заветам» масонов. Они обретают совершенно определенное значение, если смотреть на них как на уставные требования тайного общества, выработанные в целях защиты братьев по духу и крови, скрывающихся от преследования

могущественной организации – Церкви. Соблюдение тайны гарантировало вербовку новых членов на долгие годы вперед: Церковь неустанно плодила множество бунтарей и диссидентов во всех последующих поколениях. Это убедительно доказали разъяренные толпы Тайлера, когда они громили аббатства и монастыри, когда рубили голову архиепископу Кентерберийскому, высшему духовному лицу католической Англии.

Преследуемые тамплиеры крайне нуждались в кодексе подобных заветов, тогда как ремесленникам-каменотесам и строителям подобный кодекс был ни к чему. Таким образом, устав никак не мог быть основан на правилах средневековой гильдии каменщиков, от которых ошибочно выводилось происхождение масонов. Мне стало ясно, что нужно детально познакомиться с древним Орденом свободных и организованных каменщиков. Количество и характер масонской литературы в главных публичных библиотеках удивили меня своей бедностью. Станным было также и то, что значилась эта литература в разделах образовательных и религиозных изданий. Не удовлетворившись тем, что предлагалось широкой публике, я направился в библиотеку масонской церкви в Цинциннати, штат Огайо. Тамошнему заведующему я объяснил, что сам не принадлежу к масонам, но хотел бы воспользоваться его библиотекой для работы над книгой, в которой, возможно, предстоит исследовать Орден масонов. Он задал лишь один вопрос: «Вопрос будет освещен беспристрастно?» Я заверил, что у меня нет иных планов и намерений, кроме совершенно беспристрастного исследования, на что тот ответил: «Этого достаточно». Меня оставили один на один с каталогом и тысячами масонских книг, которыми были уставлены все полки. Кроме того, я просмотрел публикации Ассоциации масонских служб в Силвер-Спринге, штат Мэриленд.

Со временем, когда мои познания в масонстве уже позволяли мне участвовать в беседах на эту тему, я стал встречаться с членами этой организации. Сначала я гадал, удастся ли мне встретиться с пятнадцатью-двадцатью масонами, а если удастся, то станут ли они со мной разговаривать. Первая проблема разрешилась, стоило мне только спросить своих друзей и коллег, не масоны ли они. Их оказалось четверо в группе, которую я знал лет пять, и много больше среди тех, кого я знал лет двадцать с лишним, совершенно не подозревая об их причастности к масонству. Мое второе опасение тоже сразу развеялось: не касаясь своих «тайных» паролей и рукопожатий (о чем я уже сам знал достаточно), они охотно делились со мной мыслями о происхождении ордена и Старых заветах, пришедших из глубокой древности.

Всех их не меньше моего интересовало объяснение смысла непонятных слов, символов и церемониалов, в которых не наблюдалось никакой логики: например, в чем состояла суть ритуальных слов Мастера, когда он при церемонии посвящения говорит: «Эта ступень делает тебя братом пиратов и корсаров». Мы приходили к заключению, что раскрытие тайных обрядов масонства позволит глубже заглянуть в прошлое и расчистить давнишние завалы, ведь древние символы и термины без выяснения их истинного смысла костенеют и не поддаются осмыслению в новых условиях жизни.

Среди таких забытых тайн оказались значения часто употребляемых в масонских ритуалах слов, таких как *тайлер*, *ученик (подмастерье)*, *страж взносов*, *цув*. Столетиями масонские писатели безуспешно пытались трактовать смысл этих слов, исходя из предвзятого убеждения, будто масонство зародилось в англоговорящей среде средневековой гильдии каменотесов и строителей.

Я же решил поискать корни непонятных терминов не в английском языке, а в старофранцузском, исследовав таким образом возможную связь масонства с франкоязычным Орденом тамплиеров. И тут загадки стали разрешаться одна за другой: обращение к французским корням сразу придавало вполне значимый смысл многим непонятным масонским выражениям. Исследование привело и к другим важным заключениям. Хорошо известно, что до 1362 г. английское судопроизводство велось на французском языке. Это стало еще одним источником французских корней в терминах английского масонства, что лишней раз позволяло отнести появление в Англии тайного общества к XIV в., когда начались гонения на тамплиеров и произошло восстание Тайлера.

Затем пришлось заняться углубленным анализом Старых заветов масонства, определивших эту древнюю организацию как тайное общество взаимопомощи. Главным делом ложи были помощь братьям в защите от преследований Церкви и государства, поручительство за них перед властями, а кроме того, ложа служила идеальным местом для собрания представителей разных подразделений организации для координации действий. У меня не оставалось никаких сомнений, что изначальный замысел создания тайной организации, получившей впоследствии название масонской ложи, состоял в том, чтобы организовать систему взаимопомощи и выручки преследовавшихся во Франции тамплиеров и их собратьев в Англии – людей, спасавшихся от ареста и пыток, на которые их обрекли приказы папы Климента V. Строгая засекреченность действий тамплиеров значительно усилила их сопротивление Церкви. Роспуск и преследование Ордена тамплиеров явились одним из самых грубых просчетов Святого Престола. Он породил масонство.

В заключение надо сказать, что описываемые события оказались этапами великого перелома в европейской истории. Эпоха феодализма заканчивалась. Земля и крестьянский труд переставали быть

единственным источником обогащения. Купеческие дома формировали свои гильдии, и целые города со всеми обитателями переходили под управление создаваемых руководством гильдий муниципальных советов. Развитие торговли привело к созданию банков и кредитной системы; города усиливались, и состоятельные горожане могли уже состязаться с аристократией как в богатстве, так и в общественном весе.

Католическая церковь, яростно боровшаяся за лидерство в среде средневековых феодалов, стремилась не замечать происходившие перемены, диктовавшие ей отказ от претензий на бывшее верховенство. Всякое посягательство на материальные интересы Церкви рассматривалось ею как ересь, как самое гнусное преступление в подлунном мире. Еретик заслуживал только смерти, причем самой мучительной и позорной.

Одни борцы против Церкви бежали в леса, другие создавали свои братства и общества. Организация изгоев-тамплиеров обладала большим опытом сношений с хитроумными политиками Византии, была знакома с тайнами ритуальных убийств, совершаемых фанатиками-мусульманами, сталкивалась с коварством исламских правителей, с которыми ее представители сражались то на ратном поле, то за столом переговоров, и тактика секретных операций масонов была доведена до совершенства. Церковь отвечала на неповиновение жестокими репрессиями, что с каждым новым столетием лишь множило ряды ее непримиримых противников.

Шесть веков минуло после разгрома рыцарей-тамплиеров, но они оставили наследников, объединившихся в таком широком братском союзе, какого еще не знала история. Эпизод с пытками рыцарей-крестоносцев, дикий бунт крестьян под руководством Тайлера и раскрытие забытых тайн масонства сложились в связную историю о самом успешном тайном сообществе из всех, когда-либо действовавших на Земле.

Часть I Рыцари-тамплиеры

Глава 1 Разгул смерти

В 1347 г. за тысячу с лишним миль от Лондона орды татаро-монголов осадили укрепленную генуэзскую торговую факторию в Крыму. Внезапно ряды штурмующих стала косить какая-то неизвестная страшно заразная болезнь. Наверное, тут впервые и зародилась идея бактериологической войны, потому что монголы стали катапультировать за стены осажденной крепости трупы умерших от этой заразной болезни людей и животных.

Несколько месяцев спустя в Мессину на Сицилии из осажденной крепости прибыли генуэзские галеры, за которыми тянулся целый шлейф из умерших на веслах и выброшенных в море гребцов. Власти запретили корабельщикам сходить на берег, но те нарушили запрет, и «черная смерть» начала свое шествие по Европе. На континент она сошла вместе с корабельными крысами в портах Неаполя и Марселя. Из Италии чума перебралась в Швейцарию и Восточную Европу, где сомкнулась с волной эпидемии, прошедшей через Францию и Германию. В Англию зараза проникла через порт Дорсет. За два года чума скосила от 35 до 40 процентов жителей Европы и Британских островов.

Как всегда и всюду, развитию эпидемии способствовал ослабленный иммунитет населения, вызванный если не голодом, то плохим питанием. Сказались и неблагоприятные климатические условия: затяжные зимы и холодное дождливое лето повсеместно нарушили порядок полевых работ. Все летнее время 1315–1318 гг. шли проливные дожди. С неурожаем пришел голод. Местами еще удавалось что-то собрать с полей, и это позволяло людям какое-то время продержаться. Но в 1340 г. урожая практически не было. Наступило самое страшное время, когда вымирали целые графства.

Даже в благоприятные годы большинство населения страдало от недоедания. Основу его рациона составляли зерновые культуры, позволить себе мясную и молочную пищу могли очень немногие. Мясной рацион могла бы пополнить дичь, но охота оставалась привилегией лордов. Охота в господских лесах на оленя или даже зайца наказывалась поркой, а порой и смертью.

Первыми жертвами «черной смерти» становились дети моложе десяти-одиннадцати лет с неокрепшей иммунной системой и старики, чье здоровье с годами становилось слабее. Конечно, умирали десятки тысяч людей всех возрастов, но дети и старики шли во главе трагической статистики. Население активного трудового возраста также неумолимо сокращалось.

Под названием «черная смерть» скрывалась не одна болезнь, а целых три, и разносчиком всех трех были блохи. Болезнетворные бактерии поселялись в желудке насекомого. Когда блоха кусала свою жертву, которой чаще всего оказывалась крыса, бактерии проникали в кровь животного и заражали его. Когда крысы передохли, блохи переселились на других животных и на человека.

Чаще всего болезнь поражала лимфатические узлы, и тогда на человеческом теле, главным образом в паху и под мышками, появлялись ужасные вздутия и нарывы, так называемые бубоны, от которых и пошло название «бубонная чума». А «черной смертью» болезнь именовали из-за черных пятен, которыми покрывался умирающий. Язык тоже делался черным. Смерть наступала обычно на третий день.

Другая форма чумы, септическая, развивалась как болезнь крови, и человек погибал неделями позже. Самая заразная форма, быстрее остальных сводившая в могилу, была связана с поражением горла и легких, которые быстро воспалялись; больной харкал кровью, его терзали зловонная рвота и жуткие боли.

Никаких научных знаний об истоках и признаках этих заболеваний, о переносчиках заразы в те времена еще не было. Это порождало нелепые толки и слухи, и самым распространенным было убеждение, что чума – это наказание Божье. Находились отчаявшиеся, что кляли Господа за ниспосланное несчастье, и французский король Филипп IV предпринял шаги, чтобы пресекать богохульников, которые могли прогневить Всевышнего еще больше. Появились законы, карающие всякое кощунство жестоким наказанием. За первый случай такого преступления у человека отрезали нижнюю губу; за второй он лишался верхней; в третий раз ему вырывали язык.

То там, то здесь появлялись люди, громогласно кающиеся в грехах, которые описывались ими самими довольно неопределенно, но которые наверняка прогневили Бога так, что Он решил известить род человеческий. Эти грехи можно было искупить только тяжкими страданиями. Самобичевание, применявшееся и до этого в качестве меры покаяния, теперь превратилось в групповое истязание и самоистязание: толпы людей, бродивших по городским улицам под предводительством священников, до крови хлестали себя и друг друга узловатыми веревками и кнутами с металлическими гирьками. Многие носили тяжелые кресты на спинах и терновые венцы на головах.

Другие же осуществляли самые дикие затеи и предавались разнузданным оргиям. Они считали, что, если уж близится конец света, нужно вкушать все мыслимые удовольствия. Третьи обращали свои взоры и надежды к Сатане, раз Господь оставил народ Своею милостью.

Как это часто случалось в Средние века, в ряде мест в несчастье винили единственных проживавших рядом иноверцев – евреев. Хотя те умирали от чумы наравне со всеми, их обвиняли в том, что они хотят известить всех христиан, для чего отравляют колодцы и насылают страшную болезнь посредством тайных обрядов и заклинаний. Кровавые еврейские погромы захлестнули Францию, Австрию и больше всего – Германию, как это уже бывало в периоды подготовки Крестовых походов. В Страсбурге живьем сожгли двести евреев. В одном городке на Рейне всех евреев перебили, закатали в бочки и пустили вниз по реке. Евреи немецкого городка Эслинген, пережившие уже один погром, решили, что для них самих наступил конец света, и собрались в синагоге. Они сами подожгли здание и сгорели вместе с ним. Избежавших гибели евреев изгоняли из собственных домов, и те разбрелись по свету, разнося свою культуру, а часто и эпидемию чумы. В Польше тоже были еврейские погромы, но они происходили местами, и в целом Польша оказалась безопаснее Германии. Немецкие евреи хлынули туда. Они пришли со своим немецким языком, который стал впоследствии самым распространенным еврейским диалектом – идиш. Так появилась польская община евреев-ашкенази.

Ужаснее всего от чумы пострадали города, чему способствовала скученность населения и полное отсутствие санитарии. Горожане, спасавшиеся от чумы, разносили заразу по сельской местности. Деревни вымирали, поля зарастали сорняками, скот без присмотра бродил по окрестностям опустевших сел, пока не погибал следом за хозяевами. Каноник аббатства Святой Марии в Лестере насчитал на одном пастбище гниющие останки пяти тысяч овец. Когда чума пересекла проливы и достигла Англии, ее население составляло четыре миллиона человек. Ко времени затихания эпидемии число жителей там не достигало и двух с половиной миллионов.

Весть об опустошении Англии эпидемией чумы дошла до Шотландии. Шотландцы сразу поняли, что истребление их извечного врага, конечно же, является Божественным отмщением. Они решили помочь осуществлению карательных планов Всевышнего и напасть на ослабленного противника. Раздался клич о сборе боевых кланов в пограничном Селкеркском лесу, но не успело шотландское войско выступить в поход на врага, как чума поразила и их лагерь, унеся за пять дней жизни пяти тысяч воинов. От завоевательных планов пришлось отказаться, уцелевшие собрали больных и умерших в обозы и повернули назад. Но слух о намеченном нападении шотландцев дошел до англичан, они двинулись на север отразить готовящееся нападение и успели вовремя: шотландское войско было полностью истреблено и рассеяно.

Происходили невероятные вещи: в то время как смертность среди всего населения Европы достигала рекордного уровня, война Франции и Англии продолжалась. Каждая сторона рассчитывала на то, что противник окажется слабее. Войска нуждались в амуниции и припасах, которые производились ремесленниками и крестьянами, а треть их вымерла. Армиям нужны были деньги, но население и производство, откуда поступали налоги, сокращалось. Когда через несколько лет эпидемия чумы затихла, мир был уже совсем другим, непохожим на прежний: низшие классы почувствовали свою силу и значение.

Вступил в силу нерушимый закон спроса и предложения, поломать который без опасных последствий было невозможно. На этот раз он пошел во благо простому труженику – фермеру и

ремесленнику. В темные годы Средневековья отдельный индивид был совершенно беспомощен. Главной заботой человека было поддержание жизни, и он добровольно шел в услужение к более сильному, стараясь получить его покровительство и защиту. Эти сильные, в свою очередь, искали защиты и покровительства у еще более сильных. Так выстраивалась феодальная система.

Некоторые крестьяне переходили с положения простого крепостного раба на положение ленника, работавшего на выделенной ему земле, за что он должен был обрабатывать также господскую землю. Условия отработки у разных землевладельцев были разными и многообразными. После смерти крестьянина его лучшая скотина отводилась на двор землевладельца, а следующая за ней по упитанности – священнику. Сам крепостной и члены его семьи могли жениться или выйти замуж только с разрешения хозяина и за определенную плату. Помимо обязательных дней отработки на барина, обычно два-три дня в неделю, крестьянина могли вызвать на неурочную работу, которую прозвали «веселая барщина». Крестьянин должен был испрашивать разрешение на заготовку дров или леса для починки дома, даже собирать навоз на дорогах и тропах он не мог без особого на то разрешения.

Главным препятствием на пути к свободе было старинное правило, ограничивающее его свободу передвижения. Крестьяне были обязаны постоянно находиться по месту своего рождения, они жили в поселках, состоявших из группы домов, которые назывались «вила», откуда происходит английской слово *виллидж* – «деревня». Самых жителей таких деревень называли *виллэн*, или «селянин», «крепостной», откуда происходит другое созвучное ему английское слово *виллан* – «деревенщина», «злодей».

Когда в Англию пришла «черная смерть», значительная часть угодий обрабатываемой земли принадлежала Церкви. Одни владения были куплены Церковью, другие дарованы королем. Обширные земли Ордена тамплиеров после обрушившихся в 1312 г. на орден репрессий папы Климента V перешли в руки рыцарей Святого Иоанна – госпитальеров. В собственности монашеских орденов были тысячи крепостных и виллэнов. Помещикам и монастырям не хватало тех денег, которые поступали в обмен на барщину, и состоятельные крестьяне получили возможность за определенную сумму выкупить себя. На свою беду, многие из получивших свободу не предусмотрели, что впоследствии свое право им придется отстаивать в суде, и не позаботились о своевременном получении документов об освобождении из крепостной неволи. А Церковь заявила твердо: если освобождение надлежащим образом не оформлено, оно считается недействительным. Всякий иной способ обретения свободы рассматривался как посягательство на неприкосновенную собственность Церкви.

Чума унесла более трети рабочих рук. Нехватка рабочей силы взвинтила все цены, особенно на изделия тонких ремесел. Сократилось число башмачников, ткачей, плотников, каменщиков и кузнецов. Упал сбор налогов, деньги падали в цене.

Наступили золотые деньки для бывших забитых крепостных. Земля оставалась необработанной, землевладельцы лишились доходов. Впервые за всю историю крестьянин оказался в дефиците, он мог теперь торговаться, требовать и добиваться большей доли урожая и лучших условий жизни. За сверхурочную работу он мог получать двойное и даже тройное вознаграждение. Крестьяне стали покидать свои деревни в поисках лучшей доли, что не могло не раздражать помещиков и других землевладельцев.

Чтобы исправить это положение и вернуть все на круги своя, английский парламент в 1351 г. принимает Статут о рабочих. Первоначально закон устанавливал трудовые расценки на уровне, существовавшем до чумы, но на этом законодатели не остановились. Они не просто твердо зафиксировали эти расценки (два с половиной пенса за обмолот квартера¹

ячменя, пять пенсов за косьбу акра зерновых и пр.), но ввели закон, согласно которому сельскохозяйственный рабочий шел на рынок со своим орудием труда в руках, а договор о найме должен был заключаться только принародно и в присутствии свидетелей. Дополнительное стимулирование труда, например питанием, запрещалось. Контракты заключались уже не на день, а на целый год. Дважды в год крестьянин должен был приносить управляющему и констеблю деревни клятву в том, что не будет нарушать установленные правила. Пока работа по условленной цене не была закончена, он не имел права покидать село. Всякий отказавшийся от дачи клятвы или нарушивший ее три дня содержался в колодках, пока не соглашался подчиниться требованиям нового закона. Такие колодки позора были установлены в каждой деревне.

Не обошли власти вниманием и ремесленников. Статут устанавливал дневной заработок в три пенса для плотника, в четыре пенса для каменщика, в три пенса для кровельщика. Все шорники, ювелиры, кожевники, портные, башмачники должны были получать за работу столько, сколько им платили за четыре года до эпидемии чумы, и с них также брали клятвенное обещание подчиняться этому требованию. За первое нарушение ремесленника отправляли на 40 дней в тюрьму, за каждое последующее срок заключения удваивался.

Статут о рабочих упорно вводился в практику, для чего прилагались большие усилия, однако он оказался нежизнеспособным. Он был направлен против черного рынка труда, но продавцы и покупатели

¹ Квартер – мера объема сыпучих тел, равная примерно 290 л. – *Здесь и далее примеч. пер.*

быстро научились обходить запреты. Экономическое положение стало еще хуже. Старые и больные покидали рынок труда, а молодого пополнения практически не было: сказывалась высокая детская смертность во время чумы. Инфляция продолжала расти. Крестьянство нищало. Не в лучшем положении находились и низшие слои духовенства. Князья Церкви, ревниво следившие за сохранением своих доходов и вынужденные содержать папский двор, доходы которого подрывались борьбой с претендентами на престол Святого Петра, не заботились о младшей братии. Деревенское духовенство влачило полуголодное существование и отлично понимало настроение своей паствы, разделяя их ненависть к духовным и гражданским властям.

В 1337 г. началась Столетняя война, что потребовало новых расходов и новых солдат. Эта война изменила характер ведения боевых действий: на смену столкновению массы людей, рубящих, колющих и сшибающих с ног друг друга в рукопашном бою, пришло более усовершенствованное оружие, позволившее убивать на расстоянии. В ходу по-прежнему оставались луки и стрелы, но они были малоэффективны против закованного в латы воина и бессильны против мощного «танка», каковым служил на поле боя конный рыцарь. Его мощь заключалась не столько в оружии самого всадника, сколько в его боевом коне-тяжеловозе, который нес на себе целую гору рыцарского вооружения, собственную броню и тяжелые боевые подковы. Никакая пехота не могла противостоять удару такого тарана. Лошадь была обучена в свалке боя рвать противника зубами и бить его тяжелейшими копытами.

Потом появился самострел-арбалет, ставший реальной угрозой для закованного в железо рыцаря. Портативный небольшой лук, изготовленный из многослойного дерева, кости и рога, выбрасывал короткую и крепкую стрелу, способную пробить латы. Теперь рыцарь-аристократ на поле боя мог быть сражен человеком, которому в обычной обстановке он бы и руки не подал, а то еще хуже – человеком низшего сословия. Это было несправедливо по отношению к лорду, а что несправедливо для лорда, то противно Божьей воле. Папа запретил применение арбалетов против христиан, но запрет этот никогда не соблюдался полностью, поскольку ему всегда сопутствовала молчаливая оговорка: это оружие не будет применяться, пока не станет единственным средством добиться победы.

Впрочем, арбалет тоже не решал всех проблем. У этого вида оружия было два недостатка. Во-первых, он стрелял на небольшое расстояние. Во-вторых, заряжать его было непросто. К нему приделывалась особая скоба, чтобы стрелок мог упереться в него ногой, натягивая тетиву на боевой взвод. Эта операция была не только долгой, но еще требовала немалой силы. Целиться и производить выстрел тоже нужно было уметь. Кроме того, арбалет сам по себе был сложен по устройству и довольно дорог. В доме простого крестьянина, на ком лежала обязанность нести военную службу у своего феодала, таких вещей не водилось. Арбалетчиками стали наемники.

Нанять арбалетчиков можно было только за деньги, феодальные отношения тут роли не играли. В битве 1346 г. под Красси арбалетчиками на стороне французов были исключительно генуэзские наемники. Другая сторона сражения, англичане, уже могли продемонстрировать новое оружие, которое сразу затмило своей эффективностью арбалет. Это был так называемый длинный английский лук. Я пишу «так называемый», потому что это было изобретение ирландцев. Его появление в сражении под Красси буквально потрясло Европу. Вряд ли французам удалось скоро забыть страшные потери того сражения: более полутора сотен закованных в латы герцогов, баронов и рыцарей пали в том бою. И этот факт круто изменил лицо всего европейского общества. До того считалось в порядке вещей, что рыцарь может погибнуть от руки равного по положению и происхождению рыцаря. Тут же сотни высокородных аристократов пали жертвой горстки простолюдинов, вооруженных деревяшками с натянутой тетивой. В наше время трудно даже представить ту степень сословной разобщенности, какая существовала в те далекие времена. Рыцарь в боевых доспехах был для крестьянина почти сверхъестественным существом, на него смотрели как на жителя иного мира, почти как на божество. Никто не смел и подумать стать с ним вровень, и вот ореол божественности исчез. У аристократов появились все основания крепко задуматься, сидя перед каминами в своих замках, а крестьянин обрел наконец чувство собственного достоинства. Этим своим открытием он делился, пока еще шепотом, со своим соседом, но мысль уже появилась, чтобы со временем стать убеждением.

Характер сражений стал иным, но монархия настойчиво продолжала войну, начатую в 1337 г. Единственным средством решить эту задачу были налоги, налоги и еще раз налоги. Это обернулось новыми бедствиями для народа: с помощью правоведов землевладельцы обратились к старым законам, согласно которым только владелец земли мог эксплуатировать труд проживающего на его земле крестьянина, ограничивать его свободу и распространять свою власть на прямых потомков своего крепостного. Были подняты все метрические записи и церковные книги в поисках доказательств того, что мать или бабушка крестьянина была крепостной или виллэн, что безоговорочно возвращало его и всех его наследников в подневольное положение. Выигрывали от этого только бароны-землевладельцы. Самым крупным землевладельцем той поры была Церковь, к ней больше всего и сгоняли отовсюду сельских тружеников как к истинному и «законному» владельцу. В народе зрела ненависть к церковникам, отнимавшим у них последнюю свободу, и эту ненависть подогревало обнищавшее безземельное сельское

духовенство.

Джон Уиклиф, священник и богослов из Оксфорда, встревожил своих коллег намного больше, чем ожидал, когда выступил с предложением реформировать церковные порядки. Его возмущали продажность Церкви и ее стяжательство, в которых, по его мнению, погрязли святые отцы, забыв о своем изначальном пасторском долге. Дж. Уиклиф считал, что человек может обращаться к Богу напрямую и не нуждается при этом в посредничестве священнослужителя. По его мнению, распоряжаться душой человека может один Господь. Он говорил, что, поскольку король несет прямую ответственность перед Богом, ему не требуется посредничество папы. Самые скандальные утверждения Уиклифа состояли в том, что христианские таинства, совершаемые священниками-греховодниками без должного благочестия, не имеют благодати и что папа ничуть не лучше всех остальных священнослужителей. Более того, Уиклиф перевел Библию с латинского языка на английский, чтобы каждый человек мог иметь доступ к текстам Священного Писания, ибо там все сказано и никаких толкований не требует. При этом, подчеркивал он, в Библии ни слова не говорится о папе.

Такой выпад против Церкви не мог остаться без ответа, и Уиклифа вызвали на суд в собор Святого Павла по обвинению в ереси. Ему удалось избежать казни, и это можно объяснить лишь тем, что в защиту его выступили огромные толпы людей. Богослова потихоньку сместили с занимаемого поста и выслали доживать дни в маленьком сельском приходе в Луттерворте. Там он не отказался от своих критических идей, но теперь вместо своих коллег-священников стал обращаться к простым людям, которые всегда были готовы его выслушать. У него появились последователи, которые, став бродячими проповедниками, разносили его идеи по городам и весям.

Еще больший шум во внутренней жизни Англии вызвал Джон Болл, которого французский хроникер Жан Фруассар называл «сумасшедшим проповедником из Кента». Болл проповедовал классовое равенство и отмену всяких привилегий, в том числе и для Церкви. Он требовал проведения земельной реформы, считая, что крупные землевладения должны быть ликвидированы, а земля распределена между теми, кто ее обрабатывает. С 1360 г. Болл и его последователи вели активную пропагандистскую кампанию этих взглядов в центральных и юго-восточных областях Англии, проповедуя идеи равенства всех людей перед законом и необходимость перераспределения собственности или введения общего пользования ею. Церковные власти подвергали Болла аресту несколько раз и в конце концов отлучили от Церкви и засадили в Мейдстонскую тюрьму в Кенте, находившуюся в ведомстве английского архиепископа.

В 1377 г. римским папой стал Григорий XI, с именем которого в Англии были связаны надежды на окончание французского влияния на Святой Престол. Однако значительную часть постов в церковной иерархии по-прежнему занимали французы, а их чаяния были совсем другого содержания. В те времена многие английские кардиналы были французами, и соплеменник в Авиньоне, где тогда размещался папский двор, их вполне устраивал. Когда на следующий год папа Григорий XI умер, римляне выступили с требованием возвести на престол папу-итальянца. Они своего добились, и папой стал Урбан VI. Французские кардиналы объявили избрание Урбана незаконным и избрали собственного папу, который правил под именем Клемент VII, находясь в Авиньоне. Это было время Великой схизмы (раскола, когда одновременно существовали два и даже три папы), растянувшейся на долгие годы. Внутрикатолическая схизма сопровождалась политическим расколом: авиньонского «антипапу» Клемент VII поддерживали Франция, Шотландия, Португалия, Испания и некоторые германские правители, а за римского папу Урбана VI встали Англия, Венгрия, Польша и немецкий правитель Великой Римской империи. Каждый из пап отлучил от Церкви сторонников своего врага, лишив их Святого Причастия, так что все христиане Европы были прокляты и лишены небесного покровительства волей того или иного папы. Это повлекло за собой серьезные последствия. Известен, например, случай, когда английское войско, поддерживавшее римского папу, захватило женский монастырь, верный папе авиньонскому. Солдаты и их духовники, будучи уверены, что бедные заблудшие монашки не пользуются защитой ни духовной, ни светской власти, не видели никаких препятствий к тому, чтобы разграбить монастырь и изнасиловать всех его обительниц. И согласно тогдашним правилам, им даже в голову не пришло покаяться в содеянном.

Итак, Англия пребывала в состоянии непрекращающейся войны, сопровождавшейся стремительно растущей инфляцией и попытками вернуться к крепостному праву, великой схизмой в Церкви, в результате которой все жители Англии оказались отлученными от Церкви, растущим недовольством в среде низшего духовенства и страданиями народа от невиданного доселе налогового бремени. Страна напоминала пороховую бочку. Весной 1381 г. правительство развернуло новую кампанию ускоренного сбора налогов, и взрывной фитиль был зажжен. Через несколько дней последовал страшный взрыв.

Глава 2

«Ибо сейчас время воевать»

Энциклопедия «Британника» называет это восстание «удивительно стихийным». В истории XIV в. Барбары Тачмен, озаглавленной «Отдаленное зеркало», говорится, что «восстанием явно кто-то

руководил». Уинстон Черчилль пошел дальше. В книге «Рождение Британии» он пишет: «Все лето 1381 г. продолжалось всеобщее брожение. Но за ним стояла организация. Агенты сновали по селам центральных районов Англии, поддерживая связь с неким Великим обществом, якобы собиравшимся в Лондоне».

Искры восстания старательно раздувались, и наконец прозвучал сигнал к выступлению. Отлученный от Церкви Джон Болл содержался в Мейдстонской тюрьме в Кенте, но письма от него и его последователей наводнили страну. В те времена грамоту знали только служители Церкви, значит, письма эти получали именно они, и они же передавали их смысл другим. В письмах содержался призыв к дружному выступлению, так что мнение, будто восстание было бесконтрольным порывом сотен тысяч измученных людей, можно спокойно исключить из рассмотрения. Вот выдержка из письма Джона Болла: «Джон Болл приветствует весь честной народ и возглашает: он ударил в колокол. Отныне – право и сила, сноровка и воля! Бог в помощь каждой мечте. *Время пришло*». А вот что писал священник Джак Картер: «Велика нужда для вас во вспомоществовании Господнем в каждом вашем деянии. *Ибо настало время войны*». И еще – из письма священника Джака Трумана: «Джак Труман возглашает вам, что слишком долго властвовали нами ложь и вероломство, истина же заперта была под замок, и надо всею паствою царил ложь... Господь несет нам облегчение, ибо *время пришло*».

Одно письмо «священника Святой Марии» Джона Болла заслуживает быть приведенным полностью. Старинный среднеанглийский язык несколько не затемняет ясного смысла его послания: «Джон Болл, служитель Пресвятыя Марии, приветствует весь честной народ и закликает его именем Троицы – Отца, Сына и Святаго Духа – твердо стоять сообща в духе истины и действовать на благо истины – и тогда истина будет в помощь ему. Гордыня владычествует ныне, и алчность заступает все пути, и разврат без стыда, и бесовское обжорство процветают. Зависть с изменою царствуют, и леность в чести великой. Господь поможет, ибо *время пришло*, аминь».

Во всех письмах фигурировал призыв, который мог служить общим для всех сигналом к выступлению – «время пришло». Но были и другие признаки организационных мероприятий и подготовки большого события.

В Эссексе вследствие новых и еще более жестких мер по сбору третьей подушной подати произошел бунт. Инициатором сбора нового налога, для чего туда были посланы специальные уполномоченные, был монах-францисканец по имени Джон Легг. Эта идея стоила ему головы несколько недель спустя.

Уполномоченные взялись за дело с большим рвением. Некоторые даже выявляли у девушек наличие девственной плевы, отсутствие которой свидетельствовало о половой зрелости к 15 годам, когда молодые женщины уже облагались налогом. Отец одной такой девушки, Джон из Дептфорда, был арестован за то, что ударил сборщика налогов, который заставил девушку раздеться, чтобы убедиться в наличии у нее лобковых волос, бывших признаком обязанности платить подушный налог.

В ряде случаев призывы вносить подать селяне оставляли без внимания, а то просто избивали сборщиков налогов. Так, некий крупный помещик, Джон де Бамптаун, устроил контору в городе Brentwood графства Эссекс и потребовал всех мужчин окрестных селений явиться к нему с полными списками членов своих семейств и с полной суммой причитавшегося налога. К нему явились около сотни человек и заявили, что денег у них нет и ничего платить они не намерены. Поначалу де Бамптаун приказал двоим стражникам арестовать строптивцев и бросить их в застенки. Но толпа набросилась на королевских чиновников, и де Бамптаун посчитал за счастье, что ему позволили целым и невредимым удрать в Лондон.

Для расследования этих событий в Эссекс прибыл главный мировой судья сэра Роберт Билкнеп, запасшийся обвинительным заключением и оформленными письменными показаниями свидетелей. Несмотря на солидную прокурорскую подготовку Билкнепа, его встретили ничуть не лучше, чем предшественника. Жители схватили королевских представителей и заставили Билкнепа раскрыть имена тех, кто свидетельствовал против обидчиков де Бамптауна. Узнав имена предателей, бросились их искать. Тем, кого поймали, тут же рубили головы, которые выставили на шестах в назидание другим. Тех же, кому удалось скрыться, покарали заочно: имущество разграбили, а дома сожгли. Что касается самого мирового судьи, то его ославили как предателя короля и всего королевства, но все-таки пощадили и отпустили с миром. Однако сопровождавших его трех чиновников задержали и, признав в них тех же лиц, что сопровождали де Бамптауна, обезглавили.

Еще более серьезные события развернулись в соседнем с Эссексом графстве Кент, расположенном по другую сторону Темзы. Туда, в село Грейвсенд, явился рыцарь из королевского окружения по имени Саймон Бэр-ли и предъявил свободному селянину Роберту Беллингу бумаги, свидетельствующие о его происхождении из крепостных семейства Бэрли. Чтобы Беллинг сохранил свободу, рыцарь потребовал у него триста фунтов серебром откупных. Жители Грейвсенда пришли в ярость от претензий Бэрли и от размера откупных, который означал для Беллинга полное разорение. Однако королевский пристав арестовал Беллинга и заключил его в темницу ближайшего Рочестерского замка. Одновременно в Кент прибыла налоговая комиссия наподобие той, которую возглавлял Роберт Билкнеп в Эссексе: это был королевский пристав, уже известный нам францисканец Джон Легг, в сопровождении стражников и с приказом о наказании ряда жителей графства. Комиссия планировала провести судебное разбирательство

в Кентербери, но горожане выгнали чиновников.

Когда известие о случившемся разошлось по селам, жители Кента стали собираться в городе Дартфорд. Из Эссекса к ним на лодках прибыла подмога. Если об особой организованности этого выступления говорить не приходится, то хорошая дисциплина там была налицо: руководители движения дали команду, чтобы жители прибрежной полосы в пределах тридцати шести миль не покидали свои дома, дабы защищать территорию в случае внезапного нападения со стороны Франции.

Толпа из Кента двинулась к Лондону, но не в сам город, а к Рочестерскому замку, где потребовала освободить Роберта Беллинга. Не прошло и дня, как смотритель замка без сопротивления впустил восставших внутрь. Они освободили Беллинга, а заодно и всех других заключенных, затем двинулись на юг, на Мейдстон, куда вступили 7 июня. Там к ним присоединились новые толпы людей и среди них человек по имени Уолтер Тайлер. Он сразу выдвинулся в руководители и возглавил многотысячное движение, получившее название «Восстание Уота Тайлера». О его предшествующей жизни ровным счетом ничего не известно, как не известно и то, каким образом совершенно неорганизованная толпа в один миг признала в Уолтере своего руководителя, стоило ему только появиться.

Первым шагом Тайлера было освобождение Джона Болла, Йоркского проповедника Девы Марии, которого держали в Мейдстонской церковной тюрьме и который с этого момента становится неофициальным капелланом всего движения.

Минуя Лондон, Тайлер направил своих людей на восток, в Кентербери, резиденцию главы английской Церкви. Первые же шаги восставших, которые в понедельник 10 июня вступили в Кентербери, ясно говорят, что Тайлер с самого начала планировал вести свое дикое войско на Лондон. Ворвавшись в кафедральный собор, тысячи восставших стали требовать от монахов, чтобы те избрали из своей среды нового архиепископа, потому что действующий местоблюститель¹

– «предатель и должен быть казнен за вероломство», что с ним и случится через несколько дней. Затем повстанцы потребовали выдать им других «предателей» в этом городе. Указали на трех человек, которых тут же отыскали и на месте обезглавили, после чего покинули город, допустив в свои ряды пять тысяч из числа жителей Кентербери, который также находился в прибрежной полосе и для его обороны от французов требовались определенные силы.

В тот же день, 10 июня, когда Тайлер захватил Кентербери, толпы восставших в Кенте разграбили и сожгли цитадель рыцарей-иоаннитов, собор Крессинг. Этот богатый монастырский комплекс был дарован в 1138 г. рыцарям-тамплиерам Матильдой, женой короля Стефана. Когда Орден тамплиеров был разгромлен папой Клементом V, вся собственность ордена в Англии, включая монастырь Крессинг, перешла в руки Ордена иоаннитов. По всей стране Церкви принадлежала треть всей земли, и она понесла большой урон от волны крестьянских восстаний. Но ни один монастырь и ни один монашеский орден не подвергся такому жестокому нападению и грабежу, какие выпали в этот и следующие дни на долю Ордена иоаннитов. Казалось, монахи-госпитальеры были самыми заклятыми и ненавистными врагами крестьян-бунтарей.

Одиннадцатого июня мятежные толпы из Эссекса и Кента двинулись на Лондон. На пути они совершали многочисленные поджоги, казни и разрушения, но порядок и дисциплина у них были таковы, что обе колонны, насчитывавшие вместе более ста тысяч человек, за два дня преодолели путь в семьдесят миль и практически одновременно вступили в столицу.

Четырнадцатилетний король Ричард II, предупрежденный о приближении восставших, покинул Виндзорский замок и укрылся в Тауэре, самой мощной крепости Англии, вместе со своими приближенными и архиепископом Кентерберийским. В той же компании оказались вельможи низшего ранга, в том числе главный судья Роберт Билкнеп, неудачливый сборщик налогов Джон Бамптаун и ненавистный королевский пристав францисканец Джон Легг. У каждого из них были основания бояться за свою жизнь, попадись он в руки двигавшихся на столицу восставших.

Двенадцатого июня толпы из Эссекса и Кента подошли к пригородам столицы. Со всего Лондона к ним потянулись единомышленники и сочувствующие. Повстанцы разгромили дворец архиепископа, уничтожив все его убранство и обнаруженные там документы. Глядя из Тауэра на свой горящий дворец, архиепископ, вернув королю Большую печать, обратился к нему с просьбой освободить его от обязанностей королевского канцлера.

Между тем повстанцы крушили долговые тюрьмы и направили к королю делегацию с требованием выдать им головы пятнадцати человек. В списке смертников – епископ Кентерберийский, настоятель Ордена иоаннитов, главный судья Билкнеп, сборщики налогов Джон Легг и Джон де Бамптаун. Королевский совет, разумеется, с требованием восставших не согласился, и повстанцы двинулись к столице. Удивительно, но никакой охраны на главных городских воротах не оказалось, Лондонский мост был опущен, и восставшие свободно вошли в город.

Продвигаясь по городу, они ничего не тронули, пока не вышли на Флит-стрит. Там они захватили

¹ В этот момент архиепископ был в Лондоне с королем, который назначил его королевским канцлером.

местную тюрьму и выпустили всех заключенных на воду, а затем уничтожили две кузницы Ордена иоаннитов, которые некогда были отняты у тамплиеров. Вместе с жителями столицы часть пришедших бунтовщиков направилась к Савойскому дворцу ненавистного дяди короля, Джона Каунтского, разгромив по пути несколько домов, которые считались собственностью Ордена иоаннитов. Савойский дворец был разнесен в пух и прах. Мебель, статуи, картины были разбиты, ковры, гобелены и гардины сожжены, драгоценности перемолоты в пыль. Само здание под конец было разрушено, для чего в него заложили несколько бочонков пороха.

Покончив с Савойским дворцом, повстанцы приступили к весьма методичному разрушению владений иоаннитов от Флит-стрит до Темзы, не забыв и о строениях, сданных орденом в аренду адвокатам, служащим в королевских учреждениях по соседству с Вестминстером. Здания и постройки подверглись варварскому разрушению, все бумаги были сожжены, а всякого, кто пытался протестовать, убивали на месте. Так поступили со всеми владениями иоаннитов за единственным исключением: вещи и бумаги, находившиеся в главном храме иоаннитов, не стали жечь внутри храма, а вынесли все на открытое место и предали огню там. Погромщики явно не желали повредить сам храм. Объяснение этому простое: храм ранее принадлежал тамплиерам и считался их главным собором, а после уничтожения их ордена был передан иоаннитам. Даже сегодня этот район Лондона носит название Темпл, а храм стоит по сей день.

Громя по пути тюрьмы и освобождая узников, толпа направилась в Тауэр, требуя у короля аудиенции. Получив отказ, восставшие осадили крепость. Вожаки восстания разослали своим подручным распоряжение находить и казнить всех членов королевского суда, чиновников казначейства, судей и адвокатов и вообще всех, кто умел читать и писать. В те времена Церковь была настоящим монополистом на знатоков грамоты и письменное дело, так что главной жертвой восставших были, так сказать, представители административных служб Церкви, на которых лежала также основная часть обязанностей «канцелярской службы» королевского правительства.

Король и его приближенные были в полной растерянности, не зная, что делать и что предпринять. Наконец они приняли решение. Оно не было силовым, потому что силы у них отсутствовали. Но они вооружились коварством и обманом. Город был оповещен, что на другой день, то есть в пятницу 14 июня, король и его советники вступят в переговоры с восставшими и все их требования будут удовлетворены. Обещания были даны с легкостью, потому что выполнять их никто не собирался. Местом встречи было назначено открытое поле Майленд за городской чертой вблизи Алдгейта. Замысел строился на том, чтобы выманить восставших из города. Основная их часть покинула столицу, но Уот Тайлер со своим главным помощником Джеком Строу и сотней преданных людей остались в городе. С ними находился и главный капеллан восставших Джон Болл. У руководителей восстания было дело поважнее, чем переговоры с королем об освобождении крепостных и подневольных крестьян.

Король тем временем направился на встречу с восставшими на Майленд. Летописцы сообщают, что его сопровождали графы Кентский, Уорвикский и Оксфордский, мэр Лондона и «многие рыцари и сквайры». Что не указано в летописях, так это причина отсутствия в королевской свите двух виднейших придворных: архиепископа и королевского канцлера Саймона Садбери, а также сэра Роберта Хейлза, настоятеля Ордена иоаннитов и одновременно казначея короля.

Восставшие выдвинули два требования. Первое: им дается право разыскать и казнить всех предателей короля и простого народа. Второе: ни один человек не должен быть крепостным и подневольным у другого человека. Каждый англичанин должен быть свободен. На первое требование король ответил согласием, однако при условии, чтобы всех таких обвиняемых предьявили ему лично для вынесения приговора. Что же касается требования всеобщей свободы от крепостной зависимости, то тридцать королевских писцов тут же приступили к изготовлению отпускных грамот на вольную жизнь.

Стоило королю покинуть город, как Тайлер, Строу и Болл занялись совсем другим делом. В это трудно поверить, но в их планы входило взятие Тауэра, хотя с ними было лишь несколько сотен плохо вооруженных сообщников, а Тауэр представлял собой самую неприступную крепость Англии. Охраняли замок профессиональные солдаты и сотни опытных лучников под командованием архиепископа Садбери и, что представляется еще более важным, главы рыцарского Ордена иоаннитов Роберта Хейлза.

Без сомнения, и здесь имели место тайный заговор и свои люди внутри крепости. Когда Тайлер со своими сторонниками подошел к Тауэру, ворота крепости были открыты, мост опущен, а железная решетка поднята. Ни один из современников, вспоминая эти события, не упоминает о каком-либо сопротивлении или стычке.

В крепостном соборе архиепископ служил мессу в присутствии монахов-иоаннитов и других обитателей Тауэра. Архиепископа сбили с ног, схватили и поволокли из Тауэра. Так же поступили с главным иоаннитом и францисканцами Джоном Леггом и Вильямом Эплтоном. Под рев и победные крики собравшейся толпы всем схваченным поотрубали головы, водрузили их на шесты и выставили на Лондонском мосту. Чтобы особо выделить голову Кентерберийского владыки, к ней гвоздем приколотили его митру.

Казнив главных врагов, толпа стала обшаривать Лондонской квартал в поисках новых жертв. К

моменту, когда кровавый разгул стал затухать, было обезглавлено 160 человек.

Пока бунтовщики рыскали по городу, их руководители сделали еще один, казалось бы неожиданный, шаг. Уот Тайлер собрал небольшую группу, которую возглавили Джек Строу и житель Лондона Томас Фарндон, и направил ее за шесть миль от города со специальным заданием уничтожить имение иоаннитов Хайбери.

Весть о страшных делах в Тауэре и Лондоне докатилась до Майленда, и король со своей свитой направился в Лондон. Они не поехали в Тауэр, а отправились в королевский замок Бейнард, где клерки продолжали выписывать вольные бумаги. Многие повстанцы, взяв эти бумаги на себя и своих близких, уже подались по домам.

История не сохранила всех деталей происходивших событий, но известно, что король и бунтовщики вновь договорились встретиться на следующий день, 15 июня, на площади Смитфилд. Повстанцы собрались на одной стороне площади, а король со свитой остановился на противоположной – возле больницы Святого Варфоломея.

То, что произошло потом, обычно описывают как следствие дерзкого поведения Уота Тайлера, однако все это больше напоминает хорошо рассчитанный план королевского окружения. Ведь известно, что в случае численного перевеса противника можно его победить, лишь убив предводителя. Именно так здесь и случилось. Мэр Лондона Вильям Уолворт подъехал к толпе повстанцев и пригласил Уота Тайлера приблизиться к королю для беседы. Считается, что Тайлер изложил королю перечень требований, куда вошли отмена крепостного права и запрета на охоту в частных владениях, запрещение объявлять людей вне закона, конфискация принадлежащих Церкви земель и раздача земли тем, кто ее обрабатывает, назначение честного епископа, одного на всю Англию.

Оставив в стороне различные варианты описания происходившего, приведем наиболее достоверный. Улучив момент, мэр Уолворт выхватил кинжал и ударил им Тайлера в шею. Сразу же один из королевских сквайров, Ральф Стендиш, выхватил меч и дважды ударил им Тайлера. Тайлер попытался увернуться, повернул коня в сторону своих, но рухнул с седла, истекая кровью.

Толпа восставших, находясь на другой стороне широкой площади, не могла ясно видеть происходящее и стояла в нерешительности. Молодой король пересек площадь легким галопом, подъехал к восставшим и поднял клятвенно правую руку. Король сказал народу, что впредь сам будет их «главным капелланом» и что они могут положиться на него в исполнении всех своих пожеланий. Затем он предложил всем собравшимся пройти на Клеркенвельское поле, куда сам и направился вместе со своей свитой, предоставив восставшим думать, как им поступить дальше. Несколько человек кинулись к своему умирающему вождю и перенесли его в больницу Святого Варфоломея. Но примерно через час растерявшаяся толпа пришла к общему решению и двинулась следом за королем. К тому времени мэр Уолворт собрал отряды горожан для защиты от бунтовщиков.

Придя на Клеркенвелл, повстанцы выдвинули требование выдать им тех, кто поднял руку на Уота Тайлера. Но, пока они шумели и спорили, вооруженные горожане окружили их плотным кольцом. В это время Роберт Ноллес доложил королю, что ему на подмогу пришли шесть тысяч вооруженных людей и теперь сторонники короля значительно превосходили силы восставших. Тогда король приказал во избежание наказания всем разойтись. Видя, что их перехитрили, многие повстанцы начали расходиться. Только люди из Кента, ведомые Джеком Строу и Джоном Боллом, остались в строю и организованно вышли из города через Лондонский мост, по которому они три дня назад вступили в город с таким триумфом.

Когда повстанцы разошлись, Вильям Уолворт отправился посмотреть, что стало с Уотом Тайлером. Он нашел его перевязанным в больнице Святого Варфоломея и приказал вытащить на площадь, где ему отрубили голову. Поддев голову на шест, ее отнесли на Лондонский мост и установили на месте, где еще недавно торчали головы архиепископа Садбери и Роберта Хейлза.

В Лондоне восстание Тайлера было подавлено, но беспорядки и бунты еще долго вспыхивали в отдельных городках, поместьях и приходах, отделенных друг от друга сотнями миль нехоженых дорог.

В истории восстания Тайлера основное внимание обычно уделяется лондонским событиям, но наш интерес к организации, которая, очевидно, стояла за этим движением, требует обратить внимание на то, что происходило в других частях Англии, где события разворачивались и после смерти Уота Тайлера. Вот краткий обзор этих событий.

В среду 12 июня, когда восставшие собирались под стенами Лондона, грабили Ламбетский дворец и громили тюрьму Маршелси, в местечке Листон графства Суффолк объявился священник Джон Рав с группой бунтовщиков и стал собирать в округе отряд повстанцев. Первым делом повстанцев был разгром имения Ричарда Лайонса, осужденного за воровство и стяжательство в 1376 г. и сразу же помилованного королем. Сам Лайонс в конце концов был пойман восставшими в Лондоне и лишился головы. Нападение на его имение в Листоне вряд ли могло быть случайным совпадением.

Следующим объектом людей Рава был самый крупный город графства Бери-Сент-Эдмундс. Он

находился в полной власти местного мужского монастыря, который постоянно притеснял местных ремесленников и торговцев. Повстанцев не посмели останавливать, когда они пригрозили убить всякого, кто станет на их пути. Горожане со своей стороны были готовы немедленно начать громить дома монастырских властителей и прежде всего самого настоятеля монастыря, который пытался бежать, но был пойман и обезглавлен.

Рав оставался в Бери неделю. За это время он заставил монахов выдать все монастырские финансовые отчеты, сдать все серебро и драгоценности в качестве залога свободы для городских жителей. Он также разослал по разным городам нарочных с призывом поддержать восстание. Иногда его люди требовали от монастырей и владельцев имений сдать все серебро и золото как откуп от полного уничтожения их имущества.

К северу от Суффолка, в графстве Норфолк, массовым выступлением руководил не священник и не крестьянин, а преуспевающий ремесленник Джеффри Лит-стер, красильщик шерсти. Его помощником был Роджер Бэкон из Бэконторпа. Их люди первым делом захватили Норидж, а затем портовый город Грейт-Ярмут при поддержке местных. На западе графства отряд повстанцев захватил монастырь иоаннитов в торговом городе Уаттоне. Настоятеля заставили аннулировать все долговые обязательства и сверх того выдать денежную компенсацию за все прежние притеснения граждан.

Между тем вести о событиях в Лондоне и успешных операциях Джона Рава в Суффолке дошли до Кембриджа, где также поднялось восстание. Первым объектом восставших Кембриджа 14 июня стало поместье иоаннитов в Чиппенеме. На следующий день разгрому подверглись уже с десятков домов и усадеб по всему графству. Одновременно пошли слухи о том, что крепостное право отменено: некто по имени Адам Климм распространил приказ, согласно которому ни один из жителей графства, будь то дворовый или свободный селянин, не должен под страхом смерти исполнять распоряжения помещика и работать на него, если только на то не последует особого распоряжения Великого общества (*magna societas*). Главными врагами общества были названы сборщики податей, мировые судьи и монастырские власти. В числе последних жертвами налетов и грабежей пали обитатели Иклингтон, Или, Торни и поместье иоаннитов в Даксфорде, а также многие другие монастырские владения.

Особо следует сказать о ходе восстания в Йоркшире. Оно замечательно своим большим удалением от Лондона, а также, что кажется еще более важным, участием в беспорядках ремесленников и других слоев городского населения. Из-за этого некоторые исследователи вообще не причисляют его к крестьянскому восстанию, однако нельзя забывать о том, что главной силой и фундаментом восстания Тайлера служило самое тесное взаимодействие сельского и городского населения, что явно проявилось в Кембридже, Бери-Сент-Эдмундсе, Сент-Олбансе, не говоря уж о самом Лондоне. Между всеми очагами восстания существовала определенная взаимосвязь, а в событиях в Йорке, Скарборо и Беверли можно видеть особо высокую и продуманную организацию восстания.

Эти три йоркширских города расположены в точках, образующих равнобедренный треугольник со сторонами, равными приблизительно 40–50 милям – расстояние в те времена нешуточное. В понедельник 17 июня в Йорке уже знали о восстании в Лондоне, начавшемся за четыре дня до этого. Толпа разгромила монастыри доминиканцев, францисканцев, больницу Святого Леонарда и капеллу Святого Георгия.

Через несколько дней бывший мэр Йорка Джон де Гисберн появился в сопровождении нескольких вооруженных всадников у Йоркских сторожевых ворот Бутхэм-бар, они смяли стражу и присоединились к восставшим горожанам. Интересно, что компания де Гисберна приехала в одинаковой форме: на всех всадниках были белые шерстяные капюшоны. Такие же головные уборы одновременно появились на повстанцах в Беверли и Скарборо. До нас дошло подробное описание этих белых шерстяных колпаков с красной отделкой. Такие капюшоны были распространены в Средние века, они надежно закрывали голову и плечи в холодную погоду. Описываемые капюшоны отличались тем, что их верх заканчивался очень длинным конусом с декоративной красной вышивкой и кисточкой на конце. Таким образом, отличительной внешней особенностью, так сказать, униформой йоркширских мятежников стал белый капюшон с красной кисточкой на конце.

На изготовление такого длинного колпака уходит примерно шесть квадратных футов шерстяной ткани. В трех упомянутых городах, по слухам, в таких форменных колпаках ходили до полутора тысяч человек. На это понадобились примерно тысяча квадратных ярдов такой ткани и соответствующее количество материала для красных кисточек. Такое количество ткани и отделки стоит немалых денег; все это вы ткать, сшить и украсить за несколько дней в полной тайне невозможно. Джон де Гисберн откуда-то привез такое количество этих форменных головных уборов, чтобы раздать их своим сообщникам, и, скорее всего, изделие пришло из Беверли, где было развито ткачество и швейное дело. Сейчас невозможно сказать, откуда эти колпаки были доставлены в Скарборо, где их носили пятьсот человек, однако наличие униформы говорит не только о продуманной подготовке этих событий, но также и о том, что эта подготовка велась сразу в трех городах.

Общим для этих городов была и клятва верности в духе «один за всех и все за одного», какой обычно скрепляется тесный братский союз. Еще одним отличительным признаком восстания в Йоркшире была

группа объектов нападения заговорщиков. Туда входили религиозные центры, но лишь частично, а главной целью были владения правящей элиты городов, богатые купцы, составлявшие состоятельную верхушку общества, и совсем исключались мелкие торговцы и ремесленники.

Крестьянские восстания в Англии вспыхивали в разных местах и имели разные формы. Поэтому представляется важным остановиться еще на одном событии, вылившемся в нападение на монастырь бенедиктинцев Сент-Олбанс, бывший крупнейшим землевладельцем в графстве Хартфордшир.

Четырнадцатого июня, когда в Лондоне восставшие ворвались в Тауэр, в Сент-Олбанс прибыло несколько человек с распоряжением собрать в Сент-Олбансе и Барнете всех здоровых мужчин, которым было предложено вооружиться кто чем может и направиться посланцами в Лондон. Добравшись до столицы, люди из Сент-Олбанса поступили в распоряжение Джека Строу и собственноручно разрушили имение иоаннитов Хайбери. Это занятие им пришлось по душе, и они осуществили другие операции, возглавлявшиеся Строу. В Лондоне вожаки из Сент-Олбанса переговорили с Тайлером и выразили желание перенести свои действия в родной город. Тайлер проинструктировал их, каким образом они могут отвоевать свободу у монахов-бенедиктинцев, безраздельно господствовавших в Сент-Олбансе и во всей округе более двухсот лет.

Вернувшиеся из Лондона горожане Сент-Олбанса были радостно возбуждены; по приказу их предводителя Вильяма Грикобба на следующий день, в субботу 15 июня, собралась многотысячная толпа, которая дала клятву верности и честности в отношении братьев по оружию и двинулась к монастырю. Прежде всего мятежники потребовали освободить всех заключенных монастырской тюрьмы. Затем из Лондона прискакал остававшийся в столице горожанин по имени Ричард из Уоллингфорда, состоятельный арендатор на монастырской земле. Он привез послание от короля, в котором говорилось о восстановлении старых прав крестьян на выпас скота, охоту, рыболовство и личную свободу.

Ободренные радостной вестью повстанцы потребовали к себе аббата. Прочитав королевское послание, аббат затеял с мятежниками долгую дискуссию о том, что указанные в письме короля права очень древние и утратили силу много поколений назад. Тем временем за окном другие восставшие ломали ограды и ворота, крушили стены и громили монастырское имущество. Они спустили воду из рыбных прудов, поймали зайца и привязали его к шесту как символ отмены строгих правил охоты в частных владениях. Дискуссия все еще продолжалась, когда пришло известие о гибели Уота Тайлера. Аббат понял, что дело выиграно: войска Тайлера можно уже не опасаться, а королевские войска придут сюда наверняка. Повстанцы сразу пошли на попятную и даже согласились внести двести фунтов, компенсируя нанесенный монастырю ущерб.

Аббат оказался прав. Королевское войско было уже в пути, и с ним ехал новый главный судья Роберт Тресиллиан. Он жаждал крови. С ним пришел новый королевский указ, согласно которому выданные крестьянам вольные аннулировались и теряли силу. 18 июня все шерифы на местах получили распоряжение покончить у себя со всеми бунтовщиками, а рыцарям и аристократам предписывалось им в этом всемерно содействовать. Шок и растерянность в правительственных кругах полностью прошли, войска двинулись разгонять восставших и ловить зачинщиков. Настало время отмщения.

Глава 3

«Будь то за дело или из ненависти»

«Пришло время, и король теперь мог наказать преступников, – писал монах-летописец Генри Найтон. – Судья лорд Роберт Тресиллиан, назначенный на место убитого повстанцами главного судьи сэра Джона Кавендиша, указом короля был направлен провести расследование и наказать всех, кто нарушал мир и покой в королевстве. Кого бы ни обвиняли перед ним за участие в бунте, будь то за дело или из ненависти, тут же отдавал в руки палачей».

Священник Джон Болл был задержан в Ковентри и 12 июля доставлен в Сент-Олбанс к судье Тресиллиану. Суд должен был состояться на следующий день. Болл не пытался отрицать свою вину, ни в чем не раскаивался и признал авторство писем, написанных им. Тресиллиан назначил ему полный набор наказаний и приговорил повесить, протащить по городу, выпотрошить, отрубить голову и четвертовать.

Вильям Гриндкоб, главный бунтовщик Сент-Олбанса, был отпущен на поруки, поскольку своим авторитетом пытался успокоить людей. Однако он поступил вопреки здравому смыслу. В приписываемом ему обращении говорится: «Друзья мои, кто после многовекового угнетения отвоевал себе краткий миг дышать свободно, держитесь мужественно, сколько хватит вам сил, и не думайте обо мне и о том, какие страдания мне уготованы. Если мне дано погибнуть за свободу, вами завоеванную, я буду счастлив кончить жизнь мучеником». Он был повешен.

Шестнадцатого июля было объявлено о созыве парламента, первое заседание состоялось только 4 ноября 1381 г. Все, чем могли потешить себя парламентарии, собравшиеся на сессию, это чувство удовлетворения от обращения к ним короля и королевского совета, которое возвестил им спикер Хью Сигрейв: «Наш король и повелитель, храни его Всевышний, в своем присутствии здесь, повелел мне

сделать вам следующее заявление. Прежде всего, наш король желает, чтобы свобода Святой Церкви блюлась строго и непорочно, а благосостояние, мир и доброе правление королевства поддерживались и хранились так, как это было в лучшие годы наших предшественников, королей Англии; когда же в ведении дел обнаружится какой-либо беспорядок, он должен быть исправлен по совету прелатов и лордов настоящего парламента».

Парламентские протоколы совершенно ясно указали виновных в произошедших беспорядках: «Время от времени и бедняки были смущаемы и совращаемы как нерадивыми слугами двора и наместниками, так и теми, кто не платил людям за съестные припасы и тягло, у них взятое, а также несправедливыми поборами и налогами на них, кои вызывали великое возмущение... Беднейшее население пережило небывалое ранее притеснение, что и толкнуло на восстание и деяния, совершенные во множестве во время того бунта». Далее следует предупреждение королю и Государственному совету: «Если не принять скорых и соответствующих мер против актов насилия и злодеяний, нам надо ожидать еще больших горестей и несчастий».

Исходя из сказанного, парламент выступил с предложением, направленным на исправление ошибок и просчетов прошлых лет: больше прислушиваться к мнению центральных правительственных органов и более тщательно и строго отбирать лиц для работы в правительстве. Голос парламента был услышан, и ряд перестановок на ключевых постах был осуществлен. Подушный налог был отменен, и больше не делалось попыток придумывать новые временные налоги. Никаких свидетельств о том, чтобы кто-то из рядовых членов парламента пострадал лично или материально, не существует. Так что по крайней мере для этой группы подданных короля крестьянское восстание обернулось полным успехом. Парламентарии получили, чего добивались. Не лишены основания кажется предположение, что некоторые члены парламента состояли членами тайного Великого общества, планировавшего и направлявшего отдельные этапы восстания.

Законодатели не радели о чаяниях других, но собственные позиции в результате восстания они укрепили. Когда советник короля спросил парламента, желает ли он отмены крепостничества и поземельной ренты, ответом было решительное «нет». Такой же отрицательный ответ получил новый архиепископ Кентерберийский Вильям Куртени, предложивший парламента ввести более строгое определение ереси и наказание за нее.

Для облегчения участи повстанцев парламента рекомендовал объявить всеобщую амнистию, за исключением особо опасных преступников и жителей ряда городов: Кентербери, Бери-Сент-Эдмундс, Бриджуотер, Кембридж, Беверли и Скарборо. Однако из всего списка не подпадавших под амнистию скоро остался один Бери-Сент-Эдмундс, на жителей которого был наложен штраф в размере двух тысяч марок. Что касается отдельных лиц, то амнистия не распространялась на непосредственных участников убийства архиепископа Кентерберийского, настоятеля аббатства иоаннитов и главного судьи Кавендиша.

Всеобщая амнистия положила конец юридическому возмездию. Надо сказать, что «кровавые трибуналы» главного судьи Тресиллиана казнили не более 120 человек – меньше, чем повстанцы убили за один-единственный день и в одном только Лондоне. Вожди повстанцев, арестованные в ходе расследования или уже находящиеся в заключении, не все и не сразу были отправлены на эшафот или забиты в колодки, у многих нашлись заступники и адвокаты. Первый заместитель Литстера Роджер Бэкон, на кого амнистия не распространялась, был все-таки помилован, как говорили, стараниями будущей жены короля Ричарда Анны Богемской. Атаман Ипсвича Томас Сампсон провел в тюрьме восемнадцать месяцев, а потом был отпущен на свободу. Вожак восставших из Сомерсета Томас Энгилби был арестован и закован в цепи, но вышел на свободу через пару месяцев. Вина Томаса Фарндона была доказана полностью: он был главой восстания в Лондоне и непосредственно руководил нападением на имение иоаннитов в Хайбери. Попав в список тех, на кого амнистия не распространялась, и он был помилован в марте 1382 г.

Любопытна история Джона Аведина из Эссекса. Его судили и признали «главарем указанных бунтарских злодеяний», виновным в «покушении на самого короля в Лондоне». Он также не подлежал общей амнистии, но 16 марта 1383 г. он был полностью помилован *по ходатайству графа Оксфордского*. Если принять во внимание, кто добивался этих помилований и в чьих руках находилось исполнение вынесенных судом наказаний, нетрудно догадаться также об истинных организаторах и руководителях этого восстания.

Одновременно с парламентскими слушаниями шли расследования и допросы. Допросы, проведенные лондонскими шерифами 4 и 20 ноября 1381 г., показали со всей очевидностью, что поход восставших на Лондон происходил не стихийно, наподобие переселения мышей, а осуществлялся организованно, по замыслу и плану, заданным из Лондона. Так, в протоколе допросов 4 ноября указывается: «Таким образом, ряд свидетелей под присягой показали, что некто по имени Адам атте Велле, бывший мясник... ныне поставщик съестных припасов ко двору герцога Ланкастерского, за четырнадцать дней до прихода повстанцев в Лондон совершал поездку в Эссекс и там призывал и уговаривал население идти в Лондон и многое сулил им за это».

Аналогичное обвинение было выдвинуто в результате расследования действий Джона Хорна, главы гильдии лондонских рыботорговцев. В составе трех делегатов он был направлен мэром Лондона для переговоров с заговорщиками Кента, чтобы выяснить их силы и склонить их отказаться от похода на Лондон. Однако Хорн поступил наоборот. Он встретился с кентскими людьми без сопровождавших его делегатов, по-видимому договорившись о том, что они выступят вместе со всеми. После этих переговоров повстанцы Кента двинулись на Саут-верк в южном районе Лондона и разгромили долговую тюрьму Маршалси. Хорн также вручил повстанцам королевское знамя, хранившееся в зале гильдии.

Глава другой лондонской гильдии рыботорговцев Уолтер Сибил обвинялся как соучастник Хорна. Район ответственности Сибила включал в себя Лондонский мост. Его обвиняли в том, что вопреки указанию мэра закрыть ворота и поднять мост, а также разогнать толпы, собиравшиеся на северном берегу, чтобы не дать им возможность перейти на другую сторону, он сделал все так, что повстанцы беспрепятственно прошли мост.

Другие материалы расследований, не связанные с допросами видных горожан и чиновников и несущие более достоверную информацию, рисуют примерно такую же картину. В некоторых документах идет речь о лондонских ремесленниках, покидавших город с целью посещения родных мест, где они уговаривали знакомых и близких принять участие в восстании. Некоторые из осужденных на допросах показали, что были агентами и посыльными Великого общества и передавали распоряжения от имени этого общества. К сожалению, нет ни одного письменного свидетельства, которое говорило бы о малейшем желании следователей, шерифов или судей узнать хотя бы что-нибудь о Великом обществе. Это обстоятельство привело некоторых историков к убеждению, что такой организации не существовало вовсе. Однако многие ученые считают, что за восстанием 1381 г. определенно стояло некое сплоченное общество, но, утверждая это, мы, по всей вероятности, так никогда и не сможем сказать, каков был его характер: вокруг него слишком много тайн и вымыслов. Однако, если повнимательнее присмотреться к некоторым загадкам, можно прийти к выводу, что разгадка их не безнадежна и когда-нибудь тайна закулисного руководства восстания все-таки будет разгадана.

Глава 4

«Первыми и прежде всего... уничтожить иоаннитов»

Главные вымыслы и небывлицы в истории Англии касаются короля Ричарда II. Когда в 1376 г. умер легендарный Черный принц, Эдуард III объявил наследником английского престола его сына Ричарда, своего внука. На следующий год Эдуард III умер, и на трон взошел десятилетний отрок-король. К нему был приставлен избранный совет регентов в составе двух епископов, двух графов, двух баронов, двух баронетов, двух молодых рыцарей-вассалов и одного адвоката. Они должны были править страной и воспитывать юного короля. В период его малолетства совет регентов переизбирался каждый год. Никаких сведений об этом всесильном совете в период восстаний 1381 г. не имеется. Зато король в летописях предстает как единственный властитель и самодержец. Все это полная чепуха, потому что Ричард не только не имел тогда власти, но и не был мальчиком-героем, каким его рисуют викторианские сказки.

Один его современник, чье имя история не сохранила и который известен нам лишь как монах из Ившема, оставил описание Ричарда, где присутствуют такие слова и выражения: «заносчивый... жадный... робок – и неудачлив в военных действиях... ночами напролет предавался пьянству и другим излишествам, называть которые просто неловко». Для нас же важнее всего такая его характеристика: «в разговоре был груб и сильно заикался». Ричард так боялся своих советчиков-регентов, что лишь в 23 года собрался с духом и заявил, что достаточно вырос и ему пора стать королем. И вот он-то, как уверяют летописцы, обладал поразительной храбростью и авторитетом в четырнадцать лет! Нас уверяют, что он сумел усмирить толпу восставших, когда был предательски сражен их лидер, и овладеть ситуацией, твердо заявив, что сам лично становится их вождем и защитником. Он якобы отдал приказ устроить встречу с бунтовщиками на Майленде, чтобы вывести восставших из города. Он лично командовал карательными войсками в Эссексе. Он же решил помиловать бунтовщиков. Получается, что правящий совет регентов не играл никакой роли, не располагал никакой властью и не принимал никаких решений.

Все это мало похоже на правду. Дошедшие до нас свидетельства «исторических событий» – это показания противников и жертв восстания, а также записи людей, надеявшихся продвинуться по службе, а потому всячески угождавших монархии. Те же, кто действительно действовал за кулисами, сознательно отдавали лавры победителя юному королю.

Так что же происходило за кулисами? Возьмем встречу с восставшими на Майленде. Действительно ли тогда предполагалось выманить восставших из Лондона? Если да, то замысел не удался, потому что весьма значительная группа повстанцев осталась в городе и это были главари – Тайлер, Болл и Строу. У них на уме было что-то поважнее, нежели встретиться с королем и обсудить свои жалобы. Вместо того чтобы пойти на эту встречу, они захватили Тауэр. Можно с полным основанием утверждать, что встреча на Майленде была задумана вовсе не для того, чтобы выманить повстанцев из города, а чтобы выманить

короля из Тауэра. И главным аргументом в этом утверждении служит то, что архиепископ Кентерберийский и аббат иоаннитов не отправились вместе с королем, а остались, казалось бы, в самом безопасном месте. Кто-то посоветовал им не ездить с королем или просто приказал оставаться на месте. Архиепископа освободили от обязанностей лорда-канцлера, это ему давало возможность бежать водным путем из крепости. Но почему остался Роберт Хейлз? Он был не просто руководителем воинственного монашеского Ордена иоаннитов, это был выдающийся военачальник и мужественный боец. В 1365 г., будучи королевским уполномоченным в Игле, он осуществил одну из самых успешных кампаний крестоносцев иоаннитов-госпитальеров, получил прозвище Герой Александрии, в битве за которую он вышел победителем и истребил двадцать тысяч мусульман. Это был самый опытный и заслуженный воин королевского двора. Он был достоин не только служить телохранителем короля, но и командовать его гвардией. Так почему он позволил своему королю в одиночку отправиться на встречу с кровожадными бунтарями и предпочел остаться за прочными стенами неприступной крепости? Во всем этом чувствуется рука режиссера, причем режиссера умелого.

Такое предположение не покажется слишком нелепым, если обратиться к эпизоду проникновения повстанцев в Тауэр. Две сотни солдат могли бы удерживать крепость недели, а то и долгие месяцы против толпы, не имевшей ни осадных орудий, ни мощных баллист, особенно если бы осажденными командовал такой военачальник, как Хейлз. Но Тайлеру не понадобилось штурмовать крепость: кто-то позаботился о том, чтобы подъемный мост был опущен, ворота открыты, а решетка поднята. В летописях нет ни слова о бое у ворот крепости или каком-либо сопротивлении ее гарнизона. И никто из следователей даже не подумал выяснить, каким образом была достигнута столь выдающаяся батальная победа.

Загадкой остается и то, зачем Тайлеру понадобилось прежде всего овладеть Тауэром. Во всяком военном действии захват главного оплота противника служит кульминацией всего процесса. Победитель немедленно располагает во взятой крепости свой штаб и делает ее главным опорным пунктом, откуда ведет действия по всей округе. Все это явно не входило в планы Тайлера. Когда там казнили кого надо, Тауэр ему стал больше не нужен. Уходя, он сказал гарнизонным служакам, что теперь они могут запереть ворота и поднять мосты. Целью Тайлера был не Тауэр, а смерть нескольких человек, находившихся в нем.

После завершения встречи на Майленде король отправился не в Тауэр, а в свой опочивальный дворец (там находился его штаб, а не место отдыха). Это было солидное здание, но назвать его крепостью никак нельзя. Поскольку он полностью находился в руках регентского совета, руководил действиями не он, а командовали им самим; его передвижения и сопровождение назначались не им, а другими. Если учесть, сколько раз он предстал лично перед восставшими, а это случалось трижды – на Майленде, у Вестминстерского аббатства и на Смитфилде, не считая торжественных выездов на лондонские улицы, – влиятельным лицам в его окружении, очевидно, было доподлинно известно, что король будет под защитой не только своей свиты, но и лидеров восстания.

Короче говоря, с королем обошлись очень ловко и умело. Приписываемые ему слова, конечно, взяты из выступлений тех, кто говорил от его имени. Летописцы совершенно упустили из внимания тот факт, что в 1381 г. Ричард еще не был полноправным монархом. Им управляли, ведь ему указывали, что и как надо делать, еще много лет спустя, когда он уже достиг возраста, когда по закону мог взять в руки всю полноту власти. Все сообщения о его геройстве в общении с восставшими были льстивыми реляциями, и вместе с тем они ясно указывают на тесное сотрудничество между руководителями восстания и одним или несколькими влиятельными лицами королевского окружения.

Странное взаимодействие представителей «враждебных» лагерей с подавлением восстания отнюдь не кончилось. Когда в ноябре и декабре 1381 г. парламент убедили в необходимости общей амнистии, он все же настоял, чтобы эта амнистия не распространялась на жителей Кембриджа, Кентербери, Бриджуотера, Беверли и Бери-Сент-Эдмундса. Церковные власти особенно добивались сурового возмездия за разгром своих центров в Кентербери и Кембридже. И тем не менее распоряжением «от самого короля» постановление парламента было пересмотрено и все города, кроме Бери-Сент-Эдмундса, были помилованы.

Что касается тех руководителей восстания, на которых амнистия не распространялась, то мы видели, что по ходатайству таких высокопоставленных особ, как герцог Оксфордский, ряд включенных в этот список лиц получили королевское помилование.

Судьба тех 287 человек, поименно названных преступниками, к которым не может быть никакого снисхождения в рамках общей амнистии, тоже представляет загадку. Те, кого не успели арестовать и посадить за решетку, просто-напросто исчезли. Весьма показательны в этом отношении истории Ричарда де Мидлтона, Томаса Уайта и Генри де Ньюарка из Беверли. Распоряжением Вестминстера от 10 декабря 1381 г. эта троица должна была быть арестована и допрошена в связи с событиями в Беверли. Ответ городских властей на предписание королевского суда гласил: «Болезнь того, сообщалось, что бывший цеховой мастер Ричард де Мидлтон, кровельщик Томас Уайт и бывший камергер Генри де Ньюарк находились на свободе, и по получении предписания суда найдены не были: посему предписание насчет указанных лиц выполнено быть не может». Скрывшихся от следствия и суда были сотни. Бежал ли

каждый самостоятельно или им в этом была оказана помощь?

Любопытным моментом в этом массовом исчезновении служит то, что оно сильно напоминает такое же массовое исчезновение рыцарей-тамплиеров 70 лет назад. В обоих случаях налицо вынесенные приговоры, преступники, которых разыскивают церковные и гражданские власти, а также наличие тайных источников снабжения, питания, размещения, новых документов и надежных мест постоянного проживания. Было бы настоящим чудом, если бы они безо всякой помощи нашли десятки отдельных и не связанных друг с другом источников финансовой помощи со стороны людей, готовых отвечать головой за их укрытие. Однако, если Великое общество, связанное клятвой взаимопомощи и выручки, действительно существовало, его главной функцией как раз и было бы всяческое содействие своим братьям в бегстве и надежном укрытии. Заметим, что нет сведений о том, что хоть кто-то из осужденных за участие в этом восстании был арестован. А потому логично предположить, что всем им кем-то, где-то и как-то была оказана помощь.

Между тем Церковь, казалось, утратила всякий интерес к произошедшему и вела себя так, будто никакого восстания и не было. Новый архиепископ Кентерберийский Вильям Кортни не стал преследовать повстанцев. Вместо этого он обрушился на оксфордского ученого и священника Уиклифа и его последователей. Кортни не стал требовать от парламента активизировать поиск и наказание лидеров восстания, расхитивших церковную собственность и убивших его предшественника. Чего он настоятельно требовал – это ужесточения законов по выявлению и искоренению ереси. Современные историки считают, что Джон Уиклиф и его критика Церкви не имели прямого отношения к восстанию Тайлера. Архиепископ Кентерберийский с ними, похоже, не был согласен. Уиклиф умер в 1382 г., и до самой смерти он воевал с Церковью, добиваясь ее самоочищения путем отмены таинств и доктрин, чуждых Священному Писанию. Однако идеи и проповеди Уиклифа оставались в памяти людей, так что через 35 лет после смерти Уиклифа его останки были извлечены церковниками из могилы и преданы сожжению за ересь.

Мы уже видели, во что выливается агитация и руководство восставшими, осуществляемое представителями низших слоев духовенства, и прежде всего сельскими священнослужителями, какими были Джон Болл, Джон Рав и их последователи. Их главный удар был направлен против богатых монастырей и крепостного права. То, что увидел и почувствовал архиепископ Кентерберийский в охвативших Англию восстаниях мужиков и мелких торговцев, представлялось ему куда более значительным и опасным. Он опасался не за престол английского короля, его беспокоила судьба Святого Престола в Риме, который уже сотрясился от антицерковных выступлений в Англии, пока все не рухнуло в процессе Протестантской реформации.

Самой большой тайной крестьянского восстания 1381 г. остается, конечно, стоявшая за ним организация. Многие историки сходятся во мнении, что события на обширной территории Англии были специально организованы и спланированы. Но что это была за организация, откуда она появилась, никого почему-то не интересовало. Создавалась ли она специально для этого восстания или она уже существовала до 1381 г.? Прекратила ли она свою деятельность после завершения восстания или в каком-то виде сохранилась и продолжала оказывать влияние на религиозные и общественные волнения в Англии и в последующие годы? Была ли это единая организация или временные неформальные объединения спешно собиравшихся и так же быстро распадавшихся групп?

Возьмем для примера выдержку из королевского циркуляра от 23 июля 1381 г. шерифам и бейлифам относительно административного подразделения графства Честер, названного «сотня Уиррала», в 150 милях от Лондона: «От верных людей нам стало известно, что в районе вашей ответственности происходят встречи подневольных людей нашего возлюбленного во Христе аббата Честера; эти люди тайно собираются на совещания в лесу и других скрытых местах указанной сотней. Они проводят тайные собрания вопреки нашим недавним указаниям на этот счет». Даже в такой относительно удаленной от центра местности проведение «секретных сборищ» требовало известных мер планирования и организации: нужно было выбрать место, тайно оповестить всех участников о месте и времени встречи: требовалась тщательная проверка участников на предмет надежности, иначе мероприятие могло провалиться: каждый доверял товарищу собственную жизнь и свое достояние. Собрание охранялось часовыми и наблюдателями, чтобы предупредить группу в случае приближения представителей властей или просто посторонних, которые могли выдать заговорщиков из невинного желанья рассказать о странном скоплении людей в необычном месте и в неурочное время.

Без сомнения, организация такого тайного собрания даже в отдаленной местности требует немалых усилий. Если же говорить об организации мероприятий национального масштаба, то речь может идти об огромной организационной и плановой работе в одной только области информации и оповещения. Если участников встречи оповещают ходоки, то на сбор потребуется целая вечность. Если посыльные разъезжаются верхом, то вряд ли это «крестьянское» общество.

Другая проблема – проверка посыльных. Как узнать, что посыльный не шпион и не предатель? Обычно в таких случаях используются особые жесты, условленные предметы одежды или украшения, вопросы и ответы. (Мы позднее узнаем, как видный шотландский конспиратор был опознан и арестован,

когда агент полиции незаметно переложил на столе в таверне буханку хлеба.) Важным компонентом всех этих методов опознания и установления связи должно быть твердое знание сигналов и знаков каждой участвующей в тайном общении стороной. Тут нужен строгий стандарт, а это, в свою очередь, требует персонального руководства, чтобы такой стандарт ввести. Все обстоятельства рассматриваемого дела говорят за то, что руководящий орган или комитет гипотетического Великого общества, скорее всего, располагался в Лондоне.

Означает ли это, что большинство индивидуальных членов концентрировалось главным образом только вокруг лондонского центра? Возможности передвижений по стране в те времена были весьма ограничены, так что, скорее всего, организация создавалась в достаточно узком кругу людей. Еще более существенным является то, что контакты людей или члены такой группы ограничивались кругом лиц, обладающих влиянием в той или иной области. Организация похода на Лондон ста тысяч людей, настроенных действовать в нарушение закона, не могла осуществиться без тщательного планирования и сверхсекретной системы управления, обеспечившей одновременное начало движения, притом в условиях, когда средства связи были самые примитивные. Такой характер организационных действий один социолог-антрополог назвал «фазой военного танца». Это краткий период, когда предпринимаются действия с целью скоординировать определенную информацию (или дезинформацию) пропагандистского характера, что позволяет создать группу фанатиков, которая, в свою очередь, внушает значительно большей группе людей агрессивное настроение и даже готовность убивать. В наше время «военный танец», провоцирующий людей на революционное выступление или мобилирующий на военные действия, – это быстрая реализация мультимедийными средствами некоей схемы с помощью газет, радио, телевидения и специалистов-консультантов. В XIV в. ничего подобного не существовало: коммуникации были исключительно местного характера и в обществе сплошной неграмотности осуществлялись только на словах, из уст в уста. Единственным средством массовой информации была церковная кафедра, и недовольные существующими порядками и своим положением представители низшего духовенства, такие как Джон Болл и его единомышленники, сыграли существенную роль в раздувании народного недовольства, пользуясь тремя средневековыми центрами формирования массового сознания – храмом, таверной и рыночной площадью.

Из всего этого совсем не следует, что крестьянский бунт Тайлера «создал» Великое общество. Каким бы сильным оно ни было, не оно принесло в страну «черную смерть». Не оно заставило Церковь решительно возражать против освобождения людей, работавших на земле. Революционеры редко прибегают к злодеяниям, чтобы вызвать революцию, они скорее умело манипулируют обстоятельствами, стараясь направить настроение людей в нужное русло, акцентируют обвинения, предлагают свои решения и выходы из тяжелой ситуации, короче говоря, доводят кипящий котел до состояния взрыва. Их цель – перековать страдания и отчаяние людей в ненависть, придать ненависти действенную силу, составить план и организовать руководство, чтобы сила ненависти стала действием, управляемым ими. Новейшая история знает немало случаев эффективной реализации такой схемы. К сожалению, Уот Тайлер был сражен раньше, чем успел ясно высказать свои требования, так что нам уже не удастся точно указать истинные цели Великого общества и его руководителей.

Прежде чем двинуться дальше, нам предстоит сделать одно уточнение. Нигде нет никаких указаний на то, что когда-либо существовало так называемое Великое общество. Упоминалось, что это большая, солидная организация, но никто не открыл ее истинного названия. А говорить и даже думать о какой-то группе людей без имени и звания дело довольно трудное. Скажем, итальянская группировка американской организованной преступности, состоящая по большей части из неаполитанцев и выходцев с Карибских островов, строго говоря, не могла называться мафией, потому что мафия представляет собой чисто сицилийский феномен. Когда же при прослушивании тайных переговоров всплыло итальянское название этого преступного объединения «Наше дело» (по-итальянски *коза ностра*), пресса ухватилась за это выражение, которым удалось заполнить вакантное понятие, и оно вошло в употребление. Точно так же и мы вынуждены использовать название «Великое общество», понимая, что это не настоящее название организации, пока мы не узнаем, как же она именовалась в действительности.

Следов от Великого общества осталось совсем мало, и где искать его подлинное название, неизвестно. Тайные общества средневековой Англии своих официальных архивов не оставили. Исключением было только движение лоллардов, последователей учения ересиарха (основателя еретической школы) священника Джона Уиклифа, распространявшего свои взгляды как до, так и после крестьянского восстания. Некоторые считают Джона Болла последователем Уиклифа, но проповеди Болла предшествовали появлению лоллардов. В опубликованной исповеди Дж. Болла упоминается о существовании «секретного братства» последователей Уиклифа, ходивших по всей Англии с проповедями его учения. Однако историки считают, что это документ более позднего происхождения, а не признания, вырванные у Болла палачами. Заметим, что лолларды впоследствии действительно были загнаны в подполье и пару столетий существовали как тайные ячейки по всей Англии. Однако подробных и ясных сведений и об этих ячейках не сохранилось.

В Англии существовало еще одно хорошо известное тайное общество: Древний орден вольных каменщиков (масонов). Но никаких документальных свидетельств об активной деятельности масонов во время восстания Тайлера не существует (хотя нет и опровергающих это данных). Масонские публицисты, начавшие превозносить до небес доблести своего братства после его явления миру в 1717 г., довольно несдержаны в своих фантазиях. Они поочередно причисляют к членам масонских лож и Великим Мастерам Адама, Ноя, Пифагора, Ахилла и Юлия Цезаря, утверждая, что масоны существуют «с незапамятных времен». Более умеренные авторы не касаются сотворения мира и Всемирного потопа, считая первым Великим Мастером масонства царя Соломона, а его храм – первой масонской ложей. Со временем историки масонства стали склоняться к тому, чтобы приблизить свои изыскания к более поздним временам, и обратились к средневековым гильдиям каменотесов и строителей, ставшим ныне самым распространенным вариантом объяснения происхождения масонского братства.

Первым указанием на связь масонов с крестьянским восстанием служит имя его предводителя Уолтера Тайлера. Он ворвался в английскую историю своим загадочным и безальтернативным избранием на роль главнокомандующего крестьянской революцией в пятницу 7 июня 1381 г. и также молниеносно исчез с ее страниц, когда его голова скатилась с плеч через восемь дней – в субботу 15 июня. Кем и чем он был до этих восьми дней, совершенно неизвестно. Одно это наводит на мысль, что имя, под которым его знают, не было настоящим. Историки считают, что прозвище Уолтера связано с профессией кровельщика, что буквально означает слово «тайлер», но эта профессия никак не объясняет ни его очевидный военный опыт, ни несомненный талант общественного лидера. Но если его имя – это псевдоним, то почему он выбрал именно такой? Сами масоны находят этому простое объяснение: тайлером у них называется часовой, почетный пристав и администратор масонской ложи. Он проверяет личность посетителей ложи, отвечает за безопасность проведения собраний и стоит в дверях ложи с палашом на плече. Если Великое общество и состоит в каком-то родстве с масонством, то «тайлер» – единственный термин из масонского словаря, связанный с военным руководителем, который вооружен и следит за дисциплиной. Но все согласны с тем, что связь эта весьма зыбкая.

Другим подтверждением связи масонов с Великим обществом, впрочем столь же малоубедительным, служит хорошо организованное выступление дружин в графстве Йоркшир и особенно в Йорке. Заметим, что, когда четыре лондонские масонские ложи публично заявили о себе 24 июня 1717 г., в день Иоанна Крестителя, масоны Йорка были предельно возмущены как самовольным решением лондонских масонов сбросить завесу секретности, так и их претензией на главенство над всеми остальными ложами Англии. Ложа Йорка считает себя старейшей, зародившейся еще в VII в. и построившей Йоркский собор. Она до сих пор занимает высокое положение в масонском движении, особенно в Соединенных Штатах, где за ней закреплена слава самой чистой и древней ложи.

Еще одна туманная связь масонства с восстанием Тайлера отмечается в неукротимой тяге к свободе, к стремлению положить конец крепостничеству и земельной ренте. Одной из древнейших нравственных вех масонства считается девиз: «Масон должен быть свободным мужчиной, рожденным от свободной женщины». Если адвокат говорит, что считавшийся масоном человек не является свободным, тот обязан снять с себя звание масона. Как известно, с конца XV в. в Англии не существует крепостного права, и все ее жители юридически свободны. А потому требование обязательной личной свободы для масона прямо указывает на то, что масонство значительно старше даты 1717 г., когда движение официально заявило о своем существовании. Однако все это никак не может служить доказательством, что масонство каким-то образом связано с Великим обществом или является его наследником. Более прямые и серьезные свидетельства говорят о родстве масонства с другой организацией, имеющей документальное подтверждение своего существования до крестьянского восстания, но считающейся впоследствии исчезнувшей.

Самым первым свидетельством этой связи служит особая ярость восставших против Ордена иоаннитов и убийство его настоятеля Роберта Хейлза. Рассмотрим дело Джорджа де Доннесби (Дансби) из графства Линкольншир. Его арестовали в двухстах милях от дома, и он признался, что был вестником Великого общества. Можно ли считать случайным совпадением, что его земляки в Дансби восстали против владевшего землей Ордена иоаннитов и отказались платить десятину? Можно привести другой пример: разорение только что созданного имения иоаннитов в Хайбери. В самый разгар лондонского буйства среди сокровищ церковной собственности, на которую обрушилась разрушительная ярость восставших, Уот Тайлер послал своих главных помощников с группой повстанцев на особое задание за пределы Лондона. Им нужно было прошагать шесть миль, чтобы снести с лица земли недвижимую собственность иоаннитов в Хайбери, а затем вернуться обратно. В Кембридже члены городского совета с одобрения мэра города вместе с повстанцами направились к поместью иоаннитов в Шингее, сожгли его и затем снова вернулись в город, чтобы разгромить университет. Зачем понадобилось джентри Кембриджа мотаться за десять миль в Шингей, чтобы посмотреть, как бунтовщики громят и жгут поместье иоаннитов? Или они поехали туда, чтобы провести операцию совместно с взбунтовавшимся народом, потому что уничтожение имения иоаннитов имело для них особо важное значение?

В Лондоне искали и уничтожали всю собственность Ордена иоаннитов, за исключением их главного монастыря Святого Иоанна в Клеркенвелле и главного собора в районе между Флит-стрит и Темзой. Летописцы отмечают, что повстанцы не пощадили ни одного строения, ни одного арендованного здания иоаннитов. Все это делалось с помощью жителей Лондона, которые не просто указывали на владения иоаннитов, а прямо вели громил к этим объектам: в те времена улицы не имели официальных названий, а дома – номеров. Повстанцы разгромили даже две кузницы на Флит-стрит, переданные иоаннитам от разогнанного Ордена тамплиеров. На тесную связь тех, кто громил иоаннитов, с лондонскими властями указывает хотя бы такой факт: двадцать лет Орден иоаннитов добивался разрешения восстановить те две несчастные кузницы, но влиятельные жители Лондона так и не позволили им сделать это.

Теперь вспомним о своеобразной униформе повстанцев Йорка, Скарборо и Беверли. Хорошо организованные группы, будучи не сельскими жителями, а благополучными горожанами, выступили в белых длинных колпаках с красной отделкой. В одном Беверли таких головных уборов насчитывалось около пятисот. Конечно, это могло быть чистой случайностью, но бело-красные колпаки соответствовали геральдическим цветам Ордена тамплиеров – красный крест на белом фоне.

Когда думаешь над всей этой историей, в памяти всплывает фраза, оброненная на предсмертной исповеди Джека Строу, бывшего правой рукой Уота Тайлера. По воспоминаниям Томаса Уолсингема, монаха сент-олбанского монастыря, Строу был арестован, доставлен в Лондон и приговорен там к смерти. Перед исполнением смертного приговора мэр Лондона обещал Строу похоронить его по-христиански и три года молиться за упокой его души, если тот откроет истинные цели восстания. Говорят, что на той исповеди Строу, в частности, сказал: «Когда мы собрали огромное множество простых людей со всей Англии, нам сразу пришло в голову, что всякого лорда, кто станет против нас или окажет сопротивление, мы будем убивать на месте. *А нашей первой и главной задачей будет уничтожение госпитальеров-иоаннитов*» (выделено мной. – Дж. Р.). Строу не объяснил причину особой ненависти к иоаннитам, и, видимо, никто его об этом не спросил. Итак, во главе восстания стояла организация, и главной ее целью было «уничтожение Ордена госпитальеров-иоаннитов». Что это была за организация, какая общественная группировка могла иметь своей целью тотальное уничтожение высокочтимого ордена монахов-воинов? Ответ существует только один: рыцари Ордена тамплиеров.

Этот орден был распущен папой Климентом V в 1312 г. после пяти лет безжалостных гонений, пыток и казней его послушников. Практически все имущество богатейшего в Англии монашеского братства было передано Ордену госпитальеров-иоаннитов. У тамплиеров были все основания ненавидеть папский престол и иоаннитов. Тамплиеры были готовы смести с лица земли все владения иоаннитов, растерзать их главного настоятеля Роберта Хейлза, но они не подняли руки на свой главный храм. Что касается Святого Престола, который бичевал их, распинал на дыбе и сжигал на кострах, то они были совершенно солидарны с восставшими крестьянами, которые отказывались от причастия, оскверняли алтари и отрубили голову архиепископу Кентерберийскому.

Особая сосредоточенность на разрушении собственности иоаннитов дополнялась невероятно яростным нападением на бенедиктинский монастырь в Бери-Сент-Эдмундсе под руководством священника-бунтаря Джона Рава, что на первый взгляд выпадало из общего курса восставших. Когда в конце концов состоялась общая амнистия восставших, пощады не дождалась только жители Бери-Сент-Эдмундса, где разыгрались особо кровавые события. Сначала мне казалось, что никакой связи между этими событиями и неким тайным обществом нет. Как не было видно и никакой связи с тамплиерами, пока не всплыли на поверхность свидетельства архивов этого аббатства. В документах зафиксированы сведения, послужившие основанием лютой ненависти тамплиеров, хотя и без прямого указания на иоаннитов.

Перевод оригинала «Летописи Бери-Сент-Эдмундса за 1212–1301 гг.» под редакцией Антони Грансден содержит серьезные обвинения против тамплиеров. Текст предельно ясен: «В канун и в день Вербного воскресенья состоялось сражение христиан с неверными между Акрой и Сафедом. Сначала восемь эмиров и восемнадцать колонн неверных были истреблены, однако потом победа перешла на сторону неверных, но обошлась им она весьма дорогой ценой. *Войско христиан было почти полностью истреблено из-за предательства тамплиеров*» (выделено мной. – Дж. Р.).

В другой летописи, датированной 1270 г., описывается нападение египетского войска на замок тамплиеров Сафед за четыре года до этого и совсем в другой трактовке. Султаном Египта в то время был жестокий и коварный монгольский воин Байбарс Рукд ад-Дин, убивший своего предшественника на троне. Когда его первые штурмы замка не удались, он предложил свободный выход и пощаду туркополовцам, местным жителям, составлявшим основную часть военного гарнизона. Те группами стали уходить из крепости и сдаваться врагу. Сильно ослабленный гарнизон тамплиеров послал сержанта, брата Льва, сирийца по происхождению, к Байбарсу для переговоров. Парламентер вернулся с обнадеживающим известием: тамплиерам будет позволено покинуть замок и спокойно пройти сквозь ряды неприятельских войск.

Тамплиеры еще плохо знали повадки своего врага и приняли это предложение.

Как только Байбарс овладел замком и тамплиеры оказались у него в руках, он предложил им выбор: погибнуть или перейти в мусульманскую веру, на что дал им ночь на размышление. Утром их вывели к воротам замка и стали ждать, какое они выскажут решение. Прежде чем кто-то успел сказать хоть слово, вперед вышел комендант крепости и сказал, что он скорее умрет, нежели откажется от христианской веры. Его тут же схватили, связали и на глазах братьев-тамплиеров с живого содрали кожу. Потрясенные криками и страданиями своего командира, тамплиеры все как один предпочли погибнуть, но не отказались от креста. Выбор был сделан, и Байбарс приказал всем отрубить головы.

Такова история сдачи противнику крепости Сафед и мученической гибели тамплиеров, что служило для каждого тамплиера предметом гордости и славы своих мужественных братьев-предшественников. Случилось так, что ко времени записи этих событий в летописи бенедиктинцев Бери-Сент-Эдмундса вся эта история была искажена и обрела совершенно иной смысл. Обвинение защитников Сафеда в предательстве святого дела приводила в ярость всякого тамплиера, когда тот слышал фальсифицированную историю. Притом в летописях Бери-Сент-Эдмундса это было не единственное обвинение тамплиеров.

Другое высказывание против тамплиеров было не просто обвинением, а скорее окончательным приговором за предательство: «Король Кипра Гуго Лузиньянский, его сын и другие члены семьи были отравлены рыцарями-тамплиерами».

Хорошо известно, что значительный период своего царствования король Кипра Гуго III был в натянутых отношениях с тамплиерами, отнимал у них владения и однажды обвинил в том, что они подговорили мусульман напасть на его лагерь. Гуго стремился к восстановлению своего владычества на континенте, добиваясь царствования в Иерусалиме. А тамплиеры, как известно, этому противились. Но факт отравления Гуго и его сына исторические документы не подтверждают. Гуго умер 4 марта 1284 г., а его старший сын Боэмунд – в ноябре предыдущего года. Наследовал трон его второй сын, болезненный и слабый Иоанн, от которого корона перешла к третьему сыну Гуго III – Генриху. Но в английском монастыре бенедиктинцев в Бери-Сент-Эдмундсе летописи содержали запись о том, что Гуго III, его сыновей и все остальное семейство отравили тамплиеры.

Здесь связь восстания с тамплиерами налицо: получи тамплиеры возможность отомстить бенедиктинцам в Бери-Сент-Эдмундсе, они ни в коем случае такой возможности не упустили бы. Так оно и произошло в дни крестьянского восстания.

Если руководители бунтовщиков и восставшие крестьяне руководствовались только стремлением тамплиеров к отмщению, то история могла бы и не признать восстание Тайлера неудачным. Однако трудно предположить, что Великое общество, приведшее в движение силы восставших, исходило только из мстительных побуждений монашеского ордена, ликвидированного за шестьдесят девять лет до этого. Двадцатилетнему рыцарю-тамплиеру в то время было бы уж под девяносто лет. Участие тамплиеров в восстании осуществлялось бы вторым или даже третьим поколением монахов ордена. Связь восстания 1381 г. с тамплиерами свидетельствует не о том, что Великое общество стремилось раздуть это восстание или воспользоваться им, а прежде всего о том, что это общество существовало втайне около семидесяти лет. Из чего это следует?

Совершенно очевидно, что после ликвидации ордена тамплиерам помогали какие-то группы или общества еще во время преследования их английским королем Эдуардом II, иначе не было бы такого множества людей, избежавших ареста и просто бесследно исчезнувших из поля зрения карательных органов. Королевский невод и содействовавшие королю религиозные ордены смогли выловить только двух скрывавшихся тамплиеров в Англии и одного в Шотландии. Кроме того, очень многие тамплиеры благополучно бежали из тюрем, что невозможно было совершить без помощи изнутри и снаружи застенков. Далее, аресты тамплиеров в Англии начались через три месяца после того, как они были объявлены во Франции. Это дало время подготовить надежные укрытия. Несомненно, стихийно создавалась некая система или организация помощи или взаимной выручки, а условия и моральные принципы способствовали тому, что эта система пережила всех непосредственных участников событий и продолжала существовать. Для этого нужна была общая цель, общая опасность и общий враг. Если корни Великого общества каким-то образом связаны с тамплиерами, то общие цели и тайные связи могли сполна проявиться во время событий восстания Уота Тайлера. Чтобы внимательнее присмотреться к развитию связей Ордена тамплиеров, следует обратиться к истории и деятельности этого воинственного монашеского ордена, возникшего в период Первого крестового похода.

Глава 5

Рыцари ордена тамплиеров

После года боев и сражений, отвоевав у неверных Никею и Антиохию, 7 июня 1099 г. участники Первого крестового похода добрались до стен Иерусалима.

При приближении крестоносцев египетский правитель Иерусалима приказал засыпать и отравить все

колодцы вокруг города, а всех лишних овец и коз угнать подальше в пустыню. Местных христиан заставили покинуть город. Это не было оказанной им милостью, а дополнительной хитростью: всеми средствами иерусалимские власти усложняли завоевателям получение воды и пищи. Среди изгнанных христиан был Жерар, хозяин приюта для паломников в Амалфи. Он сразу явился к руководителям похода и сообщил им важные сведения относительно оборонительных сооружений Иерусалима. Его осведомленность оказала большую услугу крестоносцам, и его помощь высоко оценили в их лагере.

Однако крестоносцы никак не могли предполагать, с какой жарой они столкнутся в Иерусалиме. Особенно невыносимой она была для человека, который должен носить под латами шерстяную блузу, а солнце целый день безжалостно раскаляет металлическое снаряжение и нет тени, куда можно было бы укрыться от его палящих лучей. Никто не предупредил крестоносцев, пришедших из покрытой лесами Европы, что в Святой земле нет деревьев, из которых можно было бы соорудить осадные орудия и штурмовые башни. Строительный лес пришлось доставлять из Самарии, а перенос каждого бревна требовал участия десятков пленных мусульман. Завоеватели никак не ожидали, что за питьевой водой для людей и животных придется отправляться за двенадцать миль. В довершение всего после шести недель всяческих мучений и отчаянных трудностей, усугубленных нехваткой воды и продовольствия, пришло известие, что на помощь осажденному Иерусалиму из Каира движется огромное египетское войско. Крестоносцев охватили отчаяние и паника.

Как бы в ответ на их молитвы один монах в сонном видении получил указания, как крестоносцы могут добиться победы. Прежде всего, они должны перестать грешить, отбросить пустые амбиции и прекратить ссоры. Далее им предписывалось истово молиться и блюсти трехдневный пост. На третий день они должны босыми смиренно обойти вокруг стены Святого города. При соблюдении всех этих условий Господь на девятый день дарует им победу над неверными. В видении монаха увидели знак, и вожди крестоносцев приказали войску выполнить требования Всевышнего. После двух дней поста все крестоносцы скинули обувь и начали двухмильный обход городской стены. Египетские защитники потешались и улюлюкали, глядя на крестоносцев с высоких крепостных стен, издевательски мочились сверху на кресты, несомые смиренно молящимися рыцарями.

Видение монаха придало новые силы осаждавшим, и они сумели соорудить три осадные башни. С их помощью группы рыцарей поднялись на крепостную стену, а затем, после кровопролитных боев, открыли изнутри ворота крепости, и главные силы крестоносцев хлынули в город. Как и было предсказано, на девятый день сражения Иерусалим был взят.

Разгоряченные сражением, обезумевшие от долгих лишений, опьяненные кровью, крестоносцы наводнили улицы; они врываются в дома, лавки, мечети и убивали кого ни попадя, и старого и малого. В донесении папе римскому сообщалось: «Если Вашему Преосвященству угодно знать, как мы обошлись в Иерусалиме с врагом, то у врат Соломоновых и в Храме столько необрушенных трупов сарацинов, что кони наших воинов ходят по колено в крови».

Гремучая смесь фанатичного благочестия, искреннего самопожертвования, дикой кровожадности и невероятной алчности, проявившаяся в эти первые дни, сопутствовала всей двухвековой драматической истории христианского царства на Востоке.

Знаменательные перемены Первый крестовый поход принес маленькой монашеской обители Амалфи, содержавшей приют для паломников. В благодарность за ценные сведения о египетских укреплениях, которые помогли достичь желанной победы, обитель щедро осыпала богатыми дарами и земельными владениями. С помощью новых христианских правителей монастырь был значительно расширен. В 1118 г. новый настоятель обители, французский аристократ, решил, что скромный приют слишком тесен, чтобы служить пристанищем рыцарей-крестоносцев, защитников Святой земли. Обитель стала называться Госпиталь Святого Иоанна Иерусалимского и обратилась к папе с просьбой дать ей устав монашеского ордена. Папа даровал такой устав. Со своим богатством и весом они скоро почувствовали, что переросли местного святого и в качестве нового покровителя избрали Иоанна Крестителя.

В тот же год в Иерусалиме был создан еще один монашеский орден, ставший соперником Госпиталию Иоанна Крестителя как по численности и богатству, так и по своему влиянию. Поддержка иерусалимским королем Балдуином I Ордена госпитальеров, как теперь стали называть монахов Ордена Иоанна Крестителя, побудила вассала графа Шампанского Гуго де Пейена предпринять аналогичный шаг. Когда на трон вступил король Балдуин II, Гуго де Пейен от имени группы из девяти рыцарей обратился к нему с просьбой учредить новый религиозный орден. При этом он дал клятву Иерусалимскому патриарху в том, что его члены будут пребывать в нищете, целомудрии и послушании. В отличие от госпитальеров, ведавших приютами и больницами, новый орден намеревался посвятить себя исключительно военной защите паломников на Святой земле. Такое разрешение рыцари получили и разместились в крыле царского дворца вблизи одного из примечательных мест Иерусалима: здесь некогда находилась мечеть аль-Акса, построенная, по преданию, на месте разрушенного храма царя Соломона. По этому месту орден получил свое название: «Бедные воины Христа и Храма Соломона». Со временем орден стали называть Орденом храмовников (тамплиеров), потом – Орденом рыцарей Храма Соломона в Иерусалиме. Были у

него и другие громкие наименования, но во всех неизменно присутствовало упоминание храма Соломона, и с тех времен и доньше их называют рыцарями Храма или тамплиерами.

Первые девять лет Орден тамплиеров особых деяний не совершил, и никаких сведений о приеме в орден новых рыцарей сверх девяти его родоначальников не имеется. В 1127 г. орден решил взяться за дело серьезно. Король Балдуин II обратился с письмом к известному церковному деятелю Бернару Клервоскому – которого порой именовали «вторым папой», а позднее причислили к лику святых, – чтобы тот упросил папу Гонория II утвердить новый устав для жизни и деятельности Ордена рыцарей-тамплиеров. Бернар обещал свое содействие. Высокий авторитет Церкви Бернар завоевал успешным реформированием и пропагандой монашества, и его так глубоко почитали в Европе, что любое выдвинутое им предложение практически не встречало возражений ни у церковных, ни у светских властей.

Орден тамплиеров в те времена больше напоминал частный клуб, объединенный вокруг графа Шампанского. Все рыцари ордена были его вассалами. Гуго де Пейен был кузеном графа. Андре де Монбар, пятый Великий Мастер ордена, был дядей Бернара Клервоского, который сам был родом из Шампани. Бернар также принимал монашеский постриг папы Гонория. Для рассмотрения ходатайства Ордена тамплиеров о даровании ему собственного устава папа избрал главный город Шампани – Труа. Этот город впоследствии был передан в дар ордену и стал первой прецепторией – общиной тамплиеров в Европе.

Для правильного понимания характера Ордена тамплиеров важно подчеркнуть, что он создавался как чисто монашеский, а не рыцарский. Тамплиеры представляли собой прежде всего религиозную монашескую организацию, а в те времена монашество почиталось несравненно выше обычного священства; монашество считали стоящим ближе к Богу. Бернар, например, говаривал: «Народ не должен оглядываться на священнослужителей, ибо народ чище священников». Современная Римско-католическая церковь имеет четкую организационную структуру, состоящую из Святого Престола, епископата и рядовых священников; нынешние монастыри выглядят почти инородными телами в этой четкой структуре, поэтому сейчас трудно представить, сколь важна была роль монашества в церковной и всей духовной жизни в старые времена, особенно в XI и XII вв. Монастыри служили центрами культурной жизни, не говоря уже о том, что в них формировалась вся церковная иерархия, включая пап.

Монашество зародилось в раннем христианстве как индивидуальное подвижничество. Оставляя светскую жизнь, человек становился на путь, который соответствовал, согласно христианскому учению, воле Господа: он покидал свой дом, родных и близких, избегал всякого с ними общения и жил в полном одиночестве. Это были аскеты-отшельники – явление, впервые получившее распространение в Египте. В жизнеописании епископа Афанасия приводится пример подвижничества святого Антония, который вел жизнь монаха-отшельника в конце III в. Его изнурительная борьба с грехом еще при жизни принесла Антонию славу святого, и паломники толпами шли к нему за советом и благословением. Не менее знаменитым отшельником был сирийский аскет Симеон Столпник, построивший себе двадцатиметровую башню и простоявший на ней тридцать лет до самой своей смерти.

Церковь не препятствовала таким экстремистам, но и не особенно одобряла их подвижничество. Она предпочитала направить это движение по пути монашеского общежития. Большинство ранних монашеских обителей были полностью независимыми; в их состав обычно входил аббат и двенадцать послушников, символизирующих двенадцать апостолов.

Самым авторитетным человеком в эпоху раннего монашества был, несомненно, Бенедикт Нурсийский. Презрев грешную и распутную жизнь папского двора, Бенедикт удалился в находившиеся недалеко от Рима горы и повел там жизнь абсолютной нищеты и сурового самоистязания. Скоро слух об удивительном отшельнике разнесся по округе, и к нему потянулись молодые люди. Среди паломников нашлись и такие, кто жаждал вступить на путь веры и самоотречения, каким следовал сам Бенедикт. Постепенно он стал создавать братства своих последователей. Самым крупным достижением св. Бенедикта стало основание монастыря в Монте-Кассино около 530 г. Бенедиктинский монастырь был разрушен артобстрелом во время Второй мировой войны, но затем последовала широко известная реставрация, и теперь обитель по-прежнему возвышается на одном из высоких холмов южнее Рима.

Но еще более важным достижением Бенедикта был разработанный им для своих последователей монашеский устав. Устав Бенедикта стал образцом для других монашеских орденов, включая Орден цистерцианцев, который, в свою очередь, стал прообразом устава монашеского Ордена тамплиеров. Бенедиктинский устав утверждает для своих членов соблюдение трех принципов: бедности, целомудрия и послушания в самом строгом религиозном смысле. За первую провинность монах-бенедиктинец подвергался строгому устному выговору и полной изоляции для неустанной молитвы. Если это не помогало избавиться от своеволия, аббат был вправе наказать его плетьюми. Если порка не служила исправлению, монах изгонялся из обители. Все бенедиктинцы трудились, добывая себе пропитание. Но их главной обязанностью было служение Богу верой и милосердием. Монахи, жившие по такому уставу (*regula*), именовались регулярным духовенством. Священники, свободно вращавшиеся в мирском обществе (*saeculum*), назывались секулярным духовенством. По мере того как Церковь все активнее

участвовала в общественной жизни и заботилась о своем материальном положении, регулярное духовенство обретало в глазах народа ореол святости, оно имело большее влияние на простой народ и его доверие. Мягкий плетеный пояс на послушнике или странствующем монахе, воспринимающийся как неотъемлемая часть одеяний духовного лица, тогда представлял собой грубую веревку, которой монах бичевал себя, изгоняя грешные помышления и желания.

Монастыри не были полностью изолированы от законов и страстей внешнего мира, а дорогие приношения, в частности передача монастырям земельных угодий, заставили монастыри заводить себе крепостных и арендаторов, что в конечном счете привело к необходимости реформировать Церковь в целом. Первым это почувствовал Бернар Клервоский. В 1112 г. он двадцатилетним юношей вступил в недавно основанный Цистерцианский монастырь. Через несколько лет он стал аббатом монастыря и открыл не менее шестидесяти пяти дочерних обителей. Он был блестящим оратором, талантливым писателем и сам безупречно соблюдал требования устава цистерцианцев.

Бернару исполнилось двадцать восемь лет, когда церковный совет в Труа попросил его разработать устав для тамплиеров. Монах сделал это, основываясь на уставе цистерцианцев, который, в свою очередь, во многом повторял уставные положения Бенедиктинского ордена.

Бернар не только написал устав, но и стал жарким поборником и пропагандистом тамплиеров, призывая дарить им ценности, землю и деньги, а также направлять в орден молодежь из хороших семей, чтобы оторвать их от греховной жизни ради меча и креста рыцаря-тамплиера. Король Франции откликнулся на призыв Бернара тем, что пожаловал Ордену тамплиеров богатые земли, его примеру последовали другие аристократы. Путешествуя по Нормандии, Гуго де Пейен встретился там с королем Англии Стефаном, сыном Стефана Блуаского, участника Первого крестового похода. Король сразу согласился содействовать Великому Мастеру тамплиеров, снабдил его деньгами и разрешил вербовать сторонников ордена в Англии и Шотландии. Англичане не только одарили тамплиеров большим количеством золота и серебра, но дали им во владение богатые и многолюдные поместья, обеспечившие ордену стабильные доходы. Королева Матильда со своей стороны подарила ордену поместье Крессинг в Эссексе (как мы уже упоминали, храм тамплиеров в Крессинге был впоследствии отдан иоаннитам, а в ходе крестьянского восстания разрушен).

Гуго де Пейен покинул Иерусалим как один из девяти рыцарей, объединенных неясными целями и честным словом. Вернулся он через два года Великим Мастером, подчиняющимся одному только папе, с казной, полной золота и серебра, обладателем богатых поместий и в сопровождении трехсот рыцарей, поклявшихся стоять с ним до последнего и умереть по первому его слову.

А работа над уставом тамплиеров продолжалась. Орден не был похож на другие монашеские объединения, потому что тамплиеры были всегда в пути, занимались военным делом, беспрестанно участвовали в военных сражениях и стычках, вели жизнь, резко отличающуюся от размеренной жизни других монашеских братств. Первыми заповедями в жизни тамплиеров были целомудрие, бедность и послушание. Целомудрие касалось отношений с обоими полами. Тамплиер не должен был целовать или дотрагиваться до женщин, будь то его родная мать или сестра. Не разрешалось, а то и строго запрещалось даже разговаривать с женщиной. Тамплиер носил кожаные подштанники, которые никогда не снимались. (Устав запрещал тамплиеру принимать ванну или купаться, и пожизненное ношение подштанников рассматривалось как условие воздержания от всяких половых связей.) Тамплиеру не разрешалось обнажаться на виду других людей, даже перед своими братьями-тамплиерами. В жилых помещениях тамплиеров по ночам всегда горел свет, не было ни одного темного угла, что могло бы побудить обитателей заняться гомосексуализмом, столь распространенным в мужских монастырях.

Следуя обету бедности, Гуго де Пейен все дарованное имущество и богатства передал в ведение ордена, и все другие братства следовали его примеру. Если вновь поступающий в орден послушник не имел имущества, ему все равно полагалось внести какой-то денежный вклад – «приданое». Став полноправным тамплиером, монах не мог иметь в собственности ни денег, ни чего-то сколько-нибудь ценного, даже книги. Добытые военные трофеи тоже шли в распоряжение ордена. Обет бедности соблюдался настолько строго, что, если у тамплиера после его смерти находили деньги или другое имущество, его исключали из ордена и запрещали хоронить по христианскому обряду.

От каждого тамплиера требовалось беспрекословное повиновение старшим, а поскольку орден не подчинялся никому, кроме самого папы, там были приняты свои кары за проступки, вплоть до смертной казни. Например, в храме тамплиеров в Лондоне провинившихся бросали в карцер, имевший длину один метр сорок сантиметров. В этом каменном мешке за неповиновение Мастеру прошли последние дни брата-маршала (военного командира) Ирландского ордена. Не имея возможности ни встать, ни лечь, он там и умер от истощения и голода. Тамплиеры не были подвластны законам страны, в которой им приходилось бывать. Законом для них был только устав ордена и воля старшего по званию брата.

На поле боя тамплиер не имел права отступить, если противник не превосходил его силами в три раза, и то лишь по приказу своего командира. Всякий вступающий в ряды тамплиеров знал, что впереди у него только гибель в бою, и большинство умирали именно так. Сдаваться тамплиеру не было никакого

смысла, потому что ордену запрещалось выкупать своего брата из плена, хотя подобная практика в Средние века применялась очень широко. Поэтому тамплиеров в плен не брали, а тут же убивали.

Орден подразделялся на три класса. К первому относились рыцари – полноправные члены ордена, рожденные свободными и принадлежавшие к аристократии. Они носили белое одеяние, к которому впоследствии был добавлен красный восьмиконечный крест. Белое платье означало непорочную жизнь, в которую вступил рыцарь. Второй класс обычно составляли выходцы из состоятельных горожан. Они имели звание сержантов, были оруженосцами рыцарей, несли охрану, трудились на конюшне, были прислугой и прочее. Они ходили в темно-коричневом или черном одеянии с красным крестом на спине. Третий класс составляли собственно монахи и священники, служившие капелланами в обители; только они были грамотными и потому вели всевозможные записи и отвечали за всю хозяйственную деятельность ордена. Они тоже носили красный крест, но на зеленом фоне своей мантии. Представители третьего класса всегда ходили в перчатках, чтобы держать руки в чистоте, ибо они во время мессы «касались Бога». Они – единственные из крестоносцев – брились наголо, как того требовал обычай для служителей церкви того времени; остальные братья носили короткую стрижку и отпускали бороду.

В соответствии с обетом бедности рыцари-тамплиеры не имели никаких украшений, и военное снаряжение их было скромным. Единственным дозволенным предметом, дополнявшим одеяние, была овчина, служившая одновременно подстилкой для отдыха и плащом в непогоду. Обязательный пояс, являвшийся символом непорочности, также был кожаным.

По уставу тамплиеры принимали пищу два раза в день, но, в отличие от других, монашеских орденов, им разрешалось есть мясо ввиду тяжелых нагрузок боевой жизни. Знамя тамплиеров представляло собой черно-белое полотнище, символизирующее греховную (черную) и (чисто-непорочную белую) части жизни тамплиера. Знамя называлось *Beau Seant* («бо сан»), что было одновременно боевым кличем тамплиеров. Смысл французского слова *Beau* в наше время обычно сводится к понятиям «прекрасное», «красота», но в Средние века его содержание было гораздо шире: оно означало нечто возвышенное, и под ним часто понималось «благородство», «достопадность» и даже «величие». В качестве боевого клича «Бо сан!» означало «К величию!». «К славе!».

Принятие в тамплиеры и собрания рыцарского капитула проводились в полной тайне. Раскрытие тайны встречи, пусть даже низшему по званию брату, строго каралось, вплоть до изгнания из ордена. Во время проведения таких собраний вход в помещение охранял рыцарь с мечом наголо. Хотя документальных подтверждений тому не найдено, но, по преданиям, немало шпионов и просто любопытствующих нашли свою смерть при попытках что-то узнать о происходящем за спиной такого часового.

Канонического устава Ордена тамплиеров как такового не было: Великий Мастер ордена мог изменять действующий устав, вносить в него исправления или что-то исключать, но делалось это исключительно конфиденциально. Новичок знакомился с внутренними правилами ровно настолько, насколько было ему необходимо, чтобы занять место на низшей ступени иерархии. По мере продвижения его посвящали в другие уставные нормы. Устав в полном виде знал лишь очень узкий круг самых избранных братьев ордена. Одним из самых тяжких проступков рыцаря Ордена тамплиеров любого звания было разглашение любого уставного положения.

Собрание рыцарей тамплиеров в одном из своих храмов невольно вызывает в памяти легенды о собраниях короля Артура и рыцарей Круглого стола: святилища тамплиеров по примеру храма Гроба Господня обычно сооружались цилиндрическими. В Круглом храме тамплиеров в Лондоне, например, по всему периметру внутреннего помещения идет каменная скамья, так что рассевшиеся на скамье рыцари были обращены лицом к центру. Здесь нет никакого возвышения или другого признака, указывающего на особое значение того или иного места.

Согласно данным Мэтью Парижского, тамплиеры обладали состоянием, включающим девять тысяч поместий по всей Европе, многочисленные мельницы и рынки. Кроме этих приносящих прибыль владений, у тамплиеров были и другие источники доходов. Вся военная добыча и трофеи шли в общую казну ордена. За двести лет своего существования более двух тысяч новобранцев монашеского ордена добавили к его достоянию свои владения и деньги. Тамплиеры сначала закупали, а потом сами начали строить морские суда для перевозки на Восток людей и товаров, а также военные суда для их сопровождения. В кассу ордена стали поступать доходы от транспортных перевозок грузов, войск крестоносцев и паломников в Святую землю. Тамплиеры получали много подарков, им часто оставляли наследство. Финансовая помощь шла от Римской церкви, которая призывала верующих следовать ее примеру. В результате всего этого у ордена образовались финансовые излишки, и орден пустил их в дело: тамплиеры повели финансовый бизнес.

Говоря о деятельности тамплиеров в области финансов, часто упоминают «банки» ордена, хотя это не совсем точно. Журнал «Форчун» для такого рода финансовых предприятий использует более подходящий для данного случая термин «диверсифицированные финансовые услуги». Самой простой услугой, оказываемой тамплиерами, было хранение сбережений. Орден содержал значительную стражу

для охраны собственных сокровищ, так что ему не составляло большого труда взять под эту же охрану ценности других. Причем охрана тамплиеров была столь надежной, что ее услугами пользовались даже правители. Например, Англия часть своих королевских сокровищ хранила у тамплиеров. Случалось, что и у тамплиеров бывали хищения, но в те времена более надежной охраны и хранилищ, чем у тамплиеров, все равно не было. Если богатому человеку предстояло совершить дальнейшее путешествие, взяв свои сокровища с собой, он подвергался риску быть ограбленным разбойниками или даже случайным попутчиком; оставив ценности дома, он рисковал быть обворованным собственными родственниками и слугами; наконец, дом во время его отсутствия мог подвергнуться нападению. А тут появилась возможность хранить любые ценности у монахов, которые берегли их так же бдительно, как свои собственные.

Еще одним делом тамплиеров было посредничество. Они брали на себя обязанность собирать налоги, а также вести переговоры о выкупе и возвращении захваченных заложников, причем порой их содействие в этом деле распространялось даже на поиск необходимых денег для выкупа.

Тамплиеры овладели также умением доверительного правления чужим имуществом и доходами от него, которые они с выгодой снова вкладывали в дело. Они распределяли доходы между наследниками на основе специального соглашения, по которому путем управления собственностью создавался фонд для подобных выплат. За все свои услуги тамплиеры получали известную плату.

Но, очевидно, их самым крупным финансовым предприятием был выпуск финансовых бумаг. Эти бумаги пользовались доверием во всякой конторе тамплиеров, тем самым представляя собой предвестники денежных чеков и векселей до востребования. Это был очень важный шаг в финансовом деле. Если какой-то богатый аристократ Прованса нуждался в том, чтобы передать деньги своему сыну или вассалам, находящимся в дальнем Крестовом походе, ему требовался верный человек, которому можно было передать деньги, а также сопровождающие его охранники-телохранители, которые посылались в далекое путешествие, где они могли столкнуться с бандитами, пиратами или попасть в кораблекрушение. Значительно проще и безопаснее было передать деньги местному Мастеру тамплиеров, чтобы через некоторое время они с полной надежностью были вручены нужному человеку, скажем, в Иерусалиме. Плату за такую услугу вносили с большой охотой.

Трудно сказать, что из этих новшеств было изобретено тамплиерами: аналогичные услуги уже давно предлагали итальянские банковские семейства. Венецианцы с давних пор совершенствовали способы международного финансового обмена и некоторые способы страхования рисков и купеческих кредитов, правда, делалось это в своей среде. Жившим в Европе евреям в большинстве стран закон запрещал владеть землей и другими средствами производства, так что они были вынуждены заниматься торговлей и финансовыми сделками, но главным образом среди своих соплеменников. Порой они предоставляли займы правителям, но делали это не как индивидуальные банкиры, а в качестве общинной услуги. Финансовые операции тамплиеров проводились на более широкой основе и пользовались большей популярностью, хотя здесь можно увидеть преувеличение финансовой изобретательности тамплиеров со стороны историков.

Единственное, что тамплиерам пришлось придумывать самостоятельно, – это свой способ установления личности для завершения финансовой транзакции. Сегодня у нас в ходу удостоверение личности с фотографией владельца, номера страхового полиса, водительские права, номера банковских счетов, голограммы, проявляемые в ультрафиолете чернила, отпечатки пальцев и целая индустрия обеспечения безопасности и идентификации. Но даже при всех существующих технологиях деньги и ценности попадают в посторонние руки, а выкраденные чеки обналичиваются. Теперь мы можем только гадать, с какими проблемами сталкивался человек в Иерусалиме, которого незнакомец, вдруг вошедший в двери, просил выдать ему определенную сумму, протягивая клочок бумаги, составленный три месяца назад в Париже.

Писатели обожают использовать в своих сюжетах разломанные пополам монеты или амулеты. Если половинки точно сходятся, значит, владелец половинки – давно пропавший принц. Но использование «сходящихся половинок» требует, чтобы одна половинка загодя была переслана куда следует, и этот прием не поможет, если выдачу денег должна осуществить любая контора тамплиеров. Здесь был необходим некий стандартный способ идентификации. Одним таким способом было наличие двух «свидетелей», подтверждающих личность заявителя. Порой это дополнялось требованием предъявить долговую расписку. Человек, подтверждавший личность получателя, сам подписывал бумагу вроде такой: «Если мое свидетельство повлечет передачу денег ошибочному лицу, я обязуюсь возместить потерю». Другой способ предполагал получение ответа на один или несколько вопросов, который мог дать только подлинный претендент. Например:

Вопрос : В детстве вы упали с дерева и сильно ушиблись. Сколько вам было тогда лет?

Ответ: Девять лет.

Вопрос : С какого дерева вы упали?

Ответ : Это был дуб.

Вопрос : Кто помог вам и отвел домой?

Ответ : Дядя Томас.

Надо сказать, что эта система, как мне пришлось недавно выяснить, работает и поныне. Я посылал телеграфом деньги из Америки в Англию. Меня попросили сообщить на телеграф какое-нибудь сведение, которое было известно только одному моему адресату. Я задал такой вопрос: «Какая девичья фамилия была у вашей матери?» Деньги были вручены лишь после получения правильного ответа: «Джемисон».

Даже письма, часто писавшиеся писцами или переписчиками, требовали подтверждения. Ведь подложные письма могли принести искаженную информацию относительно передвижения войск или выхода кораблей. Для подтверждения подлинности послания использовался особый шифр. Он мог заключаться в смысле, например, слова или фразы, составленной из вторых букв третьего слова каждого следующего предложения. Такие шифры скрывались в тексте совершенно отвлеченного содержания. Подобным шифром могло передаваться распоряжение вроде: «Отправьте два корабля в Мессину» или: «Подателя сего письма убить».

Известно, что тамплиеры располагали сетью агентов во всех крупных городах Ближнего Востока и Средиземноморья. Для связи с ними они неизбежно должны были пользоваться тайными средствами. Полной секретности требовали финансовые сделки. Морские операции *следовало* скрывать от мусульман и средиземноморских пиратов. Не менее важно было хранить в тайне взаимодействие военных сил на двух континентах. Как явствует из истории, тамплиеры пользовались репутацией, и не всегда доброй, великих специалистов по части секретных операций и дел, причем даже на собственных собраниях и съездах.

Широкое использование секретных шифров и кодов, тайных опознавательных сигналов и знаков, скрытых военных операций и мероприятий в области финансов, страсть к подпольным собраниям и ритуалам – все это вместе стало идеальной основой для создания тайного общества. В Европе XIV в. просто не найти другой организации, столь широко и виртуозно владевшей приемами секретных операций, кроме Ордена рыцарей-тамплиеров. И могут ли быть сомнения в том, что, когда проживающие в Англии тамплиеры узнали о преследовании своих собратьев во Франции, начавшемся 13 октября, они тут же создали тайную организацию, прежде чем, начиная с 10 января следующего года, их самих начали преследовать? Как видим, они располагали превосходной базой для создания такой организации.

Всю административную работу вели, конечно, невооруженные рыцари, как правило, неграмотные. Хотя они и не называли себя рыцарями, не пользовались по отношению друг к другу обращением «сэр», причисляли себя к церковникам и общались между собой, используя слово «брат», по происхождению все они были рыцарских рода и крови. Они были воинами, а не счетоводами и не писарями. Это был офицерский класс ордена, делом которого были военная подготовка и сражение на поле брани. Расшифровкой посланий, ведением бухгалтерских гроссбухов, инвентарными описями и надзором за ежегодной стрижкой овец занимались «рыцари» совсем другого рода: число хозяйственных работников, туземных солдат и наемных работников относилось к рыцарям-офицерам как 50 к одному. Орден тамплиеров не мог состоять из одних военных рыцарей, как современная авиация не может на 100 процентов состоять из пилотов. Более многочисленными и разнообразными по профессии были сержанты ордена: они были конными и пешими воинами, личными оруженосцами рыцаря, управляющими одного или нескольких имений. Церковники-тамплиеры были грамотной братией, они чаще всего вели управленческие дела, включая составление и шифровки разного рода посланий.

Великий Мастер ордена, он же аббат, являлся полным хозяином локального братства и был подотчетен только старшему по званию офицеру. Такими же полновластными хозяевами были мастера прецепторий, если там не находился Великий Мастер. Штаб-квартира ордена и резиденция Великого Мастера находились на территории Иерусалимского храма. Великий Мастер был не столько управляющим орденом, сколько командующим первого эшелона. Это можно заключить из того факта, что 10 Великих Мастеров из 21 погибли в сражениях или умерли от полученных в бою ран.

Чтобы понять, как тамплиеры из ордена благочестивых и смиренных монахов, посвятивших себя защите паломников, превратились в могущественный центр власти, поставив себя под удар в политических играх королей, остановимся на судьбе последнего Великого Мастера тамплиеров.

Глава 6

Последний великий мастер

К исходу XIII в. идея Крестовых походов исчерпала себя. Иерусалим уже несколько лет был опять в руках неверных. Христиане сохранили только узкую прибрежную полосу, поддерживаемую цепочкой укрепленных портовых городов, словно редкие бусины на длинной нити, протянутой по территории нынешнего Ливана и Израиля. Рыцари и бароны больше не верили в духовные блага, обещаемые Церковью в качестве награды за тяготы войн с неверными. Они понимали, что цель Крестовых походов, родившаяся из почитания Святой земли Иисуса Христа, теперь выродилась в грязную политическую игру папского престола и средство материальной поддержки Церкви путем введения новых обременительных

налогов. В народе крепло убеждение, что если Господь решает, чье оружие в сражении одержит победу, то и победа зависит только от Него одного. Если Иерусалим, Вифлеем, Назарет и большая часть Святой земли потеряны для христиан, значит, такова Его воля.

Европейским правителям тоже было не до походов: они погрязли в собственных политических интригах.

Глава Католической церкви в союзе с Францией и Карлом II увяз в сицилийской войне с Арагонским княжеством и Генуей, которые, в свою очередь, вели войну с Венецией. Филипп IV добивался изгнания английского короля Эдуарда I из Франции, а тот всеми силами стремился удержать одной рукой свои французские владения, а другой заграбастать Шотландию.

Христово воинство на Святой земле было предоставлено самому себе.

Что касается аристократической верхушки крестоносцев, то их тоже теперь не интересовали дороги и города, где ходил, проповедуя свое учение, Иисус Христос. Их больше занимало выгодное для торговли положение их прибрежных поселений. Потомки крестоносцев превратились в купцов и торговцев, все внимание которых было обращено на пошлины, налоги и обустройство торговых портов. У них не было ни малейшего желания воевать с неверными, зато они охотно торговали с ними, и мусульманские купцы и торговцы чувствовали себя привольно в христианских портах. «Новые» крестоносцы пребывали в полной уверенности, что без них и без их портов мусульманам никак не обойтись, а неминуемо надвигающаяся катастрофа их волновала не больше, чем европейских властителей.

Пока христиане разыгрывали свои партии в политической игре, мамлюкский султан Калаун один за другим захватывал приморские замки крестоносцев и христианские города. 4 ноября 1290 г. Калаун скончался, но у него остался сын Малик аль-Ашраф, который поклялся у ложа умирающего султана взять его меч и выполнить планы отца в отношении христиан. И 18 мая 1291 года пала Акра, крупнейший торговый город и оплот крестоносцев. Вскоре другое мусульманское войско без боя овладело городом Хайфа. Монастыри на Кармельской горе были преданы огню, а все монахи перебиты. В нескольких милях к югу от Хайфы у тамплиеров был замок Атлит, но его малочисленный гарнизон был не в состоянии сдержать натиск мамлюков и 14 августа оставил замок. По другую сторону Триполи, дальше на север, то же произошло и с замком Тортоса. В том же месяце тамплиеры покинули замок и ушли на Кипр. С потерей Атлита и Тортосы мамлюки стали полновластными хозяевами всей Святой земли до последнего клочка. Это был полный разгром христиан. Впервые за 170 лет пребывания на Святой земле у Ордена тамплиеров не осталось там ни одной базы.

Тамплиеры еще удерживали некоторое время свой замок на крошечном островке Руад в двух милях от Тортосы, но никакого военного значения он не имел, да еще питьевую воду туда приходилось доставлять морем. Через несколько лет тамплиеры покинули и этот остров. Свою базу они теперь устроили на Кипре, на что король кипрский Генрих согласился с большой неохотой. Иоанниты, которым также было некуда податься, тоже устроили свою базу в этом островном королевстве.

На следующий год тамплиеры на своем собрании избрали Великим Мастером Жака де Моле, которому было суждено стать последним главой прославленного ордена. Он происходил из небогатого дворянского рода из Южной Франции и был примерным служакой. Вся его жизнь прошла в ордене, куда он поступил в 1265 г. двадцатилетним юношей. Теперь на сорок восьмом году жизни у него за спиной был пост Мастера в Англии, главного маршала и верховного командующего ордена, и вот теперь он стал Великим Мастером. Хотя орден все позиции на Святой земле потерял, в руках Великого Мастера было огромное богатство, состоявшее из тысяч поместий в Европе, множества доходных мельниц, рынков и торговых монополий. В его распоряжении был большой флот легких кораблей, он вел банковские операции во многих странах мира. Среди нескольких десятков военачальников Европы он по-прежнему командовал самой боеготовной и лучше всех обученной армией во всем христианском мире. Этим он очень гордился, и с ним нельзя было не считаться.

Как человек военный, Моле первым делом занялся поднятием боевого духа своего рыцарства, ужесточив дисциплину и вернувшись к старым правилам ордена. Как известно, эти правила запрещали рыцарям-тамплиерам хранить какие бы ни было книги и рукописи. Как безграмотный монах-солдат, де Моле считал грамотность бесполезной для рыцаря-воина: что ему нужно знать, будет ему сказано, а знать больше ни к чему. Так считал новый Великий Мастер ордена. Он приказал резко подтянуть дисциплину, вернуться к строгим правилам тамплиеров, касавшихся питания, одежды, личного имущества и отправления религиозных обрядов.

Серьезное беспокойство де Моле вызывал кипрский король Генрих, настаивавший на том, что все воинские части на острове, включая тамплиеров, должны находиться в его подчинении. Де Моле против этого неоднократно и решительно возражал, считая себя единственным командиром тамплиеров на земле и лишь папу римского ставя выше себя. По этому поводу король и Великий Мастер спорили столь ожесточенно, что решили обратиться к папе как высшему судье. В августе 1298 г. Бонифаций VIII принял сторону Великого Мастера, указав Генриху, что тот должен быть благодарен судьбе, пославшей на его остров храбрых тамплиеров, ставших дополнительной защитой его короны в такое беспокойное и смутное

время.

Воодушевленный поддержкой папы, де Моле выступил с идеей организации нового Крестового похода для отвоевания Святой земли, но его призыв оказался более чем некстати. Папа Бонифаций VIII нежился в празднествах 1299 г., предвкушавших наступление нового столетия, когда ему казалось, что весь мир рвется в Рим, чтобы поклониться понтифику как новому цезарю мира и завалить его драгоценными подарками. Все разговоры о новом походе можно было смело отложить до следующего года.

Это оттягивание раздражало де Моле, который, как военный, хорошо знающий цену нужного момента и направления главного удара, понимал и чувствовал, что откладывать поход нельзя. Но постепенно и ему стало ясно, что, пока на троне Святого Петра восседает Бонифаций VIII, никакому походу не бывать. В 1305 г. трон Святого Петра перешел к архиепископу Бордоскому Раймону Бернару де Го, ставшему папой Климентом V. Ордена воинственных монахов стали с нетерпением ждать, как отнесется новый папа к отвоеванию Святой земли. Ждать пришлось недолго.

В 1306 г., в первый год своего правления, папа Климент V направил просьбу Великим Мастерам Орденов иоаннитов и тамплиеров лично пожаловать к нему в конце года в Пуатье. Целью встречи было обсуждение подготовки и финансирования нового Крестового похода. Чтобы неверные не прознали об отъезде сразу обоих Великих Мастеров, им было приказано выехать на встречу инкогнито, в полной тайне.

Однако иоанниты в это время готовились к захвату Мальты, и Великого Мастера не стали упрекать, что он не смог присутствовать на этой встрече в указанное время.

У Жака де Моле подходящего повода уклониться от приглашения не было, но он затянул с ответом на предложение до начала будущего года. Ему нужно было время, чтобы как следует подготовиться к этой встрече. Новый поход для тамплиеров был вопросом всех вопросов, и свой план такого похода де Моле хотел представить на рассмотрение папы в полностью продуманном и готовом виде. В плане должно было найти отражение высокое мастерство рыцарей ордена и их боевой опыт, а потому он должен был быть полностью обоснован. Нужно было сделать все, чтобы Крестовый поход состоялся: без него существование Ордена тамплиеров теряло всякий смысл. Орден был создан для охраны путей передвижения паломников на Святую землю, но теперь эти пути охраняли и владели ими мусульмане, да и паломников уже не было. Новый поход был нужен, чтобы восстановить уважение к ордену и его поддержку сильными мира сего. Де Моле считал, что весь мир должен обратить внимание на беззаветную храбрость и мужество тамплиеров, проливавших кровь в проигранных сражениях за Святую землю, но он также понимал, что его профессия ценится не напряжением сил и потерями, а только победами.

Другие ордена действовали применительно к обстановке. Тевтонские рыцари совсем оставили Святую землю и занялись походами против язычников на севере Европы. Они захватили там большую территорию и основали новое государство Пруссию; рыцари Тевтонского ордена составили ядро того, что потом оформилось в прусское юнкерство, высшую военную касту, сохранившую черный восьмиконечный крест тевтонских рыцарей в виде своей высшей воинской награды – «Железный крест». Госпитальеры-иоанниты были недовольны своим пребыванием на Кипре и подыскивали себе новую территориальную базу. Расширив свой флот и обзаведясь союзниками, они вступили на остров Родос, что стало первым хорошим известием за последние пятнадцать лет и принесло им уважение Церкви и монархов Европы. Завершив завоевание острова в 1308 г., они удовлетворились званием рыцарей Родоса. Много лет спустя их прогнали с Родоса, и они вернулись обратно на Мальту, откуда их выставил уже Наполеон. До сего дня орден существует в Риме, где признан Ватиканом как самостоятельное братство, именуемое ныне Рыцари Мальты.

Из всех руководителей военно-религиозных организаций только Жак де Моле не желал снять шоры, не позволявшие ему видеть ничего, кроме нового Крестового похода с целью отвоевать Иерусалим. Он и понятия не имел, насколько безнадежно отстал от новых политических реалий европейской жизни. Все монархи на словах были горячими сторонниками нового похода, но ни оружием, ни кошельком своим жертвовать ради этого не желали. Церковь не могла заставить французского короля Филиппа IV хоть что-нибудь предпринять в этом направлении; у него были совершенно другие планы и заботы. Если бы Жак де Моле был в состоянии проанализировать, как развивались отношения Святого Престола и французского трона на протяжении последних двадцати лет, то ему стали бы понятны уловки и махинации Филиппа, с помощью которых он пополнял свою казну золотом Церкви и Ордена тамплиеров. Что касается английского монарха Эдуарда I, то и у него не было ни малейшего желания сражаться с вояками в тюрбанах за каким-то там Иорданом: его гораздо больше беспокоили христиане в шотландских юбочках по ту сторону пограничной реки Твид. С Крестовыми походами было покончено.

Всего этого Жак де Моле не знал. До него доходили какие-то слухи, кое-что ему докладывали, но он упорно не желал это видеть и слышать, пока не наступило полное и страшное прозрение в агонии мучительной смерти на костре.

Чтобы лучше разобраться в том, в чем не разобрался Жак де Моле, чтобы понять, как удалось быстро

и полностью ликвидировать Орден тамплиеров и почему Англия и Шотландия оказались надежным убежищем преследуемых рыцарей этого ордена, нам придется вкратце обозреть европейские события, имевшие место между падением Акры и началом арестов тамплиеров. В центре этих событий стоят конфликт короля Франции Филиппа IV с папами римскими, а также бесконечная тяжба и войны между английским королем Эдуардом I и не желавшими ему подчиняться шотландцами на северной границе королевства. Мы ненадолго оставим Жака де Моле на его пути в Марсель стоящим на носу галеры тамплиеров и всматривающимся в туманный берег Франции, где он надеется собрать мощное Христово воинство, чтобы отвоевать Святую землю. У него и в мыслях нет, что там, в Париже, для него уже приготовлены плети и цепи.

Глава 7 **«Шотландский молот»**

Ненастной ночью 1286 г. король Шотландии Александр III заехал в Бернитсленд поменять лошадей. Он направлялся в Кингхорн к своей второй жене. Гроза разгулялась так, что короля стали уговаривать остаться на ночь и переждать непогоду, но он упрямо хотел ехать дальше, и кончилось это плохо. Его конь на всем скаку сорвался с крутой горы, и Александр разбился насмерть.

От первой жены у Александра была дочь, которая стала женой короля Норвегии Эрика II и сразу после родов умерла, едва успев дать новорожденной дочери имя – Маргарет. Девочка эта, праправнучка английского короля Генриха II и внучка Александра III, получила прозвище Дева Норвегии. За шесть лет до смерти Александра по Бригемскому договору четырехлетняя принцесса была помолвлена с принцем Уэльским, который впоследствии станет королем Англии Эдуардом II. Договор имел далеко идущие замыслы: объединить короны Англии и Шотландии в единой династии, хотя обе страны должны были сохранить самостоятельное управление. Однако судьба рассудила по-другому: когда 10-летняя королева ехала на корабле в Шотландию, во время шторма у Оркнейских островов корабль затонул, а с ним погибла и Дева Норвегии. В правопреемстве Шотландского королевства все перепуталось.

Троны вакантными долго не остаются, и в Шотландии было не менее тринадцати претендентов на него, но только у четырех были какие-то шансы. Первые два были из семейств Коминов Баденокских, различавшихся по цвету бород глав фамилий, – род Комина Черного и род Комина Рыжего. Многие выступали за Комина Черного, но тот считал, раз дело доходит до спора, то он предпочитает в нем не участвовать ввиду явного превосходства Джона Балиола, внука старшей дочери шотландского короля Давида I. Четвертым из главных претендентов выступал Роберт Брюс, сын второй дочери Давида I.

По закону больше всех оснований было у Балиола, потомка старшей дочери шотландского короля, но в народе его не очень любили. Он был человеком застенчивым и получил прозвище Тум Табард, что значило «Пустой плащ» и подразумевало отсутствие всякой личности под одеждой.

Самый высокий «проходной балл» был у Брюса, а его вторичное место в родословной с лихвой компенсировалось тем, что он уже имел наследников: у него были сорокалетний сын и шестнадцатилетний внук.

Чтобы избежать междоусобицы, предстояло провести переговоры. Английский король Эдуард I, известный законодатель и третейский судья, устроил так, что его попросили определить правопреемство шотландского престола. Он созвал шотландских лордов на встречу в мае 1291 г. в замке Норхэм, крепости на английском берегу пограничной реки Твид. С первых слов он огорошил собрание шотландской аристократии своим заявлением, что его условием выступить третейским судьей при любом решении должно стать признание его, Эдуарда, верховным лордом Шотландии. Для закрепления договоренности несколько шотландских пограничных крепостей должны отойти английской короне. Чувствуя реальную опасность междоусобной войны между сторонниками разных претендентов на престол, шотландцы согласились считать Эдуарда верховным лордом. Далее предстояло выбрать короля. Именно вялость и слабование Джона Балиола, вызывавшие насмешки шотландцев, и остановили на нем выбор Эдуарда, увидевшего в этом человеке послушную марионетку. Балиол был избран королем Шотландии. 30 ноября 1292 г. его короновали в Сконе, древней столице первых поселенцев Шотландии пиктов; потом новый шотландский король отправился на юг от границы Ньюкасла, где присягнул на верность Эдуарду, своему лорду-повелителю. Эдуард выдал знаменитое и потрясшее всех свое представление о будущих взаимоотношениях между коронами Англии и Шотландии. Он велел принести ему большую королевскую печать Шотландии, расколол ее на части; обломки были уложены в мешок и отправлены на хранение в Лондонское казначейство. Смысл содеянного был ясен всем.

Формально проблема шотландского престолонаследия была разрешена миролюбиво, но способ ее решения определил ситуацию, которая на долгие годы вперед стала причиной бесчисленных кровопролитий с обеих сторон. Шотландское дворянство, не терпевшее над собой никаких хозяев, теперь получило сразу двух.

Каким хозяином для шотландцев будет Эдуард, прояснилось очень скоро. Шотландский граф, брата

которого убил лорд Абернати, решил, что лучше всего дело против убийцы возбудить в Вестминстере. Английский парламент согласился рассмотреть дело, но потребовал явки в суд короля Джона в качестве свидетеля. Когда шотландский король отказался приехать, его немедленно обвинили в «неповиновении, особенно в отношении решения суда», и в качестве наказания за это было выписано предписание о конфискации трех его крепостей. Такого удара король Джон не выдержал и решил приехать в Лондон к следующей сессии парламента.

В Лондоне короля Джона ждал новый удар. Эдуард готовился к войне с Францией и сказал Джону, что ждет от него, как от своего вассала, присылки шотландских войск и денег. Состоялась сердитая перепалка, и Джон решил поскорее убраться домой, где ему будет спокойнее. Он тайно покинул Лондон и помчался к северным границам.

Дома его ожидали новости ничуть не лучше. Народ был раздражен его уступчивостью: требование англичан явиться в Лондон и унижение короля он воспринял как свое. В советчики Джону были назначены четыре графа, четыре барона и четыре епископа с условием, что король будет следовать их советам.

Опираясь на поддержку народа, новый королевский совет начал действовать в интересах своего народа. В Сконе созвали парламент, который принял ряд решений, сознавая, что не просто идет на риск, а явно ставит страну на грань войны. Формально решение парламента отвергало требование Эдуарда послать шотландское войско защищать дело Эдуарда во Франции. Все английские должностные лица в Шотландии были смещены и собственность англичан конфискована. Затем парламента сделал шаг, дающий Эдуарду понять, что ему не остается ничего другого, как объявить Шотландии войну: ко двору Филиппа IV послали парламентскую делегацию с предложением заключить союз между Францией и Шотландией. Оформление союза завершалось соглашением, согласно которому, если одна из сторон подвергнется нападению со стороны Англии, другая тут же придет ей на помощь. Для закрепления соглашения племянница Филиппа Изабель, дочь Карла Анжуйского, будет выдана замуж за сына и наследника шотландского короля Джона.

Узнав обо всем этом, Эдуард потребовал передать ему все пограничные крепости, дабы избежать набегов шотландцев в случае его войны с Францией. Воодушевленные заключенным союзом с Францией, шотландцы не просто отвергли его требование, а совершили несколько набегов на английские владения. Шотландское дворянство всегда страдало и продолжает страдать неизбывным пороком ни на йоту не поступаться перед кем бы то ни было личной и клановой гордостью, которая не знает никаких пределов, сильно мешает им работать вместе и не допускает никакого подчинения. Без дисциплины и общего руководства набеги прошли неудачно, шотландцев сильно поколотили под Карлайлем. Они отступили на свою территорию и стали готовиться к отражению ответного удара английского короля и его армии. Ждать пришлось недолго, и первая схватка той войны запомнилась масштабами страшной резни.

Во главе тридцати тысяч пехотинцев и пяти тысяч всадников Эдуард перешел Твид и нанес первый удар по богатому портовому городу Бервик. Английский король лично повел свои войска в атаку на сером боевом коне Баярде. На улицах разгорелась короткая, но жаркая схватка, и наконец гарнизон города сдался на условии, что он покидает Бервик, оставляя его жителей на милость победителя. Когда всех жителей повязали и бросили в застенки, Эдуард приказал убить всех мужчин. Резня продолжалась несколько дней, число казненных колебалось между восемью и десятью тысячами. Масштабы резни были таковы, что потрясли обе страны даже в те времена.

Восстановив укрепления Бервика, Эдуард двинулся дальше на север. Напуганные жестокостью англичан, города капитулировали один за другим, и к июню Эдуард уже стоял перед Дублином. Город сопротивления не оказывал, а замок продержался всего восемь дней. Далее английский король проследовал к замку Стерлинг, гарнизон которого разбежался, потом – к Перту, где получил известие, что король Джон готов сдаться.

Эдуард встретился с Джоном в Монтрозе, где шотландский король, стоя на коленях, протянул английскому королю белый прут – символ подчинения. Низложенного шотландского короля отправили в Тауэр, где он просидел до тех пор, пока папа не заступился за него и не попросил для него ссылку во Францию. Чтобы у шотландцев не оставалось сомнения, кто ими должен править, Эдуард приказал священный камень коронации – Камень Сконе – перенести в Вестминстер. Пожалуй, ничто не приводило шотландцев в такую ярость, как отнятие у них священного Камня коронации. (Шесть столетий спустя, в 1950 г., группа молодых шотландских националистов выкрала Камень коронации из Вестминстера и некоторое время продержала в Шотландии. Хотя попытку переноса камня на историческую родину пресекли, разговоры о его установлении на прежнем месте ведутся по сей день.)

В конце концов, по требованию Эдуарда в Бервике практически все шотландские вожди и вельможи – графы, бароны, епископы, главы родов и рыцари – присягнули на верность английскому королю. Победа Англии над Шотландией стала полной и окончательной. Эдуард мог вернуться к своим делам, связанным с войной во Франции.

Но помешало этому обстоятельство, которое странным образом повторяется во все времена и во

многих странах: на сцене появляется некий человек и берет дело в свои руки. Причем это не представитель знатного рода, а выходец из простых людей, который хорошо понимает чаяния народа и откликается на них с сочувствием и умением природного вождя. Таких людей часто ожидает печальный конец, их подвиги не отмечаются наградами, но они остаются жить в легендах и преданиях народа. В Испании таким был Родриго Диас де Бивар, прозванный Сидом. В Мексике – Эмилиано Сапата. В кубинской революции героем стал Че Гевара. Такой человек появился и в Шотландии, когда страна в нем крайне нуждалась. Его звали Уильям Уоллес.

Уоллесу, второму сыну бедного рыцаря из Ренфрю, было только двадцать лет, когда он поднял меч против ненавистного завоевателя с юга. Родные места Уоллеса лежали не в горах, а в низменной части юго-востока страны, где пологие холмы пересекают многочисленные ручьи и речки, где тут и там стояли укрепленные гарнизоны английских войск. Уоллес учел это неблагоприятное положение и с небольшой группой приверженцев повел в этих местах партизанскую войну. В народе о нем заговорили как о герое, когда с группой своих родичей в тридцать человек он напал на Ланарк, управу английского шерифа Уильяма де Хесиллрига. Смельчаки захватили Ланарк и убили шерифа. Этот подвиг поднял настроение Уильяма Дугласа, чье поместье находилось в графстве Ланарк. Дуглас, пылавший страстью отомстить за поражение в Бервике, вместе с несколькими шотландскими аристократами, решив, что Эдуард серьезно увяз в войне с Францией, призвали к себе Уильяма Уоллеса.

Уоллес и Дуглас быстро договорились о действиях, которые должны были удовлетворить их самих и понравиться всем шотландцам. Они решили напасть на Уильяма де Ормсби, английского верховного судью в Шотландии, который весьма расчетливо разместил свои судебные палаты в Сконе. Это место, тесно связанное с шотландскими традициями и историей, было священным для шотландцев. В глубокой древности здесь находилась столица пиктов. В аббатстве города хранился Камень коронации, пока Эдуард не утащил его в Лондон, и с незапамятных времен все важные дела шотландцы решали на холме Мут-хилл в Сконе.

Ормсби понимал, что, устроив резиденцию в Сконе, он придает своей власти особый вес, и на всякого шотландца, отказавшегося явиться на его вызов в Скон, налагался большой штраф. Если штраф не погашался, человек объявлялся вне закона, что делало его легкой добычей для грабителя и убийцы. Человек вне закона приравнивался к отлученному от Церкви и преданному анафеме. Надменный в час победы, Ормсби проявил благоразумие при надвигающейся угрозе. Услышав о подходе отрядов шотландцев, он быстро собрал ценности и документы и убрался из Скона.

Уоллес был бедняком, тогда как Дугласу было что терять. Узнав о захвате шотландцами Скона, Эдуард приказал конфисковать все владения Дугласа, а потом его самого схватили, отправили в Бервик, бросили в самый грязный застеноч, где он через год и умер в тяжелых кандалах и цепях.

Уоллес после Скона подался на север, и его отряд не испытывал нехватки в добровольцах. К нему даже приходили некоторые из аристократов и часто просто сводили его с ума, настаивая на собственном праве принимать решение, где, как и с кем сражаться, не признавая на поле боя никакой власти над собой. Чтобы пресечь эту вольницу, Уоллес ввел в своих отрядах жесткую дисциплину. Он назначил командиров каждой пятерке воинов, каждой двадцатке, каждой сотне и каждой тысяче. Это позволило быстро доводить приказы до каждого человека, а неисполнение приказа, неповиновение любому из командиров влекло одно-единственное наказание – смерть. Другие шотландские военачальники, сражавшиеся отдельно от Уоллеса по своим родовым и клановым правилам, тягаться с англичанами не могли: те били их где и как хотели. Войско Уоллеса было другим. Он командовал такой организованной и дисциплинированной армией, какой не было ни у тех, ни у других, армией волевой и хорошо обученной. Англичане даже не подозревали, кто им противостоял. Идя на бой с этой армией, они предполагали еще раз задать трепку взбунтовавшейся кучке дикарей.

Готовя свое самое знаменитое сражение, Уоллес осадил Данди и значительные силы направил на Кембускеннетское аббатство. Этот маневр ставил под угрозу замок Стирлинг, и англичане предприняли ответные действия. Навстречу сорокатысячному войску Уоллеса, имевшему только сто восемьдесят конников, двинулись пятьдесят тысяч английской пехоты и тысячная конница. Уоллес был партизаном, никогда не водившим в бой такое огромное войско. Англичанами же командовал Джон де Уорен, граф Суррейский, губернатор Шотландии, много и успешно руководивший военными действиями. Англичане были при полном вооружении, а шотландцы, многие из которых потеряли своих родовых вождей в предыдущих боях, были вооружены только пиками да топорами. Латы им заменяли две рубашки, подбитые слоем тряпья, чтобы смягчить удар меча. Большинство были босые, тылового снабжения у них почти не было. Но все они были оснащены ярой ненавистью к завоевателям и полным послушанием своим командирам.

Уоллес знал, что англичане двинутся на него с юга от замка Стирлинг и будут вынуждены переправиться через реку Форт, в это время года полноводную. Переправиться через реку можно было по единственному находившемуся возле замка деревянному мосту, такому узкому, что по нему с трудом могли проехать рядом два всадника. Уоллес разместил своих людей севернее моста, спрятав всех в густом

кустарнике, и строго наказал до приказа носа оттуда не высовывать. Благодаря введенной Уоллесом железной дисциплине ни единый человек из нескольких тысяч, рвавшихся в бой, не нарушил приказа. Англичане предполагали, что шотландцы где-то недалеко, но, сколько их и где именно, не знали. Почему шотландцы не разрушили этот мост? Не лучше ли переправиться по другому мосту и зайти шотландцам с фланга? Однако епископ Крессингем, королевский казначей и сборщик податей в Шотландии, решил так: поступление доходов в королевскую казну не терпит отлагательства, терять время и деньги нельзя. Англичане двинулись по узкому мосту.

Уоллесу потребовалась вся его выдержка и вся дисциплина его подчиненных, чтобы дождаться того момента, когда английское войско разделится пополам на переправе через узкий мост. Чтобы провести всю английскую пехоту и кавалерию, потребовалось бы одиннадцать часов. Для испытания крепости моста первыми на него въехали конники. Переправившись на другой берег, они рассыпались веером, организовав прикрытие переправы. За ними пошла пехота и уэльские лучники. Час за часом сидели, не шелохнувшись, шотландцы в кустах, занятых еще под покровом ночи. Наконец в полдень Уоллес увидел, что на эту сторону перешла как раз такая часть противника, которая могла бы нанести ему поражение решительным ударом, но могла быть разгромлена быстрым и решительным ударом его силами, имевшими хоть небольшой, но все-таки перевес. Тут и прозвучал условленный сигнал.

Из кустов разом хлынули десятки тысяч дико кричащих шотландцев. Англичанам казалось, что не будет конца этим орущим босоногим дикарям, размахивающим длинными копьями, боевыми изогнутыми топорами, горскими саблями и страшными двуручными шотландскими мечами. Уоллес со своими лучшими бойцами ударил по правым рядам, быстро пробился сквозь них и захватил северный конец моста, отрезав путь возможному подкреплению с южного берега. Две стороны сошлись в жаркой схватке, в замкнутом пространстве излучины реки. Те англичане, что оказались ближе к шотландцам, падали под их ударами, стоявшие сзади пятились и толпами падали в полноводную реку. В своих тяжелых латах и кольчугах они сразу шли на дно.

Де Уорен мог только наблюдать, как его лучников и конников рассекают на мелкие группы и сбрасывают с моста и с берега и те тонут в бурных водах. Он дал приказ отходить, но шотландцы перекрыли единственный путь отступления. Когда мост очистился, Уоллес послал на ту сторону своих людей преследовать бегущих. Когда известие о разгроме англичан дошло до шотландской аристократии, не желавшей подчиняться Уоллесу, она тоже пожелала участвовать в преследовании отступающих. По мере того как росло число охотников, число преследуемых час от часу сокращалось. В плен не брали; шотландцы хотели только убивать, а убив одного, гнались за следующим, чтобы уничтожить и его. На мосту с убитого епископа Крессингема содрали кожу и преподнесли Уоллесу, чтобы изготовить из нее ножны для меча.

Уоллес собрал кого мог из разбежавшейся в погоне за врагами армии, набрал новых ополченцев и через несколько месяцев взял Стирлинг, Бервик, Данди и Эдинбург. Очистив от англичан Шотландию, он двинулся походом на Камберленд и Уэстморленд.

Вернувшийся с громкой победой, Уоллес, если бы только он пожелал, легко мог стать королем: возражавших тогда не нашлось бы. Но он предпочел быть произведенным в рыцари и взять себе титул Страж Шотландии. Он привнес в шотландское общество некую организованность и национальное единство. Он был талантливым военачальником, но не был политиком. А шотландская аристократия по-прежнему цеплялась за свою драгоценную самостоятельность и не желала никакой власти над собой.

Шотландия была свободна, но обрела свою свободу от Англии, когда в ней не было грозного Эдуарда I, продолжавшего бесконечную войну с Францией. Его ответ был таков: Эдуард вступил в длительные переговоры с французами и освободил себе руки, чтобы заняться исправлением дел на пороге собственного дома. В 1294 г. было достигнуто соглашение о том, что король Эдуард женится на сестре короля Филиппа принцессе Маргарет, а сын и наследник Эдуарда, принц Эдуард, женится на дочери французского короля Изабелле. Этот двойной династический брак сделал дальнейшие переговоры делом чисто формальным. В 1297 г. Эдуард уже был в состоянии все свое внимание и всю военную силу обратить на решение проблемы Шотландии.

После возвращения в Англию первым государственным актом Эдуарда был созыв парламента в Йорке, куда должно было приехать все дворянство Шотландии, а всякий уклонившийся от явки на заседание объявлялся предателем. Однако никто из шотландцев на собрание не явился. Не потому, что последовали совету Уоллеса, а просто не признавали над собой ничьей власти. К тому же они опасались ловушки.

Эдуард повел свои войска в пограничный пустынный район, где была разбита армия де Веренна. Все трупы были собраны и сожжены, скот выведен из зоны военных действий. Английские корабли с провиантом стали на рейде Эдинбурга. Но Уоллес заблокировал подход к ним. Англичане, выйдя в поход, планировали добывать провиант по пути, а в конце использовать припасы с кораблей. Теперь они не могли ни того, ни другого. Уоллес построил свою тактику на том, что голодная армия англичан рано или поздно будет вынуждена отступить, тогда можно будет нанести по ней удар. К несчастью, нашлись два

шотландских графа, пожелавших избавиться от командования Уоллеса. Они сообщили Эдуарду о месте расположения Уоллеса в нескольких милях от Фолкерка, где Страж Шотландии со своим войском ожидал момента, когда англичане начнут отходить. Это и было нужно Эдуарду: «Они хотят меня преследовать! Я тут же выйду им навстречу!»

Вечером того же дня английская армия тихо подошла на расстояние одного перехода к расположению войска Уоллеса. Дав несколько часов отдыха, Эдуард в темноте подвел свои войска вплотную к неприятелю, и едва рассвело, англичане увидели шотландские отряды на склонах горы. В распоряжении Уоллеса был несколько сот конных всадников, которыми командовал Джон Комин Рыжий, и небольшой отряд лучников с короткими и грубыми горскими луками, которые были намного слабее длинных и мощных луков уэльсцев. Основная масса шотландских воинов, вооруженных длинными пиками, была построена в три скилтрона, пустых внутри кольцеобразного формирования, ошестинившегося остриями своих копий. В центре круга находился резерв, готовый заменить собою павших бойцов. Длинное копьё было эффективным орудием отражения атаки кавалерии, но было бесполезным в рукопашном бою, и копьеносцы были беззащитны против дальнобойных стрел английских лучников.

Накануне боя Комин Рыжий и Джон Стюарт, командовавший лучниками, затеяли обычный спор о том, что по благородству происхождения они достойнее Уоллеса, а потому именно они должны руководить сражением. Уоллес их переспорил, но на свою беду. При первой же атаке англичан Комин Рыжий отошел со своей конницей, оставив Уоллеса без резерва и с открытым флангом. Джон Стюарт с отрядом лучников первыми полегли в бою.

Поначалу скилтроны отбивали атаки англичан, и, казалось, победа снова будет на стороне шотландцев. Эдуард, однако, использовал другой прием, и шотландцы со своей тряпичной броней получили удар, против которого у них не было защиты. Эдуард отвел свои отряды назад и выдвинул вперед лучников. Их стрелы, без труда пробивавшие легкую броню и кольчугу,несли страшный урон шотландским воинам с их тряпичной защитой плеч и груди. Надо было бы ударить по лучникам кавалерийской атакой, но кавалерии у Уоллеса уже не было. Скилтронам ничего другого не оставалось, как стоять и умирать под градом стрел; они начали распадаться. Увидев это, Эдуард направил в тыл шотландцам конницу, и те дрогнули. Уоллесу удалось прижать свои отряды к лесу. Кто смог сделать это, не стал легкой добычей тяжелых всадников. За самим Уоллесом в лес погнался Брайан де Джай, Мастер английских тамплиеров. Уоллес сразил его.

Когда сражение закончилось, десять тысяч шотландцев остались лежать на поле боя. Шотландское дворянство, конечно, обвинило во всем Уоллеса, и аристократия отвернулась от него совсем. Обратившись к идее союза с Францией, Уоллес отправился к Филиппу с просьбой о помощи. В ответ Филипп заковал Уоллеса в цепи и написал Эдуарду письмо, предлагая отправить ему пленника. Эдуард поблагодарил шурина и попросил некоторое время подержать Уоллеса во Франции. Тут Филипп изменил свое решение и отпустил Уоллеса на волю. Вместо помощи военной силой Филипп снабдил Уоллеса письмом к папе с мольбой о помощи. Как распорядился письмом Уоллес, неизвестно.

В 1304 г. Джон Стюарт Ментейтский, некогда бывший другом и соратником Уоллеса, перешел на сторону англичан и был назначен шерифом Думбартона. В том же году к Стюарту явился некий Джек Шорт, бывший слуга Уоллеса. Поскольку его хозяин был теперь в бегах, слуга, желая получить вознаграждение, сообщил, что Уоллес скрывается в Робройстоне, неподалеку от Глазго. Ментейтский барон решил самолично отправиться в указанную гостиницу и дать солдатам сигнал, что искомый ими человек находится тут, переложив хлеб на блюде. Ментейт действительно нашел своего бывшего друга в гостинице и сел с ним за один стол. Когда солдаты вошли, барон взял со стола буханку хлеба, повернул ее и снова положил на место. Тут Уоллеса и схватили.

Ни минуты не теряя, его заковали в цепи и торжественно повезли в Лондон. 22 августа 1305 г., через день после доставки Уоллеса в столицу, он предстал перед судом в Большом зале Вестминстера. В глубине зала для него был выстроен помост, на голову ему надели лавровый венок. Это была насмешка, скажет любой шотландец, подобная той, коей забавлялись римские солдаты, водружая терновый венок на голову Христа. Уоллесу предъявили длинный перечень преступлений против английской короны, включавший измену, подстрекательство к бунту, убийства и поджог. Поставленный вне закона, он не имел права слова сказать в свое оправдание и защиту. Пять судей признали его виновным и приговорили к повешению, потрошению и четвертованию.

Часа не прошло, как приговор стали приводить в исполнение. Из Вестминстера Уоллеса привезли в Тауэр.

Конвойные сопровождали его до места казни Тайберн, причем его волокли привязанным к хвостам лошадей вдоль улиц, заполненных зеваками. Помост специально был сделан высоким, чтобы больше народу могло видеть казнь. Ему накинули на шею веревку и стали медленно подтягивать вверх, наблюдая, как он корчится от удушья. Затем его опустили и, по некоторым свидетельствам, кастрировали. После этого в брюшной полости сделали надрез, через который стали вытаскивать внутренности, пока не

наступила смерть. После этого Уоллесу отрубили голову, которую на специальной пике выставили на Лондонском мосту. Тело разрубили на четыре части и засолили. Эти останки разослали на север для показа в Ньюкасле, Перте, Бервике и Стирлинге.

Десятого февраля 1306 г. после страшной казни Уоллеса во францисканском монастыре Дамфрис встретились Роберт Брюс и Джон Комин Рыжий. Дед и отец Брюса уже умерли, и теперь он стал прямым наследником шотландского трона. Комин Рыжий, бежавший с поля боя со своей конницей, тоже претендовал на трон, основываясь на родстве с Балиолом. Спор двух благородных шотландцев, происходивший пред алтарем, стал таким ожесточенным, что Брюс выхватил свой кинжал и по самую рукоять вонзил его в бок соперника. Один из спутников Брюса добил Комина.

Не теряя времени, пока сторонники Комина не пришли в чувство, Брюс направился прямо в Скон. Он вызвал туда епископа Глазго Уишарта, который встретил Брюса с одежаниями для коронации. Здесь же была группа епископов и дворян, хорошо понимавших, что одним фактом своего присутствия здесь они становятся смертельными врагами Эдуарда I. Между тем сам английской король в своей далекой Англии даже не подозревал, что хрупкий мир с Шотландией уже на грани разрыва.

Но героиней того дня коронации стала Изабелла, графиня Бьюкенская. Она была женой одного из Коминов, теперь оказавшихся кровными врагами Брюса. Но что еще важнее, она была дочерью графа Файфского, горячего сторонника Брюса в его притязаниях на шотландский престол. Услышав о предстоящей коронации, она приказала оседлать самого быстрого скакуна и, не оповестив своего мужа, помчалась в Скон. Прискакав на место к самому началу церемонии, она сразу заявила, что в отсутствие своего брата графа Файфского, который находился в отъезде, она своим присутствием и полномочиями своего старинного рода подтверждает законное право на королевский трон человека, коему шотландская корона принадлежит по праву первородства. Заявление Изабеллы было равносильно зачитыванию самого важного родового документа, ее соплеменники признали его высокое достоинство, и Брюс был коронован королем Шотландии – Робертом.

Узнав о коронации нового шотландского короля, Эдуард взорвался. Командующему войсками англичан в Шотландии лейтенанту Эмеру де Валенсу был отдан срочный приказ: всех, кто примкнул к Брюсу, немедленно казнить. Для нового нашествия на Шотландию в Англии собиралась армия, которая вообще не предполагала там брать пленных. По причине слабеющего здоровья, а также с целью привлечь своего изнеженного наследника к нелегким королевским обязанностям командующим этой армией король Эдуард номинально назначил сына, который, будучи официальным наследником престола, носил титул принца Уэльского.

Для вступления в эту должность принц Эдуард был произведен в рыцари на особой церемонии в Вестминстерском аббатстве. Принца должны были сопровождать двести семьдесят молодых людей, которых также одновременно произвели в рыцари в ходе грандиозной церемонии. В те времена посвящаемый в рыцари молодой человек должен был пройти долгий и сложный обряд: накануне днем его брили, потом он принимал душистую ванну (в резком контрасте с тамплиерами, которые не брились и не принимали ванны). После ванны кандидат в рыцари совершал в храме всенощное бдение, молясь и примеряя свои латы и оружие. В Лондоне не нашлось подходящего помещения для проведения такой церемонии, и многих посвящали в храме тамплиеров и во дворе храма, где пришлось срубить три дерева, чтобы поставить просторный шатер для будущих рыцарей, их слуг и оруженосцев. Всенощная служба для многих проходила в Вестминстере, но многие молились над своим рыцарским снаряжением и в храме тамплиеров. (Заметим, что вся эта церемония в присутствии королевской семьи проходила всего за несколько месяцев до арестов тамплиеров в Париже.)

После того как прикосновением меча принц и его компаньоны были произведены в рыцари, все участники торжества проследовали на грандиозный пир. Там король поклялся отомстить убийцам рыжего Комина и не знать покоя, пока Роберт Брюс не будет убит. Молодой принц со своей стороны поклялся не ночевать в одной и той же постели, пока Шотландия не будет снова покорена. В пиршестве участвовали два новых молодых рыцаря, сыгравших роковую роль в судьбе принца Уэльского: Роджер де Мортимер, будущий любовник Изабеллы Французской, после того, как она станет женой короля, и Хью ле Деспенсер-младший, который через несколько лет станет любовником молодого короля, с которым вместе был только что посвящен в рыцари.

Тем временем в Шотландии Эмер де Валенс был занят исполнением приказа своего короля. Подъехав к Перту, он обнаружил там Брюса с войском, готовым дать бой англичанам. Шотландцы, с удовольствием убедившись, что англичане не собираются вступать с ними в драку, разошлись по домам, насмехаясь над трусливым врагом. Сняв всякую охрану и часовых, они были застигнуты врасплох внезапной атакой англичан. Их охватила паника, и они были наголову разбиты.

Брюс отступил в горы, а потом с остатками своей армии бежал на Западные острова. Разбежавшиеся по лесам шотландцы, которых только накануне призвали на королевскую военную службу, оставшись без командования, не придумали ничего лучшего, как разойтись по домам, по пути куда их по одному ловили и в соответствии с приказом короля тут же убивали. Брата Брюса Нигела захватили в Бервикском замке и

приговорили к повешению. Двух других братьев Брюса, Томаса и Александра, протащили по улицам привязанными к конским хвостам и тоже повесили.

Эмер де Валенс хорошо знал нрав своего короля. Когда в его руки попала графиня Бьюкенская, он ее не казнил, а спросил на сей счет указаний у короля. Король не замедлил с ответом. Обозленный на Изабеллу за то, что, предав мужа, она просто-таки возложила шотландскую корону на голову Роберта Брюса, Эдуард решил отменно наказать графиню. Он приказал изготовить большую клетку в форме шотландской короны. Упрямыцу посадили в эту клетку, и в хорошую погоду клетку вывешивали на балке на башне замка, чтобы все видели, как наказывается оскорбление английского короля. Муж бедняги, Комин Черный, ничего не имел против наказания предательницу и пальцем не шевельнул, чтобы облегчить ее участь. Когда она провела четыре года в клетке-короне, ее заточили в монастырь. И только через несколько лет, уже после смерти ее мужа, близкие добились освобождения Изабеллы.

Король Роберт винил себя за то, что повел свой народ на борьбу, когда он был совершенно к этому не готов. Скорее всего, в эти минуты, разбирая свои ошибки, обдумывая новые планы восстания против господства англичан, случилось ему наблюдать, как паук настойчиво плетет свои тенета. Но что бы ни послужило ему источником вдохновения, весной следующего года король вернулся на материк совершенно готовым к новой войне. За время бегства он сильно ослаб, и войска он вел, лежа на носилках. До конца своего пути он не дошел и умер по дороге в июле 1307 г., за три месяца до начала повальных арестов тамплиеров во Франции.

Будь Эдуард I жив, Филиппу вряд ли пришло в голову преследовать тамплиеров. Вместе с Орденом тамплиеров Эдуард I представлял собой очень большую силу, это был, пожалуй, самый могущественный король за всю историю Англии. Но, к счастью Филиппа, молодой принц Уэльский, ставший теперь королем Эдуардом II, был едва ли ни самым жалким монархом на английском троне.

Все свое правление Эдуард I беспрестанно делал попытки поставить шотландцев на колени, и тогда в душе и крови народа родилась та ненависть к англичанам, остатки которой тлеют до сих пор. На его надгробии в Вестминстерском аббатстве красуется надпись: «Здесь лежит Эдуард, молот шотландской наковальни». Но доставшаяся в наследство слабому сыну Шотландия была охвачена новым порывом собственным молотом выковать себе свободу. Шотландцы с готовностью приняли и укрыли у себя всех борцов против Англии. Воспользовались гостеприимством шотландцев и рыцари Ордена тамплиеров, когда на них обрушились преследования Святого Престола и французского короля.

Глава 8

Четыре наместника христовых

После смерти папы Николая IV в 1292 г., как это часто бывало, кардиналы, призванные избрать нового папу, разделились на две противостоящие партии, связанные с двумя влиятельными римскими семействами – Колонна и Орсини. Силы обеих были приблизительно равны, ни одна из сторон победить не могла, и потому кардиналы поступили как обычно, избрав на Святой Престол старика, который долго на земле не задержится и не имеет связей ни на той, ни на другой стороне. На сей раз выбор пал на Пьетро дель Мурроне, монаха-отшельника, не занимавшего в церковной иерархии особого положения. Он принадлежал к монашескому Ордену целестианцев, ведших суровый аскетический образ жизни с беспрестанным самобичеванием. Они никогда не смеялись, ибо в Писании сказано: «Христос плакал», но нигде не говорится, что Он смеялся. Своей жизнью Пьетро дель Мурроне был совершенно доволен, папой становиться не желал, но его мнения никто не спрашивал. Его извлекли из пещеры под Неаполем, где он находился, и провозгласили папой Целестином V. Карл II, французский король Неаполя и сын Карла Анжуйского, быстро подчинил нового папу, уже страдавшего старческим слабоумием, своему влиянию. Папа был рассеян и плохо соображал, но оказался достаточно послушен, чтобы назначить тринадцать новых кардиналов, из которых трое были неаполитанцами, а шестеро французами.

Кардинальская курия скоро поняла, что совершила ошибку. Вместо нейтрального и ни во что не вмешивающегося папы они получили третью, быстро растущую по силе и влиянию группу монархистов Франции и Неаполя. Эта группа стала настаивать на том, чтобы Целестин V добровольно покинул папский престол. Самый активный из кардиналов Бенедетто Каэтани не остановился на уговорах, увещаниях и просто давлении, а пошел дальше. Существует легенда, будто Каэтани устроил в папской опочивальне под коврами дыру. Сквозь эту дыру он по ночам говорил с Целестином от имени Господа, уверяя, что Всевышний призывает его оставить трон святого Петра. В конце концов папа заявил, что должен покинуть свой пост, потому что возраст и слабое здоровье не позволяют ему должным образом руководить Церковью. Его отставку без долгой проволочки приняли.

И снова кардиналы оказались перед проблемой выбора папы из кандидатов от Колонны и Орсини. Когда Каэтани предложил свою кандидатуру как ничейную, больших надежд на успех у него, казалось, не было. Но он быстро скооперировался с интересами Карла Неаполитанского и Франции, что резко изменило соотношение голосов. Французская группа, поддерживающая Каэтани, нашла общий язык с

группой Орсини; вместе они блокировали всех кандидатов Колонна, и Бенедетто Каэтани стал папой Бонифацием VIII.

Правление Бонифация VIII многих не устраивало, потому что простой народ не понимал, как избранный Божьей волей папа может быть отстранен от святого служения, и продолжали настоящим папой считать Целестина, а к Бонифацию относились как к узурпатору папской власти. К Целестину двинулся поток паломников за святым благословением. Этого Бонифаций VIII снести не мог. Он повелел схватить Целестина и бросить в крошечную камеру, где старик едва мог вытянуть ноги. Весной 1296 г. Целестин скончался.

С одной стороны, папа Бонифаций VIII был великим радетелем папской власти, с другой – не было среди пап большего честолюбца. Он утверждал, что его власть распространяется на любое королевство и любое владение всего мира и на любой живое существо. При этом у него были враги, с которыми он вел неустанную борьбу. Дом Колонна не только считал избрание Бонифация незаконным, но и требовал от Бонифация отречения, поскольку тот был избран папой, когда предшественник был еще жив. В ответ на все это Бонифаций решил раз и навсегда покончить с семейством Колонна.

Двух кардиналов Колонна он лишил привилегий, полагавшихся князьям Церкви. Далее Бонифаций проклял весь род Колонна, как умерших, так и живущих, и потребовал конфискации всех земель рода в пользу Церкви. Он объявил, что на примере отлучения двух кардиналов Колонна весь мир должен знать, как поступает Святой Престол со своими врагами. Представители Колонна в ответ продолжали твердить, что Бонифаций избран противозаконно, и свое заявление подкрепили перечнем преступлений и нарушений, лежащих на его совести. Ответным шагом Бонифация была конфискация всей собственности Колонна в пользу папской казны и запрет всем членам этой семьи вплоть до четвертого поколения посещать храмы. Свою тяжбу с родом Колонна папа объявил священной войной, и всем ее участникам на стороне папы было дано отпущение всех грехов, какое давалось участникам Крестовых походов. Сторонники Орсини горячо поддержали Бонифация в уничтожении своих старых врагов, к ним присоединились тысячи других соискателей папских милостей, не всегда имевших отношение к борьбе родов Орсини и Колонна. Очень скоро род Колонна сошел с общественной сцены – или, по крайней мере, так казалось.

Намерение Бонифация VIII утвердить власть Святого Престола над всеми странами Европы осуществлялось с переменным успехом. Сильное сопротивление он встретил в лице английского короля Эдуарда I, с которым ему несколько раз приходилось заключать частные соглашения. Но главным камнем преткновения папы в Европе был французский король Филипп IV. В 1296 г. Филипп ввел налог на собственность и доходы Церкви во Франции, чтобы вести непрестанную войну с Англией. Папа осудил введение этого налога как превышение полномочий светской власти, постановив, что без особого разрешения Рима никакая собственность и никакие доходы Церкви облагаться налогами не могут. Отнятые у Церкви средства он потребовал вернуть. На это Филипп ответил другим законом, запрещавшим без особого разрешения вывоз из Франции серебра и золота, что существенно сократило поток денежных поступлений в папскую казну. Новый закон больно ударил по финансам Рима, и в 1297 г. был достигнут компромисс, который полностью устраивал французского короля.

Однако в следующие два года Бонифаций ухитрился значительно расширить свое достояние и авторитет, не касаясь отношения с земными владыками. Наступление нового века всегда отмечалось как большое событие, но наступление четырнадцатого столетия от Р. Х., подготовка к которому началась в 1299 г., Бонифаций превратил в торжество, каких еще не видел свет. Всем паломникам, прибывшим в Рим на пятнадцать дней празднования торжественной даты, он обещал полное отпущение грехов, и они хлынули к Святому Престолу в количестве, по оценкам историков превысившем два миллиона человек. От каждого паломника Церковь ожидала отдельного подарка, и они сыпались в ее закрома в таком изобилии, что священники собора Святого Павла едва успевали деревянными лопатами отгрести за алтарь золотые и серебряные дары паломников, которые рекой текли от жаждущих коснуться главной католической святыни. Совсем помешавшись от сказочного богатства, Бонифаций пошел в новое наступление на Филиппа.

Филипп немало портил настроение папы. Помимо прочего он отобрал у Церкви земли и предоставил убежище злым врагам папы из рода Колонна. В конце года Бонифаций созвал в Риме собор, где поставил вопрос об отношениях Ватикана с Францией. Бонифаций просил Филиппа не вмешиваться в совещание князей Церкви, но король Франции все-таки вмешался. Он сам созвал большой конгресс, причем впервые на него было приглашено третье сословие. Обычно в таких собраниях участвовали дворяне и духовенство, но на сей раз привлекли и простолюдинов, поскольку речь шла о конфликте короля с папой римским. Третье сословие и аристократы быстро объединились вокруг короля и сошлись на том, что трон и корону король получает непосредственно от Бога, а не от папы. Они призвали кардиналов отречься от папы и не слушаться его. Французское духовенство подтвердило свою преданность и верность королю Франции, но также подтвердило свою лояльность папе и сочло себя обязанным приехать в Рим на объявленный на ноябрь собор. Король возразил на это запрещением

французскому духовенству являться на собор, где будут поносить французского короля.

Столкнувшись с таким пренебрежением и не прислушавшись к мнению некоторых кардиналов, Бонифаций огласил свою знаменитую буллу «*Unam Sanctam*», где заявил о главенстве папства над всяким мирским правлением и даже указал, что «подчинение каждого человека воле понтифика – это вопрос спасения человечества». Такого заявления о главенстве папской власти еще не бывало за всю историю западной Церкви.

Бонифаций предупредил свою паству во Франции, что, если они не приедут в Рим, их ожидают гнев и наказание понтифика. Король со своей стороны пригрозил всякого, кто нарушит его запрет и поедет в Рим, лишить всей собственности во Франции. Несколько французских прелатов рискнули своим достоинством и поехали на собор, но тот не состоялся по причине пустого зала.

Как потом случится еще не раз, король Филипп призвал на помощь особый талант Гийома де Ногаре, которого историки называют то «законником», то «министром», то «агентом» Филиппа. В апреле 1303 г. Гийом выдвинул на Государственном совете Франции идею о непригодности Бонифация к занятию престола Святого Петра. Он объяснил это тем, что Церковь сочтается браком с папой Целестином V, а Бонифаций совершил адюльтер, похитив у папы его супругу, когда тот еще был жив. Через три месяца де Ногаре положил на стол короля перечень двадцати девяти обвинений папы Бонифация: в ереси, содомии, богохульстве, хищении церковного имущества ради собственного обогащения, разглашении тайн исповеди, убийстве и т. д., включая совсем уже немыслимое обвинение в тайной половой связи с бесом, которого папа якобы содержит в своих покоях. Этот документ был широко оглашен по всей Франции и привлек к королю новых сторонников. Призыв сместить Бонифация со святого трона поддержало большинство аристократии, двенадцать епископов, основная часть младшего духовенства, а также представители Орденов тамплиеров и иоаннитов.

У Бонифация остался последний козырь: он еще в апреле 1303 г. подверг Филиппа строгой мере церковного наказания, отлучив его от Церкви. К большому огорчению папы, этот его шаг вызвал обратное действие во Франции, обозлив французов на Рим и еще больше сблизив их с королем. Тогда в сентябре 1303 г. папа решил наложить церковный интердикт на всю Францию целиком. Это не было полным отлучением от Церкви, но вводило некую цензуру, по которой папа мог запретить совершать таинства крещения, причащения, отпущения грехов и даже заупокойные мессы. Это уже была серьезная угроза Филиппу, чреватая бунтами, а то и широкой революцией. Этот папский интердикт нужно было во что бы то ни стало упредить, и такое королевское задание получил бывалый Гийом де Ногаре. К нему с готовностью примкнул Скьярра Колонна, давно желавший добратся до своего заклятого врага.

Бонифаций намеревался выступить с объявлением своего интердикта в своем родовом имении Ананьи в Италии. В ночь перед этим событием де Ногаре и Колонна, собрав небольшой военный отряд, захватили Ананьи, все немногочисленное население которого в страхе разбежалось. Дворец они нашли практически пустым и без труда взяли шестидесятисемилетнего папу в плен. Три дня они терзали старика словесными упреками и физическим воздействием. Колонна даже хотел тут же прикончить Бонифация, но де Ногаре воспрепятствовал. На четвертый день обитатели Ананьи вернулись, чтобы освободить своего папу, и прогнали захватчиков. Папа вернулся в Рим, но физически и морально он был совершенно сокрушен, а через пару недель скончался. Существует предание, что он убил себя, ударяясь головой о каменную стену своей комнаты. По другому преданию, была рука, которая направляла удары его головы о каменную стену.

Ни упреков, ни осуждения за жестокое обращение с понтификом от других монархов Филипп не услышал. Скорее всего, в нем видели борца против папского засилья, от которого все повсеместно страдали. В течение десяти дней без особой суеты и споров избрали преемника Бонифация VIII, выбравшего себе имя Бенедикта XI. Он начал свое правление с попыток примирения с французским королем Филиппом IV и пошел на ряд уступок. Филипп принял уступки, но потребовал еще больших, и отношения с папой стали портиться. Филипп, сохраняя ненависть к бывшему папе, потребовал от Бенедикта XI созвать собор, чтобы рассмотреть все обвинения, выдвинутые против его предшественника. Тут Бенедикт взъелся и в июле 1304 г. выступил с горьким укором всем, кто совершал насилие над Бонифацием в Ананьи, и всех виновных в этом отлучил от Церкви. Филипп решил, что придется вступить в бой еще с одним папой, но через несколько недель после осуждения «преступления в Ананьи» папа Бенедикт XI скончался. Некоторые считали, что его отравили по приказу Филиппа.

Далее в поле зрения Филиппа попал человек, который скоро станет главным действующим лицом в ужасающей драме рыцарей-тамплиеров, – архиепископ Бордоский Бернар де Гот. В отношениях между де Готом и Филиппом ничего дружеского не было, больше того – они недолюбливали друг друга. Не было у них согласия и относительно путей разрешения напряженности между Церковью и Францией: де Гот был стойким приверженцем Бонифация и противником Филиппа. Точку соприкосновения они нашли в том, что Филипп хотел иметь управляемого папу, а де Гот больше всего на свете хотел стать папой римским. И они заключили сделку.

Архиепископ просто сгорал от желания любой ценой добиться почестей, богатства и власти, какими

обладает наместник Христа на земле. А кого выберут на этот высший церковный пост после длившихся год переговоров, споров, интриг, затеянных кардиналами, зависело теперь только от воли Филиппа. Среди князей Церкви сложились три фракции. Помимо фракций Орсини и Колонна, восстановивших свое влияние и положение, теперь появилась еще сильная фракция французских кардиналов. Для выхода из тупика было предложено искать преемника вне круга кардиналов, и французам удалось убедить конклав святых отцов поступить следующим образом: итальянская сторона предлагает трех кандидатов, а французские кардиналы в течение сорока дней должны избрать из них папу.

Архиепископ Бордоский совершенно точно попадал в список трех претендентов по причине своей давней неприязни к Филиппу и дружбы с Бонифацием. Он не был вассалом Филиппа, потому что Бордо в те времена принадлежал Англии. Держа в руках этот список, Филипп сразу понял, что теперь у него есть свой человек: Бернара де Гота не остановит прежняя вражда, он легко забудет все прошлые разногласия ради пурпурной мантии папы римского. Все французские кардиналы были послушны воле своего короля, и Филипп мог спокойно указать им, кого следует назначить верховным понтификом.

Оставалось только договориться с самим де Готом. Требовалось от него немало. Филипп сохранил верность роду Колонна за их поддержку и потребовал восстановить в сане их двух кардиналов. Всех противников Бонифация, наказанных отлучением от Церкви и порицанием, надлежало полностью простить. Буллы Бонифация должны быть уничтожены, а сам папа официально заклемен. Филипп получал право ввести на пять лет 10-процентный налог с общего дохода французского духовенства. (Существовали также слухи и о тайном соглашении относительно преследования тамплиеров.) Архиепископ со всем согласился и торжественно поклялся соблюсти все оговоренные условия. Впрочем, об истинном характере взаимоотношений этих людей говорит тот факт, что Филипп не поверил клятве де Гота и потребовал, чтобы он передал ему в качестве заложников своих братьев и двух племянников для гарантии выполнения условий. 14 ноября 1305 г. Филипп исполнил обещание, и Бернар де Гот был единогласно избран папой под именем Климента V.

С его правлением связано так называемое «Авиньонское пленение пап», начавшееся назначением двадцати четырех новых кардиналов, из которых двадцать три были французами. Несколько кардиналов являлись родственниками нового папы. При этом решающую роль в назначениях играл король Филипп. При всех своих неумных амбициях, Климент был человеком трусливым. Следуя из Бордо в Италию, он постоянно чувствовал за собой глаз Филиппа, не отпускавший его ни на шаг. Он кочевал по югу Франции, якобы держа путь на Рим, но так туда ни разу и не доехал. Вместо Рима он избрал своей резиденцией город Авиньон. Тогда этот город входил в графство Прованс, владела которым Иоанна Неаполитанская. Она нуждалась в деньгах и продала папе Авиньон за восемь тысяч золотых флоринов. Там были возведены дворец и крепость, ставшие резиденцией пап на целые семьдесят пять лет. За все это время только один папа и единственный раз побывал в «папском» Риме.

Климент выполнил большинство обещаний, оговоренных в сделке с Филиппом, но упорно уклонялся от осуждения своего друга Бонифация VIII, за что Филипп его нещадно бранил и грозил покарать.

Возродившийся род Колонна стал сильнее, чем был ранее. Ему вернули все земельные владения, а римский суд постановил, чтобы Орсини и другие сподвижники Бонифация VIII выплатили Колонна сто тысяч золотых ливров компенсации.

Монархи постоянно нуждались в деньгах и с завистью и досадой смотрели, как у них из-под носа в Рим идет нескончаемый поток денег и ценностей. Иногда, впрочем, очень редко и с особого разрешения, им дозволялось зачерпнуть из этого потока малую толику налогов. В пределах светских государств Европы Церковь не только владела 30 процентами земельных угодий, но у нее были собственные (церковные) суды и тюрьмы.

В то время, когда папа находился в Авиньоне под строгим, так сказать, наблюдением французского короля, вопрос о главенстве власти для Церкви на какое-то время потерял актуальность и все свое внимание Церковь направила на приобретение богатств, собственное величие и возвеличивание. Золотом украшалась мебель, золотом расшивались одеяния, ливреи сотен слуг и все атрибуты богослужения. Первым и главным были только деньги; все продавалось и покупалось. Доход Католической церкви был стопроцентным, потому что продаже подлежали нематериальные вещи. Товаром были индульгенции, отпущение грехов, привилегии. Климент V придумал «аннаты» – исчисляемую в процентах пошлину (которая порой доходила до 100 процентов) за первый год дохода священника от своего прихода. При такой системе назначения и распределения церковных должностей от епископа и до самого скромного священника, когда учету подлежал каждый заработанный или сэкономленный грош, самое низшее духовенство оказалось в нищете.

Престиж и положение в свете для высшего духовенства играли важнейшую роль. Вопросам иерархии и взаимоотношения духовных лиц и дворянства посвящались бесконечные совещания и диспуты. Особый протокол регулировал положение каждого такого лица в любой официальной должности и за столом во время приемов. Критерием чести служило самолюбие, и Церковь не уставала требовать все новых прав,

привилегий и знаков уважения. Даже в сфере досуга Церковь находила способ утвердить свое особое положение и достоинство.

Крестonosцы привезли в Европу шахматы, игру, изображающую на доске сражение армий двух королевств, цель которой состояла в пленении или убийстве короля противника. Название игры «шахматы» происходит от персидского возгласа «Шах мат!», что значит «Царь мертв!». Каждая фигура движется по своим правилам: пешие копыносцы – «пешки» ходят вперед только на одну клетку, кроме первого хода, разрешающего ход на две клетки, в соответствии с тактикой персов, по которой копыносцы стремительным броском вперед выстраивали заслон из острых пик на пути неприятельской конницы. «Тура», или «ладья», первоначально называлась «слоном», на спине которого размещалось подобие крепостной башни. «Ладья» ходит далеко и в любом направлении по прямой линии. Следующая фигура – «конь», который скачет на две клетки вперед и на одну – в сторону; крестonosцы переименовали эту фигуру в «рыцаря». Далее идет фигура, представляющая корабль, который движется, в отличие от всех «сухопутных» фигур, по диагонали. В центре стоит «король», окруженный своим двором и слугами, которых он использует на поле боя для своей защиты. Но «королю» невозможно двигаться быстро. Ход его предусмотрен в любую сторону, но лишь на одну клетку. А вот «королева», охраняемая конницей, может двигаться быстро в любом направлении и на любое расстояние.

Какое, кажется, эта забава имеет отношение к религии? Но для Церкви казалось недопустимым наличие игры, в которой противостоят две национальные армии, но нет представителя духовенства. Поэтому рядом с фигурами монархов на месте «корабля» появился «епископ», как в европейских языках стал именоваться шахматный «слон». «Епископ» ходит по доске, как корабль, улавливая дуновение политических ветров. Короче говоря, средневековая игра тоже отражала собой структуру государственной власти.

Мирские царства, княжества, графства – это центры власти. Таким же центром власти был Орден рыцарей тамплиеров. Реальная жизнь напоминала игру в шахматы, а истинное название игры сводилось к завоеванию и сохранению власти.

Филипп IV игру за власть вел очень умело, но до полной победы было еще далеко. Убрав с дороги Бонифация VIII и держа под каблуком Климента V, он мог перейти к следующему этапу борьбы, требующему решительного раскола между светской и церковной властью: ему требовались деньги для войны с Англией. Он был в больших долгах, главным образом у Ордена тамплиеров, являвшегося основным банкиром Европы. Орден был очень богат, он владел огромными поместьями, мельницами и монополиями, с которых в государственную казну платились ничтожные налоги или не платились вообще. Филипп замыслил одним ударом решить сразу две кардинальные задачи: ликвидировать свои долги и захватить казну тамплиеров. Но, даже имея папу, который находился под его полным влиянием, даже после смерти своего заклятого врага Эдуарда I, единственного монарха Европы, который мог поступить поперек его воли и желания, задавить тамплиеров было делом очень непростым. Для этого требовались тщательно разработанный план, умелая пропаганда и решительные действия. Это был большой риск, но Филипп IV являлся единственным в христианском мире человеком, который обладал достаточной волей и нервами для такой операции. И он решился.

Глава 9

«Все средства пытки хороши»

Вернемся к Великому Мастеру тамплиеров. Прибыв в Марсель, Жак де Моле решил отправиться не в Пуатье, как было сказано в послании папы, а прямо в парижский замок тамплиеров. Он также проигнорировал указание папы прибыть инкогнито и въехал в Париж словно восточный паша, всем видом своим заявляя о богатстве и могуществе. Его сопровождали семьдесят рыцарей-тамплиеров со своими слугами и оруженосцами и еще двенадцать лошадей, навьюченных мешками со 150 тысячами золотых флоринов.

Де Моле ожидал, что в Париже его ждет самая радушная встреча Филиппа IV, который был много чем обязан тамплиерам. Орден поддержал короля в его борьбе с Бонифацием VIII, ссудил ему денег на приданое дочери принцессы Изабеллы, которая должна была обручиться с будущим королем Англии Эдуардом II. В храме тамплиеров Филипп хранил свою королевскую казну. Во время парижского бунта три года назад они спасли короля от разъяренной толпы и три дня охраняли его в своем храме. Филипп даже просил Великого Мастера тамплиеров стать крестным отцом своего сына Роберта. Можно твердо сказать, что никто не заслужил большей благодарности короля Филиппа, чем Орден рыцарей-тамплиеров и его почтенный предводитель, и, конечно, де Моле рассчитывал на поддержку Филиппа в деле, которое занимало Великого Мастера больше всего на свете.

В качестве одного из этапов подготовки нового Крестового похода предполагалось обсудить предложение папы о слиянии иоаннитов и тамплиеров в один орден, о чем в последние годы говорилось все чаще и чаще. Два года назад доминиканский монах Рамон Лулл составил проект такого объединения,

который вызвал всеобщий интерес. Он предложил слить рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Иерусалимского и рыцарей Храма Соломона в один Орден рыцарей иерусалимских, а всем монархам Европы объединиться в походе под одним командованием так называемого *Rex bellator*, или Короля войны. Еще несколькими годами раньше французский священник Пьер де Буа представил письменный проект возрождения святых мест (*«De Recuperatione Sanctae»*), с помощью которого, по его мнению, можно было добиться эффективного объединения рыцарских орденов.

Папа оценил идею объединения орденов положительно. Участие иоаннитов, укрепивших свою репутацию захватом острова Родос, придавало Крестовому походу шансы на успех, и папа склонялся к тому, что новый объединенный орден должен возглавить Великий Мастер иоаннитов Фульк де Вийере.

Филипп тоже смотрел на предложение слить два ордена в один положительно, но совсем по другим соображениям. Он предложил папе такой вариант: объединенный орден должен возглавлять король Франции, и он же должен быть распорядителем всех средств и всего достояния обоих орденов. Причем это королевское руководство монашеским воинством должно стать династическим и передаваться по наследству. Причем Филипп сразу изъявил готовность стать Королем войны. Никто этот план, естественно, не поддержал, поэтому в качестве альтернативного варианта Филипп предложил ликвидировать Орден тамплиеров вообще. Главные ценности и основное состояние ордена находились во Франции, и Филипп предполагал просто все захватить. Несомненным плюсом этого плана для Филиппа было то, что он сразу освобождался от всех долгов этому ордену, что было для него крайне важно ввиду его личного «крестового похода» против Англии, совершенно опустошившего королевскую казну. Эдуард I был серьезным противником, а новый король Эдуард II, слабовольный наследник, – совсем другое дело. Филипп точно знал, что наступило его время, и упустить удобный момент он не желал.

Разумеется, Жак де Моле не знал замыслов Филиппа и потому надеялся, что тот поддержит проект, подготовленный Великим Мастером для рассмотрения папой Климентом V, где обстоятельно и со всей силой убеждения объяснял, почему тамплиеры ни под каким видом не могут объединиться с иоаннитами. Его упрямое нежелание даже обсуждать эту идею имело прямое отношение к событиям, которые развернулись через неделю и сыграли на руку Филиппу.

Конечно же, де Моле и предположить не мог беды, готовой обрушиться на него со стороны Филиппа, который дружески приветствовал и обнимал человека, которого собирался вскоре уничтожить. Этот план был подготовлен все тем же Гийомом де Ногаре, осуществившим похищение папы Бонифация VIII. Надо сказать, что мать и отец этого человека кончили жизнь на костре как альбигойские еретики, и он не упускал ни одной возможности отплатить Римской католической церкви с лихвой. Готовя свою акцию отмщения, он заранее устроил двенадцать верных людей на руководящие посты Ордена тамплиеров.

Не подозревая о готовящемся против него заговоре, де Моле направился в папский дворец и изложил там перед папскими стратегами свой план проведения нового Крестового похода. При этом он говорил, что некоторые моменты завоевания Палестины следует держать в таком секрете, что доверять их бумаге нельзя и он хотел бы изложить их лично папе. Де Моле желал также воспользоваться встречей с папой, чтобы выяснить основательность слухов, дошедших до него здесь, в Париже, о якобы каких-то серьезных беспорядках в Ордене тамплиеров. Он хотел, чтобы официальная панская комиссия разобралась со всем этим, чтобы отмести раз и навсегда от святого братства всякие недостойные сплетни.

Пока Великий Мастер старался представить в лучшем свете свои планы и репутацию своего ордена, работа по его уничтожению уже шла полным ходом. Одному бывшему рыцарю-тамплиеру, поднявшемуся некогда до поста приора рецептории тамплиеров во Франции, а потом изгнанному из ордена, предстояло сыграть дьявольскую роль. Его посадили в тулузскую тюрьму вместе с человеком, осужденным на смертную казнь. В соответствии с правилами Католической церкви, два верующих мирянина в отсутствие духовного лица, находясь в изоляции, могут исповедаться друг перед другом. Бывший тамплиер признался в богохульстве и всяких мерзких деяниях, якобы совершавшихся в ордене у него на глазах. Ужасное признание было зафиксировано, и бывшего тамплиера вызвали «на допрос» в инквизицию. Он показал, что тамплиеры-новобранцы должны были плевать на святой крест и топтать его ногами. Как показал провокатор, от тамплиеров требовалось, чтобы свой орден и его благосостояние они ставили выше всяких иных целей, духовных или мирских. Тамплиеры насмеялись над святынями Церкви и отпускали друг другу грехи. Они занимались мужеложством и потеряли Святую землю исключительно из-за своей жадности и стяжательства. Они поклонялись идолам, обычно изображавшим кошачью голову. Второй заключенный, тоже прямой участник сговора, подтвердил эти сведения.

Все это король, как полагается, сообщил папе и предложил ему заняться расследованием. Оба заключенных получили вознаграждение, и каждый отправился своей дорогой.

У Гийома де Ногаре появилось много дел. Сама по себе заготовка кандалов для пятнадцати тысяч человек и их заключение под стражу была работенкой не из легких, к тому же провести ее нужно было в полной тайне. Соблюдение тайны было особенно важно, потому что тамплиеров во Франции предстояло арестовать и бросить за решетку всех разом.

Проведение тайной операции по аресту большого числа людей для де Ногаре не было в новинку. 22 июля 1306 г., то есть годом раньше, он уже провел подобную операцию, арестовав и заключив в тюрьму всех до единого евреев, живших во Франции. Через неделю их всех выслали из страны, но уже без имущества и собственности. Все их наличные деньги перекочевали в королевскую казну, и соответствующие мероприятия были проведены относительно всякой другой их собственности. Далее было объявлено, что французская корона принимает в собственность все долговые обязательства, хранившиеся у евреев, а все причитавшиеся евреям Франции долги и поступления должны теперь сдаваться в государственное казначейство. Соответственно все долги государства еврейской общине аннулировались. Точно так же теперь Филипп намеревался поступить и со своими долгами тамплиерам. Арест тамплиеров должен был проводиться по той же схеме с тем лишь одним усложняющим обстоятельством, что многие из подлежащих аресту были умелыми рубаками. Поэтому решено было всех взять ночью, во сне. Соответствующие опечатанные приказы были разосланы всем сенешалям Франции с приказом вскрыть их 12 октября.

Существует немало свидетельств, указывающих на то, что де Моле и верхушка ордена чувствовали какие-то тайные приготовления. Один рыцарь, собравшийся покинуть орден, разговаривал с казначеем, и тот сказал, что делает он это как нельзя вовремя, потому что ордену грозит страшная беда. Парижский Мастер тамплиеров приказал усилить охрану всех объектов ордена и никому ни под каким видом не разглашать о проводимых в ордене ритуалах и встречах. К несчастью для всего ордена, их лидер пребывал в совершенно невозмутимом состоянии, усыпленный несокрушимой верой в неуязвимость богатого и могущественного ордена. Вернувшись в Париж от папы, Жак де Моле еще больше порадовался чести, какой он был удостоен от самого короля: 12 октября 1307 г. Великий Мастер был среди самых благородных участников пышных похорон принцессы Катерины, только что скончавшейся жены брата Филиппа IV, Карла Валуа. Едва де Моле покончил с этой печальной обязанностью, как сенешали по всей Франции вскрыли запечатанные пакеты с королевским приказом.

Когда де Моле отправлялся той ночью спать, ему и в голову не могло прийти, что на рассвете уже начинавшегося дня произойдет такое, что пятница тринадцатого числа станет несчастливейшим днем года для множества людей, и в особенности для членов его ордена. Королевские солдаты на всех ста пятидесяти тысячах квадратных миль владений Франции накинудились на тамплиеров, чтобы заковать в заранее приготовленные кандалы пятнадцать тысяч человек.

На следующий день Гийом де Ногаре приступил ко второму этапу своего плана. По всей Франции, в каждом городе и в каждой деревушке было прочитано ужасное обвинение: главным значилось то, что тамплиеры плевали на святой крест и попирали его ногами. Их обвиняли в содомии, сопутствующей всякой ереси, в «похабных поцелуях» на церемониях принятия новичков в орден. Эти невероятные обвинения прозвучали со всех церковных кафедр на другой день, чтобы сначала повергнуть весь народ в ужас, а потом заручиться всеобщей поддержкой при наказании богохульников.

Когда новость об аресте тамплиеров достигла папы, тот пришел в ярость, но не из сочувствия к верному ему ордену, а из-за узурпации королем папской власти, единственной на земле инстанции, имеющей право на арест членов монашеского ордена. Филипп оправдался тем, что получил от папы дозволение на проведение расследования обвинений в адрес тамплиеров. Возможно, Климент V и сам предусматривал такое расследование, но считал, что проводиться оно должно специальной церковной комиссией, а не путем тотальных арестов и пыток. Воспользовавшись указанием папы всем князьям Церкви оказывать содействие святой канцелярии инквизиции, король заявил, что он лишь оказал содействие главному инквизитору Франции (который был исповедником короля).

Папа направил королю свой формальный протест. Как глава Церкви он был единственным начальством тамплиеров и не нуждался ни в чьей помощи относительно наказания своей паствы. Захваченные Филиппом богатства тамплиеров папа предполагал использовать на организацию нового Крестового похода (считая, по-видимому, что вопрос о слиянии орденов иоаннитов и тамплиеров уже решен) – и это тоже касалось только Святого Престола. Наконец, папа потребовал немедленно прекратить начатое против тамплиеров дело.

Реакция Филиппа на это была незамедлительной. Чтобы опорочить Климента V в глазах народа Франции, он явился к нему с небольшой армией и публично обвинил его в чрезмерной снисходительности к еретикам, в желании прикарманить деньги Ордена тамплиеров и в потакании врагам святой Матери-Церкви. Эти разглагольствования продолжались день за днем, а войско Филиппа между тем осадило резиденцию папы. О чем и как договорились папа с королем, нам никогда не узнать, но через неделю они уже пребывали в полном согласии, и главный инквизитор приступил к своей страшной работе. 22 ноября Климент V издал новую буллу, восхваляющую прозорливость Филиппа IV, провозглашающую официальную позицию папы против тамплиеров по всем пунктам обвинения и призывавшую всех монархов христианского мира арестовать находящихся в их странах тамплиеров и подвергнуть их пыткам. С этого дня началась повальная травля членов ордена.

Пока продолжались политические переговоры и торги, начиная с 13 октября и по 22 ноября всех

тамплиеров Франции подвергли жестоким пыткам с целью вырвать у них признание в ереси. В ход шли самые изощренные способы. До каких пределов доходили мастера заплочных дел в камерах инквизиции, чтобы довести дело до последней грани человеческой предсмертной агонии, говорит тот факт, что в первый день пыток тридцать шесть тамплиеров были замучены до смерти. Их высшей законной властью был только папа; как члены духовного ордена, они не подлежали физическим пыткам, но оказались во власти инквизиторов, вооруженных дыбам и раскаленным железом. Добавим к этому обстановку средневековой тюрьмы, умышленно устроенной так, чтобы извлечь из несчастной жертвы любое признание, ибо все окружающее служило средством сломить волю, где человек безжалостно растаптывался и унижался морально и физически.

В отличие от современных тюрем, где заключенных содержат в отдельных камерах, средневековые узилища представляли собой большое помещение с крошечным окошком или вообще без окон, чтобы сделать побег невозможным. Заключенные приковывались цепями к стене или к полу. При облегченном наказании цепи были не очень тяжелыми и позволяли двигаться в известных пределах и даже лечь. В других случаях цепь позволяла только сидеть или стоять на коленях. В целях наказания железный ошейник иногда закреплялся так высоко, что заключенный, дабы не задохнуться, мог стоять только вытянувшись. К цепям нередко добавляли дополнительный груз, чтобы еще больше затруднить движение.

Ни о какой санитарии в таких застенках не могло быть и речи, о свежем воздухе не приходилось и мечтать, зловоние было ужасающим. В некоторых тюрьмах для стока мочи, экскрементов, рвоты и крови делали специальный желоб. Это позволило французам добавить особо изощренный способ унижения человека, прозванный «галльский мешок». Этот желоб с нечистотами отводился в зарешеченную яму, куда сажали особо непослушного, неисправимого или обреченного на полную деграцию человека.

Заключенных содержали полураздетыми или вообще без одежды. Летом они изнывали в духоте, зимой замерзали до бесчувствия. Воду и пищу давали самого скверного свойства, рассчитанную на то, чтобы как-то продержат человека живым до нужного тюремщикам срока. Такой пыточный инструментарий, как дыбы или специальные колеса, был громоздким, и потому жертв доставляли на место пытки. Другие снаряды для пытки, наоборот, приносили в общую камеру, чтобы агония и мучения пытаемого происходили на глазах его сокамерников. В ожидании своей очереди часто морально ломался даже крепкий человек и был готов признаться в чем угодно, стоило палачам к нему приблизиться.

Арест тамплиеров во Франции был таким массовым, что их размещали по десяткам разных помещений, которые не были приспособлены для содержания заключенных. Не хватало и орудий пыток, в ход пускали все, чаще всего раскаленное на углях железо. Инквизиция запрещала проливать кровь, поэтому изобретались различные способы увечья человеческой плоти без разрывов кожного покрова. Одним из таких орудий были металлические скобы, надеваемые на руки или ноги и стягиваемые так, что ломались кости. Простой и легко изготавливаемый инструмент представлял собой две доски, между которыми вставлялась конечность человека. Все это далее помещалось в массивную раму, и между нею и досками вбивались клинья, сдавливая и дробя мышцы и кости.

Раскаленное железо прикладывалось к любому участку тела, включая гениталии; иногда это были раскаленные докрасна клещи, которыми вырывались куски мяса, одновременно прижигавшие рану и оставлявшие на теле вечное клеймо. Тамплиеров приковывали к решеткам, ноги смазывали маслом и обкладывали их раскаленными углями. После этого у некоторых ноги были полностью сожжены, многие от боли сходили с ума. Одного тамплиера приволокли на допрос с почерневшими от огня костями ног. Во время допроса кости отвалились, и палачи посоветовали ему прихватить их с собой на память.

К чему все эти леденящие кровь подробности? Чтобы объяснить, что побудило англичан помогать множеству людей скрыться и сформировало у них новый взгляд на веру в Бога и на роль папства, проявившего человеконенавистничество и жестокость. Мы и сегодня не совсем убеждены, что страх перед возмездием удержит человека от преступления, но никто не будет спорить, что опасность наказания толкает человека на любые уловки, чтобы не быть пойманным. Папа заявил, что в отношении тамплиеров все средства пытки будут хороши. Можно смело утверждать, что ни до, ни после избиения тамплиеров никто не подвергался такому изощренному и всеобъемлющему набору способов причинения невыносимой физической боли.

Тамплиеров заставляли признаваться в самых разнообразных преступлениях; главным же обвинением, доказанность которого влекла за собой конфискацию всего имущества и физическое уничтожение, была ересь, определяемая как отрицание крещеным человеком «сокровенной истины» Римской католической церкви или хотя бы сомнение в ней.

Так называемое «раскрытие, наказание и предотвращение» ереси ведет свое начало от трудов конгрегации священной службы, которую по сей день не совсем правильно называют инквизицией. Эта служба первоначально находилась в ведомстве Ордена доминиканских проповедников, основанном испанским монахом Домиником Гусманом (позднее св. Домиником), ставшим знаменитым благодаря своей неутомимой борьбе с еретиками-альбигойцами на юге Франции. К великому несчастью всех обвиняемых в ереси, признание под пытками считалось обоснованным и окончательным. Осужденный

еретик, раскаявшийся в своих сомнениях и даже неверии в Бога, а потом признавший правоту святого учения Церкви, мог быть подвергнут легкому покаянию, штрафу, тюремному заключению или смерти – как решит трибунал, оценивающий степень его преступления. Но если же человек сознавался в ереси, пусть под самыми страшными пытками, а потом пытался отказаться от признания, он считался «неисправимым». Его передавали в распоряжение светской власти, у которой был только один вариант – отправить его живым на костер. В этой ловушке оказались десятки тамплиеров, сознавшихся под страшными пытками в том или другом обвинении против ордена, а потом решивших отказаться от вырванных пытками признаний. Пятьдесят шесть тамплиеров были сожжены в один день в Париже как «неисправимые еретики».

Казни тамплиеров шли полным ходом, но желанных сведений о таком же ходе событий за пределами Франции папа не получал. На Пиренейском полуострове тамплиеры представляли собой военную силу, которую там терять не желали. У тамошних христианских монархов враждебно настроенные мусульмане были не за далекими морями, а по другую сторону гор. Епископ Арагонский сообщил, что в результате расследования дела тамплиеров они были признаны невиновными в инкриминируемых им преступлениях. Такое же послание пришло из Кастилии от архиепископа Компостельского. Португальский король пошел еще дальше: он не только не нашел вины тамплиеров, но и перевел их и всю их собственность в Орден рыцарей Христа, подчиненный уже не папе как верховному повелителю, а королю. В Германии тамплиеры поступили по-своему. Командир прецептории тамплиеров в Меце Гуго Гумбахский ввалился на совет архиепископов в полном вооружении и в сопровождении еще двадцати рыцарей и заявил святому собранию, что Орден тамплиеров ни в чем не виновен, что Великий Мастер ордена де Моле является человеком стойкой веры и чести, тогда как папа Климент V, наоборот, подлый обманщик, незаконно занимающий трон святого Петра, и по этой причине Гуго считает его низложенным. Что касается самих присутствующих тамплиеров, они готовы отдать себя на суд Божий и сразиться с любым обвинителем. Желавших в зале не оказалось, и заседание архиепископов было отложено.

Обстановка на Кипре, теперешнем доме тамплиеров, тоже оказалась для Климента V весьма огорчительной. Принц Амальрик даже не удосужился известить папу о получении буллы от 22 ноября, и весть от него пришла только в мае. Сообщалось, что на суде тамплиеры были полностью оправданы. Рассерженный папа послал на Кипр двух инквизиторов, чтобы учинить повторный суд, причем с применением всех пыток. С учетом численности судей и подсудимых инквизиторам в помощь предлагались доминиканские и францисканские судьи-палачи. По каким-то причинам никаких свидетельств о результатах того суда не сохранилось, осталось также неизвестным, состоялся ли повторный суд.

Что касается сокровищ тамплиеров, то тут Филиппа ожидало большое разочарование: в замках и постах тамплиеров было пусто. Весь флот тамплиеров, стоявший в Ла-Рошели, тоже ушел, и никаких сведений ни об одном из восемнадцати судов флотилии получить не удалось.

Реакция самих тамплиеров на пытки, как и следовало ожидать, была разной. Многие просто сошли с ума. Другие предпочли умереть от мучений, но отрицали все обвинения. Третью сознавались в двух-трех обвинениях в надежде сказать судьям истинную правду, когда мучения закончатся. Два тамплиера признались, что поклонялись бородатому идолу (по-видимому, состоявшему из одной головы), которого они называли Бафомет. Казначей ордена сразу сломался, заявив, что под такими пытками он готов сознаться, будто собственноручно убил Господа. Жак де Моле, которому было уже под семьдесят, очевидно, пыткам не подвергался. Он признался в нескольких обвинениях против ордена и себя лично, но яростно отрицал все обвинения в мужеложстве.

Когда «признания» подсудных тамплиеров были собраны и направлены Святому Престолу, Климент V 12 августа 1308 г., через десять месяцев после начала арестов в Париже, наконец получил возможность предать гласности перечень обвинений, вменявшихся ордену и его членам. Кроме того, папа назначил 15 заседаний Вселенского собора, которые должны были состояться в Вене через два года, для решения ряда общих вопросов, обсуждения плана нового Крестового похода и определения дальнейшей судьбы Ордена тамплиеров.

Протоколы суда над тамплиерами и материалы инквизиции, собранные по всему христианскому миру, из канцелярии папского престола были переданы Венскому собору, собравшемуся 16 октября 1311 г., когда измученные пытками тамплиеры провели в застенках уже четыре года. Жак Дюэз, кардинал-епископ Порто, которому было суждено сменить на троне Климента V под именем папы Иоанна XXII, выступил с собственным предложением о папских полномочиях в таких делах, посоветовав Клименту V не считаться с мнением собора, а осудить тамплиеров самостоятельно, своей властью. Но папа пожелал соблюсти законность и опереться на мнение всего собора. Он даже прислал формальное приглашение членам Ордена тамплиеров явиться на суд и выступить в свою защиту, очевидно предположив, что таких смельчаков не найдется. Когда же накануне открытия собора прибыли девять рыцарей-тамплиеров и заявили о желании выступить в защиту своего ордена, папа велел их срочно арестовать.

На самом соборе большинство участников высказались за то, чтобы тамплиерам была дана возможность самим изложить свое дело. Делегаты от Франции, понимая, что каждое их слово будет тут же доложено королю, высказались против. Участники собора проявили такую нерешительность, а сам папа с такой неохотой брался высказывать определенные суждения, что и пять месяцев спустя вопрос о судьбе Ордена тамплиеров еще продолжал висеть в воздухе. Окончательное решение могло склониться и к осуждению, и к оправданию ордена. Филипп, конечно, допустить этого никак не мог. В марте 1312 г. он отправил собору послание, в котором потребовал, чтобы Орден тамплиеров был ликвидирован, а все его права, привилегии и состояние были переданы новому военному ордену. Свое требование он подкрепил тем, что сам приехал в Вену 20 марта в сопровождении солидного военного эскорта.

В отличие от распространенного среди историков убеждения о полной покорности Климента V воле французского короля, дальнейшие недели собора показали, что папа мог настоять на своем. Его целью оставалось слияние тамплиеров и иоаннитов в один орден, и он не желал, чтобы распущенный орден был полностью заклеен как еретический. Филипп добивался, чтобы руководил новым орденом он лично или его сын и чтобы все имущество существующих орденов находилось в его распоряжении. Но папа настоял на своем. 3 апреля 1312 г. он издал очередную буллу, которой упразднял Орден тамплиеров без упоминания выдвинутых против него обвинений. Орден был просто распущен, как распускают парламент, а не как организация, провинившаяся перед святой Церковью.

Добившись в известном смысле создания из двух боевых монашеских орденов одного, через месяц, 2 мая, папа выпустил еще одну буллу, по которой вся собственность Ордена тамплиеров переходила в распоряжение Ордена иоаннитов. Исключение составили ордена на Пиренейском полуострове, где испанский и португальский монархи продолжали сражаться с неверными на собственной территории. В качестве некой уступки Филиппу христианским монархам разрешалось компенсировать за счет имущества тамплиеров свои расходы на организацию арестов, содержание в заключении и питание заключенных тамплиеров, а также опекунские действия и управление имуществом ордена после ареста его членов. Совершенно неожиданно, к великому огорчению иоаннитов, расходы эти оказались на удивление огромными.

Еще одна проблема, связанная с передачей собственности Ордена тамплиеров, была осложнена правилами феодального общества, где в ходу были всевозможные условия и оговорки. Многие бывшие владельцы имущества забрали его обратно на том основании, что по условиям дарения оно не могло переходить в распоряжение другого хозяина. Иоаннитам пришлось много судиться по таким делам, пока лет через десять им не удалось добиться особого распоряжения папы насчет прямой передачи основного имущества тамплиеров Ордену иоаннитов.

Освобожденные из заключения тамплиеры могли вступить в Орден иоаннитов, но желающих оказалось ничтожное количество. По существу, вся идея объединения орденов состояла в том, чтобы создать единый военный монашеский орден, способный служить основной силой нового Крестового похода. Но, санкционированный и поддержанный Венским собором, он так и не был осуществлен. С Крестовыми походами было покончено. Идея объединенного ордена тоже пропала на корню. Хотя иоанниты и урвали немалое достояние, новых членов ордена после разгрома тамплиеров они не получили.

Оставался нерешенным и вопрос о том, что делать с тамплиерами, находившимися в тюрьмах и крепостях. На этот счет папа выпустил очередную буллу, учреждающую суд для старшего командного состава тамплиеров при Святом Престоле, тогда как рядовых членов ордена передавали в распоряжение провинциальных церковных собраний и их глав. Последние решили так: те, кто не признал своей вины совсем или изменил свои показания, будут осуждены на пожизненное заключение. Те, кто признал вину и не пытался потом оправдаться, будут отпущены на свободу, но от своего обета не будут освобождены и потом будут переведены на очень маленькую пенсию. По поводу бежавших и скрывшихся тамплиеров никаких решений принято не было. Их нужно было выслеживать и арестовывать в порядке предосторожности, потому что пронесся слух, будто в окрестностях Лиона собралось полторы тысячи тамплиеров, которые готовят отмщение. На них была организована охота, но никаких результатов она не дала.

Что касается старших офицеров и руководителей ордена, то прошло еще два года, прежде чем они предстали перед судом трех кардиналов. Все они сознались в части обвинений либо под пытками, либо, как их глава де Моле, под угрозой мучений, а потому разбирательство было кратким и всех их приговорили к пожизненному заключению. Чтобы положить конец всяким разговорам о том, что тамплиеры были, в общем-то, невиновны и стали жертвой заговора и большой политики, было решено, что Великий Мастер сделает на сей счет публичное признание. Это историческое событие произошло 14 мая 1314 г. возле собора Нотр-Дам, куда были приглашены аристократы, высшие прелаты Церкви и именитые миряне. Перед собором была выстроена высокая трибуна, с которой де Моле должен был признать свой позор, чтобы весь мир убедился в чудовищных непристойностях и ереси, коим предавались рыцари Ордена тамплиеров.

Всходившего на помост Великого Мастера сопровождали прецептор тамплиеров Нормандии

Жоффруа де Шарни и еще два высших представителя ордена. Де Моле, наверное, долго молился и размышлял перед этим моментом, дававшим ему последний шанс каким-то образом реабилитировать свой орден. Сделать это, опровергнув вину ордена, и стать на защиту его чести, было для него самоубийством. Но тысячи людей, шедших за ним, в страшное время напрасно искавших у него защиты, униженные, пережившие неопишемые страдания и самую мучительную смерть, которая только существовала в Средние века, погибли бы напрасно, если Великий Мастер назвал бы их виновными. Это был самый ответственный момент во всей истории Ордена тамплиеров, и Великий Мастер нашел в себе силы сказать правду. Став на край помоста и обращаясь к собравшимся, большинству из которых было известно, что он собирается произнести, де Моле обрек себя на мученичество:

– Думаю, будет правильно в этот торжественный момент, когда моя жизнь готова тут же оборваться, сказать о великом содеянном обмане и высказать всю правду. Перед Самим Всевышним и всеми вами, тут собравшимися, я признаюсь в том, что на мне лежит величайшая по своей греховности вина. Ее греховность состоит в том, что я лгал, признавая страшные обвинения, возведенные на орден. Я заявляю, я должен это заявить, что орден невиновен. Его чистота и святость неоспоримы. Я действительно признался в вине своего ордена, но сделал это под страхом ужасных пыток, сказав то, что требовали от меня мои враги. Все рыцари, что отказались от своих признаний, были заживо сожжены, но смерть не так страшна, как признание в страшных грехах, каких никогда не совершал. Мне даруется жизнь, но ценой бесчестия. Жизнь не стоит такой цены. Я без сожаления уйду из жизни, если эта жизнь покупается ценой нагромождения одной лжи на другую.

Поднялась страшная суматоха, и брат де Шарни тоже прокричал свое отрицание вины и утверждение невиновности ордена, когда его и де Моле стаскивали с помоста. Замешательство, испытанное королем и высшим духовенством, было недолгим, и стало ясно, что отступления от правила предавать сожжению упорствующих еретиков не будет. Возможность новых беспорядков и смуты сделали очевидным, что казнь этих людей нельзя откладывать ни на час. Сразу было объявлено, что сожжение состоится тем же вечером.

В практике казни путем сожжения заживо существовали некоторые методы оказания милосердия. Жертве перед казнью иногда давали зелье, притупляющее боль. За особую плату палач мог приготовить сырые поленья и даже зеленые ветки, дающие густой дым, в котором осужденный быстро задышался и погибал от удушья, не ощущая боли. Сильное пламя тоже гарантировало быструю смерть. Ни одна из этих милостей не была оказана упорным тамплиерам.

Казнь состоялась на маленьком острове посреди Сены, но люди все равно подплыли на лодках, чтобы увидеть финал разыгравшейся утром драмы. Кострище было аккуратно сложено из сухих дров и угля, чтобы пламя было ровным и бездымным, с таким расчетом, чтобы охватить сначала ноги и по возможности надолго оттянуть наступление смерти, медленно поджаривая жертвы снизу. Де Моле и де Шарни, сколько хватило сил и терпения, продолжали выкрикивать слова о невиновности своего ордена. Легенда утверждает, что, когда тело де Моле было охвачено пламенем, он выкрикнул проклятие королю Франции и его роду до четырнадцатого колена. Он призвал папу и короля встретиться с ним перед Господом на Страшном суде. Климент V умер в следующем апреле, а в ноябре того же года умер Филипп IV. Впрочем, как мы увидим, смерть Климента V была довольно незначительным возмездием за то потрясение, которое нанес Римской католической церкви роспуск Ордена тамплиеров.

Шесть с половиной лет продолжавшихся преследований и гонений на тамплиеров во Франции, организованных папой и королем, дают возможность увидеть, сколь отличны от них были гонения на тамплиеров в Англии и Шотландии. Там тамплиеры были своевременно предупреждены и получили весьма благоприятные условия для формирования тайного общества взаимопомощи и выручки.

Глава 10

«Без насильственного пролития крови»

В июле 1307 г., за три месяца до ареста тамплиеров во Франции, двадцатичетырехлетний принц Уэльский стал королем Англии Эдуардом II. От одного из самых сильных и деятельных королей Англии корона перешла к самому слабому и жалкому.

Надо сказать, что Эдуард II был счастлив, когда его отца не стало, потому что молодой король был влюблен – но не во французскую принцессу Изабеллу, с которой обручил его отец, а в красивого молодого человека Пьера Гавестона, бедного рыцаря из Гаскони. Они дружили с детства, и отец Эдуарда поощрял дружбу сына с деревенским молодым гасконцем, ловко владевшим рыцарским оружием, надеясь, что военная статья Пьера Гавестона послужит примером для слабосильного и хилого принца.

Король, поглощенный войнами с Шотландией и Францией, не заметил, как развивались отношения между двумя молодыми людьми. В последний год своего правления он взял принца с собой в поход против шотландцев. Гавестон, естественно, сопровождал принца, и, наблюдая за молодыми людьми, король не мог не заметить, что их отношения нельзя назвать обычными. Настоящим ударом для отца была

просьба принца отдать его другу во владение французскую провинцию Понтье. Эта провинция находилась в зоне Ла-Манша и была важнейшим плацдармом для обороны французских владений английской короны. Рассказывают, что эта просьба привела короля в такую ярость, что он сбил принца с ног, схватил за волосы и стал таскать по полу, ругая его последними словами за глупость. Пьер Гавестон не только не получил во владение Понтье, но и был изгнан из Англии.

Став королем Эдуардом II, принц смог поступать, как ему захочется. Первым своим монаршим актом он вернул своего любовника в Англию и, чтобы сгладить неудобство недолгой ссылки, сделал его графом Корнуэльским.

Первые месяцы своего правления Эдуард II посвятил оказанию королевских милостей своему фавориту, а его бароны – ограничению королевской власти. Они бесконтрольно хозяйничали в королевском совете и сформировали в его рамках комитет «полномочных лордов». Гавестон делил свой досуг между требованиями от короля новых и новых льгот и богатств и упражнениями в насмешках и шутках над придворными, которым он давал разные обидные и оскорбительные прозвища. Следующие пять лет правления атмосферу английского двора характеризовали антагонизм и распри. Если преследование тамплиеров для французского двора было тяжелой заботой, то для английского оно стало скорее развлечением. У англичан были и свои заботы: Роберт Брюс покинул свое убежище на Западных островах и вернулся в Шотландию поднимать народ против англичан. На следующий январь была намечена свадьба короля с французской принцессой Изабеллой, которая должна была состояться в Булони, и для подготовки к свадьбе требовался не один месяц.

Филипп послал к своему будущему зятю порученца Бернара Пеллетена с просьбой арестовать всех тамплиеров; ту же просьбу содержало письмо, полученное Эдуардом от папы. Если говорить о реакции Эдуарда на обвинения против тамплиеров, то он им просто не поверил. Он рос среди тамплиеров и хорошо их знал. Лондонский храм тамплиеров был местом, где многие молодые люди вместе с Эдуардом посвящались в рыцари. Английский Мастер тамплиеров Брайан де Джей погиб за Англию в сражении с Уильямом Уоллесом. За орденом молодой король не видел никакой вины, и он так и заявил разным монархам Европы, обращаясь к ним за поддержкой в защите тамплиеров от ложных обвинений. 4 декабря Эдуард послал папе письмо с отказом проводить аресты тамплиеров в Англии, указывая на их полную невиновность. Пока это письмо везли к папе, навстречу в Англию уже шла папская булла «*Pastoralis Praeeminentiae*» с осуждением тамплиеров, которую было предписано обнародовать всюду 22 ноября 1307 г. Свою копию этой буллы Эдуард получил 15 декабря. Теперь его личные чувства не играли роли, и он должен был сразу же дать приказ об аресте тамплиеров. Однако молодой король медлил.

Мы не можем утверждать, была ли эта задержка сознательной, или сказалась привычка откладывать всякие дела на потом, или на короля повлияли сами тамплиеры и их друзья при дворе, но аресты начались в Лондоне лишь 7 января, и с каждодневной задержкой пошел по остальному английскому королевству и его заморским территориям. Если в период двух месяцев между первым известием об арестах тамплиеров во Франции и получением папской буллы 15 декабря тамплиеры предпринимали попытки скрыться, то сообщение о грядущих и неизбежных арестах значительно ускорило принятие мер безопасности. Можно только догадываться, какой поднялся переполох, когда английский мастер Уильям де ла Мор вернулся в храм от короля с известием о папской булле. Нет сомнения, что сразу из Лондона в разные стороны поскакали гонцы, чтобы предупредить братьев о надвигающейся беде.

Нет также сомнения, что в течение двадцати трех дней между прибытием папской буллы 15 декабря и началом арестов 7 января тамплиеры провели организационные мероприятия. Когда королевские войска явились произвести аресты, задержать удалось всего несколько человек. Большинство рыцарей, сержантов, священников бесследно исчезли. Архивов никаких не обнаружилось, все бумаги были сожжены. В лондонском храме тамплиеров солдаты короля надеялись захватить огромную сокровищницу, но нашли там меньше двухсот фунтов стерлингов. Золотые и серебряные блюда, драгоценные реликвии – все исчезло.

Покинул Англию и сам король. Его величество и лорды его окружения отправились во Францию на свадьбу короля с двенадцатилетней принцессой Изабеллой (в детской невинности которой нельзя было угадать того, что в один прекрасный день ее назовут «английской волчицей»). К ужасу дворянства, Эдуард II назначил правителем королевства на время своего отсутствия Пьера Гавестона. Тот не видел никакого смысла в проведении арестов тамплиеров, и оставшиеся вельможи, имевшие среди членов ордена много друзей, тоже занимались этим делом спустя рукава. Королевский невод, руководимый представителями высшего духовенства, выудил во всей Англии лишь двух беглых тамплиеров. Некоторых прецепторов ордена посадили под домашний арест и оставили в покое в их домах. Английский Мастер де ла Мор, остававшийся на своем месте по той причине, что его бегство могло бы раскрыть исчезновение всей остальной братии, был арестован и препровожден в тюрьму в Кентербери, но устроился там со всеми удобствами, поскольку имел королевское разрешение приобретать себе все необходимое через тюремную охрану. Несколько тамплиеров сбежали из места заключения, чего нельзя было сделать без внешней или внутренней помощи. Возможно, эта помощь была хорошо спланирована и организована, а возможно, те,

кто должен был их изловить и водворить на место, не имели ни малейшего желания этим делом заниматься, так что никто из беглецов пойман не был.

Что касается тех, кто все-таки оказался в заключении, в их судьбе сыграли известную роль проливы между Францией и Англией, бывшие не только водным барьером между двумя странами, но также служившими психологическим порогом. Со времен старой кельтской церкви, никогда не подчинявшейся Риму английские служители Бога и гражданское правительство одинаково боролись против вмешательства папы в дела островного королевства, и такого католического института, как инквизиция, в Англии не существовало вовсе. Доминиканцам разрешалось приезжать в Англию, но угли и железные клещи их просили оставлять дома. Арестованных тамплиеров держали за решеткой, но не пытали, что было для папы Климента V личным оскорблением. Он требовал, чтобы от тамплиеров всеми силами добивались признаний в ереси, как предписывалось в его буллах. Папа далее указывал, что всякий, укрывающий тамплиеров или содействующий их укрытию, а также дающий совет укрываемому тамплиеру, подлежит наказанию и отлучению от Церкви. Характерно, что угроза отлучения от Церкви за помощь в укрывании тамплиеров не помогла в раскрытии ни единого случая побега. Пока папа пытался заставить Эдуарда II подчиниться своей воле, гасконский друг короля добился в том же деле колоссального успеха. Возвратившись после свадьбы, Эдуард II все самые ценные свадебные подарки передарил своему возлюбленному. В следующем месяце состоялась коронация Эдуарда II, и самое почетное место среди всех пэров и лордов занимал гасконец.

Миновало два года, тамплиеров допрашивали, но безо всяких пыток, и те ни в чем не признавались, упорно твердя о своей невинности, в чем им помогало бесследное исчезновение братьев. В ответ на папское требование применять на допросах пытки Эдуард заявил Клименту, что ни в церковных, ни в гражданских судах Англии пытки не приняты и у него нет человека, которому можно было бы поручить такое дело. Разъяренный папа сделал Эдуарду строгое внушение, что, так насмехаясь над прямыми приказами наместника Христова, он не должен забывать о судьбе своей души. При этом он давал Эдуарду еще один шанс одуматься и все воспринять совершенно серьезно, направляя в Англию десяток опытных мастеров пытки под руководством двух доминиканцев. Теперь у Эдуарда не должно быть отговорок, и когда мастера пытки придут на место, Климент рассчитывал, что им будет дана возможность тут же приняться за дело. Все это происходило в канун Рождества, 24 декабря 1310 г., что красноречиво говорит о характере религиозных занятий папы, решившего в эти святые дни посвятить свои главные усилия решению проблемы оказания на тамплиеров Англии крайнего физического воздействия. Его рождественским подарком англичанам стало внедрение пыток в систему судебного расследования.

Эдуард принял папскую команду мастеров пытки, но при этом строго указал им, что при исполнении своих обязанностей они не должны совершать членовредительства и «допускать насильственного пролития крови». Больших исторических заслуг у Эдуарда II не было, но ограничение пыток при допросах тамплиеров в Англии стало первой в истории Европы попыткой как-то ограничить разыгравшееся в XIV в. настоящее безумие, выразившееся в стремлении причинять максимальную боль человеческому существу и ставшее основным средством выяснения истины при допросах. Церковь в конце концов решила положить предел применению пыток в камерах инквизиции, но встретила сильное сопротивление в лице ведущих доминиканских монахов-священнослужителей, посчитавших, что их работе ставят препоны. Церковным властям не оставалось ничего другого, как самим установить пределы использования пытки под грифом, вызвавшим самые большие недоразумения в долгой истории этого рода деятельности, а именно: «первая», «вторая» и «третья степень». Каким-то образом этот термин потом переключался в терминологию масонской обрядности, скорее всего в связи с «клятвой на крови» Великого Мастера в обряде «третьей степени».

Это выражение появилось во времена, которые принято относить к периодам самого гуманного правления. Вплоть до австрийской эрцгерцогини Марии Терезии (XVIII в.) виды и характер пытки при допросах «свидетелей» или добывания от преступников признания в значительной мере зависели от изобретательности и личных пристрастий местных властей. На таких допросах часто погибали совершенно невинные люди, а многие оставались инвалидами на всю жизнь. Во время правления Марии Терезии пытки при допросах и следствии были стандартизированы. Пытка первой степени осуществлялась с помощью специальных колодок с деревянными винтами для зажима пальцев. Во время допроса винты закручивались, ломая суставы пальцев.

Пытка второй степени производилась на человеке, раздетом до пояса и привязанном к раме, установленной под углом к стене. Палач подносил пламя свечи к участкам кожи до подмышек, выскивая наиболее чувствительные и болезненные к ожогам места. Большая площадь тела и неограниченность времени, когда пламя могло прожигать кожу насквозь до костей и внутренностей, давало палачу широкие возможности болевого воздействия в зависимости от его настроения и необходимости вытянуть из подследственного нужные сведения.

Третьей степенью пыточного мастерства считалась дыба. Жертве связывали за спиной руки,

перехватывали узел веревкой, перекинутой через блок на потолочной балке, и тянули вверх, выворачивая плечевые суставы. Подтягивая веревку и отпуская, резко дергая за нее, жертве причиняли страшные боли, когда растягивались и рвались мышечные связки и хрящи.

Те, кто проходил третью ступень пытки и не признавался, считались оправданными и освобождались. Тут важно подчеркнуть, что, несмотря на всю жестокость и бесчеловечность таких пыток, церковные и гражданские власти в один голос приветствовали это нововведение как проявление христианского милосердия и гуманности австрийской монархии.

Указания Эдуарда II, конечно, не предполагали столь строгих ограничений, какие ввела Мария Терезия, но сочувствие к жертвам папского террора все же дало свои плоды: даже применение пыток к тамплиерам не принесло дознавателям никаких существенных материалов. У заключенных английских членов ордена было то преимущество, что за три года заключения до начала применения к ним пыток они могли между собой договориться и закалить свою твердость, тогда как их французские братья были застигнуты врасплох и сразу попали в лапы жестокой и беспощадной инквизиции.

В итоге в Англии ни по линии признаний, ни по линии свидетельских показаний никаких особых материалов трибунал не добыл. Большинство показаний против тамплиеров шли от других религиозных объединений и состояли преимущественно из сплетен и слухов. Что до правящих английских кругов, то эти расследования их совсем не занимали: им было не до этого. Правда, десять профессиональных следователей инквизиции, присланных папой, занимались тамплиерами серьезно, и даже при ограничениях, наложенных королем, у них оставался большой арсенал возможностей наносить подследственному страшную боль. Но и эти мастера дознания не могли похвастаться успехом. Все, чего они добились, – это признания, что ради сохранения тайны исповеди тамплиеры имели исповедников только среди своих священников, а также что при особых обстоятельствах они исповедовались друг у друга и отпускали друг другу грехи, а также носили на теле шнурок, назначение которого было им неизвестно. Потом решили, что, наверное, шнурок этот служил границей «зон чистоты», которую ввел святой Бернар Клервоский для монашеских орденов. Признаний же в ереси, богохульстве, срамных поцелуях и мужеложстве получить не удалось.

Если в Англии в отношении тамплиеров хоть что-то предпринималось по указанию папы, то его намерение добраться до тамплиеров в Шотландии и вовсе осталось безрезультатным. В январе 1308 г. нескольких тамплиеров там арестовали, но Роберт Брюс был настолько занят своими проблемами, что предпочитал брать рыцарей в свое войско, а не заниматься их арестами и пытками. Брюс знал, что смерть Эдуарда I дает ему передышку, но рано или поздно английская военщина снова переправится через пограничную речку Твид, чтобы отнять у него корону и власть. Его не занимали ни военно-монашеские ордена, ни Крестовые походы в Святую землю, ни политические претензии Филиппа IV или папы Климента V. Все помыслы Брюса были сосредоточены на том, как обеспечить безопасность и независимость шотландского народа. Как христианский монарх, он, конечно, получил копию папской буллы по поводу тамплиеров и мер по искоренению их ордена, но, скорее всего, отбросил ее, не прочитав. Эту буллу ни разу не опубликовали, не зачитывали и вообще не сочли важным документом, что сделало Шотландию настоящим убежищем для беглецов-тамплиеров из Англии и континентальной Европы. Беглые члены ордена не только могли здесь спокойно жить, но, если убеждения позволяли им воевать против английского короля, их охотно принимали в крошечную кавалерию Брюса. Сколь важным оказалось это пополнение армии Брюса, со всей очевидностью проявилось через несколько лет, когда англичане наконец начали свой поход против шотландцев. В 1311 г. у лордов-управителей кончилось всякое терпение относительно королевского любовника. Дело было не в чрезмерном увлечении короля гомосексуальной страстью, а в том, что Пьер Гавестон, пользуясь ею, полностью захватил все управление страной. Заручившись поддержкой архиепископа Кентерберийского, отлучившего Пьера Гавестона от Церкви, бароны выслали гасконца во Фландрию. Но уже через год Гавестон вернулся обратно, и лорды-управители принялись охотиться за ним в северных графствах Англии. Наконец Гавестона изловили в замке Скарборо, и он вымолил у своих преследователей обещание не лишать его жизни. Гасконца под охраной отправили в Лондон, но по дороге его вместе с охраной перехватил граф Уорвикский. Хотя он и сам был из круга лордов-управителей, но не был среди тех, кто захватил Гавестона в Скарборо, а потому не считал себя связанным достигнутыми там договоренностями. Гавестона отвезли в замок Уорвик. Зная, что король пойдет на все, лишь бы освободить своего дружка, Уорвик приказал своим людям отвезти Гавестона в горы Блэклоу и там отрубить ему голову. Что и было исполнено 1 июля 1312 г.

Эдуард II, по-видимому, ничего не знал о гибели своего друга, но прошло немного времени, и у него появился новый любовник. Вообще дела у Эдуарда шли все хуже и хуже, и английский престол находился в серьезной опасности. Лорды-управители, упиваясь легкой победой над слабосильным королем, всю хозяйничали в стране. И вот тут Эдуард решил воспользоваться советом, который получали попавшие в затруднение правители задолго до и после него: чтобы подтянуть нацию и укрепить власть, следует начать какую-нибудь войну. В 1313 г. по настоянию своего тестя Филиппа IV

Французского Эдуард на кресте поклялся повести англичан в великий Крестовый поход, объявленный на Венском соборе, ликвидировавшем Орден тамплиеров годом раньше. Но ни Эдуарду, ни его подданным совершенно не хотелось отправляться в Святую землю. Политическая и военная катастрофа была бы неминуема, если бы английское войско в полном составе покинуло Англию как раз тогда, когда энергичный шотландский король Роберт систематически изгонял англичан из одной за другой шотландских крепостей, так что во всей Шотландии в руках англичан остались только замки Данбар, Бервик и Стирлинг. Нет, решил Эдуард, не разорительный Крестовый поход под командованием Филиппа IV восстановит его верховенство над зарвавшимися баронами, а хорошая победа над врагом у собственных дверей. Он сдержит обещание, данное своему отцу, и станет королем, который поставит Шотландию на колени и навсегда превратит ее в составную часть своего королевства.

В 1314 г., когда в Париже сожгли на костре Жака де Моле, Эдуард II двинул свои войска на полное завоевание Шотландии. На оборону своей страны Брюс мог выставить только десять тысяч человек, тогда как Англия, собравшись с силами и резервами, располагала армией в двадцать пять тысяч солдат, в том числе пятью тысячами тяжело вооруженных всадников и десятью тысячами лучников.

Лорды-управители и знатные вельможи не пожелали подвергнуть риску свои жизни ради того, чтобы презренный Эдуард стал национальным героем, и многие от участия в войне уклонились. Король, наверное, решил, что это к лучшему, во всяком случае он не потрудился сдвинуть их с места, возможно не желая делиться предстоящей победой с людьми, которых собирался проучить и поставить на место.

Пока измотанная английская армия, двигаясь на север, рыскала в поисках прокорма на много миль в стороны от своего главного маршрута движения, Роберт Брюс получал обстоятельную информацию о ее продвижении. Он спокойно занимал позицию, где его войска могли отдохнуть и набраться сил в стороне от измотанных погоней англичан. Для решающего сражения Брюс выбрал позицию на пути движения английских войск и с замком Стирлинг на севере, где находился небольшой английский гарнизон.

Хорошо изучивший опыт военной кампании Уолласа, Брюс выстроил свои скилтроны (копьеносцы, построенные кольцом) на вершине холма между перелесками и зарослями кустарника. Предвидя нападение английской конницы, на подступах к своим порядкам он велел там и тут вырыть ямы, прикрыв их сверху сучьями и травой. Его тыловой обоз, телеги, повара, женщины с детьми скрывались на противоположном склоне холма. Памятуя о неудаче Уолласа с кавалерией, вероломно покинувшей поле боя по приказу своего тщеславного командира, Брюс взял на себя командование конными рыцарями. Именно в это войско, решившее исход сражения, как гласит легенда, Брюс принял нескольких беглецов-тамплиеров.

У подножия холма была заболоченная местность, через которую протекал ручей, «берн» по-шотландски, и потому вся эта местность называется Баннокберн. По этой заболоченной местности была проложена единственная дорога. Баннокберну и было уготовано главенствующее место в шотландской военной истории.

Определив позицию Брюса, английские войска повернулись к нему фронтом, и передовые части вышли к окраине этого заболоченного места. Огромному в сравнении с шотландским ополчением британскому войску потребовалось три дня, чтобы подтянуть свои тыловые части и обозы. Пока войска собирались, небольшой отряд англичан был отправлен разблокировать замок Стирлинг, который мог стать укрепленным редутом в тылу у Брюса. Шотландские разведчики сообщили о выдвигении английского отряда, и Брюс принял меры, чтобы его перехватить. Командир англичан сэра Генри де Боун выехал вперед и вызвал Брюса на поединок. Брюс принял вызов и галопом выскочил перед строем своих бойцов. Сэр Генри пришпорил боевого коня, направив боевое копьё на шотландского рыцаря. Готовившийся к операции быстрого преследования Брюс был вооружен только боевым топором и никак не мог сблизиться с противником, вооруженным длинным копьём. Когда копьё почти коснулось Брюса, он отбил его ударом тяжелого топора вбок, а следующим движением топора поразил противника, и тот рухнул на землю мертвым. Рейд по деблокированию замка на этом закончился, а весть о победе Брюса еще больше воодушевила шотландцев.

Что касается английского короля, то он был кем угодно, но никак не военачальником. Его стратегической фантазии хватило только на то, чтобы просто пустить коня вскачь на противника. Английская конница с трудом преодолела вязкое болото, образовавшееся по обоим берегам ручья, затем двинулась вверх по холму на копыта скилтронов. Лошади проваливались в вырытые ямы, спотыкались, сбивали одна другую, но все-таки конница кое-как добралась до частокола остро отточенных пик. Англичане и шотландцы сбились в сплошную массу, где ни у тех, ни у других не было возможности отступить назад. Английский резерв пытался вступить в бой, но у него не было места, чтобы на пространстве в триста метров дотянуться до противника. Лучники бездействовали, потому что их стрелы могли поразить своих же. Шотландские стрелки, находившиеся на холме, оказались в лучшем положении: они могли выбирать цель в этой толпе и поражать ее.

Когда английские лучники стали подходить ближе, Брюс выстроил свою конницу в боевой порядок, выжидая нужный момент. Для нанесения удара тяжелой конницей следовало дожидаться, чтобы

английские лучники сгруппировались, а не находились в беспорядочном движении. Наконец лучники заняли положение, предполагающее одновременный расстрел шотландских скилтронов, и тут Брюс дал своим застоявшимся конникам команду. Английские лучники были ошарашены нападением шотландских рыцарей, боевые кони которых были обучены лягать, кусать и топтать противника, а закованные в броню всадники осыпали их ударами боевых топоров и палиц. Лучники дрогнули и кинулись врассыпную вниз под гору.

Возможно, наблюдавшие за боем обитатели тылового лагеря Брюса, а это были в основном женщины, дети и подсобные рабочие, увидели в бегущих вниз английских лучниках свидетельство полной победы или их охватил общий патриотический порыв, но как бы то ни было, эта совсем не боевая часть шотландского войска тоже ввязалась в битву. Схватив самодельные флаги, с криками и волюнками безоружные люди лавиной покатались сверху холма, через кустарники на английских солдат. Те решили, что это на них летят свежие силы противника. Левый фланг англичан дрогнул, и Эдуард дал команду отступать. Король со своей свитой и телохранителями повернул назад, за ним поспешили другие, и наконец все войско обратилось в бегство. Ликующие шотландцы мчались с холма следом за отступающими, вонзая пики то в одну спину, то в другую. Это было самое тяжелое поражение англичан в войнах с шотландцами. Они потеряли пятнадцать тысяч бойцов, тогда как шотландцы – четыре тысячи. Сражение у Баннокберна положило конец господству англичан над Шотландией, сохранявшей свою независимость вплоть до заключения союза с Англией под управлением одного короля, что произошло почти четыреста лет спустя, в 1707 г.

Остатки разбитой армии англичан вместе с королем Эдуардом тащились домой по стране, оказавшейся в состоянии, близком к полной анархии. Слабость королевского правления вызвала разложение государственной власти, где всем заправляла кучка наглых баронов, пекущихся о собственном благополучии и совершенно безразличных к общим интересам страны и всего народа. Глава этой шайки баронов, Томас Ланкастерский, умудрился за это время захватить огромные владения и титулы графов Линкольна, Лестера и Солсбери.

Как мухи плодились банды грабителей и разбойников. В некоторых районах они представляли собой единственную реальную власть, и порой аристократы и богатое духовенство нанимали их для охраны собственных владений. Некоторые земли были так наводнены разного рода грабителями и разбойниками, что владельцы поместий вырубали вдоль дорог все деревья и кусты, чтобы разбойники не устроили в них засаду. Это был век, породивший бесчисленные легенды о благородных разбойниках вроде Робин Гуда. Никому в голову не придет осуждать этих героев, когда они нападают на жадных аббатов и епископов, облегчая их кошельки от фунтов и пенсов, отобранных ими у своей нищей паствы. Легендарные герои-разбойники безгрешны, потому что не воруют золотых крестов и серебряных канделябров, а отбирают то, что прелаты награбили. В сущности, это мечта крестьян-бедняков. Не важно, что эти разбойники в действительности далеко не всегда были благородными Робин Гудами; гораздо важнее, что они живут в народной памяти и поминают их добром.

Но были и другие шайки, объединявшие людей «вне закона», лишенных всякого права на защиту, людей, которых можно безбоязненно бить, грабить и даже убивать, не опасаясь каких-либо последствий для себя. Единственным способом как-то выжить для этих отверженных было объединение с себе подобными. Рыцари-тамплиеры, профессиональные военные, не знавшие другого дела, кроме сражений, люди, проклятые королем и Церковью, были идеальными кадрами для таких банд. У нас нет сведений хотя бы об одном рыцаре-тамплиере, вступившем в разбойничью группу или создавшем ее, но точно известно, что подобные банды орудовали вокруг поместий и комендатур, ранее принадлежавших тамплиерам.

Тем временем Эдуард искал себе союзников и нашел их в лице графа Винчестерского, Хью ле Деспенсера, лорда пограничных с Уэльсом земель, и его сына, молодого красавца, тоже носившего имя Хью. Снова Эдуард был захвачен порочной любовью к молодому Деспенсеру, позволив старшему хозяйничать в королевстве. Отец и сын Деспенсеры до такой степени прижали других владетельных баронов Уэльского пограничья, что те объединились с герцогом Ланкастерским Томасом и другими лордами-управителями, образовав политическую коалицию. Деспенсеры поднялись против участников коалиции с оружием, разбили их в открытом сражении и пленили одного из ее лидеров – Роджера де Мортимера. В следующем, 1322 г., Деспенсеры организовали военную кампанию против могущественного Ланкастера и разбили его войско в сражении под Бороубриджем в Йоркшире. Самого графа Ланкастера захватили в плен, привезли в замок Понтефракт и там обезглавили. Роджеру де Мортимеру была уготована такая же судьба, но ему удалось бежать во Францию и скрыться под крылышком французского короля.

Новый король Франции Карл IV, брат английской королевы Изабеллы, воспользовавшись смутой в Англии, захватил герцогство Гасконское. Это был тяжелейший удар по казне Эдуарда II, поскольку винная торговля через Бордо приносила ему больше доходов, чем все его английские владения. Изабелла настояла на том, чтобы отправиться в Париж, дабы договориться с братом о возвращении богатой провинции. Эдуард согласился.

Во Франции Изабелла влюбилась в Роджера де Мортимера. Тот хотел отмщения своим обидчикам и

возвращения в Англию. Изабелле были отвратительны отношения мужа с молодым Деспенсером, а его отца она просто ненавидела. Изабелла с Мортимером разработали план посадить на английский трон юного принца Уэльского и стать при нем регентами-правителями. Изабелла послала в Англию за сыном под тем предлогом, что тот должен принести французскому королю присягу верности как гасконский герцог. Как только мальчик был в их руках, они собрали армию из наемников и в сентябре 1326 г. вступили в Англию полными хозяевами. Народ, которому до смерти надоели самоуправство Деспенсеров и полное небрежение короля руководством собственной страной, с радостью приветствовал их как освободителей. Отец и сын Деспенсеры были вскоре схвачены и кончили жизнь на виселице. Сам король попал в заточение и был вынужден подписать отречение от престола в пользу своего четырнадцатилетнего сына. После нескольких лет скитаний по разным тюрьмам Эдуард 22 сентября 1327 г. был убит в замке Беркли графства Глочестер. Суровые рыцари, расправившиеся с королем, сочли нужным убить его тем же способом, каким он грешил: они уложили его на пол и воткнули в задний проход раскаленный докрасна железный прут.

Правление Эдуарда II было, пожалуй, самым мрачным и темным периодом в истории Англии, но это было самое подходящее время для людей, вынужденных скрываться. Беглые тамплиеры со всей континентальной Европы, спасаясь от тюремных оков и пыток инквизиции, искали себе убежище. Разброд и шатания, охватившие Англию в годы правления Эдуарда II, создали идеальные условия для беглецов. Полное разложение законности и порядка в Англии оказалось им только на руку. Принимала беглецов и Шотландия, где они пребывали тайно, дабы другие католические ордены не выдали их, следуя приказу папы. А как себя вели беглецы? Как они спасались и чего боялись, за кого себя выдавали и как находили пристанище? Что было предпочтительнее – скрываться, создав некое организованное тайное общество взаимной помощи, или проявлять личную изобретательность, спасая собственную жизнь? Чтобы ответить на эти вопросы, подумаем о существовании человека, находящегося в бегах, попытаемся понять положение того, кто вынужден скрываться.

Глава 11 Беглецы

Все люди, подвергающиеся преследованию и вынужденные скрываться, испытывают особое психическое состояние, постоянное ощущение страха перед тем, что никогда не знаешь, когда на твое плечо ляжет тяжелая рука или внезапно распахнется дверь... Внешне такое состояние проявляется в панике, неспособности здраво мыслить и делать продуманные шаги. Лучшее средство устранить подобное настроение – разумный план действий и помощь со стороны других людей. У одинокого беглеца, который не имеет плана действий, нет шансов на успех. Лучше всех бегство удавалось тем заключенным и пленникам, которые основательно продумывали не только сам ход побега, но и последующие действия на свободе. Те же, кто воспользовался для побега первым же удобным моментом, чаще всего оказывались в полном неведении относительно дальнейших шагов, и их обычно быстро ловили и водворяли на место.

Тамплиерам в Англии повезло в том отношении, что они были предупреждены об опасности за три месяца до того, как начались аресты. И они получили возможность каждый по отдельности и все вместе продумать план дальнейших действий. Они могли за это время собрать средства и найти способы передвижения. У них были друзья и связи по всей Англии, хотя они и не представляли собой какую-то единую организацию. Самую большую опасность для них представлял другой религиозный орден, владения которого занимали целую треть всей территории Англии. Дело было не в том, что все прочие ордены испытывали особую враждебность к тамплиерам. Нет, на их примере каждый орден видел, что папа способен подвергнуть его членов тюремному заключению, пыткам и смерти, не говоря уже об утрате всего имущества, и поэтому спешил продемонстрировать лояльность и покорность Святому Престолу. Беглые тамплиеры учитывали, что на сострадательное отношение к себе им рассчитывать не приходится.

Своеобразие проблемы беглецов-тамплиеров состояло еще и в том, что папские репрессии затронули большой круг самых разных людей. Приказ на арест тамплиеров и их сподвижников касался практически всех слоев свободных людей средневекового общества: среди тамплиеров были братья-рыцари, принятые в орден по предъявлению свидетельства благородного происхождения и принадлежности к рыцарскому роду; сержанты, набравшиеся из среднего сословия; священнослужители, выходцы из любого другого класса, если они были людьми свободными. Помимо перечисленных, аресту подлежали и лица, располагавшие различными сведениями о разных сторонах деятельности Ордена тамплиеров, то есть слуги, управляющие хозяйством, издольщики на землях ордена, ремесленники и кузнецы, шорники, мукомолы и прочие, а также служащие, проводившие сделки купли и продажи, перевозчики грузов, перекупщики.

Только офицерский состав мог получать средства из казны ордена; определенными средствами располагали местные прецепторы и управляющие. У большинства других членов ордена ничего за душой

не было, и они нуждались в помощи. Что касается транспортных средств, необходимых беглецам, то рыцарь имел по крайней мере трех коней: сильного, специально обученного боевого коня, рабочую или другую быструю лошадь для переездов и еще одну вьючную для перевозки снаряжения, оружия и припасов. Иначе говоря, для бегства рыцарь располагал несколькими средствами передвижения, чего нельзя сказать об остальной части тамплиеров, которым оставались для передвижения только собственные ноги да разве что лодка.

Наряду с преимуществом относительно передвижения у рыцаря-беглеца были и свои специфические трудности. Он был коротко острижен, тогда как все население носило длинные волосы. Правда, какое-то время он мог скрывать голову шляпой с полями, ожидая, пока волосы отрастут. Особую проблему составляла борода. У рыцаря борода должна была быть аккуратно подстрижена – запущенная и отросшая, она сразу бросалась в глаза. Бороду, конечно, можно было сбрить, но, если ее обладатель провел несколько лет на Ближнем Востоке, безбородым он будет еще больше привлекать внимание: на до черноты загорелом лице будут выделяться снежно-белые щеки и подбородок. Такому человеку пришлось бы долгое время ждать, пока не сойдет загар, красить лицо, пачкаться грязью, чтобы не выделяться среди англичан, живущих под нежарким солнцем Британии.

С одеждой у рыцаря тоже не было просто. Обычное одеяние тамплиера – это длинная ряса с капюшоном, какую носят все монахи. У рыцарей имелось военное тяжелое боевое снаряжение, но оно надевалось только в случае необходимости. Чтобы избежать ареста, рыцарю-тамплиеру требовался совершенно другой гардероб, соответствовавший тому месту в жизни, где он намеревался затаиться.

Серьезную трудность для беглецов представляло общение ввиду языковых различий. Тамплиеры были в основном франкоговорящими. По-французски говорили также в английском дворянском обществе и в королевском окружении. Только через пятьдесят лет на английский язык было переведено судебное делопроизводство. Некоторые рыцари-тамплиеры и священники ордена владели английским языком в таком объеме, чтобы следить за выполнением хозяйственных работ и вести деловые переговоры, однако каждый сразу рисковал выдать свое социальное положение, стоило ему произнести пару слов с французским акцентом. Нет сомнения, что рыцари-тамплиеры, не владевшие никаким другим ремеслом, кроме военного, могли искать убежище только среди своих. Так, рыцарь мог под чужим именем наняться в частную армию феодала, готового принять опытного военного, не считаясь с тем, что его может разыскивать Церковь или королевская служба. Таких нанимателей было немало и среди англичан, а в Уэльсе, Ирландии и Шотландии, где преобладало дворянство нормано-французского происхождения, их было еще больше. (К примеру, члены семейства крупных ирландских землевладельцев французского происхождения де Бург еще долго подписывались своим французским именем, пока оно не превратилось в чисто ирландское Бурке.) Для беглеца спасение чаще всего видится в перемене географического места. Ему надо скорее покинуть враждебную землю, стать недосыгаемым для блюстителей закона данной страны. Но для человека, скрывавшегося от преследования Церкви, в католическом мире трудно отыскать убежище. Для полной безопасности ему нужно сохранить в тайне свое происхождение, приобрести новое имя, новое место жительства, освоить новый образ жизни и новый способ добывания средств к существованию. Всего этого добиться в небольших общинах чрезвычайно трудно. (Лондон, самый большой город королевства, в те времена насчитывал всего 25 тысяч жителей.) Странник XIV в. не мог обойтись без дружеской помощи, в том числе помощи человека, который бы мог подтвердить его личность. Именно этот момент отражен в Старой хартии масонов, где говорится, что приезжий или пришедший в город брат «не может войти один», а лишь в сопровождении местного брата, который может «засвидетельствовать» его личность (то есть поручиться за него перед местными властями, имевшими право арестовать неизвестного человека, прибывшего с непонятными целями).

Скрывающийся должен всегда помнить важнейшие правила и следовать им: избегать больших дорог, идти с проводником, знать точный адрес надежных людей. Остановка в деревне или маленьком городке особо опасна, потому что чужой человек там всегда заметен. Другие опасности – это еда и сон. С последним связан самый большой риск. Поест можно довольно незаметно, на ходу, некоторое время можно вообще не есть. Отложить сон надолго невозможно, наступает момент, когда организм не может обойтись без сна, человек может заснуть на ходу, и тогда он совершенно беззащитен. Самый сильный, выдержанный и опытный боец во сне беспомощен, как ребенок. Надежное место для сна – важнейшее требование безопасности беглеца.

В Англии имелись сотни имений и владений Ордена тамплиеров, где беглецы, безусловно, получали помощь и содействие своих семей и друзей, где им было обеспечено надежное и безопасное укрытие либо в домах, либо в ближайших окрестностях. Друзья и близкие, конечно, были основным источником сведений, давали изгнанникам пищу и приют, устраивали им ночлег в сараях, амбарах, охотничьих домиках. Там же беглецы получали важные для них новости, возможность передохнуть, план дальнейшего движения, запасы еды и немного денег на дорогу, а также дружеское участие, без чего опасный путь делается еще труднее.

В следующем пункте он использовал условный сигнал или знак, на который должен откликнуться

надежный человек и кому путник может без опаски открыться. Немного позже лолларды, прячась от преследования церковников, использовали пароль-фразу: «Выпьем, братцы, из одной кружки». Масоны разработали еще более сложную систему условных фраз, ответов и контрольных вопросов. «Главный сигнал о помощи», представлявший собой обращение за помощью к любому брату, который может услышать слова, посланные в темноту, где человека просто не видно, или человеку, смотрящему в другую сторону, был следующим:

– Боже, нет ли тут кого, кто помог бы сыну вдовы?

На это должен был последовать стандартный отзыв:

– Вы путник?

– Да, я в пути.

– Куда направляетесь?

– С запада на восток.

Такая система скрытой проверки и идентификации была очень важна, а порой абсолютно необходима для беглеца, ищущего безопасного места, где бы он мог остановиться, обосноваться и начать новую жизнь. Разумеется, в этой системе передачи и приема условных сигналов должны участвовать единомышленники, друзья, к кому можно отнестись с полным доверием, доброжелатели, готовые идти ради него на риск и участвовать в общей тайной деятельности.

Тамплиеры, конечно, имели все условия для разработки и использования тайных знаков и сигналов, знали они также, что эта система работоспособна, когда все ее элементы унифицированы, когда каждый знак и звук точен и не имеет вариантов. Эти сигналы должны были стать известными всем и каждому члену ордена после того, как они были продуманы и разработаны узкой группой руководителей. При том, что большинство пользователей сигналов были неграмотными, их закрепление происходило путем механического заучивания и повторения.

Когда такая система сигнализации и оповещения разработана, очень важно, чтобы она была доведена до сведения тех и только тех лиц, которые пользуются абсолютным доверием. По правилам тех времен в подкрепление доверия требовалось принести клятву, связанную с угрозой применения земных наказаний и Божьего гнева в случае нарушения этой клятвы. Примером такой клятвы могут служить условия соглашения, заключенного между Филиппом IV и архиепископом Бордоским об избрании очередного главы Римской католической церкви. Архиепископ поклялся самой суровой священной клятвой, какую только можно придумать, но этого Филиппу показалось мало, и он потребовал от архиепископа дать ему в заложники своих братьев и племянников, чтобы наказанием в случае нарушения клятвы стала смерть всех мужчин семьи архиепископа. Такие клятвы давались не только в высших кругах королей и высшего духовенства. Следы подобных клятв сохранились в народных преданиях, а английские дети до сих пор, обещая хранить в секрете какие-то ребяческие дела, чертят крест на левой стороне груди, говоря: «Крест на сердце пусть покарает меня смертью». Смысл состоит в том, что если я нарушу тайну, то должен умереть, и это будет справедливо. В случае же с беглыми тамплиерами предательство могло иметь результат горше смерти, значит, и наказание должно было быть ужасным. Как пример можно привести многократно обсуждавшуюся клятву третьей степени Мастера-масона, когда он говорит, что пусть тело его сына будет разрублено на две части и сожжено дотла, если он нарушит свою клятву. Эта клятва верности обещанию выглядит чудовищной, но вряд ли она покажется таковой, если ее нарушение грозит отправить доверившегося на недели и месяцы нечеловеческих страданий на дыбе, которые закончатся сожжением заживо на костре.

Годы, истекшие с первых арестов тамплиеров в 1307 г. и до окончательного роспуска ордена в 1312 г. представляют собой достаточное время, чтобы превратить подпольную систему взаимопомощи в тайную организацию, готовую принять пополнение в виде разного рода беглецов и гонимых, в том числе бежавших из мест заключения. Некоторые тамплиеры вступили в Орден иоаннитов, как того хотел папа, многие тамплиеры-священнослужители ушли в другие монастыри, но это не исключало их участия в новом тайном обществе, посвятившем себя помощи братьям, что становится естественным после того, как горячка и паника проходят.

Переживший неволю, страх и ужас, вынужденный прятаться, утративший свое прежнее положение в обществе и даже собственное имя, беглец, оказавшись наконец в полной безопасности, думает о тех, кто заставил его пережить все это. На место страха приходит ненависть, на место паники – желание отомстить.

Беглые тамплиеры, сбежавшие от преследования на кораблях, имеют особую историю. Осталось неизвестным, что стало с кораблем, на котором Жак де Моле прибыл в Марсель. Нет сведений и о судьбе восемнадцати кораблей ордена, стоявших на рейде в Ла-Рошели во Франции, и о других судах тамплиеров, бросивших якоря в Лондоне и других морских портах Англии. Тамплиеры, бежавшие на судах, получили двойное преимущество: у них были жильё и способ добывать пропитание. Пиратам и корсарам Средиземное море давало широкое раздолье для деятельности: на его берегах были сотни разных государств, провинций, городских республик и островных общин. Многие из кораблей тамплиеров были

галерами, идеальными кораблями для пиратства: корабль, попавший в штиль, – легкая добыча для военной галеры. Нападать на боевые корабли пираты не осмеливались; целями грабежа чаще становились рыболовецкие и каботажные суда, совершавшие местные перевозки вдоль берега, но их приходилось выслеживать. Самыми выгодными объектами были прибрежные населенные пункты, успех нападения на которые зависел от их размеров и сил пиратской команды. После уборки урожая наступал настоящий сезон пиратских набегов на прибрежные села. Выгодной добычей считался захват в плен людей; если похищенный был богат, за него можно было получить хороший выкуп, а прочие шли на невольничьи рынки Туниса и Александрии.

Бесследное исчезновение тамплиерских кораблей и их команд поневоле связывается с другой загадкой, касающейся уже франкомасонов. Когда член масонской ложи получает степень Мастера, к нему обращают такие слова: «Эта степень делает тебя братом пиратов и корсаров». Эта странная фраза лишена всякого смысла, если масоны ведут свое происхождение от средневековых каменотесов и строителей. Упоминание пиратов не имеет решительно никакого объяснения, и я не встречал ни одного масона, который хоть сколько-нибудь вразумительно мог истолковать его смысл.

Однако есть одна масонская легенда, которую нередко можно услышать в разных пересказах. В 1813 г. масон-капитан торгового корабля «Оук» был захвачен пиратами. В минуту отчаяния он провозгласил «Главный сигнал о помощи» Мастера-масона. Сигнал опознал главарь шайки пиратов. Он вернул капитану все отнятое имущество и отпустил его с миром. Больше того, пират дал ему узелок с матросскими сухарями. Этот узелок до сих пор хранится в масонской ложе Дружбы (№ 137) в английском городе Пуле. А достойный пират известен в масонской истории под именем Жака де Бона.

При всей интриге и романтичности этой истории она все же не проливает свет на то, почему масон, получивший степень Мастера, делается «братом пиратов и корсаров». Однако возможная связь беглых членов ордена со свободными масонами приобретает смысл, если учесть, что тамплиеры на берегу были действительно кровными братьями тех, кто увел свои корабли в море и стал флибустьерами.

Моментов, связывающих тамплиеров и масонов, становится по мере размышления все больше. Всякий беглый тамплиер после ареста подлежал пыткам для добычи у него признания в причастности к ереси, а всякий, помогавший ему советом или делом, мог понести серьезное наказание, быть отлучен от Церкви, лишен имущества. При таком положении вопрос доверия и открытости был для обеих сторон вопросом жизни и смерти. Если человек, открывая свое имя, ставил на кон свою жизнь, то какая клятва и угроза каким наказанием могли гарантировать ему безопасность и уверенность, что ничего ужасного с ним не произойдет? Беглые тамплиеры крайне нуждались в правилах, подобных заветам Старой хартии масонов, согласно которым «масон не вправе раскрывать тайны человека, которая может стоить ему потери имущества и самой жизни». Для попавших в беду тамплиеров именно это условие было жизненно важным, тогда как для средневековых каменщиков-строителей вряд ли оно имело какой-то смысл. Какая тайна могла быть в профессии средневекового каменщика, раскрытие которой угрожало его жизни и имуществу? Особые приемы обращения с резцом? Формула расчета несущей способности фундамента? Однако если имеется в виду тайна брата – беглого тамплиера, то раскрытие ее действительно было чревато опасностью для жизни и имущества беглеца. Но каким образом правила, жизненно необходимые тамплиерам, были перенесены в ритуалы масонов?

Никак нельзя обойти и еще один важный момент, связывающий тамплиеров с масонами. У тамплиеров было три врага: монархия, Орден иоаннитов и Церковь. Отношения с Церковью у тамплиеров были тягостными и запутанными. Членство в ордене не делало тамплиера автоматически рыцарем: он должен был иметь благородное происхождение. Резкое изменение жизни происходило от его собственного решения – вступление в Орден тамплиеров сразу превращало его в монаха, чья жизнь с этого момента посвящалась только служению Католической церкви и папе римскому. Это значило отказ от мысли о браке и детях ввиду клятвы соблюдать целомудрие, отказ от всех земных благ и собственности, поскольку он принимал обет бедности и целиком отдавал себя в беспрекословное подчинение старшему. Он становился членом религиозного ордена, который обязывал предпочесть смерть отречению от католической веры или даже принятию какого-то компромисса в отношении Церкви. Монах-тамплиер жил по строгому уставу монашеского ордена, и только Церковь и Святой Престол были для него абсолютным духовным авторитетом. И вот эта самая Церковь – его высшая духовная инстанция, средоточие его служения, обвиняет его в страшных преступлениях, в богохульстве и порочности, бросает его в застенки, заковывает в цепи, под пытками требует самооговора и посылает на костер.

Можно предположить, что тамплиеры по-разному пережили эту чудовищную несправедливость. Одни вообще отвернулись от Церкви и всех ее служителей сверху донизу. Другие, возможно, провели в своем отношении к Церкви разграничение между такими элементами веры, как святые таинства, передача Христом апостолу Петру права руководить делами христиан на земле, церковный культ Девы Марии. Как бы то ни было, у них у всех сохранилась одна-единственная точка соприкосновения – это вера в Бога, которому они, минуя всяких посредников, могли приносить свои клятвы и обеты. Возможно, среди тамплиеров, переживших такие потрясения, были и доведенные до полного неверия в Бога, но вряд ли

они могли играть какую-то роль в союзе, основанном на доверии, – кто доверится клятве стопроцентного атеиста?

Можно себе представить, как ощущал себя выброшенный за борт своего сторевшего корабля воин-монах, как чувствовал себя в условиях дикой и совершенно непонятной травли. Папа не только отвернулся от него, но стал его преследовать. Ему не оставалось ничего другого, как стать врагом папы. До последнего дня вся жизнь Ордена тамплиеров, связь ордена с Богом осуществлялась через Великого Мастера, подчинявшегося только римскому папе, наместнику Господа на земле. Теперь весь этот незыблемый порядок рухнул: последний Великий Мастер окончил жизнь на костре, наместник Господа бросил орден в грязь. Тамплиер сохранил веру в Бога, но установленный порядок взаимосвязи с Богом был нарушен. Впервые в жизни между ним и Богом не было никаких посредников. Теперь его мольба и благодарность, его акт поклонения и надежды на спасение шли к Богу не через папу, а непосредственно от верующего к Творцу. Это были семена Реформации и протестантизма, которые дадут всходы через шестьдесят лет в движении Джона Уиклифа и лоллардов. Эти семена могли тайно прорасти и распространяться, пестуемые разочарованиями совсем других верований и других преследований, но в конце концов объединили разных людей в едином братстве.

Все сказанное представляет собой только предположения, сколь здоровыми они ни казались бы, потому что не сохранилось абсолютно никаких исторических свидетельств о создании тайного общества бежавшими тамплиерами. Да и искать их не имеет смысла, остается только размышлять, как предшествующие события могли быть связаны с загадочным появлением франкмасонства. Главная особенность масонского братства, не получившая объяснения за триста лет, состоит в основном его постулате: каждый масон должен быть убежден в том, что есть Высшее Существо, Бог, но способы поклонения Богу являются личным делом каждого. Масон не должен обсуждать свои религиозные убеждения в ложе, он также не должен склонять другого масона к своей точке зрения в вопросах веры.

Современные масоны полагают, что их братство ведет свое начало от средневековой гильдии каменщиков. Однако, исследуя эти корни, трудно объяснить религиозные традиции масонов, проследить их развитие. Средневековые гильдии мастеров были очень набожны, у каждой из них имелись свои святые покровители, особо чтимые реликвии; члены гильдии разыгрывали религиозные мистерии, участвовали в паломничествах, чтили покровительство Девы Марии; делали приношения Святому Престолу. Возникает вопрос, как и при каких обстоятельствах у гильдии средневековых каменщиков могло зародиться такое отношение к Церкви и религиозным ценностям, которое формулируется в следующем постулате: «Если они тебя устраивают, мы не имеем ничего против, но для охраны нашего гражданского братства они ничего не значат, ни Христос, ни пресвятая Богородица, ни папа римский. Значение имеет одно – ты согласен с тем, что есть над нами Высшее Существо». Этот постулат не означает, что масон не может быть христианином; большинство масонов как раз являются христианами. Однако он означает, что основу масонства не составляет исключительно христианское учение, братство приемлет всякого монотеиста, верующего в Высшее Существо. Масоны приветствуют последователей любой религии, не принимают только атеистов. Христианин в знак обещания кладет руку на святую Библию, иудей использует Тору, сикх может поклясться хальсой гуру Говинды Сингха. Предполагать, что этот основополагающий принцип зародился в среде средневековых ремесленников, представляется большой натяжкой. Однако этот принцип мог легко возникнуть в среде объединенных общей бедой людей, несправедливо осужденных Церковью и скрывавшихся от преследования папских слуг.

С одной стороны, явно существует группа людей, вынужденных скрываться, крайне нуждающихся в создании тайного общества, имеющих хороший практический опыт подобной деятельности в условиях вынужденной кардинальной переоценки отношения к господствующей Церкви, при этом утративших связи со своим разгромленным орденом. С другой стороны, все факты говорят о существовании и активной деятельности в Средние века разветвленной тайной организации, члены которой, по всеобщему признанию, в известный период назывались «каменщиками» (масонами), что дало основания считать их близкими или родственными гильдии этих мастеров, хотя никаких свидетельств такого родства не существует. Более того, мы имеем дело с людьми, которые спасались, прибегая к помощи правил Старой хартии франкмасонов, хотя сама гильдия каменщиков (масонов) никакой нужды в этой Старой хартии не испытывала.

Наконец, можно ли считать чистой случайностью, что рыцари-тамплиеры и франкмасоны были единственными во всей европейской истории группами людей, связывающими себя с Храмом Соломона, и готовы ли историки дать этому объяснение?

Тамплиеров и масонов сближает столь многое, в их историях так много, казалось бы, случайных совпадений, что в них можно запутаться и растеряться, а потому исследователь должен быть внимателен и осторожен. Чтобы прийти к каким-то выводам, приходится вести поиск в разных направлениях. Прежде всего следует рассмотреть ритуалы, предания и историю самого масонства, чтобы отклонить или принять то, что совершенно определенно свидетельствует о родстве и подобии между масонами и тамплиерами. За последние 270 лет не раз делались попытки выявить связь между двумя этими организациями, но

неопровержимых фактов, подтверждающих это родство, не было найдено, и все эти попытки в конечном счете были признаны неубедительными. Вместе с тем практически все исследования происхождения масонов шли по направлению изнутри к внешнему, что напоминает изготовление определенной формы для имеющейся легенды или символа. Мы же попытаемся направить свой поиск извне внутрь, стремясь выяснить причины, по каким тайное масонское общество образовалось именно в Англии, почему только там сложились условия, позволившие ему выжить и сохранить тайну своего существования несколько столетий.

Часть II Франкмасоны

Пролог

Лучшего места для прогулок, чем Викторианская набережная Темзы в Лондоне, нет в целом свете. Украшением набережной служит Игла Клеопатры – древний египетский обелиск, датируемый временем фараона Тутмоса III (около 1500 лет до н. э.). Его несколько раз передавали в дар английскому народу, но только в 1877 г., при Георге IV, была осуществлена его морская перевозка в Лондон. По пути обелиск затонул во время шторма в Бискайском заливе, но место кораблекрушения было мелким, обелиск подняли со дна и водворили в его новый дом.

Установка Иглы Клеопатры на набережной в 1878 г. стала крупным событием, и многим хотелось, чтобы это событие и древний памятник стали к тому же свидетелями английской истории. Расшифровка иероглифов позволила открыть культуру трехтысячелетней давности, и на обелиск была возложена еще одна задача – сохранить следы современной английской культуры для исследователей будущих времен. С этой целью под основание обелиска были заложены два запечатанных керамических кувшина с предметами, отражающими наивысшие достижения Британской империи. В числе прочих вещей в кувшин положили полный набор монет свежей чеканки, поскольку английская денежная система, считавшаяся лучшей из лучших в мире, являла собой одно из величайших достижений Великобритании.

Полный перечень «направленных в будущее» вещей был опубликован в день торжественного открытия обелиска в лондонской газете «Таймс». Однако никто не обратил внимания на один из малопримечательных предметов и никто его не прокомментировал. Это была двадцатичетырехдюймовая железная линейка. Какое же достижение символизировала эта линейка? Изобретение дюйма? Только для грамотного масона этот предмет не представлял собой загадки. Эта линейка, называемая «двадцатичетырехдюймовой меркой», служит очень важным символом в преданиях и церемониалах масонов. Это первый предмет, который вручается неофиту масонской ложи, получающему звание ученика. В морально-этическом плане этот предмет служит масону напоминанием о необходимости разумно распределить двадцать четыре часа суток на труд, отдых и благотворительность. В легенде она фигурирует как одно из орудий убийства мастера-каменщика, построившего храм Соломона, что обыгрывается также в церемонии посвящения в степень мастера.

Возможно, государственное строительное ведомство или кто-то другой из высших правительственных чинов, а может быть, и все вместе решили незаметно положить в основание обелиска двадцатичетырехдюймовую линейку, давая знать археологам будущих тысячелетий, что к числу величайших достижений Британской империи относится и эта квазисекретная организация, известная под названием Древний орден свободных и признанных каменщиков.

Глава 12 Рождение великой ложи

Описать организацию масонов – задача чрезвычайно сложная. Это крупнейшее в мире братство, насчитывающее около 3 миллионов членов в США, более 700 тысяч – в Англии и еще несколько миллионов в остальном мире. С момента ее выхода на белый свет в 1717 г. об этой организации написано более 50 тысяч книг, брошюр и статей.

Вся масса этой литературы свидетельствует о том, что масонам свойственно глубокое богопочитание, безупречная религиозная мораль, поразительная толерантность и веротерпимость (главным признаком масона служит твердая вера в Высшее Существо), а своей главной целью масоны считают воспитание нравственности, самосовершенствование и широкую благотворительность. И, невзирая на все эти достоинства, поразительна неблагодарность человечества: врагов у франкмасонов было больше, чем у любой другой религиозной организации! На них систематически нападала Католическая церковь, мормонам категорически запрещалось вступать в масонские ложи, и даже Армия

спасения и английские методисты не рекомендовали своим членам иметь с масонами дела. Масоны были поставлены и по сей день находятся в некоторых странах вне закона. Общеизвестны гонения на масонов со стороны Адольфа Гитлера, Бенито Муссолини и Франсиско Франко, каждый из которых объявлял в своей стране орден запрещенным. На масонов обрушивались серьезные обвинения в проповеди альтернативной христианству религии антихриста и в участии в подрывной деятельности, направленной против собственных правительств. Совсем недавно масонам пришлось отбиваться от скандального финансового дела, по которому проходила тайная и дезавуированная масонская ложа Ватикана, а также от обвинений в оказании помощи попавшимся на грязных махинациях чинам английской полиции и высокопоставленным чиновникам.

Большинство антимазонских инсинуаций и обвинений трудно проверить и практически не удастся выяснить их содержательные моменты, к тому же франкмасоны, как правило, избегают вступать в споры и в полемику. Критики масонов обычно приводят довод, согласно которому «молчание есть знак признания», а псевдосекретная организация оставляет все выпады без ответа, очевидно считая, что в наш перенасыщенный средствами массовой информации век дела говорят красноречивее всяких пресс-релизов. Все это оставляет у публики представление о масонской ложе как организации скрытной и крайне противоречивой. На то есть и еще такое объяснение: на толпы антимазонских критиков и разоблачителей всегда найдется пара-тройка весьма влиятельных людей, способных всю эту критику и шумиху превратить в простой мыльный пузырь.

Участие масонов в Американской революции отмечено такими именами, как Джордж Вашингтон, Бенджамин Франклин, Джеймс Монро, Александр Гамильтон, Пол Ревир, Джон Рол Джонс, а также маркиз де Лафайет и Бенедикт Арнольд. Другими революциями против государственного строя и церковных порядков руководили масоны Бенито Хуарес, Симон Боливар. Джузеппе Гарибальди и Сэм Хаустон. (В некоторых случаях им помогали изделия собрата-масона Самуэля Кольта¹

.)

В списке монархов и императоров, приносивших масонскую клятву, значатся английские короли Эдуард VII, Эдуард VIII и Георг IV, король Пруссии Фридрих Великий, Георг I Греческий, Хокон VII Норвежский, Станислав II Польский и даже Камехамеха V, король Гавайский. Кроме Вашингтона и Монро, в список масонов входят еще ряд американских президентов: Эндрю Джексон, Джеймс Н. Полк, Джеймс Бьюкенен, Эндрю Джонсон, Джеймс А. Гарфилд, Теодор Рузвельт, Уильям Говард Тафт, Уоррен Г. Гардинг, Франклин Д. Рузвельт, Гарри С. Трумэн, Линдон Джонсон, Джералд Форд и почетный член масонского братства Рональд Рейган.

Из английских масонов во Второй мировой войне участвовали премьер-министр Великобритании Уинстон С. Черчилль, фельдмаршал граф Александер Тунисский, маршал Клод Окинлек, маршал лорд Ньюхолл (BBC) и генерал Фрэнсис Уингейт. Американское масонство на войне представляли генерал Марк Кларк, Омар Бредли, Джордж Маршалл, Джозеф Стилвелл и Дуглас Макартур.

Конечно, воевали масоны не всегда на одной стороне. Наполеон бросал своих масонов-маршалов Мессена, Мюрата, Сульта, Макдональда и Нея против русского масона Кутузова, прусского масона Блюхера и против герцога Веллингтона, которому и довелось ряд своих братьев-военачальников прикончить под Ватерлоо.

Трудно сказать, где началось и где кончается влияние масонства на протяжении 270 лет его открытого существования на все стороны общественной жизни Запада, будь то политика, война или культура. В музыке масоны охватывают жанровый спектр от Уильяма Хэнди, автора «Сент-Луис блюза», до Джона Филипа Суса и от Гилберта и Салливана через Сибелиуса и Гайдна до Вольфганга Амадея Моцарта, которого, по некоторым слухам, умертвили за то, что в опере «Волшебная флейта» он раскрыл масонские тайны.

К масонам-литераторам относятся Вальтер Скотт, Роберт Бернс, Редьярд Киплинг, Джонатан Свифт, Оскар Уайльд, Оливер Голдсмит, Марк Твен, Артур Конан Дойл (который ни за что не допустил бы, чтобы антимазонская книга Стивена Найта «Джек-потрошитель: тайна раскрыта» была экранизирована и на экране его любимый герой Шерлок Холмс столкнулся бы в противоборстве с лондонскими масонами, духовными братьями самого автора).

Сколь ни впечатляют, если не сказать большего, эти представители масонства, они явно бледнеют перед именами тех, кого масонские историки причисляют к самым древним представителям этого братства, а именно: Адама, Авраама, Ноя, Моисея, Соломона, Птолемея, Юлия Цезаря и Пифагора (упоминаемого в устных преданиях масонов под забавным английским именем «Питер Гоуэр» – «Петр Идущий»). Но на этом фантазии некоторых авторов не останавливаются. Делаются попытки отыскать истоки масонства в Древнем Египте, а некоторые даже прослеживают их в древнеиудейской секте ессеев, в религиях Заратустры, халдеев и особенно финикийцев, поскольку последние почтили своим посещением Британские острова и якобы поделились собственными мистериями с друидами, которые предстают

¹ С. Кольт – американский конструктор, который усовершенствовал револьвер, получивший в итоге его имя.

прямыми предками масонов.

Постепенно шумные баталии между историками масонства, пытавшимися перешеголять друг друга своими открытиями, стали стихать, и тогда получили возможность быть услышанными и более трезвые голоса. Первый серьезный шаг в этом направлении был сделан в привязке масонства к строительству храма Соломона, где буквально истолковывалась одна аллегория, ставшая впоследствии, как мы потом увидим, главным звеном в обряде посвящения в степень Мастера-масона. Эта теория украшена именами трех Великих Мастеров – царя Соломона, тирского царя Хирама и мифического Хирама, именуемого также Хирам-Абиф. Масонские авторы пытаются идентифицировать личность Хирама-Абифа с личностью библейского персонажа, «сына вдовы из колена Неффалимова», бывшего искусным мастером по выделке бронзы и отлившего из этого металла колонны Якин и Боаз, украшавшие наружный портал храма. Дело в том, что в масонском обряде мастер Хирам-Абиф погибает и храм остается незавершенным, тогда как в библейском варианте храм был благополучно достроен и, судя по всему, мастер Хирам вернулся домой живым и здоровым. Сама Библия не приводит никаких сведений относительно появления масонства. Если говорить серьезно, связь масонства и сооружения храма Соломона не выходит за пределы аллегорической драмы, включенной в традиционный масонский обряд.

Следующее поколение историков масонства, больше ориентирующееся на исторические факты, а не на предания старины глубокой, утверждает, что никаких свидетельств масонства при сооружении храма Соломона не существует, что такие свидетельства обнаружены в средневековой гильдии строителей-каменщиков. Историки извлекли на белый свет все древние орудия каменщиков, сделав их символами морали и нравственности, коими должны руководствоваться масоны в самосовершенствовании. Ничего плохого в уроках морали и благотворительности нет, в какой бы форме они ни проводились, как не может быть возражений и против стремления к самосовершенствованию. Тут можно говорить лишь о фактической достоверности, о правдоподобии исторического материала, усматривающего в средневековой организации грязных и пыльных каменотесов с ободранными руками и коленями, больными спинами от таскания тяжелых блоков в любую погоду прообраз высокородной компании во главе с королями и принцами, герцогами и графами.

Ключевой вопрос состоит в том, что до 1717 г. масонский орден действительно был почему-то самой секретной организацией. Это было не просто тайное общество с условными сигналами и особой манерой рукопожатия, а именно массовая организация, само существование которой было тайной. Ни один из историков масонства не знает причин ее секретности и целей существования. Когда масоны наконец открылись, стало известно, что у них есть свои ячейки, называемые ложами, расположенные в Англии, Ирландии, Шотландии и Уэльсе. В других местах их еще не было. Какая их объединила тайна, хранить которую они клялись из поколения в поколение настолько строго, что выдача ее каралась самой строгой мерой? Сколь твердым ни был раствор, скреплявший камни масонских лож, дававший смысл жизни их членам и требовавший строгой тайны, эта тайна ушла, когда на английский трон, недоступный католику или супругу католички, ступил первый король из династии Ганноверов Георг I.

Надо сказать, что, когда случилось событие 1717 г., ему не придали особого значения. Не произошло ничего особенного: просто четыре масонские ложи собрались в таверне «Под яблоней» в Ковент-Гардене в Лондоне и объявили о своем союзе в форме официальной ассоциации, названной «Великая ложа». Новость эта в Лондоне была встречена равнодушно: первое впечатление от нее, если таковое и было, состояло в том, что четыре обычных клуба, где принято есть и выпивать, теперь раз в году будут собираться, чтобы есть и выпивать вместе. Выяснилось также, что одним из святых покровителей ассоциации является Иоанн Креститель, и в день этого святого, 24 июля 1717 г., была официально учреждена Великая ложа с избранием Великого Мастера и других представительных лиц.

Настоящее же потрясение произошло скрытно и затронуло только другие масонские ветви Британии. Четыре лондонские ложи, раскрыв себя и всех остальных членов своего ордена, нарушили вековую клятву о сохранении тайны! Иными словами, эти четыре ложи решили, что в секретности нет больше надобности, что она просто лишняя. Все остальные масоны Британии оказались перед свершившимся фактом; можно только догадываться, сколько крика и шума поднялось на тайных собраниях лож в последовавшие за лондонским событием месяцы.

Постепенно другие масонские ложи, главным образом в окрестностях Лондона, также вышли из подполья и обратились с просьбой принять их в Великую ложу. И все же некоторые ложи страшно разгневались на «клятвопреступников» и не желали иметь с ними ничего общего. Их ярость можно объяснить тем, что члены новоявленной Великой ложи не удосужились оправдать свои действия или хотя бы объяснить всем братьям, что настало время оставить то, что, на их взгляд, теперь казалось бессмысленным и неудобным. Однако, когда Мастер Великой ложи во время второго общего банкета в 1718 г. обратился с особой просьбой к остальным ложам, те оказали сопротивление, показав, что их первоначальное отношение к затее Великой ложи не изменилось. Просьба состояла в том, чтобы передать в Великую ложу все древние документы, относящиеся к масонству, дабы разработать проект устава Великой ложи. В ответ на это многие масонские организации просто сожгли старинные документы, чтобы

не была нарушена клятва о тайне. Историкам, конечно, жаль уничтоженных документов, но в определенном отношении их сожжение делает честь тем, кто не спешил отказываться от старых традиций и нарушать ранее данные клятвы.

Первый официальный протест против создания Великой ложи поступил через восемь лет, в 1725 г., от масонской ложи Йорка. Йоркские масоны обжаловали не само нарушение старинной традиции секретности своего ордена, а претензии на старшинство и главенство лондонцев. Возраст своей ложи Йоркские масоны связывали с закладкой Кафедрального собора в VII в.; их первым Великим Мастером был король Нортумбрии Эдвин. Верные духу братства йоркцы не стали оспаривать у Лондона название Великой ложи Англии, но широко объявили, что у масонов Йорка есть «неоспоримое право» именоваться «Великой ложей *всей* Англии» (выделено мной. – *Дж. Р.*).

В том же 1725 г. вышла из мистического тумана таинственности ирландская ложа и назвалась Большой ложей Ирландии с центром в Дублине. Первым Великим Мастером ложи Ирландии стал двадцатидевятилетний граф Росский. По-видимому, это был удачный шаг для начала всего дела, хотя бы потому, что граф получил наследство от своей любимой бабушки герцогини Тир-коннельской в размере миллиона фунтов стерлингов.

Шотландцы дольше всех оттягивали свой выход на люди. (Есть такое мнение, что если масонов разных стран сравнивать с религиозными конфессиями, то классическое франкмасонство можно приравнять к иудаизму, американских масонов – к реформаторам, английских – к консерваторам, а шотландцев – к ортодоксам.) Через девятнадцать лет после образования Великой ложи Англии шотландские масоны стали проводить встречи и обсуждать ситуацию. В 1737 г. наконец было объявлено о созыве объединительного собрания новой Великой ложи Шотландии.

Этот год стал взрывом масонства во Франции. Он породил стихийное возникновение сотен и сотен новых масонских орденов и разжег пожар новых легенд и фантастических сказаний, которые вконец запугали любое серьезное исследование движения не только в Европе, но и в Соединенных Штатах. Всю эту бучу заварил один именитый шотландец. А что его побудило сделать это, остается неясным по сей день, как было неясным с самого начала.

Эндрю Майкл Рамсей родился в Эре (Шотландия) примерно в 1681 г. и окончил Эдинбургский университет. В 1709 г. Рамсей стал домашним учителем детей графа Вемисского, но скоро его захватили бурные события религиозной жизни тех лет и он уехал во Францию. Там, под покровительством архиепископа Фенелонского, он перешел в Римскую католическую церковь. Через некоторое время он был назначен наставником в дом герцога де Шато-Тъери, а потом учителем принца де Тюрренна. За верную службу ему было даровано звание рыцаря (шевалье) Ордена Святого Лазаря, вследствие чего он остался в истории масонства под именем шевалье Рамсея.

Самым важным делом Рамсея было, пожалуй, служение королю, но королю без собственного королевства. Его пригласил к себе в Рим человек, который должен был бы стать английским королем Иаковом III, если бы его отец Иаков II не был свергнут с трона. Иаков был одержим мыслью вернуть английскую и шотландскую корону своему роду, а английский народ – в лоно Католической церкви. Если короны не достанутся ему, то он рассчитывал, что их получит его сын Карл Эдуард Стюарт, правнук того короля, который был одновременно шотландским королем Иаковом VI и английским Иаковом I и в глазах католической Европы был наследником как английского, так и шотландского тронов. Наследнику в изгнании нужен был учитель, и шевалье Рамсей стал заниматься образованием трагически закончившего молодого человека, известного в истории под прозвищем Юный Претендент.

Через некоторое время Рамсей переехал из Рима во Францию, где включился в активную масонскую деятельность. В то время во Францию из Англии перекочевала трехступенчатая масонская ложа, основавшая свои филиалы в Париже и еще в трех больших городах Франции. Филиалы устроили свои ложи и приняли в них нескольких французов. Те проявили некоторый интерес, но особого ажиотажа в отношении полусекретного братства, возникшего из гильдии грубых английских каменотесов, сказать по правде, не было. Рамсей все это в корне изменил. Он объявил совершенно новую родословную франкмасонства: никаких каменотесов, а исключительно короли, принцы, бароны и рыцари Крестовых походов. У него не было ни клочка какого-либо документа, ни серьезного обоснования, но ему поверили. В конце концов, он был домашним воспитателем королевской особы, членом королевского общества, шевалье Ордена Святого Лазаря и канцлером Великой парижской ложи франкмасонов. Торжественная речь, как она называлась, впервые была произнесена им в масонской ложе Святого Фомы в Париже 21 марта 1737 г.

«Наши предки, участники Крестовых походов, собирались со всех частей христианского мира на Святой земле, чтобы там снова воссоединиться в единое братство людей разных национальностей», – говорил Рамсей. Он дал объяснение некоторым тайным словам как средству защиты: это, заявил он, «слова войны, которые крестоносцы сообщали друг другу, чтобы распознать затесавшихся в их среду сарацинов, которые часто пробирались в ряды крестоносцев и убивали их». Он объяснил, что древние мистерии Цереры, Исиды, Минервы и Дианы имеют прямое отношение к масонам. Относительно

зарождения масонства Рамсей говорил, что первые масоны-крестоносцы сами не были каменщиками, а стремились и дали обет восстановить храм Соломона на Святой земле. Он заявил, что братство вошло в «тесный союз с рыцарями Святого Иоанна Иерусалимского».

(Возвращаясь к истинным целям благородных участников Крестовых походов, легко увидеть, что особой преданности идее братства всех людей там не было. Видимо, заслугой Рамсея нужно считать то, что от него ведет начало дух рыцарственности, охвативший Европу XVIII–XIX вв., поднявший на щит в сознании каждого истинного джентльмена добропорядочность, благочестие, сострадание, великодушие и честность в отношениях с людьми, суперпочтительное отношение к женщине, примеров чего раньше в истории отыскать невозможно.)

Далее Рамсей поведал, что ложи масонов в Германии, Италии, Испании, Франции и в Шотландии были организованы вернувшимися из Крестовых походов рыцарями, причем лорд-стюард Шотландии в 1286 г. был Великим Мастером ложи в Килвиннинге. (Возможно, Рамсей исходил из того, что его аудитория осведомлена о прямой связи наследственного стюарда – управляющего Шотландии с известной фамилией Стюарт, ставшей родом шотландских и английских королей, отпрыском которых считал себя ученик Рамсея, планировавший возвращение утраченных корон.) Масонские ложи не обрели должного внимания во всех странах, кроме Шотландии, и хотя принц Эдуард вернул масонов обратно в Англию, самыми старыми ложами остаются шотландские, именно они источают истый дух масонства в Англии. Поэтому он, Рамсей, посчитал своим долгом поехать во Францию, чтобы заняться созданием «мирового центра ордена».

Франция откликнулась на эту идею. Масоны-каменщики – это одно, а короли, герцоги и бароны – совсем иное дело. Новые масонские звания и обряды засверкали во Франции, как финальные вспышки праздничного фейерверка. Новые обряды разошлись по разным странам, те в свою очередь украсили их своими добавлениями и вариантами, так что в один прекрасный день историки масонства смогли документировать 1400 различных масонских степеней и званий. Церемонии и обряды масонов, даже их наименования исчерпали все терминологические возможности Ветхого Завета и всех рыцарских орденов. Одна французская система, возникшая из торжественных речей Рамсея, – так называемое Шотландское масонство, – разрослась до тридцати трех степеней и в таком виде перекочевала в США, где действует и по сей день, получив наименование «Древний и признанный шотландский обряд свободного масонства». Он поддерживает связи с «Древним арабским орденом благородных почитателей мистического Храма» (так называемыми храмовниками), в котором притязания Рамсея на происхождение масонов из Святой земли выразились в форме принятия ритуалов и костюмов арабско-турко-египетского характера. Говоря по правде, из всех так называемых шотландских масонских лож прямое отношение к этой стране имеет только Королевский орден Шотландии.

Возможно, это простое совпадение, но в 1738 г., когда Рамсей выступал со своими докладами, папа Климент XII издал буллу и еще ряд энциклик, направленных против масонства, и открыл новое широкое поле деятельности стараниям и рвению святой инквизиции. Там, где инквизиция пользовалась властью и влиянием, масонов подвергали арестам, депортации и даже пыткам. В Португалии одного масона после пыток приговорили к каторжным работам на галере, где он и пробыл четыре года, прикованный цепью.

Еще одно событие в истории масонства в континентальной Европе могло быть связано с именем Рамсея. Немецкий титулованный аристократ с тяжеловесным именем Карл Готфельд барон фон Гунд и Альтен-Гроткау полагал, что был посвящен в служение истинного масонства Ордена строгого повиновения. Причиной тому послужила клятва масона-ученика, предусматривающая беспрекословное повиновение «Неведомому старшему». Из дневника фон Гунда известно, что во время пребывания в Париже в 1743 г. он был гостем масонского Ордена Храма, где его встречал неизвестный ему человек, носивший звание «Рыцарь красного пера». На приеме присутствовали лорд Килмарнок (приверженец Иакова II, которого казнили 18 августа 1746 г. за государственную измену) и лорд Клиффорд. Затем, по свидетельству фон Гунда, он был представлен принцу Карлу Эдуарду Стюарту как самому почтенному брату масону. Из «настоящей истории» свободного масонства фон Гунду сообщили, что во времена гонений на тамплиеров группа рыцарей укрылась в Шотландии, сохранив свой осужденный и проклятый орден, войдя в гильдию рабочих-каменотесов. Там они избрали Великого Мастера на место погибшего де Моле, и с тех пор тянется не прерывавшаяся линия Великих Мастеров-тамплиеров. По соображениям безопасности имя действующего Великого Мастера, пока он жив, сохраняется в тайне, о его роли знают только двое других, его избравших. Отсюда проистекает существование клятвы повиновения «Неведомому старшему». Фон Гунд приступил к организации лож строгого повиновения в Германии. Он делал все, как ему было сказано, но под конец жизни пережил полное душевное расстройство, потому что больше никогда никто из масонской ложи на контакт с ним не вышел.

История о рыцарском ордене, беспрекословном повиновении и тайном Великом Мастере, очевидно, пришлась по душе землякам фон Гунда, потому что новый орден за двадцать с небольшим лет распространялся по всей Германии, как лесной пожар, а оттуда – практически по всей Европе. Потом этот пожар стал постепенно затухать и практически потух в следующем десятилетии, потому что Великий

Мастер остался не только неизвестным, но и вряд ли существовал как таковой. Фон Гунд отошел в мир иной с твердым убеждением, что «Неведомым старшим» был Юный Претендент собственной персоной. С ним были согласны те, кто полагал, вся эта история с образованием масонского Ордена строгого повиновения была затеяна с целью вербовки сторонников и сбора денег на дело наследника Иакова II. Если предположение, что «Неведомым старшим» являлся принц Карл Эдуард Стюарт, было верным, то причина, по которой на фон Гунда больше никто не вышел, совершенно ясна. С якобитами окончательно покончили в кровавом сражении при Куллодене и столь же кровавом побоище-преследовании, устроенном английским командующим герцогом Камберлендским, прозванным Вильямом-Мясником, который гонялся за шотландцами-католиками по горным долинам, пока не прикончил их всех до одного. (В качестве героя Англии герцог был прославлен тем, что его имя присвоили ароматному садовому цветку, созданному для «альпийских горок», назвав шедевр цветоводства «сладкий Вильям», что в Шотландии, разумеется, тут же переименовали в «вонючего Билла».)

Пока масоны на континенте занимались развитием все более сложных и замысловатых обрядов и ритуалов, настоящее трехступенчатое британское масонское братство переживало собственные трудности. Когда все изначальные цели были многократно обсуждены, обговорены и оставлены, масонские ложи стали создаваться как гастрономические клубы любителей поесть и выпить, и предпочтение в них, похоже, отдавалось второму занятию. Все английские масоны должны пенять своему брату-моралисту Уильяму Хогарту, запечатлевшему лондонское масонство на полотне под названием «Ночью», изображавшем вусмерть пьяного Великого Мастера ложи, которого волочит на себе тайлер; оба в масонских одеяниях и регалиях. Даже сами ложи в быту обычно назывались по имени заведений, где обычно собирались их члены. Первоначальные идеи масонства затерялись в веках и ушедших поколениях, и масонскому руководству предстояло поставить перед организациями новые цели. На первое место возвели благотворительность, начинавшуюся с бедствующих братьев, потом расширенную на вдов и сирот братьев и, наконец, на всех бедных и нуждающихся.

Другой миссией масонства, не позволявшей ему окончательно превратиться в кружок выпивох, была идея постоянного самосовершенствования путем повышения своих моральных качеств, примеры которых черпались в традициях ложи. Нравственное воспитание велось с помощью символики рабочих инструментов и орудий труда каменщиков. Масонское выражение «на прямой угол» приобрело значение «честно, без обмана» и вошло в обиходную английскую речь. Эти символы из инструментария каменотесов до выхода масонов из подполья в 1717 г. не употреблялись в их среде, но потом быстро вошли в привычку. А случилось это благодаря использованию слова *ашлар*, что значит «отесанный строительный камень». Вновь принятый член ложи на жаргоне ордена назывался «неотесанным ашларом», и ему предстояло с помощью символических инструментов морали и нравственности придать себе правильную форму «настоящего ашлара», выровнять себя и отполировать, чтобы быть готовым занять свое место в здании храма Божьего, потому что высшим принципом масонства было и остается поклонение Высшему Существо.

Два новых компонента масонской идеологии – благотворительность и нравственность, постоянно повторяемые и контролируемые, вытаскивали английских масонов из кабаков и баров в специально отстроенные залы и здания, придав им новый статус суперрелигиозной организации. Все развлечения с долгим ужином, вином и курением длинных трубок «церковного старосты» были отменены, и вместо них на собраниях масонских лож стали звучать гимны, молитвы, органная музыка – с целью подчеркнуть торжественный смысл обряда и всей атмосферы.

Зная не много больше того, что «масон» означает «каменщик» и что центральным моментом в главном масонском ритуале является сооружение храма царя Соломона, все аспекты внутриорганизационных отношений основывались на аллегориях строительного дела, а инструментарий каменщика служил моральным и этическим символом святого и вечного созидания. Существенное значение для истории масонства имели также любые сведения, касающиеся профессии средневековых каменщиков-строителей и архитектуры древних строений. Высокие католические соборы особо привлекали внимание романтиков из масонов, которые активно разрабатывали теорию происхождения масонства из средневековых гильдий каменщиков-строителей. Масонские книги переполнены описанием самых известных соборов, эта тема постоянно присутствует в лекциях, проводимых в ложах, с демонстрацией особенностей строения арок, контрфорсов, шпилей, характерных деталей колонн и капителей. Однако теперь уже доказано, что масоны не имеют никакого отношения к возведению хотя бы одного архитектурного сооружения, а наиболее серьезные из масонских авторов теперь совсем перестали упоминать некогда популярную легенду, согласно которой архитектор знаменитого лондонского собора Святого Павла Кристофер Рен якобы был Великим Мастером масонов.

Так и не раздобыв ни единого достоверного подтверждения ни в области строительного дела, чем рьяно занимались английские масоны, ни в Крестовых походах на Святую землю, чем были озабочены масоны Франции, исторические изыскания не дали никаких результатов. Поиск корней и истоков масонства пришлось направить в другую сторону. Теперь предстояло найти какую-то связь масонов с

разогнанным Орденом тамплиеров. Надо сказать, что ритуальные слова и символы, придуманные после выхода масонства из подполья в 1717 г., ничего дать не могли. Истинные знаки, слова и обряды, которые могли приблизить к истокам масонства, скорее всего предстояло искать в устном предании, сохраненном памятью, в заученных, но непонимаемых словах и выражениях, более стойких к искажению и переосмыслению.

Таким образом, предстояло обратиться к тем чертам и особенностям масонства, которые имелись у появившихся четырех лондонских лож в 1717 г., когда весь их багаж составляло прошлое. Назовем эту группу сведений «секретным» масонством, в противоположность свободному, или «публичному», масонству после 1717 г. При этом следует взять за правило не принимать во внимание толкование фактов секретного масонства позднейшими исследователями этой проблемы, которые не столько искали истину, сколько стремились подогнать каждый момент истории секретного масонства под надуманную схему происхождения масонов от средневековой гильдии каменщиков-строителей.

В качестве примера можно взять наряд масона – перчатки и кожаный фартук, бывшие, по мнению масонских авторов, рабочей одеждой средневековых каменотесов. Изучение сотен средневековых рисунков, картин, гравюр с изображениями работающих каменотесов приводит к выводу, что никаких перчаток и кожаных фартуков они не носили. Другой пример – тайлер, стражник с палашом наголо, стоящий у входа в ложу во время проходящего там собрания. Масонские писатели решили, что стражника нанимали в гильдии мастеров, покрывавших крыши черепицей; по другому варианту объяснения, в комнату, где проводились тайные собрания, вела дверь, покрытая черепицей. У масонских авторов можно встретить множество несуразностей, потому что они тенденциозно привязаны к идее происхождения ордена от средневековой гильдии мастеров-строителей. Но у нас есть все основания отбросить эту теорию, хотя она распространена очень широко. Чтобы проверить ее истинность досконально, нужно было внимательно и скрупулезно исследовать историю средневековых гильдий каменщиков Британии. Результаты исследования поразили меня, а для свободных масонов и вовсе оказались потрясением.

Глава 13

В поисках средневековых гильдий

В сущности говоря, в появлении масонства особой тайны нет, но на деле получается, что вопрос о том, как возник этот орден, оказывается тайной всех тайн. В происхождении масонства и целях всего движения, казалось бы, нет ничего загадочного, потому что как масонская и антимасонская печать, так и вообще вся общественность дружно считают, что масоны возникли из средневековой гильдии английских мастеров-каменщиков. Исследование, проведенное автором этой книги, позволяет утверждать, что это распространенное мнение ошибочно. Расхождение во мнении с масонскими и антимасонскими авторами, создавшими прочное убеждение о профессиональном происхождении масонства из рабочей гильдии, побудило меня вести многомесячные исследования, отправляясь в тысячекилометровые путешествия. Но чем далее шла моя исследовательская работа, тем больше я убеждался, что теория гильдии является заблуждением.

Нужно заметить, что современные масонские писатели, в отличие от своих антимасонских коллег, дают больше пищи для размышлений и изысканий. Масоны Ф. Л. Пик и П. К. Найт в авторитетном труде «Краткая история франкмасонства» пишут: «По настоящее время ни одной достоверной теории о происхождении масонства так и не выдвинуто. Причиной тому, по нашему мнению, служит факт, что масонство как течение возникло среди самодеятельных каменщиков Британии». Недавно умерший Стивен Найт, самый острый критик масонства в последние годы, в своей книге «Братство» относительно происхождения масонства высказался совершенно определенно, назвав первую главу следующим образом: «От гильдии рабочих – к тайному обществу». Он утверждает, что история масонства – «это повесть о том, как католическая гильдия нескольких тысяч английских рабочих перешла в руки аристократов, джентри и представителей многих других нерабочих классов и как она была превращена в тайное общество, отделившееся от христианства». Такая характеристика нас не смутила, и вот почему. Во-первых, все профессиональные гильдии в средневековой Европе могут быть отнесены к римско-католическим, потому что католик был единственным, кто тогда мог существовать (если не хотел рисковать собственностью, подвергаться пыткам и преждевременно закончить жизнь на куче пылающего хвороста). Во-вторых, профессиональные гильдии были образованиями исключительно местными, никакой общей организации, действовавшей в границах всей Англии, быть не могло. В-третьих, масону не требовалась вера в Христа. Он должен был верить в Бога и в бессмертие души; такое вероисповедание не могло зародиться в профессиональной гильдии, тем более среди ремесленников, основным и главным заказчиком которых была Церковь.

С другой стороны, нельзя пройти мимо сухой констатации факта в энциклопедии «Британника»: «Франкмасоны появились из среды средневековых гильдий каменщиков и строителей храмов».

Было необходимо изучить связь масонства с каменщиками, и уже с самого начала имелись все

основания говорить, что формальная принадлежность к гильдии могла быть просто прикрытием, что совсем не редкость для секретных организаций. Во время Второй мировой войны японцы создали большую шпионскую организацию «Синдо Роммей», действовавшую в бассейне реки Амазонки. Целью организации была подготовка к использованию природных ресурсов этой территории после предполагавшейся победы и завоевания мира. Организация работала под видом рыбопромыслового предприятия: словарь шифров состоял из терминов и выражений рыбацкого промысла. Когда шпионская сеть была раскрыта и ее участники арестованы, выяснилось, что руководителем организации был японский полковник, переодетый поварихой рыболовецкого сейнера. Далее. В Индии члены тайной банды убийц и разбойников – туги (отсюда английское слово «таг» – головорез, убийца) – скрывались под видом бродячих торговцев и тоже пользовались торговыми терминами, имевшими тайный смысл. Смешавшись с толпой других торговцев, они выбирали себе жертву и душили ее в честь богини Кали. Далее. В елизаветинские времена деятельность иезуитов в Англии была запрещена, и они между собой общались на языке торговцев. Скажем, если один из них сообщал другому, что «в Плимут приехали два новых купца из Италии и ищут деловые связи в графстве Суссекс», другой понимал, что это означало: в Англии появились два иезуитских священника, которым нужен надежный дом в Суссексе. Поэтому нет ничего особенного в том, что некая тайная организация избрала своим главным церемониалом аллегорическое строительство храма Соломона, придав себе таким путем вполне респектабельный вид некой строительной организации. Однако черты и свойства, обретенные масонами за два столетия, сбросить с себя не так просто, а потому требовалось узнать побольше о средневековых ремесленных гильдиях, в частности о гильдии каменщиков-строителей.

Любая гильдия не являлась ассоциацией рабочих, она объединяла, скорее, предпринимателей-подрядчиков. У нее был свой устав, который гарантировал ей особые льготы, монопольные права на профессию или оказание услуг в определенном районе, обычно в одном городе. Гильдия обладала правами решать вопросы конкурентной борьбы, устанавливала расценки, гарантирующие определенную норму дохода, следила за качеством выполненных работ, регулировала поступление новой рабочей силы, выдавая соответствующие разрешения. Власти, дарующие гильдии уставные нормы, вознаграждались сбором податей и налогов с ввозимых в город материалов и сырья, а также с продажи готовой продукции. Гильдии играли большую роль в стандартизации изделий и контроле за их качеством. По мере развития системы гильдий контролю подвергались не только качество и исполнительский уровень готовой продукции, но также вид и источники получения сырья, используемые инструменты и даже метод их применения.

Главной заботой гильдии было получение дохода, а общепризнанным способом гарантии максимального дохода служит монополия, которая приспособливает предложение к спросу на товар. Самый распространенный способ регулировать предложение – сдерживание числа поставщиков-мастеров, обладающих нужным набором инструментов и способных выдавать готовую продукцию. Гильдиями руководили мастера, и они препятствовали вхождению в дело новых работников, если для них не было свободного рынка сбыта.

Полноправным членом торговой или ремесленной гильдии мог стать только мастер – собственник и производитель. Его производство обычно помещалось в его жилом доме, и он был владельцем инструментов. Мастер сам закупал сырье, следил за выполнением работы и наблюдал за состоянием рынка. Дополнительный доход и маневренность в трудовом процессе обеспечивало использование одного или нескольких подмастерьев. Это были обычно мальчишки, становившиеся молодыми людьми к моменту окончания своего ученичества, продолжавшегося примерно семь лет. Мальчишки учились мастерству и работали по официально заключенному договору, который ставил их в положение крепостного слуги. Если они пытались бежать от хозяина, их ловили, возвращали хозяину и подвергали телесному наказанию. Согласно контракту на ученичество, мастер брал на себя обязательство обучить подмастерье всем сторонам своего ремесла до такого уровня, когда юноша мог бы держать перед гильдией экзамен, который обычно состоял в предъявлении готового изделия, «мастерски изготовленной вещи», вошедшей в другие языки французским словом «шедевр».

Мастер выступал также в роли приемного отца. В зависимости от пригодности и услужливости подмастерья он мог предоставить ему стол и кров в своем доме. Мастер сам устанавливал, что и как должен делать подмастерье, и был вправе наказывать его за непослушание. За все это мастеру полагалась особая плата плюс бесплатный труд ученика.

Завершение ученичества и даже громкая похвала за качество выполненной экзаменационной работы еще не означали, что молодой умелец автоматически становился мастером гильдии. Это звание могла дать только сама гильдия, а ждать ее решения приходилось долго. Подмастерье мог очень долго находиться в «подвешенном» состоянии между учеником и мастером, звания которого он в конечном счете мог и не добиться. Единственное, что ему в такой ситуации оставалось делать, это идти к своему мастеру уже наемным работником на поденный труд. Таких тружеников называли журнименами, от средневекового английского и франко-нормандского слова *joutee* – день, иначе «поденщики». Журнимен мог спокойно

наскрести денег для приобретения необходимого инструмента и попытаться найти себе применение за пределами ареала своей гильдии, скажем, в одной-двух милях от города, рискуя при этом навлечь на свою голову гнев руководителей своей гильдии за попытку создать им конкуренцию. Понятно, что гильдии все время стремились расширить территорию своей привилегированной деятельности (напомним об эпизоде крестьянского восстания, когда повстанцы напали на Грейт-Ярмут за то, что монополия гильдий города была расширена на семь миль дальше городской черты).

По мере специализации ремесленного труда возникали новые гильдии, ставящие под угрозу доходы старых. На этой почве стали назревать конфликты. Седельники и шорники должны были покупать кожу у кожевников, железо и бронзу – у кузнецов, у других мастеров – украшения и красящие вещества. Более сложные взаимосвязи складывались в производстве шерстяных тканей, которые в Средние века были главным английским экспортным товаром. Доходность отрасли зависела от цен на изделия прядильщиц, красильщиков, ткачей, суконщиков. Но еще большее влияние на доходность оказывали крупные купеческие гильдии, в руках которых были источники сырья, средства перевозки товаров, экспортные рынки для готовой продукции. Доходы этих гильдий быстро росли, они богатели на зависть земельной аристократии. Некоторые купеческие гильдии обзавелись конторами и складами в других странах. Иностранные гильдии, главным образом фламандские и из Северной Италии, тоже получили такие права на английской земле. Во время лондонского бунта восставшие гонялись за иностранными купцами, вытаскивали их из храмов и убивали прямо на улице. Не жаловали иностранных купцов и правители. Эдуард I при взятии шотландского города Бервика перебил там всех иностранных купцов и сжег дом их местной гильдии. По мере роста богатства купцы стали влиять на местное управление. Объединившись в ассоциацию, которая могла выступать как юридическое лицо, купцы стали брать в аренду целые города у местных правителей-лордов, а что касается Лондона – то у самого короля. Городские власти охотно шли на получение твердого годового дохода в обмен на отказ от сбора въездных пошлин, рыночных сборов и других мелких и хлопотных статей дохода, но такие выплаты лорду могли позволить себе только очень богатые гильдии. Это наглядно проявилось в ходе крестьянского восстания в Англии, когда ремесленники Йорка, Беверли и Скарборо силой вынудили купеческие семьи поделиться с ними местами в городской управе.

Таким образом, гильдии ремесленников и промысловиков получили право голоса в своих городах, и по сей день старинные гильдии Лондона, называемые по своим церемониальным нарядам «ливрейными компаниями», избирают из своего состава лорда-мэра города. Мэр Лондона Уильям Уолворт, сразивший ударом меча Уота Тайлера, был членом Почетной компании рыботорговцев.

Уставы гильдий давали им большие права в области самоуправления, именно гильдии, а не суды разрешали споры между производителями и их клиентами, гильдии сами определяли дисциплинарные и штрафные санкции против нарушителей устава и правил. Средневековые профессиональные гильдии были крепкой опорой своих церковных приходов. Церковь получала от них солидные суммы денег и ценные подарки. Было распространено почитание редких и ценных образов святых, которые часто были святыми покровителями гильдий, и в честь их устраивались народные празднества. Нередко гильдии строили собственные храмы, где совершались особые службы и моления. Этот обычай живет и по сей день: красивая церковь Святого Якова Гарликхит (*hythe* означает «док») постройки Рена является официальным храмом целых восьми лондонских «ливрейных компаний»: виноторговцев, красильщиков, маляров, плотников и мастеров-потолочников, изготовителей рожков (фонарей), иголочников, торговцев стеклом и изготовителей золотой и серебряной нити.

По части своей религиозности ремесленные гильдии придерживались народных вкусов и привычек, поскольку их члены сами происходили из простой среды и были далеки от аристократии. Они устраивали публичные представления на религиозные сюжеты, которые часто требовали многомесячной подготовки костюмов и декораций, причем диалоги на сцене шли не на латыни, а на разговорном языке простонародья. Они содействовали переделке на христианский лад языческих обрядов, связанных с временами года и этапами крестьянских работ, не поддавшихся истреблению со стороны Католической церкви и перешедших в число христианских праздников. Зимнее солнцестояние, отмечавшееся язычниками как победа Солнца над силами тьмы (с этого дня продолжительность светлого времени суток удлиняется), стало отмечаться как Рождество Христово; весеннее равноденствие стало Пасхой; летнее солнцестояние превратилось в праздник Тела Христова; день осеннего урожая стал праздником Всех Святых. В XVII в. Церковь была вынуждена менять тактику относительно старинных верований. Беда Достопочтенный советовал миссионерам не отрицать древнюю британскую богиню, именуемую то «Мать-Земля», то «Хлебная жена», а то и просто «Госпожа», а объяснять верующим, что «Госпожа» – это не кто иная, как Богородица, и что они, священники, явились, дабы объяснить ее Божественную суть. Теперь уже никого не смущает, что некоторые языческие термины и понятия прочно вошли в нашу жизнь, как никого не удивляют сегодня упоминания о языческих святках или символика плодovitости кролика и пасхального яйца. (Было, правда, время, когда в Англии запрещались народные гулянья у майского дерева – украшенного лентами деревянного шеста, носившего явный фаллический характер.)

Гильдии организовывали и оплачивали постановки религиозных мистерий. Эти сказки-пьесы разыгрывались по нескольку дней и несли людям христианское учение, показывая персонажей и события, отраженные в Библии, которую простому народу читать было запрещено. Элементы древних дохристианских религиозных обрядов случайно и непреднамеренно вкрапливались в эти пьесы. Они сближали народ с Церковью значительно эффективнее всех служб и проповедей на латинском языке, которые были простолюдным непонятны. Руководство гильдий очень гордилось своими сказками-представлениями, старалось перещеголять друг друга в их пышности и занимательности. Все это стало важным элементом развития христианской веры. Людей, занимавшихся такими делами в гильдии каменщиков, странно было бы причислить к предшественникам масонов, проявлявших полную терпимость к вероисповеданию.

Важное несоответствие масонства с гильдией каменщиков состоит и в территориальной привилегии. Ремесленные гильдии были всегда привязаны к определенному месту, населенному пункту, тогда как масонские ячейки создавались по всей Британии вразброс. Если даже допустить, что английские гильдии образовали некую свободную ассоциацию, то никто не возьмется утверждать, будто такая ассоциация могла действовать также и в Шотландии. Мы видели, как обстояли дела между Англией и Шотландией в Средние века, и можно с уверенностью говорить о том, что учреждение какого-либо общества в одной стране не могло рассчитывать на радушный прием в другой, скорее наоборот. Иными словами, невозможно представить, что какая-нибудь гильдия могла с одинаковым успехом приветствоваться властями Англии, Шотландии, Ирландии и Уэльса. Если говорить об уставе такой универсальной организации, то она должна была бы исходить от центрального правительства. Ничего даже близкого этому в ту пору в стране не существовало. При этом сохранилось немало данных о выдающихся зодчих и замечательных сооружениях. Как правило, эти зодчие были приверженцами того религиозного ордена, для которого они возводили храмы и соборы, чаще всего монахами, ни с какими гильдиями ничего общего не имеющими.

Писатели разных масонских направлений дружно твердят, что профессиональным «масонам» (каменщикам) были необходимы особые рукопожатия и секретные знаки, поскольку-де масоны были бродячими рабочими, переходящими с одного места работы на другое. Утверждается: раз у них не было постоянной рабочей базы, как у мастеров других гильдий, им совершенно необходимы были опознавательные знаки, чтобы сохранить монопольный статус своего «закрытого предприятия». Не имея постоянного дома, они якобы собирались в своих ложах и обсуждали ход дел. Короче, современным авторам кажется, что сооружение монастыря, собора или замка было чем-то вроде строительства типового дома бригадой наемных рабочих. На самом деле возведение замка занимало от пяти до двадцати лет, кафедральные соборы строились в течение жизни нескольких поколений, а на завершение строительства некоторых не хватало и сотни лет. На такой работе каменщик не мог жить на временной квартире, оставив жену и детей где-то в другом месте. Такой подход допускает также, что строение возводилось за пределами ответственности и права контроля со стороны гильдии строителей, что гильдия должна была испрашивать разрешения на инспекционные поездки. Явный и открытый характер деятельности строительной гильдии превращает секретность ее членов в совершенно ненужную предосторожность. Дело обстоит как раз наоборот. Масону (каменщику) было совершенно необходимо иметь возможность доказать свою принадлежность к легальной гильдии и прямое отношение к ожидающей его работе, что было особенно важно в средневековой Англии, когда каждому человеку, покидающему свой город или графство, требовался специальный пропуск. Чтобы получить такой пропуск, нужно было сообщить властям достоверные сведения о причинах своего ухода.

Теперь о собраниях в «ложах». Когда на стройки сгонялись огромные толпы работных людей, свободных от пахоты, посевной и уборочной, они, конечно, поселялись во временных бараках. Мастера-строители, разумеется, спали и питались отдельно от чернорабочих, бараки которых никак не могли служить «ложами».

В связи со всем сказанным обдумаем смысл основных положений так называемой «Старой хартии масонства», датируемой XIV в. Считают, что в ней установлены правила поведения и ответственности средневековой гильдии каменщиков. Одно из главнейших правил хартии гласит, что «никто не может открыть тайну брата, которая может лишить его собственности или стоить ему жизни». Единственная тайна, разглашение которой в те времена могло бы повлечь за собой лишение человека его владений и жизни, это возможность обвинения этого лица в измене или ереси, или, если дело касалось Церкви, того и другого вместе. Другое положение хартии говорит о том, что приходящий в город «брат» должен сопровождаться местным братом, готовым «засвидетельствовать» вновь прибывшего. Однако в действительности, если каменщик официально работал на местного лорда или епископа, ему никакое «засвидетельствование» не требовалось, все гарантировало имя нанявшего его хозяина. С другой стороны, если у него нет свидетельства о своей профессии, нет пропуска и он не может объяснить причину появления в данном городе, он тут же будет задержан и посажен за решетку до выяснения его личности и намерений. Известное в городе лицо в случае необходимости вполне может рассказать правдоподобную

версию цели его прихода и подтвердить его истинное или вымышленное имя. Но куда полезнее будет для того и другого держать своего гостя подальше от людей и мест, где к нему могут быть обращены разные вопросы.

Еще одно положение Старой хартии говорит о том, что «пришедшему» брату должно быть подготовлено трудоустройство на две недели, даны деньги и направление в следующую ложу. Было бы странным для мастера средневековой гильдии каменщиков давать работу человеку, в услугах которого он может не нуждаться, а потом еще снабжать странствующего каменотеса деньгами. Такое отношение понятно, если дело касается беглеца, скрывающегося человека, которого нужно не столько «трудоустроить», сколько дать приют на две недели.

Другое положение Старой хартии запрещает «масону» (каменщику) вступать в половую связь с женой, дочерью, матерью и сестрой брата. Это положение дало основание антимазонским писателям утверждать, что мораль «масонов» (каменщиков) носила избирательный характер и поддерживала моральные нормы только внутри братства, разрешая порочные сексуальные связи с женщинами за пределами своего круга. Ошибка таких писателей кроется в том, что они рассматривают эту норму как универсальное, всеобщее правило, а она таковой не является. Это правило касается закрытой секретной организации, участники которой в той или иной степени сами считаются изменниками и еретиками или содействуют и помогают им. Здесь главное – солидарность, тесное содружество. Попав в дом чужого человека, у которого есть жена или дочь, беглец может забыть, не вспомнить о своей священной клятве. Для секретного братства это не вопрос морали, это проявление осторожности, предусмотрительности.

На одно из главных различий между гильдией и вольными каменщиками указывает Стивен Найт. Гильдии были очень религиозными организациями и, относясь к Католической церкви как к своему основному заказчику, были ее пылкими и демонстративными почитателями. Что же касается масонов – «вольных каменщиков», то они признавали любую веру в единого Бога. Их обряды не предусматривают поклонение Христу или Деве Марии, тогда как гильдии каменщиков были авангардом горячих поклонников Пресвятой Девы. Как и почему могла произойти такая перемена? Такой перемены просто не было.

Резюмируя все сказанное о вольных масонах-каменщиках, можно утверждать, что по своей сущности это была оборонительная, защитная организация, стоящая в оппозиции к государству и Церкви, а вовсе не гильдия строителей-профессионалов. Это заключение противоречит общепринятому мнению во всех отношениях, но мы пока оставим эту тему, чтобы ближе рассмотреть собственные уставы средневековых гильдий каменотесов, отметить их территориальное распространение и монопольный характер их привилегий.

Первым объектом изучения мог бы послужить Лондон, но Большой пожар 1666 г. уничтожил практически все интересующие нас документы. Среди «ливрейных компаний» Лондона существует одна Компания каменщиков, но она появилась слишком поздно и не могла оказать влияния на создание масонства. По значимости она занимает двадцать девятое место среди ливрейных компаний, многие из которых имеют собственные масонские ложи. Если бы лондонские ассоциации каменщиков играли важную роль в секретном масонстве, то к ним бы относились с особым почтением, но такого уважения к лондонцам со стороны других вольных каменщиков мы не наблюдаем.

Я решил обратиться в своих поисках к Оксфорду, одному из самых монументальных городов Англии, в котором помимо обветшалых замков и высоких соборов есть еще множество каменных зданий колледжей со своими внутренними капеллами и залами. Строительство здесь велось из века в век, и если в Англии существует хоть один город, где сохранилась старинная гильдия каменщиков, то это был именно Оксфорд. Еще до приезда туда я зарезервировал себе рабочее место в читальном зале Оксфордского графского архива, хранящего манускрипты начиная с XII в. При этом я заранее предупредил работников архива, что меня интересуют все документы, относящиеся к уставным уложениям всех местных гильдий каменщиков. Когда я приехал туда, мне сказали, что они перерыли весь архив, но ни одного упоминания гильдии масонов-каменщиков Оксфордского графства не обнаружили. Предприняв дополнительные усилия, работники архива связались с сотрудником городского совета Берфорда, где до сих пор добывают прекрасный котсуолдский строительный камень. Почтенный господин очень хотел мне помочь, но тоже не обнаружил никаких следов гильдии каменщиков. Он посоветовал провести поиски во Франции.

Моей следующей целью стал Линкольн, славящийся многочисленными средневековыми постройками, включая большой кафедральный собор, и лучшим собранием средневековых залов гильдий. Сотрудники библиотеки тоже старались мне помочь в поисках древней гильдии каменщиков Линкольна. Такая же готовность помочь и такое же отсутствие всяких результатов ожидали меня и в городском музее Линкольна.

Последняя попытка была предпринята в фондах Бодлианской библиотеки Оксфорда, одном из крупнейших и богатых книгохранилищ мира, которую я покинул в полной уверенности, что свободное масонство никак не связано со средневековой гильдией каменщиков Англии. Всем пишущим на масонские темы, очевидно, придется смириться с фактом, что частое повторение одного положения не

делает его истинным.

Этот вывод опечалил меня, но чувство разочарования длилось недолго. Перед отъездом из Англии я бродил по книжным магазинам и лавкам и обнаружил там несколько книжек о масонах, выпущенных в 1986 г. Одна называлась «Масонское братство». Ее автор – библиотечарь и смотритель Объединенной библиотеки Великой ложи и Лондонского музея Джон Хамилл. Свою книгу он открывает словами: «Где, когда и зачем возникли франкмасоны? На этот вопрос есть только один ответ: знать это нам не дано, несмотря на массу бумаги и чернил, изведенных в писанине на эту тему». В конце первой главы той же книги читаем: «Вопрос, удастся ли нам когда-нибудь узнать правду о происхождении свободного масонства, остается открытым». Возможно, г-н Хамилл не согласится ни с одним выводом моей книги, однако его подкупающая откровенность и безупречная репутация позволяют остановиться на той общей с ним точке зрения, что все наши устоявшиеся знания и представления насчет масонов должны быть отброшены как негодные. Это дает возможность начать изучение обрядов и ритуалов свободных масонов с самого начала, от нулевой точки, отбросив предвзятые подсказки и рекомендации.

Чтобы добраться до сути тайного масонства, нужно было найти описание церемоний и тексты ритуальных обращений к трем степеням масонского братства: ученика, товарища и Мастера.

Поиск этих сведений должен был открыть великую тайну масонства:

1. Когда свободные масоны появились на свет? Были они чьим-то детищем, существовал какой-то толчок к их образованию или их породило особое стечение обстоятельств?

2. Что являлось целью масонства и помогло обществу выжить на протяжении столетий, что привлекало новых сторонников?

3. Почему в 1717 г. эта цель была начисто забыта?

4. Какой смысл имеют масонские символы – циркуль и треугольник, передник и буква «С», круг на полу и черно-белая мозаика?

5. Каким образом привлекли к себе масоны верхушку богатейшей аристократии и королевские фамилии, ставшие потом во главе братства?

6. Как и почему вольные масоны восприняли абсолютную свободу вероисповедания в эпоху безраздельного господства Римской католической церкви, бывшей в Европе единственной формой религиозной веры, идя при этом на прямой риск мучений и смерти?

7. Чем занималось вольное масонство все те годы, когда была необходимость строго хранить свою тайну, раскрытие которой грозило жестокой расправой?

8. Существовала ли прямая связь между масонами и распущенным братством рыцарей тамплиеров?

Потребовалось снова сделать ряд изысканий, но ответы были найдены.

Глава 14 **«Перерезать мне горло»**

Старая хартия масонов содержит требования, которым должен отвечать член организации. Итак, его первой и главной чертой должна быть вера в Верховное Существо, «глупый атеист» стать масоном не может. Далее, кандидат в масоны должен быть «свободным мужчиной, рожденным от свободной женщины». Это любопытный момент масонской фразеологии: по английским законам общественное положение человека низших сословий определялось происхождением со стороны матери: если его мать была крепостной, человек мог числиться только крепостным или вилланом. Это обстоятельство позволяет нам привязать появление масонства к определенному историческому периоду. Столь же определяющим фактором для вступления в братство был возраст соискателя, ибо Старая хартия отказывала в праве вступления «младым и престарелым», считая первых еще малонадежными, а старых – негодными перед лицом неумолимо надвигающейся немощи. Активный возраст кандидата в масоны со временем менялся и в разных Великих ложах отличался. В одно время минимальным возрастом для масона в Англии считались двадцать пять лет, теперь самым общим возрастом для посвящения принят двадцать один год. Для детей масонов возрастной ценз был снижен, такие кандидаты носят необъяснимое название «лььюис». (Таковым был генерал Дуглас Макап-тур, которого приняли в масоны необычайно кратким ритуалом, что объяснялось прежде всего тем, что он был «лььюисом».)

Умственно отсталых в масоны, согласно Старой хартии, по понятным причинам тоже не принимали. Не совсем ясно, почему хартия отказывала в членстве людям, лишенным какой-либо конечности. Это было старым правилом военной службы и общим требованием к членам религиозных орденов, но кажется совсем неуместным для дружеского братского общества. В наше время масоны эти ограничения уже не соблюдают. Но требование, чтобы кандидат имел уживчивый характер и добрую репутацию в своем окружении, остается в силе.

Сегодня масоны не без гордости отмечают, что в свою организацию они никого не приглашают; желающий сам должен проявить инициативу и обратиться с письменной просьбой о принятии в ложу. Такая процедура была совершенно немыслима для секретного масонства, поскольку человек не мог

загореться желанием стать членом организации, о которой он и слыхом не слыхал. В старые времена за кандидатом долго наблюдали, всесторонне оценивали, обсуждали его характер и качества, осторожно заводили с ним разговор о существовании тайного братства, понемногу рассказывали о нем, пока не убеждались полностью в его благонадежности. Правило приглашать новых членов в масонскую ложу встречается крайне редко, оно практикуется только у масонов Австралии.

В своем заявлении кандидат пишет, что он чтит и уважает правила масонского ордена и, выражая желание стать его членом; не ищет для себя никаких льгот или привилегий. Заявление рассматривается вместе с обсуждением личных качеств и репутации заявителя, после чего предложение о приеме ставится на голосование. Правила бывают различными, но наличие даже одного черного шара или черной горошины бывает достаточно, чтобы в приеме отказать. Наконец наступает день, когда кандидат посвящается в ученики. В наше время эта церемония проводится в помещении, которое называется «зала ложи»; там имеется алтарь, горят свечи и расставлены стулья для членов ложи разных степеней. По стенам развешиваются подобающие посвящению масонские символы. Все это веяния новых времен для придания церемонии большей торжественности и значительности, на тайных ритуалах секретного масонства ничего подобного не соблюдалось. По масонским преданиям, такие собрания проводились «высоко в горах или в глубоких долинах», особой обстановки для ритуала не требовалось, да было бы и неразумно требовать ее на тайных сборищах. С учетом британской погоды можно полагать, что во времена тайного масонства такие собрания проводились в помещениях, в крайнем случае в амбаре или сарае, поскольку глубокие ущелья и высокие горы, скажем, в Лондоне найти довольно сложно.

Обязательным компонентом тайного ритуала масонов был круг на полу – главный символ масонской ложи. Круг можно было без труда начертить на открытом участке земли или на земляном полу амбара. На раннем этапе публичного масонства, когда собрания лож проходили в частных домах или в тавернах, магический круг рисовался мелом. По тогдашним правилам, вновь посвященным братьям после окончания церемонии независимо от звания или происхождения давались ведро с водой и тряпка, чтобы этот круг на полу смыть. В «кабацкий» период собрания ложи обычно проводились на втором этаже таверны, подальше от любопытных и зевак, но ложу учеников масоны торжественно именовали «первым этажом храма Соломона».

Другим важным атрибутом современного посвящения новичка в масоны, которого, вероятно, не было в старые времена, служит Библия или другое Священное Писание. Церемония клятвы, по поводу которой ведутся бесконечные споры, осуществлялась всегда в сочетании с символическими изображениями циркуля и угольника. В XIV–XV вв. Библия была далеко не во всяком доме, так что клятва произносилась над символическим образом Священного Писания.

Перед началом ритуала посвящения кандидат в ученики подвергался обстоятельному допросу. Он должен был подтвердить, что его решение вступить в масоны подсказано только доброй славой масонства, что у него нет никаких корыстных помыслов, что он хочет новых знаний и самосовершенствования, готов быть полезным для своих товарищей и братьев.

Когда предварительная беседа благополучно завершается, соискателя просят снять часть одежды. Первоначально это было раздевание до нижнего белья; сейчас нужно просто закатать до колена левую штанину и освободить от рубашки левую руку и плечо. Раньше нужно было снять еще левый башмак и носок, теперь это делается проще: посвящаемый надевает особый халат и одну тапку на правую ногу. Все металлические предметы тоже должны быть сняты.

На раздетого неопита надевают колпак, на шею повязывают веревку, конец которой волочится по земле. Веревка в церемониях трех основных степеней используется в каждом случае несколько иначе и называется «буксирный трос».

Подготовка церемонии посвящения нового члена начинается с объявления о созыве ложи учеников-масонов. У внешней двери встает тайлер, сочетание часового и дежурного пристава, обязанность которого состоит в обеспечении закрытости собрания, включая проверку и досмотр входящих в ложу. Название «тайлер» давно утратило первоначальный смысл. Позднее от него образовался глагол «тайл», смысл которого проявляется в первых действиях ведущего церемонию мастера, когда тот просит младшего дьякона проверить готовность ложи к заседанию. Тот отвечает:

– Тайлим ложу, ваше преподобие.

На что мастер отвечает:

– Займитесь своим делом и сообщите тайлеру, что мы открываем ложу учеников, и дайте ему указание тай-лить соответственно.

Выполнив указания, младший дьякон снова докладывает:

– Ложа (дверь) затайлена.

– Кто тайлер?

– Мастер масонов, снаряженный согласно уставу (палашом).

– Его обязанности?

– Отгонять непосвященных и любопытных, следить, чтобы никто не входил и не выходил без

разрешения председателя (Досточтимого Мастера).

Затем следует обычная перекличка каждого из присутствующих старших масонов с указанием его положения в ложе и обязанностей. После этого Мастер делает знаки ученика (смысл которых потом будет доведен до сведения посвящаемого). Знаки повторяют все присутствующие, что служит свидетельством их права присутствовать на собрании и сигналом готовности всех к открытию заседания ложи.

Здесь младший дьякон вводит кандидата за руку в ложу (у того на голове колпак, закрывающий глаза, поэтому сам он передвигаться не может), и церемониал начинается. (Все мелкие подробности церемонии я опускаю, чтобы сосредоточить внимание на тех деталях, которые подводят к пониманию истоков и формирования масонства.) Заметим также, что масонские церемонии бывают чрезмерно однообразными и долгими. Хотя они могут утомить читателя, без их описания обойтись нельзя, потому что они нигде не зафиксированы и воспроизводятся исключительно по памяти. Эти повторы играют большую роль для масонов, но ничего не говорят посторонним. Надо заметить, что при устной передаче правил совершения ритуалов в разных ложах или при разных толкованиях возникают некоторые различия и вариации. Но что характерно, при отсутствии всяких письменных инструкций все ритуалы во всем мире осуществляются в основном и в главном практически совершенно одинаково.

Когда младший дьякон вводит новичка под колпаком в комнату, там его встречает старший дьякон с циркулем в руке. Когда кандидат останавливается перед ним, старший дьякон прижимает одну из ножек циркуля к его груди и говорит:

– Г-н такой-то, при вашем первом вступлении в эту ложу я встречаю вас острием инструмента, направленным в левую грудь, чтобы показать вам, что этот болезненный укол должен вечно храниться в памяти и совести вашей, дабы не выдать ненароком тайны нашего масонского братства.

Тут старший дьякон берет новичка за плечо и готовится вести его вдоль комнаты. При первых же шагах раздается удар молотка Мастера, напоминая, что такой важный шаг нельзя делать без благословения Божьего. Все склоняют головы в краткой молитве, посвящаемой новичку и его служению Богу и братству, после чего Мастер вопрошает:

– В кого ты веруешь?

На что ожидается один-единственный ответ:

– В Бога.

Когда старший дьякон с новичком идут по комнате, они останавливаются перед младшим дьяконом, который вопрошает:

– Кто идет?

– Г-н такой-то, долго пребывавший в потемках и теперь ищущий выход к свету и благу почтенной ложи, созданной Богом и посвященной святому Иоанну, как поступали раньше все братья.

После вопросов относительно рода занятий и планов на будущее новичок, все еще с колпаком на голове, подводится к старшему дьякону, с которым происходит примерно такой же обмен вопросами и ответами. Затем подводят его к Мастеру, где происходит такой же разговор с одним отличием. Мастер задает такой вопрос:

– Откуда ты пришел и куда направляешься?

На этот раз за новичка отвечает старший дьякон:

– Иду с запада и направляюсь на восток.

– Почему ты покинул запад и идешь на восток?

– В поисках света.

После этого Мастер направляет новичка к старшему привратнику, чтобы тот объяснил, как лучше достичь востока. Привратник подводит новичка к восточной стороне алтаря, ставя пятку на босую ногу новичка под прямым углом.

Тут Мастер оставляет свое место, подходит к алтарю и говорит, что, прежде чем двинуться дальше, он должен «клятвенно дать торжественное обязательство», которое, как объясняет Мастер, не препятствует долгу и обязанностям перед Богом, страной, семьей и друзьями. При выражении готовности к даче такого обязательства кандидата, голова которого все еще покрыта колпаком, ставят в позу ученика. Он опускается на обнаженное левое колено, а его правая нога ставится спереди под прямым углом. На алтаре размещается Священное Писание его религии, оно открыто, на нем лежат циркуль и угольник. В церемонии посвящения в ученики угольник лежит поверх концов циркуля.

Левую руку кандидата кладут на Священное Писание ладонью вверх, а его правую руку – на циркуль и угольник ладонью вниз. В таком положении он произносит клятву, которая вызывает столько критики и нареканий в адрес масонства:

– Я, такой-то, по своей воле и согласию, пред Господом Всемогущим и ложей, Им избранной и посвященной святому Иоанну, с сего момента и впредь всем сердцем клянусь и обещаю всегда и везде хранить в тайне, никогда и никому не открывать уменя, части или стороны тайной вести Древнего братства вольных каменщиков, которая мне известна или станет известна сейчас или в любой другой момент, собеседнику или любому другому лицу или группе лиц, кроме истинного и верного масона или на

собрании масонов; никогда не обращаться к ним без строгой проверки, должного опроса и точных сведений, пока не получу достоверных ответов и информации, пока не удостоверюсь в его или их истинности, подобной самому себе. Далее я клянусь и обещаю, что никому на этом свете никогда не напечатаю, не нарисую, не сниму отпечаток, не отрежу, не вырежу, не помечу и не сделаю гравюры ни с чего, что движется или неподвижно, что бы дало малейшее представление о слове, слоге, букве и знаке, читаемом или нечитаемом, и таким образом не допущу, чтобы тайна масонства из-за моей неосторожности стала достоянием посторонних.

Все это я самым торжественным образом обещаю и клянусь, в полном сознании и со всей решимостью, сделать безо всяких колебаний и ухищрений, и если я сознательно нарушу это обязательство ученика, то пусть постигнет меня самая суровая кара, пусть мне перережут горло, вырвут с корнем язык, а тело зароят в сырой песок на самом низком уровне отлива, где море наступает и отступает дважды в сутки. И да поможет мне Господь и укрепит в решении все сказанное выполнить до самого конца и полностью.

В подтверждение искренности своей клятвы новичку предлагается поцеловать Священное Писание на алтаре. Затем его спрашивают, каково его самое большое желание. Правильный ответ: «Видеть свет». На этот ответ колпак с его головы снимается, и ему открываются все тайны посвященного в ученики. В их числе – особое рукопожатие и два тайных знака. Один из них несет значение наказания «пусть мне перережут горло»: большим пальцем правой руки проводится по горлу, после чего рука откидывается в сторону. Второй знак служит повторением положения, когда в момент произнесения клятвы руки кладутся под Священное Писание и поверх него: левая ладонь смотрит вверх, правая – вниз, при этом руки находятся на расстоянии 5–6 сантиметров друг от друга. Это наиболее интересный знак, потому что его название и смысл давно утрачены. Сейчас этот знак называют *дю-гард* (примерно: хранить как надо). Знаку пытались давать много разных объяснений, но все они выглядят неубедительными натяжками наподобие такой: «Этим знаком *тебя хранит* звание ученика».

После этого наступает совершенно загадочный этап церемонии – вручение масонского передника. Сейчас он изготавливается из белой ткани или фетра, но изначально это была овечья кожа: необрезанный и неподшитый кусок кожи, который подвязывался вокруг талии. Теперь масонский фартук делается на подкладке, прострочен цветной нитью, украшен разными масонскими знаками и символами. Но для нас самое важное в этом фартуке то, что изначально он был кожаным.

Молодому масону объясняют, что этот белый фартук символизирует целомудрие, он древнее золотого руна и римского орла, почетнее всякого знака отличия, носимого любым принцем или монархом. Ему показывают, как надеть на себя этот фартук, чтобы он сидел на человеке так, как его носили подмастерья при строительстве храма Соломона.

Тут Мастер просит молодого масона пожертвовать в пользу ложи любую металлическую вещь, хоть булавку или пуговицу. Поскольку в самом начале посвящения у него все металлическое из карманов и одежды удаляется, новичок растерян и обескуражен, а Мастер продолжает настаивать на своей просьбе. Наконец Мастер приходит новичку на помощь и говорит, что с этого момента молодой масон абсолютный бедняк, без копейки в кармане. Далее ему объясняют, что если у него появится друг, особенно если это будет брат-масон, он будет обязан помочь ему всем необходимым, чем только сможет, и что не нанесет материального ущерба ни ему самому, ни его семье.

На заключительном этапе посвящения новичку представляют «рабочие инструменты ученика». Прежде всего ему предъявляют двадцатичетырехдюймовую линейку, служащую символическим делением суток масона на периоды работы, отдыха, сна и служения Богу, а также помощи нуждающимся братьям. Затем идут молоток или кувалда для отделки камня, служащие символами «обтесывания» дикого природного камня, чтобы сделать его подходящим для возведения храма Божьего. Однако, как пользоваться этими инструментами для морального совершенствования масона, в тайной ложе не говорят, здесь новичок должен обходиться своими силами и соображением.

Более важными для разгадки тайны масонства служат термины, используемые на этой стадии, остающиеся загадкой по сей день. «Тайлер» – это лицо, охраняющее ложу от проникновения посторонних и просто любопытствующих зевак. Статус ученика после прохождения обряда – «дю-гард». Всю церемонию он проходит ведомый за веревку, называемую «буксирный канат». Если отец вступающего в орден принадлежит к масонам, то новичка называют «льюис».

Особого внимания также заслуживают круг на полу, черно-белая мозаика, циркуль и угольник на Библии. Другие элементы церемонии посвящения включают еще такие особенности: полураздетое состояние новичка, изъятие у него всего, что сделано из металла, представление о путешествии новичка с запада на восток и белый фартук.

Следующую партию масонских тайн мы почерпнем из церемонии вступления во вторую ступень масонства – товарищ по братству.

«Грудь моя рассечена, сердце вырвано»

Термин «товарищ по братству» не совсем удобен для классификации степеней масонства. Заимствованный из разговорной речи, он неким образом приспособлен к новой функциональной роли. Одно из значений этого термина – представитель другого братства, тогда он не содержит значения особой степени в иерархии масонства. Из этого можно заключить, что некогда это выражение могло означать «товарищ нашего (моего) братства» и звучало несколько фамильярно. «Товарищ» («феллоу») в английском языке несет смысл «равный», принадлежащий к одному сословию. Оказавшись в терминологии масонской «гильдии», это слово обрело значение степени между учеником и Мастером, некое подобие журмена. Но мы видели, что журмен не может быть «товарищем» гильдии, такое положение может занимать только Мастер. Тут можно принять во внимание мнение писателей раннего масонства, которые утверждали, что в секретных братствах было только две степени званий: вступивший подмастерье и товарищ-феллоу. Звание «Мастер» не выражало иерархическую степень, а несло смысл верховенства над всей ложей. Первый Мастер масонов был руководителем, а не членом братства определенной степени. Таким образом, «товарищ братства» во всех отношениях выступает полноправным членом.

Это положение можно подкрепить записями из дневника Элайаса Ашмола – английского антиквара, собрание редкостей которого заложило основу Музея Ашмола в Оксфорде. Запись в дневнике указывает, что он стал вольным каменщиком в октябре 1646 г., примерно за семьдесят лет до выхода масонства из подполья в 1717 г. Более поздняя запись, относящаяся к 11 марта 1682 г., касается его посещения собрания ложи в Лондоне. Он пишет: «Я был старшим товарищем среди всех присутствовавших (минуло тридцать пять лет, как я вступил в братство)». Можно смело предположить, что не все коллеги Ашмола за эти тридцать пять лет остались на второй ступени, если существовало их уже три.

Что касается церемонии посвящения в товарищи, она мало чем отличается от церемонии посвящения в ученики и не достигает драматизма церемонии посвящения в Мастера, но во время этой церемонии произносится характерная речь. В этой церемонии вместо левой ноги и груди обнажается правая сторона тела. «Буксирный канат» дважды обматывает шею посвящаемого (по некоторым правилам веревкой обматывают плечи). И на сей раз на кандидата надевают колпак или завязывают глаза. Это правило также прослеживается в глубь веков и первоначально было заимствовано из практики ястребиной охоты, в процессе которой на голову кречета надевают чехол (здесь уместно вспомнить капюшоны повстанцев Тайлера в Беверли, Скарборо и Йорке). Охотничье назначение колпака, безусловно, предшествовало его использованию как предмета забавы и обмана. По мнению некоторых специалистов, обычай накрывать голову капюшоном и завязывать глаза призван придать церемонии больший драматизм и элемент страха перед неожиданностью. Но на деле все представляется проще: в подпольных организациях, особенно в тайных и преследуемых законом, завязывание глаз – простая предосторожность, мера безопасности, чтобы посвящаемый до принятия присяги, до прохождения всего ритуала и до своего официального принятия в ряды организации не мог видеть лиц присутствующих.

В завершение церемониального прохождения по залу, после всех остановок и допросов кандидат с повязкой на глазах снова оказывается у алтаря, где приносит присягу на звание второй степени. Его тоже ставят на голое колено. Его правая рука находится на циркуле и угольнике, лежащих на Библии, предплечье его левой руки поднято в горизонтальном положении, а от локтя вместе с кистью направлено вертикально, образуя прямой угол. Здесь мастер снова говорит, что его клятва не затрагивает отношений с Богом и страной. И кандидат повторяет за мастером:

– Я, такой-то, по своей доброй воле и согласию пред Богом Всемогущим и этой высокопочтенной ложей товарищей по братству, избранной Богом и посвященной святому Иоанну, здесь и сейчас торжественно клянусь и обещаю сверх ранее принятых обещаний, что не выдам тайн, доступных степени товарища масонского братства никому из младших по степени, а также ни одному живому существу в подлунном мире, кроме истинного и верного брата, или брата-товарища по масонскому братству, или в кругу настоящей и полноправно собранной ложи таких братьев; притом я скажу ему или им не по их утверждению, что они таковые, а только если смогу полностью убедиться, что они и есть таковые, после строгой проверки и расспроса и получения достоверного заверения. Далее, я обещаю, что ничего не сделаю сознательно во вред ни этой ложе, ни своим братьям той же степени, ни кому-либо другому вообще, если только это будет в моих силах.

Я клянусь далее и обещаю, что буду послушным всем обычным сигналам, врученным, переданным, посланным, брошенным мне рукой товарища по масонскому братству или исходящему от законной и правомерной ложи, при условии, если исполнение будет в пределах длины моего буксирного каната, в рамках и в сфере моей работы. Я клянусь далее, что буду всемерно помогать бедным и безденежным товарищам по братству, их вдовам и сиротам, которые живут на Земле и будут обращаться ко мне за этой помощью, и я буду помогать всем, не нанося ущерба себе и своей семье. Если же я по своей воле провинюсь и нарушу любую часть своей торжественной клятвы и обещания товарища масонского

братства, то самая моя торжественная клятва и обещание, которые я даю без малейшего колебания, без раздумий и со всей решительностью, состоит в том, что я заслуживаю не меньшего наказания, как моя левая грудь должна быть рассечена, сердце и все живые органы из нее вырваны и брошены через левое плечо в Иехосафатскую долину, где они станут добычей диких зверей и крылатых стервятников (вариант клятвы: «...грудь должна быть рассечена, сердце вырвано и нацеплено на самый высокий шпиль храма»). Да поможет мне Бог и укрепит меня в решимости свершить все это.

(Текст этой клятвы со словами о бросании внутренних органов через левое плечо был использован одним из антимасонских писателей в сочинении о зверских убийствах нескольких женщин в Лондоне неким фанатиком-душегубом. Автор представил эти ужасные убийства как расправу, совершенную товарищем масонского братства.)

Когда клятва произнесена, повязка с глаз снимается, и посвящаемому показывают особое рукопожатие и пароли его новой степени. Ему демонстрируют знак-напоминание о грозящем рассечении груди и вырывании сердца; потом демонстрируют движение ладони правой руки по левой груди и манеру ее опускания вниз. На втором этапе ритуала посвящения нового товарища братства масонов подводят к символической или настоящей (если ложа хорошо оборудована) винтовой лестнице, ведущей в средний зал храма Соломона, где по бокам стоят два столпа. Эти столпы, рассказывают ему, являют собой Иохим и Воаз, огромные бронзовые пилоны, подпиравшие главный вход в храм Соломона. На каждой из колонн стоят глобусы Земли и небесной сферы (хотя никаких сведений о подобных вещах в храме Соломона не имеется). Смысл двух сфер заключается в напоминании масону, что ему следует изучать географию, астрономию и навигацию. Посвящаемому тут же сообщается, что колонны внутри полые и предназначены для сохранения документов ложи во время пожара или наводнения.

Далее посвящаемый узнает, что масонство объединяет в себе два вида учения: действенное (рабочее) и умозрительное (аллегорическое) и что масонство призвано возродить храм Соломона, а также много других знаменитых сооружений древности.

Первые три ступеньки среднего зала знаменуют собой юность, зрелость и старость, подобно тому, как этапы посвящения знаменуют вступление в юные годы, возмужание и серьезный труд на поприще товарища масонского братства. Замыкаются ступеньки исходом жизни в степени Мастера-масона с верой в бессмертие души, что утверждается всем его почетным пребыванием в компании вольных каменщиков. Кроме того, эти три ступени масонства еще означают мудрость, силу и красоту.

У следующих пяти ступеней два символических значения: во-первых, они представляют пять архитектурных стилей – тосканский (разновидность дорического ордера), собственно дорический, ионический, коринфский и сложный. Во-вторых, они соответствуют пяти чувствам: слуху, зрению, осязанию, обонянию и вкусу. Следующие семь ступеней воплощают в себе перечень семеричных вещей и явлений: семь голодных лет, семь лет строительства храма, семь чудес света, семь небесных светил, а самое главное – семь искусств и гуманитарных наук, а именно: грамматику, риторику, логику, арифметику, музыку, астрономию и самую важную – геометрию. Тут посвящаемого побуждают сделать доклад, подобающий его степени, в котором он должен проявить интерес к гуманитарным наукам, больше подходящий университетскому образованию, чем заботе о соблюдении секретности общества.

Теперь внимание нового товарища братства обращается на большую золотую букву «G», обычно свисающую с потолка или прикрепленную над стулом мастера. Эта буква стоит на всех масонских знаках с изображением циркуля и угольника, она означает геометрию, а также тот факт, что степень товарища братства посвящена науке геометрии, занимающей центральное положение в идеологии масонства. Эта наука помогла человеку познать Вселенную, движение планет и чередование времен года. Особое значение эта наука имеет для масонов в архитектурной сфере, поскольку служит инструментом Высшего Существа как Великого Архитектора Вселенной. Утверждается также, что геометрия имеет столь решающее значение для масонства, что два эти понятия практически неразделимы.

Занимаясь поиском основ и истоков масонства, следует иметь в виду, что атмосфера учения и особый акцент на геометрию еще не составляют самой сути обряда посвящения. Речь о них произносится следом за самими ритуальными действиями, так сказать, в лекционном порядке, и, скорее всего, привнесена в масонские обряды в позднейшие времена. Для нас гораздо важнее разобраться в элементах церемонии посвящения Мастера масонов, которая носит самый мистический характер, и драматическим стержнем ее служит легенда об избиении и гибели строителя храма Соломона.

Глава 16 **Мастер масонов**

Обряд посвящения в степень Мастера-масона значительно сложнее и драматичнее ритуалов посвящения в степени ученика и товарища. Он повествует и раскрывает самую древнюю и, можно сказать, заглавную тайну, масонского церемониала – легенду об убийстве Великого Мастера. Посвящаемый готовится таким же манером, как в двух предыдущих обрядах, только теперь он раздет до пояса, все

металлическое у него изъято, веревочная петля охватывает все тело, на голове глухой колпак или повязка на глазах.

После краткой церемонии, подобной двум первым посвящениям, кандидат готовится произнести клятву Мастера масонов, и Мастер ложи также предупреждает посвящаемого, что его клятва не затрагивает веры в Бога и долга перед страной и семьей. Кандидат на коленях стоит перед алтарем, обе руки его возложены на Библию, поверх которой лежат угольник и циркуль. Текст клятвы в разных ложах несколько разнится, потому что его содержание передается от поколения к поколению изустно, но основные положения повсюду звучат одинаково:

– Я, такой-то, по своей доброй воле и согласию, перед Богом Всемогущим и глубоко чтимой ложей Мастеров, посвященной Господу и святому Иоанну, настоящим и впредь самым торжественным образом клянусь и обещаю в дополнение к своим прежним обетам, что никогда не раскрою секретов Мастера масонов кому-либо из масонов младшей степени и никому из живущих на этом свете, если он или они не являются братом или братьями Мастера масонов в составе верной и правомочной ложи и не раньше, чем получу полное доказательство, используя строгую проверку и расспрос или узнав верную и точную информацию.

Я клянусь и обещаю также не давать слово Мастера, получаемое мною сейчас, ни в ложе, ни вне ее, и то лишь по пяти пунктам товарищества, и не повышая голоса. Далее я клянусь никогда не подавать «Главного сигнала о помощи», если не окажусь в опасности сам или не окажется под угрозой все собрание масонского братства, и всегда буду следить за тем, что поданный мною сигнал, сопутствующие ему слова, человек, этот сигнал передающий, действительно извещали о беде, и я полечу устранить это бедствие без оглядки на собственную жизнь, считая, что спасение жизни посыльного важнее спасения собственной.

Я клянусь и обещаю не предлагать, не выдвигать, не поддерживать кандидата на пост тайной ложи, которого я недостаточно знаю. Клянусь и обещаю не выдвигать слишком старого и слишком молодого человека, атеиста, религиозного вольнодумца, идиота, умалишенного и женщину. Клянусь и обещаю не хулить своего брата Мастера масонов ни заочно, ни в лицо, но возвышать его в глазах других при любых невзгодах, насколько это будет в моих силах. Я клянусь и обещаю, что у меня не будет плотских связей с женой Мастера масонов, его матерью, его сестрой и дочерью, когда бы они были явными передо мной, я не допущу ничего подобного со стороны других, если это будет в моих силах.

Я клянусь и обещаю, что переданные мне Мастером масонов тайны и известные мне как таковые, останутся тайными в моей груди и недоступными, как его собственные, если только они не будут вырваны у кого-то ценой убийства или измены, и тогда они станут только моим выбором.

Я клянусь и обещаю отправиться в любой момент с поручением Мастера масонов, в пределах длины моего буксирного каната, пусть я буду бос и с непокрытой головой.

Я клянусь и обещаю всегда поминать моего брата Мастера масонов в своих молитвах Всемогущему Господу, стоя на коленях.

Я клянусь и обещаю всегда прийти на помощь Мастерам масонов, случись им оказаться в нужде и голоде, а также их женам и сиротам, где бы они ни находились по всей земле, насколько это будет в моих силах и без большого ущерба себе и моей семье.

Я клянусь и обещаю, что, если я в своей торжественной сегодняшней клятве и обещании что-то упустил, я тут же восполню свой зарок, как только буду об этом уведомлен. Все это я торжественно пообещал и поклялся в полном сознании и решимости строго исполнить, а потому, окажись я виновным в сознательном нарушении хоть одной из перечисленных клятв и обещаний в отношении Мастера масонов, да не будет мне меньшего наказания, чем рассечение моего тела надвое, чтобы одну часть бросили на север, а другую на юг, а мои внутренности сожгли посередине и разметали пепел во все четыре стороны, чтоб не осталось ни следа, ни памяти ни среди людей, ни среди масонов о таком мерзавце и негодяе, каким я окажусь в этом случае. Да укрепит Всевышний меня в стремлении выполнить все это.

После этой церемониальной клятвы колпак с головы или повязку с глаз посвящаемого снимают, и получившего высокую степень нового Мастера масонов посвящают в некоторые тайны его степени. Ему показывают знак наказания за нарушение клятвы Мастера масонов. Это рубящий жест ладонью сверху вниз, большой палец руки повернут внутрь. «Дю-гард» Мастер масонов повторяет возложение обеих рук на Библию с циркулем и треугольником наверху; при этом локти прижаты к бокам, а руки возложены на алтарь ладонями вниз. До этого момента ритуал во многом повторяет ритуалы двух предыдущих степеней, но теперь добавляется третий тайный знак: «Главный сигнал о помощи» Мастера масонов. Он подается поднятием локтей на уровень плеч, руки вверх, ладони наружу. В том случае, если Мастер масонов находится вне поля зрения или в темноте, он призывает на помощь словами: «Господи Боже, нет тут кого-нибудь помочь сыну вдовы?» Этот призыв происходит от Хирама, легендарного строителя храма Соломона, о котором в обряде посвящения пока ничего не говорилось и кого масоны связывают с искусным работником по металлу; именно о нем в письменах говорится как о «сыне вдовы из колена Наффалимова».

До этого момента ритуал посвящения в ранг Мастера масонов кажется знакомым новому Мастеру,

поскольку он во многом повторяет уже пройденные им ритуалы посвящения в две низшие степени. Он не удивится, когда Мастер-руководитель церемониала объявит перерыв на легкий завтрак и вновь посвящаемого отведут в гостиную, чтобы он мог там одеться и присоединиться к остальным участникам ритуала в качестве полноправного Мастера масонов. Однако для него будет большой новостью узнать, что главная часть церемонии посвящения еще не начиналась и даже намек на нее никакого не было.

Вернувшегося в ложу вновь посвященного, уже в белом переднике Мастера, с лентой и бриллиантовой звездой старшего дьякона на шее, окружают, поздравляют с избранием Мастером масонов. Дружеские приветствия прерывает удар молотка председательствующего, наступает тишина. Обращаясь к посвященному, председательствующий вопрошает, чувствует ли тот себя Мастером масонов. Получив утвердительный ответ, руководитель церемонии поправляет новичка и говорит, что он не может считать себя Мастером масонов, пока не пройдет дорогой, полной угроз и опасностей, пока не встретится с ворами, грабителями и убийцами. Только проделав этот тяжкий путь, он будет вправе считать себя Мастером масонов. На посвящаемого опять надевают глухой колпак, и старший дьякон снова водит его по кругу ложи, и ведущий церемонию начинает рассказ о том, как был убит Хирам-Абиф, строитель храма Соломона, кто вместе с самим царем Соломоном и Хирамом, царем Тира, были тремя Великими Мастерами Масонского ордена.

Далее говорится о том, что во время строительства храма Соломона Хирам-Абиф обычно входил в недостроенную святая святых храма ровно в полдень со своей чертежной доской, чтобы наметить план работ на следующий день. Затем, помолившись Богу, он выходил через южные ворота храмового двора. Посвящаемый не знает, что остальная часть истории Хирама-Абифа будет разыграна в лицах, в которой ему самому отводится роль главного героя. Все это он узнает неожиданно: кто-то из сопровождающих, кого он не видит, хватает его и говорит, что при строительстве храма он обещал товарищам по братству сообщить все секреты Мастера масонов (в некоторых ложах говорят «слово Мастера»), чтобы они могли разъехаться по разным странам, искать там себе применение и получать вознаграждение Мастера масонов. Напавший на Абифа не желает ждать завершения строительства храма, он требует выдать секреты сейчас же.

Ведущий напуганного и смущенного и все еще с колпаком на голове посвящаемого говорит остальным «актерам», что те должны подождать окончания строительства храма, и желающий, если будет достоин, узнает секреты Мастера масонов. Нападающий, имя которого Иувела, еще больше сердится, угрожает убить Хирама-Абифа и, когда снова слышит «нет», ударяет своей двадцатичетырехдюймовой линейкой по горлу кандидата. Тогда ведущий идет с «Хирамом-Абифом» в западные ворота храма. Тут на него нападает другой неприятель по имени Иувело, который тоже требует выдать секрет Мастера масонов, и, когда слышит отказ, ударяет кандидата в грудь угольником. Ведомый к восточным воротам кандидат подвергается нападению третьего неприятеля по имени Иувелум. Когда «Хирам» отказывается и этому выдать секреты Мастера масонов даже под угрозой смерти, Иувелум «бьет» кандидата по голове кувалдой, и тот валится замертво наземь (его просто сшибают с ног ведущий и все остальные «актеры»).

Лежащий на земле посвящаемый с завязанными глазами слышит, как трое его «убийц» сговариваются спрятать его тело под кучей камней до полуночи, а потом вынести его из храма. Похороны «Хирама-Абифа» изображаются тем, что его, завернутого в одеяло, переносят из одного угла комнаты в другой. Скоро раздается звук колокола, возвещающего о наступлении ночи, и «тело» извлекают из-под камней и несут в могилу, вырытую на склоне холма «западнее горы Мориа» (Храм-горы). Потом он слышит, что «убийцы» решают пометить его могилу веткой акации, а сами собираются бежать в Эфиопию через Красное море.

Минутой позже является царь Соломон (его роль в этой драме играет Мастер ложи) и спрашивает, что тут произошло, и ему говорят, что Великий Мастер исчез, плана возведения дворца нет и что без чертежей рабочие не могут продолжать строительство. Соломон велит всем заняться поиском исчезнувшего Великого Мастера, и кандидат в своем одеяле-могиле слышит движение и шараханье по комнате. Наконец, царю докладывают, что Хирама-Абифа нигде найти не могут. Объявляется всеобщая переключка, где выясняется отсутствие Иувела, Иувело и Иувелума, которых всех вместе масоны зовут Иувами. Соломон приказывает послать за ними в погоню двенадцать товарищей братства, по три человека на каждую из сторон света. Те, что были посланы на восток и на юг, быстро возвращаются с известием, что никого не обнаружили. Трое с запада сообщают, что имеют сведения, будто Иувы пытались уехать на корабле из Яффы. Но Соломон запретил всем кораблям выходить в море, и потому преступники на месте. Все три беглеца, по слухам, повернули обратно в Иерусалим и направляются к храму.

Поиски приказано продолжить. На (символически) пятнадцатый день один из участников поисков остановился у ручья возле акации, которая быстро выросла из земли. Он подозвал своих товарищей, и те рассказали, что, отдыхая в одном месте в тени скалы, услышали голоса. Первый голос, в котором узнали Иувелу, говорил: «Расскажу вам такое: мне перерезали горло, вырвали с корнем язык, а тело зарыли в морской песок на самом низком уровне моря, где прилив наступает и отступает дважды в сутки, за то, что я стал соучастником убийства такого человека, как Великий Мастер Хирам-Абиф». Тут услышали второго

говорившего, а именно Иувело, который плакал: «О горе, мне рассекли грудь, сердце и все внутренности вынули и швырнули через левое плечо, бросили в Иехосафатскую долину на съедение хищным зверям и стервятникам (в некоторых ложах эту деталь передают словами: „Мое сердце вырвали и повесили на самый высокий шпиль храма, где его стали рвать хищные стервятники“), потому что я замыслил недоброе против такого человека, как Великий Мастер Хирам-Абиф». Третьим громко говорил Иувелум, заливаясь горькими слезами: «Ах, Иувела и Иувело, это я ударил его сильнее вас! Это я нанес ему смертельный удар! Я убил его! За это мое тело рассекли надвое, внутренности сожгли тут же, их пепел разбросали на четыре стороны, чтобы от меня не осталась ни следа, ни памяти ни среди масонов, ни среди простых людей, столь противен я и омерзителен для всех».

Посланные на поиск беглецов люди пошли к той скале и захватили там всех троих злодеев и привели к царю Соломону. Все трое пали на колени пред царем, и приговорил их царь к наказанию, о котором каждый из них рассказывал. С шумом и грохотом троих выводят из комнаты ложи, а кандидат в Мастера, все еще закутанный в одеяло, слышит стоны и крики. Потом раздается голос человека, докладывающего царю, что приговор приведен в исполнение.

Потом Соломон посылает тех же двенадцать товарищей отыскать могилу Хирама-Абифа, наказав им в случае успеха внимательно посмотреть, нет ли там какого знамения или отгадки замысла Мастера. Осматривая место, где выросла акация, люди находят там кандидата в роли Хирама-Абифа, завернутого в одеяло. Когда они разворачивают одеяло-могилу, им в нос якобы ударяет запах разложившегося тела. Они вытягивают перед собой руки ладонями вниз (изображая жест дю-гард), защищаясь от зловония. Осмотрев «тело», они не находят ничего, кроме ленты с бриллиантом на шее, которую относят царю Соломону, сообщив при этом, что никаких знаков и заметок не обнаружено, так что теперь они потеряны навеки. (В некоторых ложах говорят, что видели еле различимое изображение буквы «G» на разложившемся теле.)

Обращаясь к исполняющему роль Хирама, царя Тирского, Соломон повелевает, что первые слова и первые жесты над могилой станут правилами ступени Мастера масонов, пока «Тот-который-был-потерян» не будет найден в грядущих поколениях. Потом все подходят к «могиле» и становятся вокруг нее. При первом взгляде на тело царь Соломон вздымает руки ладонями вперед (знак всеобщей тревоги и опасности Мастера масонов) и говорит: «Мой Боже, нет ли тут кого, кто мог бы помочь сыну вдовы?» Затем царь просит учеников вынуть тело из могилы, но замечает, что делают это они плохо и плоть отстает от костей. Затем он просит сделать это товарищей братства, но и те не справляются с задачей. Тогда Соломон говорит, что сам попытается поднять тело из могилы с помощью «лапы льва», захватом Мастера масонов. Подобным захватом (с помощью нескольких членов ложи) он ставит кандидата на ноги таким образом, что правая ступня кандидата опирается на правую ступню царя Соломона, их правые колени соприкасаются, левая рука каждого лежит на плече другого, а рты прислонены к уху друг друга. Ведущий церемониал Мастер, изображающий царя Соломона, шепчет в ухо кандидату слово *махабоне*, а тот так же тихо повторяет это слово в ухо царя Хирама. При этом ведущий церемонию Мастер предупреждает, что слово это должно произноситься в положении, называемом «пять точек товарищества».

Отойдя от кандидата, ведущий церемонию Мастер объясняет смысл пяти точек товарищества: *ступня к ступне* означает, что Мастер масонов должен прилагать все усилия, чтобы прийти на помощь достойному брату, даже отправляясь к нему пешком: *колени к колени* символизирует, что в своих молитвах к Богу Мастер масонов не забывает просить Божьей помощи своему брату, как самому себе; *грудь к груди* – это обещание хранить доверенную тайну брата как свою собственную, даже под угрозой пыток и смерти; *рука на плече* означает готовность Мастера протянуть брату руку помощи и поддержки, встать на защиту его репутации и чести, как на защиту своей чести; *рот к уху* символизирует постоянную осторожность и чуткость Мастера, готовность дать самый дружеский совет в трудном положении, указать на ошибки брата и своевременно предупредить о грозящих ему опасностях.

Поднятый с пола и освобожденный от одеяла Мастер не сразу в состоянии осмыслить всю разыгранную с его участием историю гибели Хирама-Абифа. «Полный исторический отчет» ему дадут потом, и еще не раз, с различными добавлениями и оттенками. Ему поведают, что после того, как царь Соломон извлек Хирама-Абифа из могилы, тот был похоронен под (иногда говорят «поблизости») святая святых храма, которая сооружалась и почиталась как Арка Завета. Он будет знать, что масоны в честь Хирама-Абифа возвели прекрасный монумент (следы которого теперь затерялись), изображавший рыдающую деву возле сломанной колонны и книги. В правой руке дева держала ветку акации, в левой – урну. За девой стояло Время, перебирая локоны на ее голове. Сломанная колонна обозначала незавершенное строительство храма и дело самого Хирама-Абифа. Книга содержала описание талантов и свершений Великого Мастера. Ветка акации символизировала бессмертие Мастера, а урна и фигура Времени напоминала о том, что время, терпение и настойчивость помогут завершить все задуманное. Все это объясняет, почему ложа Мастера масонов называется также Святая Святых. Новому Мастеру показывают многие масонские символы с их подробным объяснением. Однако ни один из этих символов не существовал в тайном масонстве. (Американцев, например, в основном интересует Всевидящее око –

символ Высшего Существа, Великого Архитектора, – над усеченной пирамидой, символизирующей незавершенное строительство храма Соломона, изображение которых имеется на каждой долларовой ассигнации.)

Так завершается посвящение Мастера масонов, самой интересной для нас масонской степени, поскольку она представляет собой аллегорию легендарного сооружения храма Соломона, с которым вольные каменщики прежде всего связывают существование своего братства. Масонская трактовка сильно расходится с историей сооружения храма, как она описана в Библии, и, возможно, здесь кроется ключ к разгадке тайны происхождения масонского ордена.

Теперь перейдем к мистическим выражениям, словам и символам Старой хартии секретного масонства, начиная с особого словаря, который просуществовал столетия и сохранил в неприкосновенности масонскую терминологию, самобытность которой отличает ее от терминологий других организаций и позволяет масонам всего мира сразу узнавать друг друга.

Глава 17 Тайны языка

Из ритуалов посвящения трех основных степеней масонского братства до нас дошли слова и выражения, смысл которых за долгие века совсем потерялся. Сюда надо отнести такие сугубо масонские словечки, как *тайлер*, *кован*, *буксирный канат*, *дю-гард*, *люис*, да еще шотландское «слово масона» – *махабоне*, с которым связана мистическая гора в Шотландии *Хередом*. Сюда же надо отнести второе имя или прозвище мифического строителя храма царя Соломона *Абифа* и имена троих его убийц. Масонские писатели много раз пытались объяснить эти слова, стараясь вывести их из лексикона средневековых каменотесов, но все эти объяснения оказывались искусственно притянутыми. Современные серьезные исследователи масонства от них отказались, и терминология братства осталась неразгаданной тайной.

При этом выяснилось, что, если опираться на гипотезу о глубинной связи масонов XIV в. с подвергшимися гонениям рыцарями Ордена тамплиеров, следует иметь в виду, что тамплиеры говорили на французском языке. Если разгадку таинственных слов не удалось найти в английском языке, значит, ее надо было искать в средневековом французском. Здесь мы сразу сталкиваемся с серьезной проблемой, сопровождающей попытки проследить развитие французских слов и выражений в английском языке, если исходить только из современных грамматических форм и их звучания. На протяжении всех веков произношение слов влияло на их написание, а написание, в свою очередь, изменяло произношение. Это можно проиллюстрировать простым примером превращения норманнского имени де Бург в обычное ирландское Бурке, или французское название Сент-Клер в шотландское Синклер.

Сегодняшние туристы, гуляющие по Лондону, недоумевают, когда их консьержка объясняет им, что фарфоровые изделия можно купить на улице Бичем. Они никак не могут ее найти, потому что название на уличных табличках пишется по-французски: Бёшамп. Еще один пример: тамплиеры имели богатое владение в графстве Линкольншир, известное по имени местного собора Брюер. В Средние века *бруер* по-французски произносилось *броо-ай*, что означало «пустошь, болото». Постепенно местные жители французское слово переименовали в более понятное *брюер*, что значит «пиво», и эта местность на картах так и обозначена «собор Брюер». Отсюда пошла легенда, что некогда здесь тамплиеры варили славное пиво.

Вооружившись знаниями таких языковых превратностей, попытаемся разгадывать масонские ребусы с помощью французского языка. Для начала рассмотрим слово *тайлер*. Тут же выясняется, что во французском языке нет слов, начинающихся парой букв «ту», которые имели бы смысл в масонской терминологии. Мы обратились к фонетическим вариантам и обнаружили французское словечко *tailleur*, означающее «режущий», «тот, кто режет». От этого французского слова пошло старинное английское слово *taille* (в старом английском произносилось «тиэ»), что означало «налог», или «отрезок», в пользу правительства. Этого же происхождения и церковный термин *tithe* (тайд), что значит «десятина», отрезаемая от всякого имущества и суммы в пользу Церкви. В сущности, «режущий», «тот, кто режет» очень подходит к человеку, стоящему в дверях с палашом наголо.

Изначальной обязанностью тайлера была охрана ложи масонов от проникновения на ее собрания непосвященных и посторонних зевак. Обычное масонское объяснение термина «непосвященный» (*kauan*) сводилось к определению его как старинного шотландского слова, обозначающего «малоопытный каменщик, недостойный принятия в гильдию». Я просмотрел все словари шотландского языка и наречий, но найти такой вариант мне не удалось. Вместе с тем известно, что шотландцы южной равнинной части страны по языку были ближе к англичанам, а жители северных горных районов – к говорам кельтских народностей. Здесь мы встречаем старое французское слово, звучавшее как «коо-ваан» и обозначавшее «невежда, неотесанный мужлан». Естественно, что у шотландцев это слово могло означать бестолкового, неопытного работника, причем оно могло иметь самое широкое поле применения. Таким образом, обозначая задачу тайлера оберегать собрание масонов от проникновения случайных невежд, последних шотландцы могли назвать словом, заимствованным из французского.

Слово *дю-гард*, опознавательный знак масонов в каждой группе посвящения, также французского происхождения. У французов есть выражение защитного, охранительного жеста – «жест дю-гард». Постепенно выражение стало короче и получило чисто английское звучание *дью гард*, то есть «надлежащая защита».

Труднее поддается расшифровке слово *льюис*, означающее «сын масона». Во французском нет слов, начинающихся с «lew». Но тут можно вспомнить частую в английских говорах практику преобразования звука «в» (v) в чисто английский губной звук «у» (w). Такая инверсия произошла с французским словом «леве», что означает «отпрыск, потомок, супруг», которое в английском переосмыслении обрело значение «наследник, сын».

Еще более сложную задачу представляет выяснение происхождения имени Хирама-Абифа, Мастера масонов, возглавлявшего строительство храма Соломона. Имени Абиф нет ни в древнееврейском языке, ни в английском. Нет ничего похожего и во французском среди всех имен, начинающихся с буквы «А». И здесь мне на ум пришла старая практика масонов шифровать имена одними инициалами. Так, в большинстве масонских документов Хирам-Абиф значится под аббревиатурой ХА, а в некоторых случаях – ХАБ. Не могло ли случиться так, что когда-то это имя писалось Хирам А. Биф? Снова обратившись к французским словарям, я обнаружил слов *biffer*, что означало «вычеркивать, стирать, убирать». Оказалось, что легендарное имя родилось из выражения *Хирам а биффе*, что означает просто: «Хирам, которого убрали».

Однако не удалось найти никаких следов исследования имен Иувов, трех людей, задумавших убить Хирама-Абифа и совершивших это злодеяние. Удивляться этому не стоит, потому что имена Иувела, Иувело и Иувелум, скорее, напоминают бессмысленные детские словечки, близкие по звучанию. Однако исследование показало, что это впечатление ошибочно. У французов было слово *иув*, соответствовавшее понятию «алтарная преграда» (англ. «*roodscreen*»). В средневековой Франции это была тканая занавеска при входе в алтарь, с восточной стороны от которого размещался хор. В те времена подобный занавес венчало большое распятие. И занавес получил название от саксонского слова *rood*, что означало крест.

Перед этим *иуве*, занавесом с распятием, всенародно осуществлялись епитимии, накладывавшиеся исповедником. Не говоря уже о самой распространенной епитимии, состоящей в многократном повторении молитвы к Деве Марии, в Средние века на кающихся накладывались долгие покаянные молитвы, когда грешник часами стоял голыми коленями на каменном полу, и даже бичевания. Еще строже были правила в старых монашеских орденах, к каковым относился и Орден тамплиеров, где телесные наказания монахов и братьев перед упомянутым *иуве* были в порядке вещей. Иначе говоря, *иуве* был местом публичного покаяния. Это значение сохранилось и в современном французском языке в выражении «*венир а жубе*», означающем «повиниться», а также «получить на сладкое». Слово *иуве* в масонском ритуале несет смысл наказания и возмездия. В нем заключена память о трех злодеях, погубивших Хирама-Абифа и понесших заслуженное наказание по суду мудрого царя Соломона. Авторы масонской ритуальной аллегории могли назвать своих персонажей Иув первый, Иув второй, Иув третий, но избрали другой способ распознавания, придав этим именам родовые суффиксы женского, мужского и среднего рода – *Иувела*, *Иувело* и *Иувелум*. Общее название «Иувы», несомненно, происходит от «*иуве*». Не получив английского эквивалента, «Те-кто-были-наказаны» прямо указывают на французский строй речи и на средневековую эпоху.

Шотландскому *махабоне* («слово масона») не удалось найти никакой французской аналогии, несмотря на все наши попытки, хотя французское «бон» сплошь и рядом встречается в английских словах, например, французское выражение в лондонских названиях *Мари ле бон* до сего дня носят две улицы города: Мэрилебон-Хай-стрит и Мэрилебон-роуд.

В церемонии посвящения Мастера масона кандидата оповещают, что в этом звании он становится «братом пиратов и корсаров». Мы уже касались того, что братство масонов имеет одним из своих истоков тамплиеров, захвативших боевые корабли и подавшихся на рискованную стезю флибустьеров. В те годы крупнейшим пиратским портом на севере Африки был город Махдия. Подобно тому как Мадрид при господстве мавров назывался Махадрид, Махдия называлась соответственно Махадия. Если крупный корсарский город был гостеприимным для тамплиеров, его вполне могли называть «Махадия добрая», или *Махадия ле бон*, что с веками прямо перешло в *махабоне*.

Словосочетание «буксирный канат» – *кейбл-тау*, – как кажется, не имеет французских корней, поскольку состоит из двух привычных английских слов. Но не дает покоя мысль, что английское значение слова в масонском ритуале лишено всякого смысла. В английском языке слово *кейбл* обозначает очень толстую веревку или швартовый трос 25 сантиметров в диаметре. Как единица измерения длины *кейбл* – это сто морских сажень, или более 180 метров. Но, обратившись к французскому языку, мы найдем совсем другие значения. Французское слово «кабель» (произносится *ках-блю*) пришло прямо из латыни от слова *капулум*. И в латинском, и во французском языках оно означает одно и то же: «поводок, недоуздок», именно то, чем обозначенный этим словом предмет служит в масонском ритуале посвящения. Этой веревкой обвязывают посвящаемого и, держа ее за длинный конец, водят по комнате, когда он с

завязанными глазами не в состоянии самостоятельно передвигаться. Таким образом, термин, обозначающий толстый канат, каким швартуют к пристани корабли, будучи применен к взнузданному животному, совершенно утратил свою морскую специфику.

У шотландских масонов есть уникальное словечко *Хередом*, мифологическая скала вблизи города Килвиннинг, место нахождения «Материнской ложи» шотландских вольных каменщиков. Приемлемого объяснения для слова *Хередом* не нашлось, и мы снова обратились к французскому языку.

Нужно начать с того, что суффикс *дом* в английском и французском языках происходит от латинского слова *домус*, давшего нам понятие «место жительства». Сначала оно обозначало географическую область. В слове *кингдом* (королевство) *дом* обозначает земли, где правит король – *кинг*. Позднее это слово стало обозначать не столько место, сколько состояние. Например, *фридом* (свобода) означает состояние, когда человек *фри* (свободен). Смысл суффикса, таким образом, понятен, но что же означает *Хере*? Здесь можно предположить следующее: в старом французском было слово *heraudie*, близкое по значению английскому *хералдри* (геральдика). Отсюда легко производится французское *хераудом* и от него – *хередом*. Бывшие тамплиеры, в большинстве своем происходившие из аристократических родов, привыкли иметь собственный рыцарский герб и прочие геральдические знаки различия. Теперь же, изменив имена и облик, они могли хранить память о своей родовой символике и высоком социальном положении, что и нашло отражение в названии мифического центра шотландского масонства.

Выяснение французского происхождения некоторых масонских слов, смысл которых давно утрачен, помогает решить некоторые частные задачи, но, разумеется, не дает прямых доказательств непосредственной связи масонов с рыцарями-тамплиерами. Тем не менее это в известной мере подкрепляет версию таких связей, хотя никак не подтверждает наличие корней масонства в строительстве храма Соломона, а равно широко распространенного мнения о происхождении масонов из гильдий средневековых каменотесов, поскольку в обоих местах французский язык не использовался. Однако французские корни подтверждают связь масонов с норманно-французским высшим сословием и определенными временными рамками. Здесь важно отметить, что уже упоминавшийся переход английского судопроизводства с французского языка на английский, чтобы облегчить его понимание большинству населения, состоялся лишь в 1362 г. Наличие большого массива франкоязычных терминов в лексике английского масонства с большой долей вероятности указывает на то, что общество масонов уже существовало в начале XIV столетия, что, в свою очередь, подтверждает вероятность истоков масонства в Ордена тамплиеров, бежавших от преследования Церкви и государства именно в этот период.

Более прямую связь масонства с тамплиерами можно обнаружить посредством французского слова, служившего обращением рыцарей друг к другу. Обращение тамплиеров всех сословий друг к другу было *фрер*, то есть «брат». Никаких шевалье или рыцарь, не в пример нынешним «масонам-тамплиерам», которые обращаются, например, к офицеру «сэр рыцарь-генералиссимус». К своим боевым командирам (никаких генералиссимусов тогда не было) тамплиеры обращались *фрер марешаль*, или брат маршал.

Однако выражение «брат масон» во французском варианте звучит *фрер масон*. Это, видимо, и послужило основанием для некоторых писателей, включая Горацио Горнблауэра, переименовать французское словечко *фрер* на английский *фриер*, откуда, собственно, и пошло выражение *фри масон*, или «свободный масон», и далее «вольный каменщик». Следует отметить, что старая масонская литература немало потрудились над смысловыми оттенками выражения «брат масон», так что можно с уверенностью сказать, что в XIV в. не существовало ни одной организации, члены которой называли бы друг друга словом «брат», исключая религиозные общины, к каковым, конечно, относится и Орден тамплиеров.

Масонский термин ложа, кажется, не должен вызывать никаких сомнений, поскольку он давно вошел в словарь масонских выражений. Если обратиться к значению этого слова в старом английском, в старофранцузском и современном языках – значение слова всюду одинаково. Это место для сна, иногда для еды. И нигде за пределами масонства ложей не называли подвал, группу людей, объединенных общим делом, или филиал организации. Это значение слова возникло при объявлении масонов в Лондоне в 1717 г. и стало общеупотребительным практически во всех языках. Английские толковые словари дают этому слову разные объяснения: «место встречи ячейки секретного общества», а также «группа людей, составляющих такую ячейку». Сейчас можно встретить Ложу старых товарищей и Ложу американского лося, так что в этом разнообразии нетрудно утратить и то главное, что характеризовало деятельность тайных масонских лож. Считается, что в пору секретного масонства единственным поводом для собрания ложи было посвящение новых членов и возведение прежних на высшую ступень. И даже тогда у ложи могло не быть официального помещения, и все происходило как тайная встреча нескольких людей под надежной охраной или с тайлером на посту. Собрание проводилось быстро, рассматривались только самые важные и срочные вопросы. Это нельзя назвать ложей в ее изначальном смысле.

Масонские писатели убеждают, что гильдии бродячих каменщиков, переходящих в поисках работы с места на место, на своих стоянках устраивали «ложи» для обзора своей работы и решения внутренних хозяйственных проблем, но теперь мы уже знаем, что связь масонства с гильдиями каменотесов – лишь

плод фантазии. Тогда чем же была ложа для секретного масонства? Именно тем, что это слово значит и значило всегда: место для сна и отдыха братьев-масонов при своем перемещении в ходе побега. Этим людям окружала тайна, раскрытие которой могло им стоить жизни. Они клялись на крови никого не выдавать и помогать друг другу. Помните, Старая хартия масонов говорит: если к тебе пришел брат, дай ему «работы» на две недели, немного денег и проводи до следующей ложи. Почему речь заходит о деньгах? Потому что человек находится в бегах, ему необходимо прятаться. В ложе он получал не иносказательную «работу», а настоящее удобное и безопасное жилье того же английского корня – *лоджию*. Отдохнув, узнав местную обстановку и новости, поняв, что данное место не может обеспечить ему длительного и безопасного проживания, масон получает подорожные деньги и отправляется в другую масонскую ложу, дорогу куда ему укажут. Это может быть таверна, ферма, кузница или даже храм, где он сможет остановиться, показав секретный знак или произнеся условный пароль: «Вы путник?» – «Да, я в пути». «Куда вы идете?» – «Иду с востока на запад».

В другой Старой хартии говорится, когда «брат» вступает в новый город, его должны сопровождать два местных брата, которые должны под твердить его личность. Такое подтверждение и карманные деньги были чрезвычайно важны для путников того времени. В Средние века в Англии бродяг не просто бросали за решетку, а еще подвергали телесному наказанию, прежде чем выпустить. При Тюдорах трехкратное обвинение в бродяжничестве означало смертную казнь.

Все, что мы видели, знакомясь с ритуалами Старой хартии, рисует нам общество, выработавшее систему взаимной помощи и защиты, поставленное на службу гонимых людей, которых ожидает смерть в случае поимки. Здесь слово *ложя* означало крепкую и надежную поддержку в этой борьбе не на жизнь, а на смерть. Для человека, ведущего такую борьбу за выживание, скрываясь от преследований, трудно придумать что-либо важнее, чем надежное жилье-укрытие, да еще подкрепленное финансовой поддержкой, советом, куда и как идти дальше. Поскольку члены братства были разбросаны по стране и разобщены, было совершенно естественным для них позаботиться о стабильных ложах в таких пунктах, как Мейдстоун и Йорк. Обычно такая ложа представляла собой место, где ищущие пристанища братья-масоны могли пообщаться со своими коллегами не в специальных залах, а в подвалах, на чердаках, в лесных сторожках – всюду, где можно было обеспечить секретность встречи.

Переход от старого понимания к новому был вполне логичным. Место для размещения скрывающегося от преследования брата должно быть предельно скрытым и тайным, какое только можно было найти в данной местности. Это и считалось «ложей» для брата в бегах, потому что оно обеспечивало ему тайное укрытие, в чем и состояло ее главное назначение. Но у ложи была и другая функция: надежное место для сбора местной ложи-организации. С ходом времени потребность в тайном укрытии и организации питания беглых братьев отпала. Главной ее функцией стало проведение тайных собраний членов организации, обеспечение надежного места для этого. Когда и памяти о первоначальной функции ложи не осталось, этот термин стал употребляться в совершенно новом значении. «Ложа» стала обозначать место встречи членов ячейки.

Для лучшего понимания условий проведения собраний и встреч секретного масонства может служить иллюстрация того, как во время Второй мировой войны устраивали свои собрания масоны в лагерях для военнопленных. Это дело было опасным не только потому, что фашистское правительство поставило франкмасонство вне закона; в лагере-тюрьме тайное общество было просто недопустимо, командование его немедленно уничтожало в самом зародыше. Наказание для участников подобных обществ было скорым и безжалостным. Ни алтарей со свечами, ни колонн, ни самого грубого стола не было, как не было и особого помещения. Но это и не являлось необходимым. Круг на полу можно нацарапать по пыли, очертить куском известки или обозначить каплями воды. Никаких затяжных процедур, какие можно наблюдать в современных ложах: все совершалось быстро и тайно. Тайлер, исполняющий свою обычную функцию, ничем не вооружался и не отмечался, но был самым ответственным лицом на собрании: его обязанностью было быстро известить о приближении постороннего, особенно если он был в немецкой или японской военной форме. Такие собрания масонов во время войны были ближе всего по духу и обстановке к собраниям древних лож, несравнимым с теми, что проводились в течение двух предыдущих столетий. Они собирались только по особо важным поводам, на самое краткое время и служили исключительно делу взаимопомощи и поддержки. Остается еще один загадочный термин масонства: это само слово *масон*, которое мы рассмотрим после внимательного изучения центрального сюжета главного масонского ритуала – легенды о Хираме-Абифе.

А пока будет полезно обратить внимание на символы и облачение масонства в связи с разными аспектами ритуалов посвящения. Нам важно и здесь проследить связи братства с тамплиерами. Как мы далее увидим, детали символики не только совпадают, но и прямо указывают на достоверность рассматриваемой гипотезы.

Глава 18

Скрытые аллегории и тайные символы

Как мы уже знаем, кандидаты в посвящение в масонские степени и звания перед началом церемонии частично освобождаются от одежды, у них отбираются все металлические предметы, шея или тело повязывается веревкой, именуемой «буксирный трос». Новичку также завязывают глаза – это общее правило практически для всех тайных обществ, где считается нежелательным, чтобы кандидат видел лица участников организации до того, как примет клятву и будет посвящен в полноправные члены. (В некоторых обществах новичку глаза не завязывают, но все присутствующие сидят в масках или в колпаках на головах.) Другие моменты подготовки к посвящению у масонов носят специфический характер.

В наше время кандидат, освобождаясь от металлических вещей, вытряхивает из карманов денежную мелочь, ключи, портмоне, зажигалку, возможно, авторучку с золотым пером. В XIV в. перечень металлических вещей, принадлежащих кандидату, был совершенно иным: тут могли быть несколько монет, холодное оружие и, возможно, элементы защитной брони или кольчуга. Лишенный части одежды, денег и оружия, с веревкой на теле, человек оказывался в положении, которое описывается в обращенных к нему словах:

– Ты пришел к нам в путях, полуодетым и беззащитным. У тебя нет денег, чтобы прокормиться и найти себе пристанище, на тебе нет лат, чтобы принять удар противника, нет оружия, чтобы себя защитить.

Утешься тем, что все братья вокруг клятвенно обязаны защитить тебя и помочь тебе. Если ты раздет, мы поможем тебе одеться. Если ты голоден, мы накормим тебя. Мы укроем тебя и защитим от недругов. Твои тайны останутся при тебе. Твой призыв о помощи всегда будет услышан.

Принес свою клятву и ты. Если брат придет к тебе, ты защитишь его и предоставишь ему убежище. Ты встанешь на защиту его доброго имени. Ты не выдашь его тайн, ибо ты поклялся свято хранить тайны нашего братства, которые открыты или будут открыты тебе.

Все это имело пользу и значение для закрытого, тайного общества, но было бы лишено всякого смысла, относись оно к гильдии ремесленников-строителей. Эти слова обращены к человеку, которому грозит опасность, которого преследуют враги, кому в любой момент может понадобиться помощь, и этого человека учат особым, тайным приемам, как такую помощь вызвать. Даже в темноте, не видя тех, кто мог бы прийти ему на помощь, у него есть способ эту помощь призвать: «Господи Боже, нет ли тут кого, что мог бы помочь сыну вдовы?» Когда человек находится на виду, его обучают сигналу большой беды или несчастья, по которому эта помощь обязательно к нему придет. Этот сигнал двумя поднятыми вверх руками выдает свой возраст, потому что ныне руки так поднимают по требованию вооруженного человека: «Руки вверх!» Если такая команда обращена к десятку человек в банке или шестерым, выходящим из кареты, все они, оказывается, будут подавать сигнал большой беды и несчастья, сигнал Мастера масонов. Такой сигнал мог быть изобретен только до появления гангстеров на большой дороге, вооруженных огнестрельным оружием.

Ничто из сказанного пока не указывает на непосредственную связь масонов с рыцарями-тамплиерами, все это говорит лишь о чертах и правилах тайного общества, члены которого подвергаются гонениям или столь симпатизируют правонарушителям, что ради помощи им готовы жертвовать жизнью и своим добром. Причины, побуждавшие людей идти на такой риск, были очень серьезными и касались сразу многих людей. К числу их относились скрывающиеся тамплиеры после выхода папских указов об их повальном аресте.

Обратившись к другим символам вольных каменщиков, мы найдем немало прямых связей с тамплиерами. Однако сейчас нам важнее остановиться не на обстановке и мебели современных лож, а на одежде масонов и некоторых аспектах их ритуалов, потому что их собрания происходили «высоко в горах и в глубоких ущельях» или в амбарах и подвалах, где, конечно, не было ни алтаря, ни свечей, ни колонн, ни кресел. Там могло не быть и Библии (многие по сей день критикуют франкмасонов за то, что они используют Священное Писание в качестве атрибута). А во времена, о которых сейчас идет речь. Библии на руках отдельных лиц вообще не было, по крайней мере официально. Все, чем они пользовались на собраниях, были расчерченный пол, циркуль и угольник.

Круг в центре масонской ложи состоит из четырех частей: сам круг, центр этого круга и две параллельные линии по краям круга. По масонскому учению круг означает безграничную Вселенную; точка в центре круга – отдельного масона, линии по бокам круга – посохи святого Иоанна Крестителя и святого Иоанна Богослова.

Теперь посмотрим, как средневековый масон готовит место собрания своего братства. Он уберет листья и сухие ветки и расчистит ровную площадку. Потом вырежет две палки по метру длиной. Он возьмет их по одной в каждую руку или свяжет между собой бечевою, соорудив таким образом циркуль. Воткнув одну палку в землю, другой палкой он обведет на площадке ровный круг. Конец палки, стоявшей в центре круга, оставит на земле точку. Положив палки по краям круга, он завершит сооружение символа. Богатое воображение и время наполнят место важным символическим значением, такое же значение приобретут и палки по краям круга. В какой-то момент ритуала все присутствующие торжественно

обойдут нарисованный круг, что теперь именуется «ходом почитания ложи».

Как рыцари-тамплиеры объясняли таинство круга и хода кругового почитания? Очень просто. Церемония посвящения рыцарей-тамплиеров проводилась в их храмах, имевших в плане круглую форму в подражание церкви Гроба Господня в Иерусалиме. Не все храмы тамплиеров в Англии были круглыми, но большинство имели именно такой вид. Знаменательно, что самый известный храм тамплиеров в Англии, сооруженный и освященный патриархом иерусалимским Гераклом в 1185 г., по сей день стоящий на Темпл-Плейс в Лондоне, имеет идеально круглую форму.

Что касается кругохождения, то в Средние века крестный ход священников и прихожан вокруг храма был распространенным обычаем. Пару лет назад я стоял на рождественской службе в кафедральном соборе Линкольна. Англиканский священник напомнил своим прихожанам об этом старинном обычае и призвал всех совершить крестный ход по случаю светлого праздника. И вот он в сопровождении мальчиков-прислужников, хора и всей паствы поднялся и пошел ходить по огромному собору, распевая рождественские гимны. Когда тамплиеры в ходе богослужения совершали такой проход, двигаться они могли только по кругу; именно так и нынешние масоны совершают свое кругохождение в ложе.

Здесь интересно отметить своеобразную роль циркуля, необходимого для очерчивания круга. Он появился задолго до того времени, когда масоны стали называть себя масонами (каменщиками), и, возможно, сыграл свою, пусть не очень значительную, роль во всей этой истории.

Что касается масонской напольной мозаики, то она могла быть просто обозначена вычерчиванием чего-то подобного шахматной доске или укладыванием любого материала темного и белого цвета. Надо сказать, что никаких правил относительно размера и количества этих квадратов не существует. По всей вероятности, эта символика повела свое начало от одного белого и одного черного квадрата. Использование большого количества такого материала могло вызвать подозрение и подвергнуть риску все мероприятие. А основа этой символика у тамплиеров очень проста: боевое знамя рыцарей-тамплиеров *бо сан* представляло собой двухцветное полотнище: черное сверху и белое внизу. Черное полотно символизировало темный мир греховной жизни, оставленной тамплиером, а белое – чистую жизнь, которую он начинает, став воином Христа. Масонские писатели не дают себе труда даже подумать о происхождении чернобелой мозаики масонских лож. Просто говорят, что «она пришла с Востока». И тут они правы. Символика действительно пришла с Востока, повторяя узор многочисленных знамен тамплиеров, дравшихся во время восточных походов под этими знаменами с сарацинами и другими своими врагами.

Еще одна разгаданная тайна вольных каменщиков касается облачения масонов, также ведущего свое начало от Ордена тамплиеров. Главным предметом ритуального облачения служит масонский передник, первая вещь, с которой знакомят посвящаемого в ученики и символический смысл которого ему объясняется. Ныне этот передник украшен разными значками и символами, но у старых масонов он не шился: это была грубо подрезанная овечья или баранья шкура, которую подвязывали поясом. Современные масоны считают передник происходящим от фартука камнетесов Средних веков, символизирующим чистоту и невинность. Оставив в стороне чистоту и невинность, вряд ли бывшие характерной чертой средневековых каменщиков, отметим: нет никаких документальных подтверждений, что строители когда-нибудь носили фартуки из овечьих шкур, хотя сохранилось множество старинных гравюр и рисунков с изображением самых разнообразных работ по строительству замков и соборов.

А вот прямая связь передника с традициями тамплиеров существует. Достаточно вспомнить, что устав тамплиеров запрещал всякие излишества в одежде рыцаря, разрешая лишь баранью шкуру, и к тому же требовал, чтобы тамплиеры постоянно носили на талии своеобразный кушак из бараньей кожи, как напоминание об обете целомудрия, от которого понятия чистоты и невинности просто неотделимы. Поскольку вся экономика средневековой Англии строилась на разведении овец, баранья шкура или кожаное изделие не могли вызвать никаких подозрений, и как деталь одежды члена ордена или братства эта шкура воспринималась совершенно естественно, но, повязанная вокруг талии, служила важным напоминанием об уставном правиле тамплиеров для участника церемоний тайного масонства.

Иначе обстоит дело с другим предметом одеяния масонов – перчатками. В Средние века перчатки не имели широкого распространения и ношение их не могло не обращать внимания на человека, чего все тайные организации, естественно, старались избегать. Изготовление перчаток было делом довольно сложным, они стоили дорого, и носили их только аристократы и высшее духовенство. Что касается средневековых каменщиков, то никаких подтверждений того, что они носили перчатки, не существует.

А с тамплиерами перчатки имеют прямую связь. По уставу священники ордена были обязаны носить перчатки постоянно, чтобы держать руки в чистоте, «поскольку они касаются Бога» в таинстве причащения. Перчатки могли носить священники, участвовавшие в церемониях тайного общества; как напоминание о своей роли в соблюдении устава ордена мог надевать перчатки капеллан ложи.

Белый балахон на церемонии посвящения масонов характерен для многих случаев и обстоятельств, так что его происхождение установить весьма непросто. Будет достаточно упомянуть, что устав Ордена тамплиеров специально оговаривал белый цвет для одежды рыцарей-тамплиеров.

По поводу одной из загадочных фраз из ритуала посвящения масонов мы уже говорили. Речь шла о том, что посвящение в Мастера масонов делает его «братом пиратов и корсаров», и мы дали, как кажется, достаточно правдоподобное объяснение этой фразы, подтверждающее нашу гипотезу о связи тамплиеров и масонов.

Другая загадочная фраза говорит о масоне как о путешественнике с запада на восток. Начало пути всех тамплиеров было на Западе, а путь их и миссия вели на Восток, в Святую землю. Франкмасоны, ставшие преемниками тамплиеров, унаследовали и высшую задачу завершить или заново возвести храм Соломона, что также предполагает символическое путешествие на восток. Аллегория этого путешествия имела принципиальное значение, она входила в слово секретного пароля тайного масонства.

Существует еще одна важная особенность, которая не находит объяснения, если отрицать связь франкмасонства с рыцарями-тамплиерами, – графическая. Ее трудно опровергнуть, настолько специфичен ее характер. Клятва масона приносится на циркуле и угольнике, лежащих на Библии. Повторим, что в Средние века Библия была еще большей редкостью, не каждый ее имел в собственности. Поэтому можно предположить, что при принесении клятвы использовались абстрактные символы, какими и являлись циркуль и угольник. Если ранние масоны действительно были беглыми тамплиерами или их потомками, таким символом могла служить «печать Соломона», очень близкая по начертанию к «щиту Давида», если не брать во внимание, что один треугольник изображен двойной линией, а второй – сплошной. Как пишут масонские авторы, масонство – это «наука нравственности, изложенная иносказательно и выраженная в символах». Будучи таковым, да еще существуя под покровом тайны, масонство не могло использовать распространенные символы в их буквальном смысле. Графический знак должен быть иносказательным, покрытым «вуалью аллегории» так, чтобы он не мог быть разгадан непосвященным, а посвященному сообщал нечто очень значительное. Совсем нетрудно накинуть «вуаль аллегории» на печать Соломона, которая выглядит вот так:

Чтобы полностью изменить внешний вид печати, сократив ее смысл для посвященного, достаточно удалить горизонтальные элементы чертежа:

И тут перед нами внезапно появляются циркуль и угольник. Остается добавить несколько воображаемых штрихов, чтобы символы получили вид подлинных инструментов. Таким образом, хорошо всем известное изображение печати Соломона, старинный и священный символ рыцарей-тамплиеров, становится безобидным изображением двух простых инструментов мастеров строительного ремесла. За долгие столетия тайный смысл символа забылся, и его реанимировали, в результате чего «подтвердилась» теория происхождения Ордена масонов от гильдии строителей-каменщиков.

Мне могут возразить, что все это просто совпадение, но ведь совпадения, а тем более двойные и тройные, опровергнуть значительно труднее. Обратите внимание на положение «ножек циркуля», образованного из печати Соломона: одна ножка лежит поверх треугольника, другая – под ним. Это и есть размещение циркуля и треугольника для принесения клятвы товарища братства, ставшего со временем степенью полноправного члена масонского братства.

Возникает еще вопрос о сочетании современного циркуля и угольника с буквой «G» посередине. Как это связано с тамплиерами? Ответ простой: никакой связи тут нет. Нужно просто иметь в виду, что до публичного появления масонов в 1717 г. никаких рисунков циркуля и треугольника, никаких дорогих украшений с этими знаками, никаких клише, значков и наклеек для бамперов не существовало. Не было и этой буквы.

Однако вопрос этот должен быть отнесен к числу серьезных в изучении истории происхождения масонства по причине почти трепетного отношения современного масонства к букве «G», стоящей, как учат в школе масонства, в ознаменование геометрии. О важности геометрии для Ордена вольных каменщиков масон узнает из лекции во время посвящения его в степень товарища братства. Он узнает также, что геометрия – это основа архитектуры и единственная наука, способная измерить и взвесить все мироздание. Масону объясняют, что было время, когда франкмасонство называли *геометрией*, что это были понятия-синонимы, как говорилось в масонской конституции 1723 г. Значимость геометрии для

современного масонства вне сомнения. Но так ли это было в эпоху тайного масонства?

Первый ответ на вопрос нам дает та манера, в которой происходит посвящение в степень товарища братства масонов. Геометрии не отводится никакой роли в самом ритуале посвящения, однако она играет роль, и роль существенную, в следующей за посвящением лекции. От этого складывается впечатление, что тема эта в определенный момент стала неким новым наслоением. Когда и зачем?

Истинной целью тайного масонства были защита и взаимопомощь людей, вызвавших немилость Церкви и государства, особенно когда Римская католическая церковь представляла государственную религию. Вот в этом и заключено решение вопроса. Из-за теоретических расхождений с Церковью и страха тяжких преследований несколько столетий франкмасонство существовало в условиях строгой секретности. Это и послужило определяющим моментом в формировании отношения масонства к официальной религии. Затем пришло время, это было уже начало XVI в., когда гуманитарные и точные науки стали овладевать умами людей, разогревать воображение, порождать новые теории, побуждать их заниматься смелым экспериментированием.

Известно, что Католическая церковь приняла все эти новшества в штыки. Именно в это время некоторые ученые сочли благоразумным встречаться и обмениваться своими идеями в узком кругу, подальше от глаз и ушей Церкви. Ученые Лондона, Оксфорда и Кембриджа свои тайные собрания называли «невидимый колледж», который, как теперь выяснилось, существовал при масонских ложах в этих городах. Их первая встреча состоялась в 1645 г., через три года после смерти Галилея. Человек, которому суждено было стать самым видным участником этой компании, Кристофер Рен, был тогда еще юношей. В 1660 г., в период открыто протестантского правления Карла II, эта группа почувствовала себя настолько уверенно, что обратилась к королю с петицией о разрешении создать научное общество, что и было им даровано в 1662 г. Своему учреждению они дали имя «Королевское общество Лондона за улучшение естественных наук», но оно стало известным и существует по сей день как Королевское общество.

Когда в 1717 г., ровно через 55 лет, объявились масоны, то оказалось, что Королевское общество просто филиал масонской ложи, потому что практически все основатели его были вольными каменщиками.

Но еще до выхода масонов на белый свет произошло событие, которое вынудило ученых мужей оставить свои науки и заняться практическими делами. В 1666 г. в Лондоне произошел большой пожар, уничтоживший почти весь город. Надо было срочно поднимать столицу государства из пепла, и через год парламент принял ряд законов, содействующих привлечению в Лондон строителей всех видов и профессий. Им давались гражданство и права свободных лондонцев, а членства в какой-то гильдии даже не требовалось.

Масон Кристофер Рен, француз по происхождению, стал основателем Королевского общества в возрасте двадцати восьми лет. К архитектуре прямого отношения он не имел. По образованию он был математиком, занимался геометрией и был профессором астрономии в Оксфорде. В годину тяжелых испытаний для всей страны он с головой ушел в проблему восстановления и строительства Лондона. Пожар уничтожил 87 храмов, и Рен выступил главным архитектором в строительстве и восстановлении 51 храма на месте разрушенных.

Именно знание геометрии принесло Рену громкую славу как человеку, перестроившему кафедральный собор Святого Павла. Когда смотришь на величественный купол собора на фоне лондонского неба, и в голову не приходит, что это просто обитый свинцом деревянный каркас. Но этот каркас покоится на мощном усеченном каменном конусе, опирающемся на массивную кирпичную полусферу. Конструкция купола собора – триумф классической геометрии. Строительство собора было завершено в 1711 г., за шесть лет до выхода масонства на свет.

Пятьдесят пять лет, что предшествовали появлению открытого масонства, ученые, инженеры, математики, архитекторы, геометры были героями эпохи; они-то и делали погоду в секретном масонском ордене, в котором большинство состояло членами. Не отставали от англичан и шотландские масоны. Вскоре после большого пожара в Лондоне такой же пожар уничтожил Эдинбург. Это побудило власти принять закон, по которому в городе разрешалось строить только каменные здания.

Завершим наш рассказ описанием. Существует картина с изображением последнего осуществленного проекта Рена – Морского госпиталя в Гринвиче. Проект госпиталя был одобрен королевой Марией и построен после ее смерти протестантским королем Вильямом. Величественное здание украшает аллегорическое изображение сидящих на троне Марии и Вильяма, окруженных множеством разных фигур. Ниже херувим держит проект собора Святого Павла – дань уважения строителю госпиталя. Другой херувим в одной руке сжимает циркуль, а в другой – угольник. Неподалеку от херувимов лежит на боку папская тиара. Конституция Великой ложи была написана в Лондоне учеными и архитекторами, самыми влиятельными и почетными ее членами. Они создали на века марку франкмасонства, вкрапив в нее символ своей главной работы. Они соединили масонство с геометрией, добавив к циркулю и треугольнику букву «G». Их положение в масонстве, уважение к геометрии и архитектуре стали доминирующими чертами публичного масонства, а их романтизм, предрасположенность к драматизации и фантазированию

побудили включить и геометрию в масонскую идею восстановления храма Соломона. Они просто не учли, что во времена Соломона ни геометрии, ни самой буквы «G» не существовало. Их научные занятия не имели ничего общего с истоками масонства, но стали хорошим напоминанием о тех временах, когда науке потребовалось то, что тайное масонство требовало от своих членов. – всемерная защита против общего врага.

Древние символы масонского братства – баранья шкура и перчатки, круг на полу, черно-белая мозаичная кладка, хождение по кругу ложи, циркуль и треугольник, скрытые в печати Соломона, – все это тесно связано с рыцарями-тамплиерами и к происхождению масонства имеет прямое и непосредственное отношение.

Теперь время обратиться к самым зловещим страницам масонства – жестоким карам, настигавшим нарушивших клятвы посвящения.

Глава 19 **Тайна кровавых клятв**

Чаще всего подвергаются нападкам антимасонских авторов ужасные кары, перечисляемые в клятвах масонов всех степеней. Эти кары, которым готов подвергнуться в случае предательства масонской организации вступающий в нее новый член, много раз клеймились как кровавые, жестокие, отвратительные, нецивилизованные, безбожные, нехристианские, мерзкие и так далее, хотя, кажется, уже исчерпан весь словарный запас осуждений и порицаний. И в самом деле, вырывание языка с корнем, изъятие из груди сердца, рассечение тела надвое и сожжение внутренностей выглядят каким-то сверхубийством и, конечно, не вяжутся с законами и нравами, религиозными догматами любой цивилизованной страны, представители которой охотно вступают в масонское братство. Было время, когда масонству в Америке угрожал полный запрет на основе обвинения в убийствах, настолько описание ужасающих кар масонского возмездия шокировало общественность, вызвав настоящую волну негодования.

13 марта 1826 г. житель Батавии, штат Нью-Йорк, Уильям Морган подписал контракт на издание своей книжки, в которой, как обещал автор, будут раскрыты условные рукопожатия, сигналы, ритуалы и прочие тайны франкмасонов. Это известие повергло в ужас членов местной масонской ложи. Типографию сожгли, а самого Моргана арестовали и посадили в тюрьму за неуплату долга, как он выразился, «на этой волне буйства». Незвестный благодетель уплатил долги Моргана, но, когда тот выходил из тюрьмы, его схватили уже поджидавшие его люди, затолкали в повозку и увезли на север. Его доставили в заброшенный форт Ниагара и держали там под замком. Потом это стало известно от пяти масонов, которые признались в похищении и задержании человека. По масонской версии, далее Морган был освобожден или бежал и скрылся где-то в Канаде. Антимасонская версия гласила, что похитители посадили его в лодку, привязали к нему тяжелый камень и сбросили за борт. Многие масоны, как и большинство обычных людей, считали, что Морган был убит за попытку разгласить тайны масонов. Но так или иначе, этот человек бесследно исчез.

Следом за этими событиями были проведены следствие, аресты и судебное разбирательство, в ходе чего выяснилось, что местный шериф, судья и некоторые члены жюри были масонами. Масонами были также и шерифы тех городов, через которые провозили похищенного Моргана. Масоном был и государственный секретарь Соединенных Штатов, а губернатор Нью-Йорка Д. Клинтон принадлежал к масонству в прошлом. Получалось, что теневым правительством США являлось франкмасонство.

Состоялся большой съезд масонов, осудивший убийство Моргана, и тысячи франкмасонов прекратили свое членство в ордена. Была организована национальная антимасонская политическая партия с официальным сбором средств в ее фонд, собственной газетой и первым национальным съездом, на котором ею был выдвинут свой кандидат в президенты. Самым ярким противником масонства выступил конгрессмен Джон Квинси Адамс, бывший шестым президентом США. Масоны утверждали, что, поднимая шум вокруг убийства Моргана, Адамс мстит франкмасонам за то, что ему было отказано в повторном избрании на пост президента в результате дутрой популярности и махинаций франкмасона Эндрю Джексона, занявшего этот пост.

Как бы то ни было, Адамс не упускал случая обвинить масонов в убийстве Моргана, подчеркивая, что это злодеяние обусловлено бесчеловечными законами ордена. Он обращался ко всем масонам с призывом выйти из лож. Из его писем, написанных против вольных каменщиков, можно было бы составить целую книгу. В письме, датированном 22 сентября 1831 г., он суммирует свое мнение о масонских клятвах и их влиянии на само братство: «Жестокие и бесчеловечные наказания одинаково мерзки мягкой душе христианина и равенству свободных людей. Исполнение таких наказаний строго запрещено Биллем о правах Великобритании, однако тысячи ее граждан именем Бога арестовываются и подвергаются пыткам, на которые инстинктивно не решаются даже дикари-каннибалы.

Поэтому я считаю, после раскрытия преступлений, связанных с убийством Моргана, и разглашения

масонских клятв и предусмотренных ими мер наказания, прямым долгом масонского ордена в Соединенных Штатах должен быть либо самороспуск, либо исключение из устава организации всяких клятв, наказаний, тайн и таких странных к ним приложений, как мистерии и пышные торжества».

Самый выдающийся представитель антимасонской партии, Адамс считал, что «дело против масонов» не должно быть инициативой отдельных личностей, а должно проводиться организованно и централизованно. Он считал, что представление о том, что масонам противостоят какие-то люди, недовольные ими, только позволит масонской организации ускользнуть от ответственности, сорваться с крючка его партии. В письме пенсильванскому политику Ричарду Рошу он давал такой совет: «Если говорить о конечной цели антимасонской кампании, то нам необходимо требовать *запрещения масонства в Соединенных Штатах*, и будет существенным достижением, если мы полностью убедим народ, что эти преступления действительно совершены и повинны в них масоны».

Поначалу казалось, что Адамс близок к достижению своей цели, потому что нового пополнения на смену членов, вышедших из ордена во время антимасонской кампании, не было. Книга Моргана была выпущена издателем, восстановившим сожженную типографию в следующем, 1827 г., с таким подзаголовком: «Описание масонства одним из членов братства, посвятившим изучению предмета тридцать лет», и эпитафией «Господь сказал, да будет свет, и стал свет». Откровения относительно содержания кровавых клятв ускорили ход событий, антимасонская партия увеличила свою численность. Среди покупателей книги совершенно неожиданно оказались Мастера лож, заинтересовавшиеся изданием в связи с тем, что там были описаны сценарии разных ритуалов, которые до сих пор проводились по устным преданиям и слухам. Таким образом, книга Моргана стала первым авторитетным изданием по проведению всего комплекса посвящений. Она перепечатывается и по сей день, правда под более кратким (и более завлекательным) заглавием «Франкмасонство, как оно есть».

Антимасонская партия со временем захирела, а вольные каменщики быстро восстановили свои силы, хотя критика масонских клятв не прекратилась, а даже, наоборот, усилилась. В 1869 г. вышла книга преподобного К. Г. Финни, президента Оберлинского колледжа в Огайо. Если Адамс нападал на клятвы масонов с политических позиций, то Финни сделал это с вероучительной стороны. В предисловии, объясняя цель своей книги, Финни, в частности, пишет: «Мне бы хотелось, если это возможно, обратиться к масонской молодежи, чтобы она задумалась над неизбежными последствиями такой страшной игры с этими грозными клятвами, которые постоянно произносятся в масонских ложах. Подобные проклятия в конечном счете, а иначе и быть не может, повергают в печаль Святой Дух, ужесточают совесть и превращают сердце в камень». В главе «Страшное богохульство масонских клятв» после рассуждения о карах благочинный Финни пишет: «Мне просто делается дурно от этих омерзительных и кощунственных подробностей; и я боюсь повергнуть своих читателей в ужас, который испытываю сам. При чтении этих клятв создается впечатление, что масонская ложа – это собрания, на которых люди совершают самые отвратительные богохульства, на какие только способен человек, смеются и издеваются над всем святым, соревнуясь между собой в полном и окончательном презрении к любой форме моральной ответственности. Эти клятвы звучат так, будто люди, их произносящие, вознамерились уничтожить свой разум и потерять способность различать добро и зло; без сомнения, если они не видят ничего дурного в том, чтобы клясться, принимая на себя такие наказания, то вольно или невольно они совершенно теряют чувство меры, что сказывается и на характере их поведения. Повторяя эти кощунства, они ослепляют себя».

Затем Финни продолжает свое обсуждение масонских клятв: «Все-таки надо понять, значат ли что-то эти клятвы или ничего не значат. Давая такие клятвы, намерены ли масоны следовать им или нет? Если последнее, то подобные клятвы – кощунство. Если же они собираются исполнять их, то это значит, что они обязуются совершать деяния, в высшей мере вредные для общества, для правительства и для Церкви Господа нашего. Каждый человек, принявший на себя такие обязательства, обязан осуществить страшное убийство, притом не того, кто выдал тайну, а всякого, кто нарушил любое положение этой клятвы».

Заявление страстное, но не по существу. Ни один масон не обязуется навлечь на кого-то смерть, речь идет о его собственной голове. Ни в каких клятвах не говорится ни о каком-то человеке, ни о какой-то власти, которые должны осуществить наказание, а поскольку клятва приносится на Библии (либо на другом Священном Писании), то совершенно понятно, что исполнение приговора возлагается на Бога, тогда как нарушитель клятвы обязуется принять этот приговор как справедливое возмездие. Обращение к Господу с подобной клятвой было распространено в Средние века, прибегают к нему и в наше время, говоря: «Покарай меня Господь, если я говорю неправду!»

Экс-президент Адамс, очевидно, был прав, говоря, что по клятве посвящения в основную масонскую степень определяются наказания, «на которые инстинктивно не решаются даже дикари-каннибалы». Однако вполне цивилизованные христиане в XIV в. к таким наказаниям относились запросто, бывали и похуже. Что касается вырывания языка, то во время эпидемии «черной смерти» по указу французского короля это делалось за третье богохульство, а за первые два отрезались сначала верхняя, а потом нижняя губа. Перерезание горла было самым распространенным способом избавиться от пленника, а также

смертной казнью, принятой на Востоке. В музеях и сегодня можно увидеть документальные фотоснимки проведения такой казни в Хиве еще в 20-е годы XX в.

Наконец, наказание Мастера масонов, представляющееся на первый взгляд непревзойденным по своей жестокости, кажется далеко не таким страшным по сравнению с казнями, которым были подвергнуты участники крестьянского восстания. Рассечение тела надвое влечет неминуемую смерть, а сожжение внутренностей носит чисто ритуальный характер, тогда как в действительности пытки были еще ужаснее: королевские палачи надрезали живот жертвы, вытягивали внутренности на лежавшие тут же горячие угли и жгли их на глазах еще живого человека, чтобы усилить его мучения. Лишь потом казнимому отрубали голову и четвертовали.

Содержится ли в этом сравнении оправдание жестокости наказания масонов? Разумеется, нет. Такая чудовищная жестокость выходит за рамки нашего современного опыта и представления. Но если клятвы масонов уходят корнями в историю тамплиеров, их смысл не кажется каким-то невероятным преувеличением. Загадкой остается то, что франкмасоны продолжают настойчиво твердить о таких наказаниях, возможности осуществления которых уже давно нет, смысл которых утерян. Тут все дело в традиции. В нашем быстро меняющемся мире следование вещам, которые остаются неизменными, дает ощущение надежности и безопасности. Вряд ли кто-то из масонов верит, что на него обрушатся все эти чудовищные кары, и всякий новичок просто сбежал бы, если бы оказалось, что он может быть причастен к осуществлению такого наказания.

Тексты масонских клятв были сформулированы во времена Средневековья, когда, предав брата-тамплиера, человек обрекал его не только на смерть и лишение имущества, но и на такие невыразимые страдания, которые совершенно официально назначались за ересь. В масонских клятвах отражены именно эти наказания, бывшие продуктом своего времени, то есть времени преследования тамплиеров. Содержание масонских клятв – еще одно косвенное доказательство происхождения масонских организаций от беглых рыцарей ордена.

Глава 20

Тайна религиозных взглядов

Вольные каменщики постоянно утверждают, что масонство не следует считать религией, однако главным условием приема в члены масонской организации является вера в Бога. Кандидат должен заверить, что он не атеист и верит в Высшее Существо, в жизнь вечную и в бессмертие души. Каким образом масон принимает Высшее Существо и как Ему поклоняется – это его личное дело, как и понимание вечной жизни и ее достижения. Никто из братьев-масонов не вправе разубеждать его в верованиях. Это правило закреплено в масонских ложах запретом всяких дискуссий по вопросам вероучения.

Монотеизм является у масонов основополагающим требованием. Несколько лет назад Британская масонская ложа в Индии отказала в приеме видному индийскому деятелю на том основании, что он последователь индуизма – политеистической религии, почитающей Вишну, Шиву, Кали и другие божества. Дело было передано в Великую ложу в Лондон, где пришли к такому выводу: все перечисленные божества, в сущности, олицетворяют одно Высшее Существо. Индуиста приняли в ложу.

Вольные каменщики почитают храм Соломона как первый храм, посвященный единому Богу (с известными извинениями в адрес Авраама). Католическая церковь с пониманием относится к монотеизму масонов, поскольку сама признает триединого Бога – Святую Троицу. Может быть, масонство является единственным чисто монотеистическим учением, поскольку в теории масонства нет упоминания о дьяволе или сатане. В христианстве по этому вопросу существует определенная двойственность: Бог как воплощение добра и сатана как воплощение всякого зла, который тоже имеет определенную, хотя и ограниченную власть. Отрицать существование сатаны считается ересью, признавать его богом зла – тоже ересь, но какова бы ни была роль дьявола, масоны просто оставляют его без внимания. Отклоняя любые сугубо личные верования, масон твердо стоит на такой точке зрения: все грехи человека – это его личные моральные промахи, а не идущее извне демоническое зло, которое понуждает жить в грехе.

Соответственно, масоны склонны считать, что человек должен стремиться к возрождению и к бессмертию путем личных заслуг и творением добра. Поскольку франкмасонство открыто для людей любой религии, братство не берется за решение вопроса духовного спасения человека, как и других вопросов веры отдельного масона: он может разделять взгляды религиозной организации, но может считать, что его вера касается только лично его, как считали Томас Джефферсон или Джон Локк, лишь бы у него была вера в Высшее Существо, Бога. Поэтому в масонскую организацию принимаются евреи, мусульмане, сикхи и представители всех других религий, приносящих клятву на своем Святом Писании.

Отношение к представителям других монотеистических конфессий как к братьям также было поводом для многочисленных нападков, которые продолжаются и поныне (заметим, что ту же критику можно адресовать и такой почтенной организации, как Всемирный совет церквей). При этом религиозная

толерантность не может служить основанием считать масонское требование веры во Всевышнего каким-то преходящим, временным правилом ордена. Когда в 1847 г. французские масоны объявили, что вера в Бога больше не является обязательным условием членства в ордене и что атеисты тоже будут приниматься в ложу, масоны Англии и Америки немедленно выступили против этого заявления и прервали всякие формальные отношения с французскими ложами.

Примерно в то же время прусское масонство получило подтверждение важности принципа толерантности. Вот как это случилось. В 1846 г. Великая ложа Англии расследовала жалобу на то, что прусским евреям было отказано в участии в собраниях ложи. Берлинская Великая ложа в ответ на соответствующий вопрос сообщила, что решила ограничить членство в ложе одними христианами, хотя среди членов ложи были и евреи. Великая ложа Англии сразу прервала отношения с прусской ложей, что заставило прусских масонов одуматься и вернуться к принципу толерантности, после чего евреи стали снова участвовать в собраниях ложи.

Если внимательно рассмотреть отношение масонства к религии, то можно сделать такой вывод: не являясь религией, масонство сближает людей разных верований, объединяет их, учит жить в обществе братства и взаимного уважения. В Старой хартии масонства есть упоминание о людях, разъединенных религиозными взглядами. Заметим, что этот документ относится к XIV в., когда законы мирской и церковной власти никаких расхождений на этой почве не допускали. Все люди обязаны были придерживаться одной веры, учрежденной, внедренной в сознание и охраняемой единственно истинной Римско-католической церковью. Старая хартия масонства говорит далее, что и в этих условиях были люди, не согласные с учением Римской церкви, и они сочувствовали друг другу и оказывали взаимную поддержку. Масонство как раз и являет собой пример помощи и поддержки тех, чья вера ставит их в опасное положение. Если взять во внимание первоначальную концепцию братства представителей разных религий, то главным источником угрозы для них оказывается Католическая церковь, которая всегда тесно соприкасалась с государством. Однако в такие не столь отдаленные времена, как правление Елизаветы I, более трех сотен католиков были отправлены на плаху за то, что не отреклись от Святого Престола, хотя казнены они были по обвинению в «предательстве короны».

В свете сказанного нужны ли объяснения, откуда тайные организации Британии получали пополнение на протяжении многих сотен лет!

И все же ряд событий, случившихся уже после выхода масонства из подполья, заставляют задавать вопросы об отношении масонов к религии, а равно о причинах выживания ордена на протяжении долгих лет религиозных распрей.

К таким событиям относится проект конституции ложи, первый вариант которой был завершён к 1723 г. Главным автором проекта был д-р Андерсон, который по поводу религии масонства выразился так: «Сейчас условие религиозности лучше всего выразить в такой форме, чтобы все с этим были согласны, а все частные мнения на сей счет держали при себе». Все противники масонства сразу заявили, что тем самым д-р Андерсон «дехристианизировал» масонство, куда до этого якобы принимались исключительно христиане (что, впрочем, ничем не подтверждается). Однако есть все основания считать, что идея «религии, с которой все согласны», никак не может быть приписана одному д-ру Андерсону, который вряд ли стал бы свое личное высказывание делать от имени всего ордена, во всяком случае, такого права у него не было.

За несколько лет до этого у графа Шефтсбери, Энтони Эшли Купера, был такой разговор с некой дамой на одном из светских раутов.

- Люди здравомыслящие, если говорить серьезно, принадлежат к одной религии, – сказал граф.
- Помилуйте, милорд, что это за религия, с которой здравомыслящие люди соглашаются?
- Мадам, – ответил граф, – здравомыслящие люди это никогда не обсуждают.

Чтобы не посчитать этот любопытный разговор еще одним случайным совпадением, которое можно не принимать во внимание, надо сказать, что лорд Шефтсбери был одним из известных философов-деистов того времени и, скорее всего, сам был масоном. Он близко сотрудничал с Джоном Локком, разработавшим конституцию для штата Южная Каролина, образованного по предложению Шефтсбери. В конституции Локка было записано, что гражданин новой колонии обязан открыто исповедовать веру в Бога, но закон защищал гражданина от какого-либо вмешательства в то, как он поклоняется Всевышнему. Кроме того, по конституции были запрещены гражданские денежные иски. Оба эти положения носят чисто масонский характер. Шефтсбери умер в 1683 г., за сорок лет до того, как д-р Андерсон воспроизвел взгляд графа на религию в масонской конституции 1723 г. Обвинять масонство в преднамеренной дехристианизации в 1723 г., разумеется, нелепо.

Очередную путаницу в вопрос о взаимоотношениях масонства и религии внесло создание своеобразной мистической атмосферы при проведении соответствующих церемоний в помещении лож при публичных мероприятиях. Когда ложи из таверн и кабаков переместились в специально построенные здания, там вскоре появились органы, стали сочиняться гимны, которые распевались братьями ордена. Похороны масонов стали проводиться с демонстрацией всех масонских регалий. Отпевания некоторых

членов ложи совершались в протестантских храмах, и как только пастор заканчивал церемонию, за дело брался масон и начинал отправление своего ритуала. С одной стороны, это выглядело как своеобразное богослужение, на котором люди разных исповеданий могут молиться сообща. С другой стороны, в протестантском храме с собственным приходом масон проводил ритуал, сопровождавшийся исполнением гимнов и молитв, что создавало впечатление, будто масонство – это какая-то особая религиозная конфессия. В конце концов масоны решили сгладить свою религиозную окраску и запретили проведение служб в масонских регалиях. Короче говоря, религиозные требования масонства очень просты: вера во Всевышнего и свобода от всякого вмешательства в проявление этой веры и порядок поклонения. Масонство можно отнести к организациям нерелигиозного толка по довольно простой причине. Если каждая религиозная конфессия претендует быть единственной истинной, подвергая той или иной критике любую другую, то масоны считают, что у каждой монотеистической религии есть своя правда в понимании и восприятии Бога, но отказываются видеть в какой бы то ни было конфессии полную истинность.

Что касается критиков масонства, то они основываются на одном из следующих утверждений: а) масонство является религией, б) масонство не является религией в полном смысле слова и должно принять некоторые христианские постулаты (какие именно, зависит от позиции критика), в) кровавые клятвы масонов противны Богу и противозаконны.

Если сопоставить религиозные аспекты масонства с гипотетической реконструкцией взглядов беглых тамплиеров, то окажется, что специфика взглядов масонства на религию вполне им соответствует. Именно такие принципы и должны были сложиться у тех, кого вероломно отбросила от себя Римская католическая церковь. Старая хартия масонства совершенно четко свидетельствует об обществе взаимной защиты и помощи, которое не только допускало, но и обеспечивало укрытие для всякого, кого преследовала Церковь. Особо следует обратить внимание на то, что Церковь проводила и другие групповые чистки еретиков в ходе многочисленных внутренних «крестовых походов» на континенте, но ни одна из этих групп не имела таких специфических отношений с Церковью, как английские тамплиеры, и нигде до 1717 г., помимо Британских островов, никаких масонов не объявлялось.

Достаточно загадочна и полная географическая изолированность масонов на протяжении многих столетий, и это лишний раз подтверждает их происхождение от тамплиеров Англии, единственных, кто имел трехмесячную отсрочку для спасения, будучи уведомленными о предстоящих арестах. Англия оказалась единственной страной, которая не позволила инквизиторам устроить на своей земле пыточные заведения.

Остается еще одна загадка, касающаяся 1717 г. Почему вольные каменщики легализовались именно в это время, а не пятьюдесятью годами раньше или позже? Ответ на этот вопрос поможет нам окончательно доказать, что основанное на разогнанном Ордене тамплиеров масонство существовало за счет людей, находившихся в противостоянии к Католической церкви.

Мы вернемся к рассмотрению этой важной даты, но предварительно попытаемся выяснить смысл и значение самого важного ритуала масонов – мистерии убийства Мастера.

Глава 21

Как складывалась легенда о Хираме-Абифе

Приступая к легенде о Хираме-Абифе, возьмем на заметку, что в тайном масонстве Мастер был знатоком людей, а не специалистом в искусстве или ремесле. Основу Масонского ордена составляли товарищи братства, полноправные члены ложи, и кандидаты в масоны. Надежность и проверенность последних еще не удовлетворяли требованиям их приема в полноправные члены. Большинство этих кандидатов знали только членов своей ложи или ячейки. Мастера были руководителями лож, расположенных на определенных территориях, что требовало поддержания постоянной связи между ними. Такая связь, а порой тайные общие собрания Мастеров были совершенно необходимы для выработки слаженных действий и общих правил. Именно Мастерам приходилось договариваться о контрольных рукопожатиях, сигналах, жестах, о паролях и условных диалогах, с помощью которых масоны могли опознавать друг друга, получать помощь и сохранять безопасность. Если же возникало подозрение, что система безопасности дала трещину, необходимо было срочно менять сигналы, а значит, вновь устраивать встречи, договариваться, а затем распространять новые указания среди своих членов. Таким образом, Мастера были самыми важными членами братства, и в то же время они подвергались наибольшей опасности разоблачения. Братья, круг знакомств которых был ограничен одной ложью, попадали они за решетку или на дыбу, могли выдать только членов своей ячейки. Мастер, открыв имена других Мастеров, ставил под угрозу существование всего общества, потому что обладал самой широкой информацией, включая имена и местонахождение других Мастеров. Вот почему только Мастер мог подать сигнал большой тревоги или бедствия, и только он знал пароль вызова помощи в темноте тех, кто эту помощь мог оказать: «Господи Боже, нет ли тут кого, кто поможет сыну вдовы?»

Только Мастер мог назвать себя «сыном вдовы». Он продолжал линию, которая была прервана гибелью Великого Мастера Хирама-Абифа. В церемониальной мистерии посвящения новоиспеченному Мастеру выпадает роль Хирама-Абифа, в которой он имитирует его действия. Великий Мастер сводит на нет все попытки трех посягателей заполучить тайны Мастера, и они по неразумению убивают его, так и не завершившего сооружение храма.

Продолжение истории Великого Мастера и строителя храма, создание своего рода бессмертной мечты было осуществлено теми, кто пришел после него, и все это символизируется веточкой акации, ставшей символом вечной жизни задолго до христианства.

Акация стала знаком Хирама-Абифа не случайно. Дело в том, что Бог повелел именно из вечнозеленой акации возвести Арку Завета, которая должна была стоять в святой святых храма Соломона, где Великий Мастер раздумывал над планом работ на следующий день. На акации паразитировала омела, тоже вечнозеленое растение с красными ягодами. Это растение плодоносило даже зимой, являя еще более яркий признак бессмертия. И многие считают, что акация, покрытая огненными ягодами омелы, и есть та «купина неопалимая», о которой говорится в Ветхом Завете. И еще одно: египетская акация цветет как белыми, так и красными цветами. Не напоминает ли это белый плащ тамплиера с красным крестом на нем?

Бессмертие Хирама-Абифа заключено не в вечной жизни его души на небесах, а в умах и телах тех Мастеров, которые пришли следом за ним, чтобы стать на его место и завершить дело Великого Мастера. Обязанность Мастеров – планировать деятельность «рабочих», кандидатов и товарищей братства, и руководить ими в достижении главной цели Хирама – завершении строительства храма Соломона.

Эта легенда имеет весьма отдаленное отношение к библейской истории. Согласно Писанию, Хирам был не архитектором, а литейщиком меди и бронзы. Его не убили, и он дожил до того момента, когда строительство храма было завершено, после чего отправился домой.

Объяснение сути масонства и его происхождение заключено не в Библии, а в аллегорическом переложении библейского сюжета.

Исследуя британскую историю в поисках незавершенного строителями храма, ставшего основой мифологии английского тайного общества, мы вышли на один-единственный адрес, за которым стоял религиозный монашеский орден, часто называвшийся просто «Храм». Жак де Моле, как и его предшественники, подписывали документы Ордена тамплиеров *Magister Templi* – «Мастер (Магистр) храма». И этот храм, взявший имя Соломона, тоже был не окончен из-за убийства его мастеров, у которых выпытывали секреты трое убийц, в конце концов сживших мастеров со света. Это были не Иувела, Иувело и Иувелум, а Филипп Красивый, король Франции, папа Климент V и Орден рыцарей-госпитальеров Святого Иоанна Крестителя. Католические источники, касаясь преследования тамплиеров, утверждают, что убийцей рыцарей-тамплиеров был французский король, он один проделал грязную работу и подговорил папу помочь ему. Эту версию Церковь отстаивает и по сей день, но исторические факты говорят обратное, в чем можно убедиться, если заглянуть в начало этой книги.

Когда Эдуард II отказался пытать тамплиеров, папа передал это дело в руки тестя Эдуарда, французского короля: никто не заставлял Климента V посылать в Англию инквизиторов – мастеров пытки. Папа мог оставить в покое оправданных тамплиеров на Кипре, и никто не заставлял его учинять над ними новый суд и посылать гуда команду палачей с указанием в случае нужды привлечь на помощь доминиканцев и францисканцев. Добавим к этому, что именно папа помешал французскому королю поставить своего человека во главе объединенного Ордена госпитальеров-тамплиеров с правом распоряжаться всем их имуществом. И если бы папа Климент V был только марионеткой в руках Филиппа, как пытаются убедить нас католические историки, владельцем собственности тамплиеров во Франции стал бы король, а не иоанниты-госпитальеры. Папа был значительно тверже или упрямее, чем пытаются его представить, и весь план задумывался и осуществлялся именно им совместно с иоаннитами.

Орден госпитальеров-иоаннитов благополучно избежал всяких нападков и притеснений, потому что вел себя тихо и незаметно, на что у него были веские причины, ибо его роль и вознаграждение были оговорены заранее. Хорошо известно, что папа выступал за объединение двух орденов и уже решил, что возглавит объединенный орден Мастер иоаннитов Фульк де Виларет. Тамплиеры на Кипре были осведомлены о серьезных планах слить оба ордена в один и подготовили письменный протест. Иоанниты, находившиеся на том же острове, не могли не знать об этих планах, но никакой тревоги на этот счет ни устно, ни письменно не высказывали. Заметим также, что де Виларет не явился на встречу во Францию, и никаких выражений недовольства папы его отсутствием в документах не значится. И это понятно: его приезд был совершенно излишним, если бы между представителями орденов возникли разногласия, а папа уже решил для себя, что вся игра будет вестись в пользу иоаннитов. У иоаннитов не только не было никаких возражений против слияния орденов, они даже не попытались заступиться за тамплиеров, когда тех стали хватать и бросать в пыточные камеры. Они просто стояли в сторонке и ждали того момента, когда Климент V, к великому неудовольствию короля Филиппа, объявит все конфискованное имущество тамплиеров собственностью иоаннитов, а всех освобожденных тамплиеров переведет в Орден

иоаннитов, тем самым осуществив де-факто слияние двух орденов в один, что было им давно задумано и осуществлено по стовору с иоаннитами. Папа и Орден иоаннитов вместе перехитрили Филиппа с его корыстными намерениями, и, без сомнения, Орден иоаннитов выступал в роли одного из трех убийц Ордена тамплиеров.

Как известно, согласно легенде о Хираме, его убийцы были наказаны, «поставлены к Джубе». Что касается Франции, то войны с Англией у нее были и до и после разгона тамплиеров, но наказаны должны были быть и иоанниты, что и произошло во время крестьянского восстания, когда был казнен глава иоаннитов. Это был акт отмщения во время и под видом политических беспорядков. Что касается Святого Престола, то вскормленное тамплиерами подпольное движение было, вероятно, самым грозным противником Католической церкви на Британских островах накануне, во время и после Реформации. Еще пять столетий спустя после разгона тамплиеров папы продолжали клеймить вольных каменщиков за их толерантность, а главное – за непризнание Католической церкви единственно праведной. В тайном масонстве религиозные раскольники, сектанты и протестанты обрели мощную организацию, которая им помогала, скрывала их, связывала с единомышленниками. А со временем конфликт папства с королями, народами, с собственным духовенством давал масонской организации неисчерпаемый резерв новых рекрутов в тайное общество, в котором каждому позволялось молиться Богу по-своему. Всем трем убийцам Ордена тамплиеров пришлось горько пожалеть о том, что они сделали с бородатыми рыцарями.

Главная тайна легенды о Хираме-Абифе – это личность, «которой не стало». Ряд историков масонства воспринимают эту аллегория буквально и говорят о потерянном «слове» Великого Мастера, о «секретах» Мастера и всегда при этом впадают в ошибку. Что действительно тамплиеры утратили – это богатство, уважение и власть. Если рассуждать в стиле аллегорий, то утрачен был зодчий, автор плана строительства, без которого нельзя завершить возведение храма и двигаться далее. Человек, посвящаемый в степень Мастера, вышедшими на сцену убийцами был превращен в другого Хирама-Абифа. Его роль исполняют все Мастера масонов и становятся *храмами* (так масоны порой называют друг друга). Мастер – «сын вдовы», и на его плечах лежит задача восстановить то, что было утеряно: руководство, управление, необходимую работу для «завершения» строительства (Ордена) Храма, которое было грубо оборвано жестоким избиением и убийствами.

Легенда о Хираме-Абифе говорит еще и о следующем: две организации обрели главный, определяющий символ в храме Соломона, и это не было случайным совпадением, потому что одна из них породила другую. В этой символической заключен смысл преемственности франкмасонства от Ордена тамплиеров. Храм не был завершен из-за смерти Великого Мастера. Посвящаемый в содержание этой легенды становится Великим Мастером и принимается за решение задачи по завершению строительства храма. В этом смысле вольный каменщик не «действующий» масон с инструментами в руках, не «воображаемый» каменщик, приставший к гильдии в качестве стороннего наблюдателя. Это скорее *символический* каменщик, строительная задача которого – не возводить конкретное здание, а обеспечить выживание и дальнейший рост символического Храма, Ордена бедных товарищей-воинов Христа и Храма Соломона – Ордена рыцарей-тамплиеров.

Реальные истоки масонства затерялись во времени, а потом и вовсе забылись; франкмасоны остались лишь аллегорией и создали фантастический мир, заложив легенду в свой фундамент. Один из масонских авторов признался, что онемел от удивления, когда узнал, что масоны более двух тысячелетий хранили детали храма Соломона, которые ускользнули от внимания авторов Ветхого Завета. Сказание о Хираме-Абифе подавалось не как легенда, а как изложение исторического факта.

Приняв Хирама-Абифа за реальную личность, франкмасоны из поколения в поколение считали, что орден был основан самими строителями храма Соломона. Храм стал объектом поклонения масонов и их гордостью. Картины, изображающие его, украшают масонские ложи, некоторые вольные каменщики совершают паломничество на место, где был этот храм. Они привозят в свои ложи камешки с горы Храма или из близлежащей каменоломни, эти реликвии показываются с почтением, подобающим священным предметам. Даже теперь, много лет спустя после того, как место своего рождения масоны переместили из храма Соломона в средневековые гильдии каменщиков, некоторые из них упорно продолжают считать предком своего ордена Мастера, строившего храм Соломона.

В конце концов здравый смысл победил, и масонство пришло к заключению, что история Хирама-Абифа – это всего лишь часть масонской мифологии. Признание этого факта склонило все братство в сторону строительных профессий и ремесел. Каждый из предметов инструментария зодческого дела стал их символом, Всевышнего начали называть Великим Архитектором, строительство больших готических соборов стали приписывать исключительно масонским зодчим, а детали архитектурного декора и виды отдельных зданий вошли в масонские церемониалы.

Теперь, когда история Хирама-Абифа стала не больше чем легендой, к историческим фактам отношения не имеющей, вся накопленная строительно-ремесленная символика сохранилась, и она вводит в заблуждение исследователей происхождения и идеологии масонства. За отсутствием письменных памятников время безжалостно затемняет истоки происхождения организации и ее цели, а горячка со

строителями-каменщиками возводит на пути исследователей стену, за которую не всякий решается заглянуть. Символическая аллегория воспринимается как реальность.

У всей этой темной истории простая разгадка. Если легенда о Хираме-Абифе и масонская роль в строительстве храма Соломона всего лишь миф, каким образом этот храм стал центральным сюжетом масонских ритуалов и легенд? На этот вопрос есть ответ. Храм, так глубоко почитаемый Орденом свободных каменщиков, – это не здание, а другой орден; единственный, кто был тесно связан с этим храмом, – Орден рыцарей-тамплиеров.

Глава 22

Монахи в масонской ложе

Мы выяснили, что только две организации могут связывать свое происхождение с храмом Соломона: франкмасоны и Орден крестоносцев – тамплиеры. Множество фактов и свидетельств говорят, что это общее происхождение – не простое совпадение случайностей, а достоверный факт возникновения секретной организации на пепелище массового и популярного монашеского ордена, обреченного Церковью и мирской властью на уничтожение посредством самых жестоких методов физической расправы. Единственным способом, каким гонимые тамплиеры могли общаться и помогать друг другу, была глубокая конспирация. Такая степень секретности даже не требовала от них большого напряжения, она была их служебным долгом и обязательством. Всякого тамплиера ожидало немедленное наказание, если он разглашал хотя бы малую часть устава ордена, содержание внутренних собраний, которые проводились закрытыми и под охраной.

Однако могла ли такая дисциплина, такая безусловная тайна соблюдаться, переходя из поколения в поколение подпольной организации? Как поддерживалась связь множества людей на протяжении 400 лет, если считать от начала преследования тамплиеров в 1307 г. до публичного выхода франкмасонства в 1717 г.? Могло ли существовать обширное тайное общество, не проявив никаких признаков своего присутствия? Однако подобные признаки и свидетельства имеются, но поскольку историки даже не подозревали в них связи с тем, что позже будет называться масонством, то они и остались вырванными из общей цепи событий и необъясненными. Вернемся опять к крестьянскому восстанию 1381 г. с его таинственными «масонскими» чертами и следами организованности тамплиеров: повсеместные и яростные нападения на владения иоаннитов; необъяснимо легкий захват Тауэра без всякой цели, если не считать казни архиепископа Кентерберийского и настоятеля Ордена иоаннитов; особое отношение к главному собору тамплиеров, когда восставшие жгли и крушили все здания, кроме него. Вспомним повторяющиеся показания лидеров восстания о принадлежности к Великому обществу, которое ни один историк не попытался определить и отыскать. Если исходить из того, что масонство зародилось на основе тайного круга скрывавшихся тамплиеров, то из этого прямо следует, что Великое общество, поставившее Уолтера во главе восстания и назвавшее его Тайлером, было прямым наследником беглых тамплиеров и предшественником тайного Ордена вольных каменщиков.

Именно в этот период можно обнаружить следы существования масонства в содержании проповедей повстанческого духовенства и речах других трибунов того времени. Откуда эта яростная критика Церкви и церковной иерархии, звучавшая из уст Джона Уиклифа? Преданность христианству, но ненависть к Церкви, к Святому Престолу, характеризующие умонастроение людей, объединявшихся в раскольнические и протестантские группы, образовали считающееся историками самостоятельным тайное общество лоллардов, или «бормотунов» (из-за привычки беспрестанно бормотать молитвы). Архиепископ Кентерберийский, сменивший на посту того, чью голову отсек Уот Тайлер, заговорил о группе лоллардов в 1382 г., когда и года еще не прошло после крестьянского восстания. Он изгнал из Оксфорда сторонников этого движения и намеревался вообще раздавить его. Лолларды, однако, ему не поддались и просуществовали еще два столетия, как и другие церковные и гражданские деятели, считавшие более благоразумным скрыться на время в подполье. Лолларды стали собираться в своих тайных молельнях, сеть которых покрыла всю страну. К ним примкнули некоторые аристократы и даже члены королевской семьи. Историкам не удалось установить, сколько таких религиозных организаций было по всей стране, они просто констатировали, что их было множество. Движение просуществовало вплоть до протестантской революции, в которую внесло немалый вклад. Особенно шумно проявилось его участие в нескольких открытых выступлениях в период драматического восстания Джона Олдкастла в 1414 г. Вскоре выяснилось, что параллельное существование двух тайных организаций в относительно небольших по размерам английских городках, в изоляции друг от друга, когда их общей заботой было скрывать своих братьев от Церкви, просто неразумно. Вполне возможно, что близость целей двух сообществ обусловила создание единой тайной организации, охватывающей всю страну. Если дело обстояло именно так, то «масонство» сыграло решающую роль в протестантской революции в Англии, что, в сущности, оказалось не замеченным историками. Если утверждение о совмещении «масонских лож» и ячеек лоллардов покажется чересчур фантастичным, приведем любопытный обзор деятельности лоллардов в Лестере и его

окрестностях, как ее зафиксировал в своем дневнике Генри Найтон, каноник аббатства Святой Марии в этом городе (курсив мой. – Дж. Р.): «Вильям Смит, названный так по роду своих занятий¹

... отказался от такого блага... выучиться грамоте и стать писцом. Вокруг ходят много рыцарей, оберегая его от всяких невзгод из-за его невежества, ибо они сами проявляют рвение в служении Господу, но стоят на ошибочном пути, ибо верят тому, что несут им лживые проповедники... Они присутствуют на службах с мечами и щитами, чтобы пресечь всякие возражения против богохульства.

Ричард Уайтстейт и упомянутый Вильям Смит часто произносят заклинания в храме Святого Иоанна Крестителя за городской чертой Лестера возле больницы для прокаженных. Там собираются раскольники *на свои тайные сборища* ... ибо там был *постоялый двор и таверна* для таких проходящих, там же была их школа для зловредных учений и мнений и расчетная палата еретиков. Храм был посвящен Богу, теперь же стал пристанищем богохульников, ненавидящих святую Церковь.

Был также в Лестере священник по имени Вильям де Винерби, который призывал людей идти в отшельники, ибо сам был таковым. Он сошелся с Вильямом Смитом у храма Святого Иоанна Крестителя, что возле больницы для прокаженных, и познакомил его с другими уиклифцами... проповедовал там против священнослужителей, называя их плохими, и, как и другие сектанты, призывал прихожан, чтобы те не платили десятину нечестным, чужим и тем, кто проповедует ложное из-за своего невежества и неспособности, а другие уиклифцы говорят, что десятин – есть вольный дар и плата для грешников. Он проповедовал также, что *человек может спрашивать данное в долг, но не передавать дело в суд и не подвергать должника заключению за это*, что отлучение от Церкви за неуплату десятины есть вымогательство и что живущие не по закону Божьему – те не священники, пусть и в рясах.

Джон Буккингем, епископ Линкольнский, услышал про все это и быстро отстранил того от проповедей в часовне, в храме или на лугу, отлучил от Церкви всех его слушавших и оповестил другие о том храмы... Епископ призвал одного явиться в кафедральный храм... Там его принародно обвинили в ереси и заблуждениях и многогласно признали заслуживающим сожжения.

В тот день благочестивому герцогу Ланкастерскому *сподобилось приехать в Линкольн*, и он *часто защищает лоллардов* за их гладкие речи и хитрость, с коей называют его святым, и других понуждает думать так же. *Он убедил епископа назначить Вильяму другое наказание ...»*

Вот опять мы сталкиваемся с фактами, которые могут расцениваться как совпадения, но они выражают реальную действительность. Группа церковных раскольников и священнослужителей обосновалась вокруг храма Святого Иоанна Крестителя, покровителя масонов. Там они устраивают тайные собрания. Они проповедуют отказ от судебного преследования за денежные долги – один из главных масонских тезисов. Они организуют прием путников, разделяющих их взгляды. Их защищают местные рыцари. Когда одного проповедника признали еретиком, подлежащим сожжению на костре, «сподобился приехать» влиятельный герцог, уговоривший епископа Линкольнского смягчить свой приговор.

Если рассмотреть все описанное в совокупности, то похоже, что в Лестере в конце XIV в. действовала «масонская ложа» и она имела высоких покровителей.

Аналогичные свидетельства можно обнаружить в более поздние времена, скажем в XVII в., когда, казалось бы, о лоллардах уже и слуху не было, однако описанное ниже происшествие слишком сильно напоминает события, зафиксированные в дневнике лестерского каноника.

К. В. Ветгвуд в своей популярной истории 1637–1641 гг. правления Карла I, прозванного Королем мира, приводит такую историю: «Уильям Лод, архиепископ Кентерберийский, был обеспокоен сообщениями об участвовавших тайных собраниях по всему королевству. Его терпению пришел конец, когда в Лондоне был арестован некто Трендол, ушедший далеко от дома и проповедовавший против иерархов Церкви. Архиепископ решил в назидание другим сжечь Трендола на костре, но в Англии уже забыли, когда был сожжен последний еретик. Лод послал письмо старому архиепископу Йоркскому с просьбой описать, как это все должно проводиться. Но сожжение так и не состоялось. Так м-р Трендол избежал гибели. А известно о нем было лишь то, что был он *вольным каменщиком* из Дувра».

Кроме того, мы помним, что Джон Локк включил масонские идеи в конституцию для колонии Южная Каролина, и случилось это за полтора столетия до выхода франкмасонов на белый свет. Речь идет о запрете судебного преследования за денежный долг. (Это можно было бы считать еще одним «совпадением» из множества, если бы не тот факт, что именно Южная Каролина стала бастионом масонства в США и остается таковым по сей день. Чарльстон был портом, через который из Франции привезли шотландский обряд масонства.)

Снова углубившись в историю, чуть более близкую к нам от Локка и Лода, во времена за сто лет до открытого появления франкмасонства, мы обнаружим множество масонских идей в сочинениях Фрэнсиса Бэкона, ученого, философа и политического деятеля времен царствования Елизаветы I и Иакова I. Его идеи ни на йоту не противоречат ни принципам вольных каменщиков, ни их взглядам на науку и религию:

¹ Smith – кузнец.

в полном соответствии с товарищеским духом масонства поправлять ошибки братьев твердо, но дружески, всегда отзываться о брате благожелательно и заботиться о его репутации. Бэкон писал: «Совершенно уверен, что Свет приходит к человеку с дружеским советом, причем этот Свет яснее и чище, нежели тот, что человек достигает своим разумением и суждением... лучший способ сохранить свой ум в здравии – это наставление друга». И далее: «Человеку редко удается выставить свои заслуги с надлежащей скромностью, не превознося их сверх меры; человеку противно выпрашивать и ждать милости... Все это вызывает краску стыда у просящего, но звучит достойно в устах друга».

Еще более конкретно на эту тему Бэкон высказался в своем труде «Новая Атлантида», опубликованном в 1627 г., через год после его смерти. Сюжет сочинения Бэкона перекликается с «Утопией» Томаса Мора – неизвестный остров, населенный обществом, построенным на разумных началах, о котором поведал попавший на остров моряк с затонувшего корабля. Один из правителей острова ему сказал: «На нашем острове Бенсалема (так называется на языке островитян эта земля) все принадлежит нам. Этому помогает наша изолированность от остального мира и сохранение нашего существования в тайне, которую обязаны хранить наши путешественники и о чем мы предупреждаем своих редких гостей. Нам хорошо известна большая часть остального мира, а про нас не знает никто».

Бэкон предсказал появление «Невидимого колледжа» ученых масонов, которые основали Королевское общество и чье первое «ставшее известным» собрание состоялось в 1645 г., хотя по слухам этот «колледж» существовал задолго до этого. В рассказе о неизвестном острове фигурирует история о великом древнем короле, давшем острову мудрые законы: «Вы должны понять, мой дорогой друг, что среди прекрасных законов того короля один получил значение самого главного. Это было избрание и учреждение ордена или общества, названного *Домом Соломона*; самое высокое, как мы думаем, учреждение на всей планете и светильник нашего королевства. Оно посвящено изучению работы и творений Бога. Некоторые считают, что имя основателя Дома было искажено... но документы показывают, что его звали именно так. Мне кажется, так звали царя иудеев, который знаменит у вас и хорошо известен нам».

Далее говорится, что через каждые двенадцать лет (напоминание о двенадцати посланцах Соломона, отправленных на поиски Хирама-Абифа) два корабля посылаются в поисках новых знаний: «На каждом из кораблей будут по три брата или товарища из Соломонова дома, задача которых привезти нам вести о делах и событиях в странах, которые они посетят, и прежде всего обо всем новом в науках, искусствах, изделиях и открытиях во всем мире; они же должны доставить нам книги, приборы и образцы всяких новых вещей...»

И далее Бэкон делает типично масонское заключение: «Но, как вы могли заметить, эту торговлю мы ведем не ради золота, серебра или бриллиантов, не ради шелков или пряностей, не ради материальных приобретений; все ради первого творения Бога, коим есть Свет».

Между прочим Бэкон упоминает евреев, живущих на этом острове, которые свободны исповедовать свою религию и которые в ответ «признают за нашим Спасителем многие высокие достоинства». Это передается устами еврейского купца по имени Иоабин, имя которого Бэкон составил из имен Яхин и Боаз, как назывались колонны по сторонам входа в храм Соломона. Этими же именами названы особые масонские рукопожатия. Все это ясно свидетельствует о присутствии франкмасонства и тесной связи с такими личностями, как Дрейк, Хокинс, Рейли при дворе Елизаветы I, и о скрытом и явном отторжении попыток иезуитов и католических монархов Европы вернуть Англию в лоно Католической церкви.

Нет сомнения, что еще множество следов активности секретного общества появится на поверхности, если только исследователи английской истории обратят свое внимание на тему масонства.

Знакомые с масонской историей помнят, что на фоне практически полного отсутствия какой-нибудь документации, подтверждающей существование тайного движения, после объявления вольных каменщиков нашлось несколько свидетельств, указывающих на связь франкмасонства с тамплиерами. Это, в частности, отмечалось в недолго просуществовавшем «Строгом соблюдении» масонства, повествовавшем о бегстве тамплиеров в Шотландию и объединении там с гильдией каменщиков. Другое событие, также произошедшее во Франции, случилось, когда Жак де Моле находился в тюрьме, где он подписал документ, назначавший Иогана Маркуса Лармениуса своим преемником и Великим Мастером тамплиеров, после чего дальнейшая смена Великих Мастеров ордена, если она и происходила, оставалась глубокой тайной. Все эти факты были собраны в документе под заглавием «Хартия передачи Лармениусу», позднее признанном поддельным. Сейчас этот документ хранится в лондонском Зале масонов. Свидетельство связи тамплиеров с масонами современники усматривали и в докладах Рамсея, хотя тот явно тамплиеров не упоминал.

Сами масоны иногда решительно отвергали свою связь с рыцарями-монахами, заявляя, что это иезуитский наговор с целью навредить масонству. Действительно, подобная связь могла скомпрометировать, потому что в те времена тамплиеров обвиняли в надменности, подлогах, ереси и прочих грехах. Такое мнение о тамплиерах долго было общепринятым и особенно утвердилось в обществе после выхода «Айвенго» франкмасона Вальтера Скотта, выставившего рыцарей-тамплиеров и их

английского Великого Мастера настоящим злодеем в этом романе, а другого Мастера-тамплиера на Святой земле изобразившего законченным негодяем в романе «Талисман». Историкам будущего предстоит определить истинную роль тамплиеров и показать их не врагами, а жертвами Католической церкви, заставившей их противостоять ей.

Так или иначе идея исторической связи масонства с Орденом тамплиеров продолжала существовать, но документальных подтверждений не получала. Кое-кто из сторонников этой теории пытался выстроить довольно надуманные доказательства, но, когда правда выходила наружу, сама идея этой связи теряла остатки доверия. Так, согласно одному такому предположению, якобы тамплиеры сознательно избрали местом своего пребывания мечеть аль-Акса, поскольку она была возведена на месте храма Соломона. На своих тайных собраниях тамплиеры вдыхали жизнь в масонство, каковое якобы и зародилось в процессе строительства храма Соломона. Когда окончательно выяснилось, что никакого отношения к возведению первого храма масоны не имеют, идея всякой связи масонов с тамплиерами была отброшена, как недостойная внимания серьезных историков фальсификация. Со временем все безуспешные попытки связать масонство с Орденом тамплиеров, всевозможные подделки и подтасовки окончательно дискредитировали эту идею и направили историков масонства в еще более далекую от истины область немецких «штайметцен» (каменщиков), а также ессеев и друидов, где не было и намеков на исторические следы.

Следом за взрывом французского масонства, стимулированного лекциями Рамсея, возник масонский Орден шевалье, который ввел несколько дополнительных степеней в масонские Ордена рыцарей Мальты и рыцарей Храма. Любопытно, что вступление в масонский Мальтийский орден дает посвящаемому звание рыцаря, тогда как в Орден тамплиеров могли посвящаться только и исключительно люди аристократического и рыцарского происхождения. Членство в Ордене тамплиеров делало человека не рыцарем, а, наоборот, рыцаря превращало в обыкновенного монаха – посвящение, которое ныне никак не может устроить основную массу братьев-масонов.

Означает ли установление истинного происхождения братства масонов от беглых тамплиеров, а не от гильдии средневековых каменщиков, что всякое изучение истории этой гильдии в целях общего исследования могут быть отброшены? Конечно нет. Камуфляж под «каменщиков» играл важную роль в масонской традиции. Если вспомнить самую раннюю историю христианства, то оно первоначально представляло собой нечто вроде общины рыбаков. И это сохранилось в символике и образах христианства и имеет непреходящее значение, проявляясь и в украшении храмов, и в молитвах, став основой религиозной традиции.

В масонской традиции не обнаруживается явное присутствие традиций Ордена тамплиеров. Но духовная связь этих тайных организаций явственно видна при исследовании истоков масонства, его целей и задач, в том числе религиозной свободы, сама идея которой могла родиться только в экстремальных условиях, когда ставкой становится жизнь. Будет не лишним напомнить, что и современный мир еще далек от того состояния, когда можно сказать, что свобода вероисповедания распространена по всему свету и не нуждается в том, чтобы ее отстаивали как одну из важнейших норм порядка, каковой она являлась во времена тайного масонства. Коснувшись этой важнейшей темы, мы должны констатировать, что храм Соломона все еще остается недостроенным.

Глава 23

Протестантский маятник

Когда мы обсуждали с историками и членами Масонского ордена ключевую задачу, которую решало масонское движение на гипотетическом «тайном» этапе своего существования, а именно – оказание помощи своим братьям, скрывавшимся от властей и неизбежного наказания со стороны Церкви, многие высказывали сомнение в том, что эта задача могла спланировать «тайное масонство» на протяжении двух столетий, особенно после того как Генрих VIII вывел Англию из подчинения Рима, а следовательно, исчезла необходимость в такой защите. Почему же масоны скрывались еще целых два столетия – до 1717 г.? Этот вопрос ставит в тупик, если предположить (по крайней мере, так думают в Соединенных Штатах), что Англия вдруг перестала быть католической страной одновременно, будто переведя стрелку на другой путь. Однако стоит посмотреть, каков был моральный климат в Англии в период от разрыва со Святым Престолом и до 1717 г., и прикинуть своевременность отказа франкмасонства от секретности.

22 августа 1485 г. король Ричард III оставил этот мир вместе с тронном в сражении под Босвортом. Победителем вышел граф Уэльский Генрих Ричмонд Тюдор, вступивший на освободившийся трон под именем Генриха VII. Его положение не было прочным ни внутри страны, ни в других странах Европы; его не восприняли как родоначальника новой династии. Его первым важным шагом во внутренней политике была женитьба на Елизавете Йоркской, богатой наследнице, руки которой добивались очень многие. Приглядывая себе союзников на континенте, он загорелся идеей сблизиться с новой великой державой, какой стала Испания после женитьбы короля Фердинанда Арагонского на королеве Кастилии Изабелле,

которые совместными усилиями потеснили мавров из Испании. Он был польщен предложением обручить своего старшего сына Артура с принцессой Екатериной Арагонской, дочерью Фердинанда и Изабеллы. Второй его сын, Генрих, готовился к службе Церкви, что было равносильно союзу с Римом. Его дочь Маргарет была замужем за королем Шотландии Иаковом IV. Другая дочь, Мария, была обручена с престарелым королем Франции, умершим через несколько месяцев после свадьбы.

Капитальный европейский альянс Генриха Тюдора внезапно распался со смертью от туберкулеза принца Артура в 1502 г. Наследником престола Генриха стал второй сын, тоже Генрих, но он уже не мог скрепить союз с Испанией, женившись на вдове своего брата, поскольку брак со свояченицей, по мнению Церкви, был кровосмешением как женитьба на близкой родственнице. Фердинанд и Генрих VII объединенными силами пытались уговорить папу устранить это ограничение Церкви и своего добились. В 1509 г. на английский трон взошел восемнадцатилетний Генрих VIII, а через шесть недель с благословения Святого Престола он женился на вдовствующей Екатерине Арагонской.

Утверждение династии Тюдоров занимало Генриха VIII, как и его отца, Генриха VII, однако королевская пара никак не могла произвести здорового наследника. За восемнадцать лет супружества у королевы было несколько мертворожденных детей и выкидышей. Лишь один сын родился живым в 1511 г., но и тот умер полтора года спустя. Только в 1516 г. родилась здоровая дочь, ее назвали Марией. В конце концов Генрих уверился сам и убедил других, что Бог не даст ему сына-наследника за грех женитьбы на вдове собственного брата. Он обратился к папе Клименту VII с просьбой отменить ранее выданное позволение на этот брак. Это позволило бы расторгнуть брак с Екатериной Арагонской. Принцесса Мария вследствие этого акта становилась незаконнорожденной.

Генрих вполне мог бы добиться своего, но выбрал неудачное время. Император Карл V захватил Италию и со своей армией вступил в Рим. Он не пожелал, чтобы папа отменил считавшийся ранее законным брак Генриха с Екатериной, которая приходилась ему теткой. Скандальное дело тянулось пять лет. За это время Генрих надумал жениться на Анне Болейн, матери будущей королевы Елизаветы I.

Кардиналу Томасу Уолси, лорду-канцлеру Генриха, не удалось добиться папского соизволения на брак короля с Анной, что, к немалому удовольствию многих придворных, стало причиной его падения. Власть Уолси была велика, а жадность поистине легендарна. В его распоряжении были тысячи слуг. Ему принадлежало несколько дворцов, в том числе великолепный Хэмптон-Корт, выстроенный на средства из государственной и церковной казны. Своему незаконнорожденному сыну Уолси помог обогатиться за счет бенефициев, которые приносили этому юному счастливчику невероятный доход – более 2700 фунтов стерлингов в год. Само собой, это не могло не вызывать зависти и ненависти у баронов и графов. Вдобавок оставалась проблема земельных владений. Казалось, Церковь готова заграбастать всю землю, какая только есть в стране. Расставалась же она с земельными наделами весьма неохотно, даже за деньги. Церковники получали земли в дар, скупали их и конфисковывали в счет уплаты пени или в наказание за преступления против Церкви. Налогом эти земельные владения по большей части не облагались, а изрядная доля доходов от них ушлывала в Рим или в руки иноземных держателей английских бенефициев.

В одиночку порвать с Римом Генрих не смог бы, но, учитывая ту репутацию, которую успела создать себе Церковь в Англии, он мог рассчитывать на поддержку всех слоев общества. Надо понимать и то, что, порывая с Римом, Генрих VIII вовсе не имел намерения сделать Англию протестантской страной. Сам себя он считал ревностнейшим католиком и принимал все догматы католицизма, за исключением одного-единственного – главенства папы. Он с гордостью носил титул Защитника веры, дарованный ему папой Львом X за трактат «В защиту семи таинств» – труд, в котором недвусмысленно разоблачались и осуждались еретические заблуждения августинского монаха Мартина Лютера. Более того, он выступал в поддержку смертной казни через сожжение для тех, кто отрицал догмат о пресуществлении хлеба и вина в тело и кровь Христовы. Целью Генриха было создание Английской («англиканской») католической церкви, во главе которой стоял бы англичанин, взамен Римской католической церкви, которую возглавлял чужеземный папа. Для протестантов и отступников от католической догматики король Генрих VIII был ничуть не менее опасен, чем папа Климент VII. А Климент VII объявил, что подданные Генриха VIII не располагают более папской защитой от посягательств на их свободу со стороны братьев-христиан иных стран и что всякий, кто захватит в плен англичанина, волен продать его на рынке как раба. Генрих, со своей стороны, разрешил печатать и распространять Библию на английском языке. И опять-таки оставался неразрешенным «проклятый» земельный вопрос. Придворные не уставали напоминать Генриху VIII о том, скольких верных рыцарей, баронов и графов он мог бы поддержать, решившись-таки на передел сказочного богатства, накопленного Церковью (в руках ее к тому моменту сосредоточилась треть территории страны!). Да и к тому же, замечали они, каждый монастырь – рассадник измены: монахи только и ждут удобного момента, чтобы поднять мятеж и вернуть Англию под папское иго. Возразить на это монашеским общинам было нечего: они давно уже превратились в своего рода «сельские клубы». Столетия соседства с серфами, вилланами и слугами не прошли даром: большинство монахов погрязло в праздности и пороках. В два приема – в 1536 и 1539 гг. – монастыри были распущены. Часть конфискованных земель Генрих забрал в королевскую собственность, а часть задешево распродал своим

сторонникам, укрепив тем самым их решимость бороться за независимость Англии от Рима. Такой массовой раздачей земель и титулов Англия не видела со времен Вильгельма Завоевателя, и, естественно, это породило настоящую антиримскую эйфорию.

Новые землевладельцы обеспечили достойную поддержку сыну Генриха, Эдуарду VI, взошедшему на трон в 1547 г. в десятилетнем возрасте. Пролетарство всего шесть лет, он умер от туберкулеза. Однако политический курс Эдуарда и его советников подготовил почву для протестантской реформации английской Церкви. На втором году его правления архиепископ Кранмер издал написанную на английском языке «Книгу общественного богослужения». В ней содержался проект унифицированной системы богослужения для английских церквей. Эта система до такой степени отличалась от традиционной католической, что на юго-западе Англии почти немедленно вспыхнуло вооруженное восстание.

Когда молодой король был уже при смерти, его главный «опекун», герцог Нортумберлендский, воспользовался в своих целях мечтой Эдуарда о церковной реформе. Напомнив королю, что единокровная сестра Эдуарда, Мария, главная наследница трона, была яркой католичкой, герцог убедил Эдуарда завещать корону леди Джейн Грей, которая приходилась королю кузиной. В списке претендентов на престол леди Джейн занимала только пятое место, но в планах Нортумберленда – первое, ибо герцог намеревался женить на ней своего сына.

Смерть настигла Эдуарда VI в 1553 г. При Генрихе VIII английская Церковь оставалась католической, хотя и сделалась англиканской. При Эдуарде VI центр тяжести сместился в сторону протестантизма.

Надежды герцога Нортумберлендского править страной от имени королевы Джейн I рухнули очень скоро и стоили ему головы. Всего через девять дней после своей коронации леди Джейн Грей вынуждена была уступить трон родной дочери Генриха, Марии. Королева Мария I, которую историки почти единодушно именуют Марией Кровавой, царствовала пять лет. Поначалу она привлекла множество сторонников обещанием веротерпимости и заявлением, что лордам не придется расстаться с монастырскими землями, доставшимися им почти задаром. Второе обещание Мария сдержала, но не первое. Напротив, она отменила все антиримские законы, изданные ее отцом и братом, и восстановила в Англии Католическую церковь в духе полного подчинения Риму. Любое выступление против Римской церкви Мария приравнивала к государственной измене, отягченной ересью. В 1555 г. в Оксфорде по ее приказу были сожжены англиканские епископы Латимер и Ридли; в качестве особой милости им повесили на шею мешки с порохом. Там же год спустя взорвался архиепископ Кранмер. Елизавета I за сорок пять лет своего правления послала на смерть три сотни человек; Мария – в три раза больше всего за пять лет. Разумеется, разделить престол с ней мог только истинный католик. Мария взяла в мужья испанского короля, потребовав, чтобы он стал не принцем-консортом, а полномочным властителем Англии. Смириться с этим оказалось нелегко даже самым рьяным английским католикам: все опасались, что Англия попадет в политическую зависимость от Испании. Мария создала настоящее царство террора. Страх перед костром и топором палача заставил противников Римской церкви уйти в подполье глубже, чем когда-либо.

В любой момент могла покатиться с плеч и голова младшей сестры Марии – тайной протестантки Елизаветы. Но она спасла себе жизнь, выказывая абсолютную преданность и подчинение королеве и ежедневно устраивая в своем загородном доме католическую мессу. Она притворилась самой ревностной католичкой страны: в этом для нее было единственное спасение от кровожадной сестры.

В результате, когда Елизавета I взошла на трон, почти все, включая и папу римского, были убеждены, что она продолжит политику своей предшественницы. Уже велись переговоры об обручении ее с Филиппом Испанским, верным сторонником Римской церкви. Но мало-помалу истинные убеждения Елизаветы стали выходить на свет. Новая королева восстановила отмененные Марией антицерковные законы Генриха VIII и Эдуарда VI. В конце концов папа отлучил ее от Церкви, объявив, что английские католики больше не обязаны считать себя ее подданными. Этим недвусмысленным разрывом с Церковью Елизавета нажила себе трех заклятых врагов: одного – на севере, второго – на юге, а третьего – так сказать, под землей, то есть в подполье.

Северный враг грозил английской королеве гибелью от руки наемного убийцы, ибо в случае смерти Елизаветы наследницей престола оказывалась ее кузина Мария Стюарт, королева Шотландская. Эта убежденная католичка могла рассчитывать на поддержку Церкви и континентальных католических монархов. В 1569 г. на севере Англии вспыхнуло восстание под руководством графов-католиков, а за следующие несколько лет было раскрыто несколько заговоров с целью убийства английской королевы. В 1586 г. Мария Стюарт допустила ошибку: она связалась с группой фанатичного католика Энтони Бабингтона, последователи которого поклялись убить Елизавету. Несмотря на то что Елизавета старалась избежать конфликта, ей все же пришлось отдать приказ об аресте Марии Шотландской. Год спустя та была казнена по обвинению в государственной измене.

На юге врагом Елизаветы был король Филипп Испанский. Самый ревностный католик из

европейских монархов руководствовался не только святым стремлением ниспровергнуть еретическую королеву англичан, но и гораздо более прозаичным желанием отомстить за тот урон, который нанесли Испании английские джентльмены удачи – Дрейк, Хокинс и Рейли, поставившие под вопрос безраздельное владычество Испании в Новом Свете. Просто преподать англичанам урок было бы недостаточно. Удовлетворить Филиппа могло только вторжение в Англию, полное завоевание островного королевства и возврат его в лоно Римской церкви. К маю 1588 г. Филипп был готов к осуществлению этих далеко идущих планов. Но, к счастью для Англии, кампания «Непобедимой армады» была дурно спланирована, во главе ее стояли никудышные командиры, и фортуна упорно не желала повернуться к испанцам лицом. Быстроходные английские суда и дальнобойные орудия посеяли панику в рядах врага: брандеры британцев под благоприятным ветром без помех жгли испанские суда. Пустившись в обратный путь в обход Шотландии и Ирландии, изрядно потрепанная армада угодила в жесточайшую бурю (которую потом называли «Местью протестантов») и пострадала от нее едва ли не сильнее, чем от пушек неприятеля. Противники Рима в Англии возликовали: Бог, несомненно, был на их стороне.

Но оставался еще третий враг, управиться с которым было куда сложнее, – Орден иезуитов. Преданных своему делу воинов Христовых специально готовили для тайной службы в Англии. Их задачей было организовать местных католиков, возглавить их и любой ценой сбросить королеву-еретичку с трона, при необходимости не брезгуя и убийством. Одни иезуитские агенты действовали на виду, внедряясь в высшие круги под маской дворецких и слуг католических аристократов. Другие – и таких было большинство – оставались в подполье. Они тайно служили мессы в католических молельнях и по первому сигналу опасности «уходили на дно», прятались в специально оборудованных убежищах – «поповских норах», как называли их протестантские преследователи.

При Елизавете I Англия взяла курс на сближение с протестантизмом, причем гораздо более решительный, чем планировала сама королева. Как бы далеко она ни заходила в своих антипатиях к католицизму, среди ее подданных всегда находились приверженцы еще более радикальных воззрений. Некоторые возражали не только против римского владычества над Церковью, но и против подчинения Английской церкви английским же монархам. Так царствование Елизаветы ознаменовалось рождением пуританства и концепции «пресвитерия» – руководящего органа Церкви, состоящего исключительно из священнослужителей. Пуританская неприязнь к пышным церемониям, роскошным облаче-протестантизм в тона суровой бескомпромиссности. На их вкус, Англиканская церковь и ее иерархия были не только чересчур близки римско-католическому вероисповеданию, но и вообще противоречили Священному Писанию. Но в одном отношении пуритане сами походили на средневековых пап: право определять нравственные устои общества и наказывать тех, кто не вписывается в это представление о морали, они признавали исключительно за собой.

На момент смерти Елизаветы в 1603 г. римско-католическое сопротивление было подавлено, у власти стояли англиканские католики, а протестанты нового типа набирали силу. Эта непростая религиозная обстановка в стране была чревата еще большими проблемами и в конце концов привела к гражданской войне. Тюдоры тем временем уступили престол Стюартам, и королевская власть над Англией и Шотландией сосредоточилась в руках одного монарха, о котором Томас Маколей писал так: «В нем уживались два человека: остроумный, образованный ученый писал трактаты, выступал на диспутах и ораторствовал с блеском и пылом, а нервический безмозглый идиот правил страной».

Иаков VI Шотландский был сыном Марии Стюарт и правнуком Генриха VII. В 1603 г., когда скончалась королева Елизавета, он взошел на английский престол под именем Иакова I и тем самым объединил английскую династию Стюартов с шотландской. Возможность избавиться от назойливых пресвитерианцев, быстро набравших силу в Шотландии, не могла его не порадовать, но, увы, Иакова поджидало разочарование: в Англии столь же стремительно набирали силу пуритане. Что до его личных предпочтений, то Иаков вполне удовлетворялся ролью главы Англиканской церкви – придавая этой роли, впрочем, куда большее значение, чем его приближенные («Король – живой образ и подобие Господа на земле», – писал он).

Тайная католическая оппозиция, зародившаяся еще в начале правления Елизаветы, по-прежнему оставалась в силе. В недрах ее вызревали заговоры, и наконец группа католиков разработала план массового покушения на своих заклятых врагов. Заговорщики арендовали угольный погреб под залом заседаний парламента и начинили его пороховыми бочонками, намереваясь взорвать короля и весь англиканско-пуританский парламента в день его открытия, 5 ноября 1605 г. Но заговор был раскрыт, покушение предотвращено, а одного из заговорщиков, Гая Фокса, схватили и казнили. Пороховые бочонки взорвались, но совсем не так, как планировали заговорщики: ненависть к католикам вспыхнула в стране с удвоенной силой. До сих пор англичане ежегодно 5 ноября поминают Гая Фокса фейерверками и кострами, на которых сжигают чучело. В наши дни, похоже, все уверены, что это чучело – символ Гая Фокса (его так и называют – «гай»), позабыв о том, что всего несколько поколений назад во многих английских деревнях оно изображало папу римского.

Иакову I не удалось найти общий язык ни с палатой общин, ни с пуританами, которых в ней

становилось все больше. Однако он позволил убедить себя в том, что отдельным англичанам изучение Библии пойдет на пользу. Он поручил группе ученых перевести Священное Писание на английский язык, и этот перевод – «Библия короля Иакова» – мгновенно приобрел неслыханную популярность. По сей день она возглавляет список бестселлеров всех времен и народов. Но, к несчастью для Иакова, эта книга подхлестнула распространение протестантизма. Теперь люди могли читать Библию, размышлять о ней, спорить и объединяться с теми, кого раздумья над Священным Писанием навели на те же выводы.

Некоторые из подобных выводов в эпоху Иакова были небезопасны, и гонения на их приверженцев повлекли за собой, между прочим, и знаменитое бегство пуритан на борту «Мейфлауэр».

К моменту смерти Иакова I в 1625 г. объединенное королевство Англии и Шотландии успело еще раз вкусить пропитанную страхом ненависть к римскому католицизму. Официальной государственной Церковью была Церковь англиканско-католическая, однако в центральных графствах и, прежде всего, в палате общин протестантские движения уже обрели изрядный вес.

Преемника Иакова, короля Карла I, описывали как «безгрешного юношу двадцати четырех лет от роду». Возможно, он и впрямь был «безгрешным», но что в этом удивительного, если всю свою жизнь Карл I провел как в тумане? Реальный мир для него словно не существовал. Он женился на принцессе-католичке Генриетте-Марии Французской и недоумевал, почему англиканские бароны и члены парламента выражают озабоченность засильем иноземных католиков при английском дворе. Игнорируя привилегии палаты общин, которая одна имела право вводить налоги, Карл задался целью увеличить поступления в казну и ради этого изобретал все новые поборы. Главным советником по делам религии у Карла был архиепископ Лод, стремившийся, в противовес пуританским парламентариям, восстановить в английской Церкви сложный церемониал и вернуть священникам пышные облачения. Попытался Лод навязать свои предпочтения и шотландской Церкви, но в ответ вспыхнуло вооруженное восстание. Карл I пресекал все попытки парламента отстоять свое право на определение структуры Церкви; не признавал он за парламентом и права на вмешательство в военные дела. По его глубокому убеждению, Церковь и армия должны были находиться в безраздельном распоряжении короля. Конфликт обострялся изо дня в день. Наконец в январе 1642 г. Карл I явился в зал заседаний палаты общин с вооруженной стражей, намереваясь лично арестовать пятерых членов парламента. Но ни одного из них на месте не оказалось, и от этого драматического вторжения никто не пострадал, не считая самого короля, которому спикер задал при всех хорошую взбучку. (Этот случай надолго остался в памяти потомков: до сих пор повторить «подвиг» Карла I и переступить порог палаты общин не решился ни один британский монарх.) К августу того же года противостояние переросло в гражданскую войну. На стороне Карла I выступали Церковь, Оксфордский университет и джентри северных и западных графств. Пуританский парламент, в свою очередь, опирался на поддержку богатых торговых городов Юга, в число которых входил и Лондон. За Карлом стояла идея, за палатой общин – деньги. С этими деньгами парламентарии создали «Армию нового образца». Вставший во главе ее член палаты общин Оливер Кромвель в 1646 г. разгромил королевское войско. Дабы закрепить эту победу, парламентарии решили устроить суд над королем. К чести Карла I следует сказать, что держался он с поистине королевским достоинством и выступал в собственную защиту трезво и логично. Однако он так и не понял, что суд над ним устроили только ради того, чтобы осудить. В наши дни туристам показывают окно банкетного зала, через которое 30 января 1649 г. короля вытащили из его нового дворца в Уайтхолле и повели на эшафот, где и обезглавили на глазах у целой толпы зевак. Несколько дней спустя палата общин проголосовала за отмену монархии как института «излишнего, обременительного и представляющего угрозу свободе, безопасности и общественным интересам народа». Наследник короля, будущий Карл II, жил в изгнании в католической Франции. Страна, где ему предстояло воцариться в один прекрасный день, стала пуританской.

Кромвель, принявший титул лорда-протектора, а на практике ничем не отличавшийся от обычного диктатора, об идеалах веротерпимости даже не помышлял. Он взялся доказать всему миру, насколько безрадостной и унылой может быть религия. Один за другим выходили бесконечные и бессмысленные указы (наподобие запрета на всякую работу в субботные дни), нарушение которых строго каралось. Неудивительно, что люди вскоре начали роптать и выражать недовольство засильем солдат-фанатиков. У Кромвеля хватало силы воли и решимости, чтобы сдерживать общество в рамках суровой дисциплины, но сыну его, возглавившему правительство после смерти первого лорда-протектора в сентябре 1658 г., эта задача оказалась не по плечу. В конце концов одна из армейских фракций взбунтовалась, сместила молодого лорда-протектора и пригласила Карла II занять наследственный престол. Карл прибыл в Лондон в день своего тридцатилетия – 29 мая 1660 г.

В душе Карл II был католиком, но ему хватило здравого смысла сообразить, что единственный способ удержать корону – проявлять умеренность и терпимость, отклоняя все радикальные предложения (а предлагали ему, к примеру, уволить с государственной службы всех, кроме католиков). Упорно ходили слухи о том, что Карл II заключил тайный договор с королем Франции, согласившись за крупную сумму способствовать возврату Англии в лоно римского католицизма. Совсем недавно, в 1988 г., слухи эти до некоторой степени подтвердились. Лорд Клиффорд Чадли выставил на аукцион старинные документы из

своего фамильного архива, в числе которых оказалась подписанная копия договора, по которому Карл II обязался восстановить в Англии римский католицизм за вознаграждение в размере 1,2 млн золотых ливров. (Свидетельствами о том, что эта сумма была уплачена, историки не располагают.)

Самым драматичным событием эпохи Карла II стал Великий пожар 1666 г. в Лондоне. Поползли слухи, что Лондон подожгли папские агенты; многие поверили, и ненависть к католикам снова захлестнула Англию. Нелл Гвинн, одна из любовниц короля, спаслась от окружившей ее разъяренной толпы только тем, что воскликнула: «Люди добрые, я – *протестантская* шляха!» Сам же король обнаружил свои истинные чувства только на пороге смерти, в феврале 1685 г.: для отправления последних обрядов в королевские покоем был призван католический священник.

В последние годы правления Карла II придворные нередко обращались к нему с просьбой отстранить от престолонаследия его младшего брата, Иакова, который был убежденным сторонником римского католицизма. Многие из окружения короля желали посадить на трон герцога Монмута – столь же ревностного протестанта, незаконнорожденного сына Карла. Но Карл отклонял все подобные просьбы, и после его смерти корона перешла к католику Иакову II. Вскоре Монмут попытался захватить престол силой. Он собрал войско на западе Англии и принялся разжигать восстание. Армию его быстро разгромили, но народ пришел в ужас от зверской жестокости, с которой расправлялся с мятежниками судья Джордж Джеффрис. Бунтовщиков казнили, клеймили и продавали в рабство на карибские плантации сахарного тростника. Одного крестьянина казнили только за то, что он продал повстанцам рыбу, хотя у несчастного в тот момент, разумеется, просто не было выбора. Жестокость оказалась заразной: по стране прокатилась новая волна репрессий. Иаков II заместил всех правительственных чиновников, а также адмиралов и генералов своими ставленниками – проверенными католиками. Пострадали от королевского гнева и семеро англиканских епископов.

Существование масонских организаций в эпоху Карла II подтверждено множеством документальных свидетельств, а при его преемнике, Иакове II, масонство должно было только укрепить свои позиции, ибо этому невольно способствовал сам король. Иаков вознамерился любой ценой вернуть Британию в лоно Римской церкви, и в ответ, естественно, все антиримские секты объединились под общим знаменем сопротивления. Заговорам, планам и тайным сборищам не было конца, и можно не сомневаться, что важнейшую роль во всей этой оппозиционной деятельности играло тайное общество, способное похвалиться самой безупречной организацией, – масонство.

Однако у короля не было наследника, а потому даже самые недовольные предпочитали не торопить события. Они рассчитывали, что католическая монархия умрет вместе с Иаковом II. Но вот в июне 1688 г. королева родила сына, и король объявил, что мальчика будут воспитывать и обучать иезуиты. Протестанты тотчас же пустили слух, что все эти события – не что иное, как иезуитский заговор, что никакого наследного принца в Англии нет, а пресловутый младенец был тайком пронесен в королевскую спальню в жаровне.

В конце концов несколько протестантских лидеров, в числе которых был и епископ Лондонский, решили перейти к активным действиям. Они обратились за поддержкой к Марии, родной дочери Иакова, которая была замужем за своим кузеном Вильгельмом Оранским, племянником Карла II. Мария и Вильгельм были главными – после новорожденного сына Иакова – претендентами на корону. Вдобавок, что еще важнее, Вильгельм возглавлял протестантское движение в Голландии, боровшееся против католического короля Франции Людовика XIV. Английские протестанты пригласили Вильгельма и Марию занять британский престол, ссылаясь на слухи о том, что младенец, объявленный наследником, вовсе не настоящий сын Иакова II. Вильгельм прибыл в Англию в «день Гая Фокса» – 5 ноября 1688 г. Иаков II внезапно обнаружил, что все сторонники отвернулись от него.

Оставалось всего тридцать два года до того момента, когда в 1717 г. масоны публично объявят в Лондоне о своем существовании. И всего шестнадцать лет оставалось до 1701 г., когда будет издан Акт о престолонаследии, позволяющий восшествие на британский трон только членам Англиканской церкви. А еще раньше Эдикт о терпимости (1689 г.) гарантирует ограниченную свободу вероисповедания так называемым «нонконформистам» – протестантам, не входящим в лоно Англиканской церкви. Этими законами ознаменуется конец «божественной власти» английских королей. Станет ясно, что отныне решать вопросы престолонаследия будет парламент.

Вильгельм заявлял, что намеревается проводить политику веротерпимости, и все же одно пятно на его репутации свидетельствует об обратном. Он потребовал, чтобы все вожди католических кланов Шотландии присягнули ему на верность. Из-за снежной бури глава небольшого клана Макдональдов опоздал на несколько дней на назначенную встречу в долине Гленкоу. За медлительность своего предводителя Макдональдам пришлось заплатить дорогой ценой: с попустительства Вильгельма враги этого клана учинили кровавую резню, не щадя ни стариков, ни женщин, ни детей. Религиозные страсти продолжали бушевать и после смерти Вильгельма. Он скончался от увечий после падения с лошади, споткнувшейся о кротовину в Хэмптон-Корт. Якобиты еще долго втихомолку поминали того крота, с благодарностью поднимая тост «за джентльмена в черном бархате».

Итак, в 1701 г. на трон взошла протестантка Анна, дочь Иакова II, которая к своим тридцати семи годам перенесла семнадцать беременностей, но так и не произвела на свет живого наследника.

Королева Анна, последняя представительница династии Стюартов, как личность не была особенно примечательна, но ее правление ознаменовалось рядом выдающихся событий. Серия побед на континенте, одержанных под командованием герцога Мальборо, внушила многим утраченное было почтение к военной доблести англичан. Ряды Королевского общества пополнялись такими достойными мужами науки, как Джон Локк и Исаак Ньютон, а масон Кристофер Рен продолжал грядиться над реставрацией собора Святого Павла. В 1707 г. Акт об унии между Англией и Шотландией окончательно и бесповоротно объединил два королевства в одно – Великобританию.

Что до религии, то Анна была твердо привержена Англиканской церкви и даже выделяла из королевской казны («от щедрот королевы Анны», как говаривали благодетельствованные) средства на вспомоществование низшему духовенству. Сыну Иакова II, которому предстояло стать королем Иаковом III, радушно предоставили кров в Риме, памятуя о заслугах его предков перед Святым Престолом. В Англии якобиты продолжали плести заговоры, мечтая посадить на трон католика, но теперь это можно было сделать только силой, поправ закон. В 1689 г. парламент издал особый акт, нацеленный на отстранение Иакова II и его сына от престола. В нем недвусмысленно утверждалось, что на трон Англии не может взойти ни католик, ни супруг католика. Затем, в 1701 г., парламент уточнил свои намерения. В Акте о престолонаследии было заявлено, что после смерти королевы Анны корона перейдет к ее ближайшему родственнику-протестанту из рода Стюартов. Таковой оказалась София, внучка Иакова I, состоявшая в браке с курфюрстом Ганноверским.

В итоге со смертью Анны в 1714 г. на британский престол взошел сын Софии – Георг I, основатель английской династии Ганноверов. Он так и не удосужился выучить английский язык и гораздо больше времени проводил в Германии, чем в Лондоне, однако все это было уже не важно. Страной правил парламент. Роберт Уолпол стал первым в Англии результативным премьер-министром.

Спустя год долгожданное восстание якобитов наконец-то разразилось, но тут же провалилось с позором. Его подавили так быстро, что Иаков не успел даже добраться до Англии и возглавить ряды мятежников. Мечты якобитов о возврате Британии в лоно Римской церкви рухнули окончательно, и случилось это всего за два года до того, как четыре масонские ложи в Лондоне решили объявить всему миру о своем существовании. Теперь у масонов и впрямь не осталось нужды в секретности. Им больше не надо было ни скрываться от власти, ни строить против нее заговоры. Масоны *сами* превратились во властную структуру.

Глава 24 **Сфабрикованные тайны**

Мы разобрали в этой книге главные загадки Древнего ордена вольных и признанных масонов – загадки, большая часть которых была неразрешима и для самих масонов. Мы попытались выдвинуть разумные объяснения почти всех этих тайн, объяснения, подкрепляющие нашу главную гипотезу. А она состоит в том, что масонство зародилось в среде тех членов и сторонников Ордена тамплиеров, которым удалось избежать ареста и пыток, когда на тамплиеров ополчились папа римский и король Франции. Однако мы отдаем себе отчет и в том, что многим читателям эта книга покажется недостаточно полной. Ведь в ней мы так и не коснулись многих масонских загадок и тайн, о которых многие могли читать или слышать раньше. Как, например, насчет поклонения дьяволу? Как насчет того, что масоны якобы втянули Ватикан в крупнейшую финансовую аферу наших дней? Как насчет закулисного влияния на законодательные органы и правительство? А насчет контактов с КГБ?

Первым нашим побуждением было оставить все эти «тайны» без внимания, поскольку они не имеют ничего общего ни с ритуалом, ни с историей масонства, ни даже с легендами о вольных каменщиках. Все они происходят из антимасонских источников. В последнее время антимасонские настроения становятся все сильнее, особенно в Англии, где причиной тому служит, очевидно, книга британского журналиста Стивена Найта «Братство». В 1976 г. г-н Найт прославился на весь мир своей книгой «Джек-потрошитель: тайна раскрыта». Найт предложил свою разгадку тайны преступлений Джека-потрошителя: якобы все эти ужасные убийства совершали видные масоны, а зверское истязание жертв будто бы находилось в полном согласии с масонским обычаем наказания за нарушение обетов. Книга эта стала настоящей сенсацией: именем Найта пестрили газетные заголовки, «разгадку тайны» Джека-потрошителя бурно обсуждали по радио и ТВ. Вскоре по книге был написан сценарий фильма, вышедшего на экраны под названием «Убийство по приказу». В фильме тайну злодеяний раскрывает не кто иной, как знаменитый Шерлок Холмс.

Воодушевленный первым успехом, г-н Найт написал еще один бестселлер – книгу «Братство». В твердом переплете она вышла с подзаголовком «Тайный мир масонов». Переиздание в мягкой обложке украсилось еще более сенсационным подзаголовком: «Разоблачение тайного мира масонов». И

действительно, впервые появившись на прилавках магазинов в 1984 г., книга Найта вызвала сенсацию не только в Англии, но и во всем мире. Г-н Найт незамедлительно приобрел авторитет ведущего специалиста по вопросам злодеяний (и потенциальных злодеяний) масонства и превратился в самого влиятельного антимасона XX столетия. Поэтому изучить его книгу нам все-таки пришлось, ведь в ней могли содержаться важные сведения, способные подсказать нам разгадку настоящих масонских тайн или пролить свет на происхождение ордена. К сожалению, в обоих этих отношениях сочинение Найта оказалось бесполезным, но читать его все же было увлекательно: «Братство» Стивена Найта – прекрасный учебник для любителей искажать истину. Из этой книги мы узнали, каким образом можно превратить любой факт в его противоположность, излагая его не полностью или вне контекста. Мы поняли, до каких крайностей можно пойти в стремлении втиснуть факты в рамки тенденциозной концепции. Г-н Найт критикует масонских историков за попытки подогнать все исторические данные под схему возникновения масонства в среде средневековых каменщиков. Но тогда, по справедливости, он должен был бы осудить и тех, кто прибегает к аналогичным методам, желая опорочить масонство.

Поделиться с читателем своей собственной точкой зрения г-н Найт так и не отваживается, а потому, прежде чем рассматривать масонские «тайны», которыми он пичкает свою аудиторию, позвольте мне заявить следующее. Я не масон и никогда им не был. Я не католик и никогда им не был. Наконец, я ничего не имею против тщательного, трезвого и критичного анализа деятельности обеих этих групп. Но в книге «Братство» такого анализа я не обнаружил.

Во-первых, давайте разберемся с самым проклятым из проклятых вопросов. В главе «Дьявол под маской?» г-н Найт цитирует папскую энциклику «*Humanum Genus*» – исключительно интересный для нас документ, изданный папой Львом XIII в 1884 г. Г-н Найт утверждает: «Лев XIII определил масонство как группу обществ, принадлежащую „царству Сатаны“». На самом же деле папа утверждал нечто иное. По его мнению, к «царству Сатаны» принадлежат и члены Армии спасения, и баптисты, и буддисты, и мормоны... одним словом, все представители рода человеческого, не принадлежащие к Римско-католической церкви. Впрочем, зачем я пытаюсь толковать его слова? Пусть папа Лев XIII изъяснится сам: «Род человеческий [*Humanum Genus*], кознями дьявола отпавши от Бога, Творца и Подателя благ небесных, распался и сам в себе на два враждебных стана, во всем друг другу противных, из коих один неутомимо ратует за истину и добродетель, другой же – за все, что истине и добродетели противостоит. Первый – суть Царствие Божие на земле, он же [католическая] Церковь Иисуса Христа; жаждущие пребывать в лоне ее, сродственным душе их и душеспасительном, должны всеми помыслами своими и всею своею волею служить Господу Богу и Сыну Его едиnorodному. Другой – суть царство Сатаны, коего владычество и власть надо всеми, кто его прискорбному примеру и примеру первых прародителей наших воспоследовал».

И в каких же выражениях папа утверждает, что масонство причастно к этому обширному некатолическому царству Сатаны? «В наши дни, однако, следующие путями зла словно вошли между собою в сговор и сплотились под знаменами раскинувшегося повсюду и утвердившегося прочно сообщества, именуемого ими вольными масонами».

Далее г-н Найт заявляет, что папа Лев XIII «определил деятельность масонов как губительную для Церкви и государства». Но о чем на самом деле сокрушался папа? Об *отделении* Церкви от государства! Дадим ему слово еще раз, памятуя, что слово «Церковь» в его устах означает исключительно Римско-католическую церковь: «Они [масоны] и впрямь трудятся в поте лица того ради, чтобы учение и власть Церкви лишились своего веса и влияния; засим проповедуют и поддерживают они полное отделение Церкви от государства. Так закон и правительство отторгаются от благой и Божественной добродетели Католической церкви, и засим всеми правдами и неправдами стремятся они править государствами независимо от установлений и догматов Церковных».

Поскольку объем энциклики «*Humanum Genus*» невелик и составляет лишь около пятнадцати страниц, мы предполагаем, что г-н Найт прочел ее до конца и сознает, что главная ее тема – выступление против идеи демократии и против отделения Католической церкви от светской власти. Папу ужасала сама мысль о том, что люди могут самостоятельно разрабатывать законы своего общежития, игнорируя «богодухновенные» законы помазанников Церкви. На каком основании я это утверждаю? Это утверждаю не я, а сам папа Лев XIII: «Признавая вслед за нею [Церковью], *божественное право на власть*, гражданские власти обретают достоинство и возможность снискать уважение и любовь подданных» (курсив мой. – Дж. Р.). В 1884 г. Святой Престол все еще отдавал предпочтение самодержавным монархам, помазанным Церковью и признающим авторитет Церкви в миру. В этом отношении «*Humanum Genus*» был направлен против Конституции США в такой же мере, как против масонства, что явствует из перечня грехов, приписываемых масонам: «Единодушно и неуклонно секта масонов стремится взять в свои руки воспитание детей. Они понимают, что нежный возраст восприимчив и что нет лучшего способа подготовить для государства таких граждан, какие им потребны. Посему они не оставляют служителям [католической] Церкви места в деле воспитания и наставления детей. Многие из них преуспели, всецело препоручив обучение детей мирянам и изгнав из нравственного воспитания всякое понятие о священных и

великих обязательствах, связующих человека с Богом».

Не останавливаясь на этом, папа приравнивает масонов к «натуралистам»: «Принципы социальной науки таковы. Натуралисты учат, что все люди наделены одинаковыми правами и во всем равны друг другу, что каждый человек от природы независим, что никто не имеет права приказывать другим, что держать людей в подчинении у власти, исходящей не от них самих, суть тирания. А посему все люди – самодержцы; правящие народом не имеют власти иной, нежели та, что дается им по доверенности и соглашению народа, и по воле народа могут быть смещены, желают они сами того или нет. Источник всех прав и гражданских обязанностей – народ или государство, управляемое в согласии с новыми законами свободы. Государство должно быть безбожным; нет никаких причин предпочесть одну религию другим – все заслуживают равного уважения.

Общеизвестно, что масоны одобряют все эти положения, и нет нужды доказывать, что они желают видеть государства сформированными по этому образу и подобию».

Теперь понятно, чем, по мысли папы Льва XIII, занимается «царство Сатаны»: оно лишает Церковь ее авторитета и привилегий, а подчас и имущества, сменив одобренных Церковью самодержцев на демократическое правление. Следует напомнить дату выпуска этой энциклики – 20 апреля 1884 г. Святой Престол только что вынужден был уступить теократическую Папскую область молодому Итальянскому королевству, так что Лев XIII оказался первым за много столетий папой, не облеченным королевской властью. В Мексике победила революция под предводительством Бенито Хуареса. Новое правительство конфисковало церковные земли, поставило вне закона монастыри и запретило пересылку церковных денег в Рим. При этом оно оставалось привержено католицизму, но заявило папе, что миссия того на земле носит характер духовный и пастырский, а не политэкономический. Из-за революций Симона Боливара и Хосе де Сан-Мартина Церковь лишилась немислимых богатств в Южной Америке.

Г-н Найт указывает, что папа обвинял масонов в «равнодушии к религии». Это верно, но автор «Братства» забывает добавить, что папа осуждал масонскую терпимость ко всем вероисповеданиям не просто так, а исходя из убежденности, что все религии, кроме католицизма, суть вредные заблуждения: «Раскрывая объятия приверженцам всех вероучений, они, по существу, поощряют величайшее заблуждение современности, имя коему равнодушие к религии и понятие равенства всех вероисповеданий. Заблуждение это – вернейший путь к уничтожению всех религий и в особенности католической, кою как *единственно верную* (курсив мой. – Дж. Р.) невозможно поставить в один ряд с остальными, не совершив великого преступления против справедливости».

Не следует полагать, будто папа руководствовался какими-то личными корыстными побуждениями. Просто Лев XIII был крайне обеспокоен судьбой Церкви. Он остро ощущал, что Церковь теряет былую власть, былые привилегии и богатство, и сознавал, что виной тому демократические революции. Под конец он сделался настолько недоверчив, что держал все золото Ватикана в сундуке у себя под кроватью. Он искренне верил, что демократия – это великое зло, часть «царства Сатаны» и что Католическая церковь имеет полное право контролировать светскую власть и даже обязана это делать. И, надо сказать, Лев XIII был далеко не последним в истории выразителем подобных идей. В апреле 1948 г. официальное издание иезуитов «*Civilita Cattolica*» прямо заявило: для стран, где католики остаются в меньшинстве, Церковь будет выступать за свободу вероисповедания; но для тех государств, где католики составляют большинство, она намерена отказывать всем прочим конфессиям в праве на законное существование. Лев XIII с радостью подписался бы под этим заявлением иезуитов: «Римско-католическая Церковь, убежденная на основе данных ей от Бога привилегий в том, что она является единственной истинной церковью, должна требовать права на свободу только для себя одной, ибо таким правом может обладать только истина, но не заблуждение. Что касается других религий, то Церковь, вне сомнения, никогда не поднимет на них меч, однако она намерена добиваться законными средствами того, чтобы распространение ложных вероучений было запрещено».

И здесь обнаруживается непримиримое, на первый взгляд, расхождение между масонством и Римско-католической церковью. Главная особенность масонства – открытость для представителей всех вероисповеданий, в том числе и католицизма, тогда как Римская церковь убеждена в том, что только ее вероучение истинно и что ее божественная миссия состоит в подавлении всех прочих религий. Обе стороны твердо держались своих позиций, и компромисс казался невозможным до тех пор, пока папа Иоанн XXIII на Втором Ватиканском соборе не выступил за расширение диалога между католицизмом и другими вероисповеданиями. Разумеется, случилось это много времени спустя после того, как прозвучали цитируемые г-ном Найтом папские обвинения в адрес масонства. Они носят почти исключительно политико-экономический характер и ничем не подкрепляют тезис г-на Найта о поклонении дьяволу в среде масонов. Разумеется, автор «Братства» не обходится и без заявления, что «в Риме сложилась еще более зловещая ситуация. Имеются свидетельства того, что масоны просочились даже в Ватикан». Но почему г-н Найт не пожелал поделиться с нами этой пикантной информацией подробнее? Неужели в его книге не нашлось для нее места? Неужели не нашлось места и для того, чтобы разъяснить, что все знаменитое выступление Льва XIII против масонства, озаглавленное «*Humanum Genus*», – не что иное,

как плод прискорбного заблуждения? В этой энциклике папа осуждает масонов за проповедь отделения Церкви от государства, народовластия, гражданского брака и отстранения священников от воспитания детей. Однако на самом деле масоны не выступают ни за одно из этих положений, предоставляя членам своей организации принимать личные решения по всем упомянутым вопросам. Папа просто-напросто перепутал масонов со всем некатолическим миром. Да и в любом случае «*Humanum Genus*» не содержит ни единого аргумента в пользу обвинения масонов в дьяволопоклонстве.

Поэтому г-н Найт извлекает все нужные ему доказательства из факта откровения «неизреченного Имени Бо-жиего», фигурирующего в ритуале посвящения в степень «Королевской Арки». Г-н Найт принимает это имя – акроним, символизирующий открытость масонства представителям всех вероисповеданий, – за неопровержимое свидетельство существования «масонского бога», обладающего особыми, легко узнаваемыми индивидуальными чертами, отличающими его от других богов. И хотя в масонском ритуале речь идет только об имени и ни о чем более, г-ну Найту хватило этого, чтобы вычислить «истинную природу» изобретенного им масонского бога. Это «неизреченное Имя», *Яхвалон*, – аббревиатура трех божественных имен: Яхве, Ваал и Он (Осирис). Именно к такому выводу пришли некоторые масоны, пытавшиеся «расшифровать» это имя, хотя с подобной трактовкой соглашались далеко не все историки масонства. Но г-н Найт с радостью подхватывает эту интерпретацию, потому что она помогает ему «доказать» приверженность масонов Сатане. По поводу имени *Яхвалон* г-н Найт заявляет: «Это отнюдь не условное название божества, которое масоны вольны принимать или не принимать по своему желанию, но абсолютно точное определение совершенно конкретной сверхъестественной сущности». Переходя к выяснению характера этой «сверхъестественной сущности», г-н Найт ограничивается в своем анализе одним-единственным слогом – *вал*, соотнося его с Ваалом. Далее он указывает, что некий демонолог XVI в. описывал Ваала как дьявола с телом паука и с тремя головами – человеческой, жабьей и кошачьей. Существо с такими атрибутами действительно вполне конкретно! Но проблема в том, что «Ваал» («Баал») – это не имя. Это титул, относящийся к самым разным божествам. Мы не знаем, тождествен ли тот Ваал, жертвенник которого разрушил Гедеон, Ваалу, с которым от имени Яхве состязался пророк Илия, или Ваалу, которому поклонялись ливанцы в храме Солнца в Баальбеке.

Ba'al – это всего лишь древнееврейское слово, означающее «повелитель, владыка». На Ближнем Востоке этот титул носили многие божества, личные имена которых до нас не дошли. Если бы переводчики Ветхого Завета попытались передавать слово *ba'al* как «владыка», это привело бы к ужасной путанице, поэтому решено было просто сохранить древнееврейское слово. Тому, кто читает Библию в переводе, оно может показаться личным именем, но в действительности это почетный титул, до сих пор, между прочим, используемый в иудаистском культе. Например, тот, кто способен творить чудеса именем Господа, именуется *Баал тем* – «Повелитель (владыка) имени». Самым знаменитым из таких чудотворцев стал, пожалуй, польско-украинский раввин Баал Шем-Тов, основатель хасидизма. Поэтому, если вам встретится крепкий молодой человек без галстука, в длинном черном пальто, с окладистой бородой и пейсами, не искушайте судьбу: не пытайтесь втолковать ему, что Ваал – это дьявол.

На самом деле с Ваалом произошло примерно то же, что с масонами в интерпретации папы Льва XIII. Папа зачислил в масоны всех соперников Римско-католической церкви, а древние евреи называли «ваалами» всех соперников Яхве. В какой-то период многие израильтяне предпочитали поклоняться не Яхве, а какому-то безымянному «повелителю». Вознамерившись доказать превосходство Яхве над этим «ваалом», пророк Илия вызвал пророков «ваала» на состязание. Обе соперничающие стороны должны были зарезать по тельцу, положить его на дрова и обратиться к своему богу с просьбой зажечь огонь для жертвоприношения. Четыреста пятьдесят пророков «ваала» усердно молились целый день напролет, скакали вокруг жертвенника и даже резали ножами самих себя, чтобы ленивое божество наконец взялось за дело. Но все оказалось тщетно. Тогда Илия, демонстративно плеснув на дрова воды, воззвал к Яхве, и тот сию же секунду зажег жертвенный костер ударом молнии. Илия в припадке религиозного рвения тотчас же велел своим сторонникам перебить всех неудачливых пророков «ваала».

Оставим в стороне тот факт, что если Сатана вообще способен сотворить чудо, то зажечь костерок для своих верных слуг ему не составило бы труда. Лучше обратимся к истории. Сами древние евреи вовсе не считали соперника Яхве дьяволом. Они просто старались опорочить его, называя властелином ничтожеств – «повелителем мух» (по-древнееврейски – *Ba'al-zhub*). Тысячу лет спустя какие-то рьяные христиане решили, что любой соперник Иеговы не может не быть дьяволом, и объявили имя Вельзевул – искаженное *Ba'al-zhub* одним из имен Сатаны. Вся эта история изобилует чудовищными натяжками и домыслами. И мы не найдем в ней ни малейшего доказательства того, что в масонстве было принято поклонение дьяволу, тем более что гипотеза о происхождении имени «Яхвалон» от имен «Яхве», «Ваал» и «Осирис» – не более чем предположение. Что означает это имя на самом деле, никто не знает. Неизвестно и то, как оно произносилось изначально: за многие поколения изустной передачи оно могло исказиться до неузнаваемости. К примеру, мне встречались три варианта его последнего слога: «он», «ом» и «ун». Может быть, когда-то этот слог произносили как «ам»? Если да, то почему бы не предположить, что он обозначал

имя Бога, открытое израильтянам: «Я есмь (сущий)»¹

? И если первоначально это имя звучало как «Яхваалам», то оно могло быть составлено из трех имен еврейского Бога («ваал» по-древнееврейски также означает «Господь»). Я вовсе не настаиваю на этой гипотезе. Я лишь хочу указать на возможность иных толкований и обосновать свои сомнения в справедливости интерпретации, отстаиваемой г-ном Найтом. Но автор «Братства», по-видимому, не испытывал никаких сомнений. «Если масоны, даже не являвшиеся христианами, вполне терпимо относились к Христу, – пишет он, – то почему бы им столь же терпимо не относиться к дьяволу? И даже если для большинства новичков дьявол был неприемлем, в общей системе он не мог не играть определенной роли».

Итак, перед нами вырисовывается типичная схема «сфабрикованной тайны» масонства (или любой другой организации), представленной не ради анализа, а ради уничтожения. Автор «Братства» не ограничивается мнимым дьяволопоклонством масонов. В другой главе, названной «Итальянский кризис», г-н Найт пишет об участии банка, принадлежащего лично папе римскому, в величайшей финансовой афере XX в. – грандиозном скандале вокруг Ватикана, толки о котором не стихли по сей день. Однако в книге Стивена Найта нет даже намека на то, что в этом скандале замешана Церковь. У него вся эта история именуется «масонским заговором».

Повод к такой характеристике дала бывшая масонская ложа «Открытая пропаганда», или P2, – исследовательская организация, основанная как филиал итальянской ложи «Великий Восток». В 1975 г. Великим Магистром P2 был избран итальянский фашист Лицио Джелли, а на следующий год итальянский «Великий Восток» официально отмежевался от P2 и распорядился о приостановке ее деятельности. Таким образом, P2 прекратила свое существование в качестве масонской организации. Но Джелли и его приспешники продолжали использовать инфраструктуру P2 в собственных целях. В конце концов им удалось создать целую сеть тайных обществ, объединившую в себе многих влиятельных итальянских политиков, банкиров и издателей. Все это делалось в обстановке совершенной секретности и вне контактов с какой бы то ни было масонской организацией.

Вскоре после исключения P2 из числа официальных масонских организаций Джелли втянул в свою игру Микеле Синдону – главного финансового советника Ватикана. Затем, в 1977 г., Синдона завербовал Роберто Кальви, директора миланского «Банка Амброзиано». Папский банк был одним из главных акционеров «Банка Амброзиано». При Муссолини всякий, кто хотел взять кредит в этом миланском банке или даже просто вложить в него деньги, должен был сперва доказать свою принадлежность к Римско-католической церкви. Кальви задействовал самую ценную из своих связей – связь с «Институтом религиозной деятельности» (Institute per lo Opege di Religione, IOR). Это финансовое учреждение часто по ошибке называют «Ватиканским банком». IOR принадлежит не городу-государству Ватикану, а лично папе римскому. Как явствует из его названия, функция этого института заключается в приеме депозитов от католических организаций и физических лиц и в выдаче – по номинальным ставкам на выгодных для дебитора условиях – кредитов на строительство католических школ, церквей и детских приютов во всем мире. В период, когда разразился скандал, и до 1989 г. IOR находился под управлением архиепископа Пола Марцинкуса, уроженца Иллинойса, давнего друга и бывшего телохранителя папы Иоанна Павла II.

Как только Кальви присоединился к Джелли и Синдоне, «Банк Амброзиано» стал создавать компании за рубежом, контролируемые папским банком. В одной только Панаме появилось десять таких фирм. Затем «Банк Амброзиано» принялся ссужать этим компаниям деньги – в общей сложности более миллиарда долларов. Вкладывал в них средства и папский банк, но никто из инвесторов ни единым словом не обмолвился в Риме ни о масштабах, ни о цели этого тайного капиталовложения. Известно было только, что часть денег шла на скупку акций «Банка Амброзиано» и на раздувание цен на эти акции.

Когда банковские служащие в Италии начали подозревать неладное, Кальви и архиепископ обменялись письмами. Марцинкус успокоил банкира заверениями, что иностранные фирмы действительно находятся под контролем – прямым или косвенным – папского банка, а Кальви в ответ подтвердил, что никто не станет требовать с IOR эту огромную сумму – более миллиарда долларов. Оба понимали, что взыскать долг все равно невозможно, и этот обмен письмами, по сути, ничего не стоил. Когда вмешалось правительство, Кальви покончил с собой – повесился на мосту Черных Монахов в Лондоне. Когда труп обнаружили, карманы его одежды были набиты деньгами и камнями. Была выдвинута версия убийства, и началось масштабное расследование, в результате чего «Банк Амброзиано» обанкротился. Папский банк, по слухам, потерял на этом более 450 млн долларов.

Несмотря на грандиозные убытки, на заинтересованность в судьбе вложений в оффшорные компании и на явную вовлеченность в столь скандальную финансовую аферу, не имеющую себе равных в истории XX столетия, Ватикан не соизволил ответить на вопросы следователей и не предоставил никаких документов, касающихся участия папского банка или отдельных лиц из окружения папы в этом скандале. В начале 1987 г. итальянские власти выдвинули против архиепископа Марцинкуса обвинение в ложном

¹ Англ. I am – «Я есмь».

банкротстве. Но Ватикан Марцинкуса не выдал, а экстрадировать его было невозможно по одной очень любопытной причине.

В далеком 1929 г., когда Лицио Джелли еще только вступил в ряды «чернорубашечников», Муссолини подписал Латеранские соглашения с Ватиканом – документ, известный также под названием «Итальянский конкордат». В обмен на поддержку Ватикана Муссолини дал обещание, что в Италии не будет законов, противоречащих учению Церкви (именно поэтому в Италии запрещен развод, а Ватикан осуществляет цензуру над всей итальянской печатной продукцией). Фашистский диктатор удовлетворил также требование Ватикана о том, чтобы кардиналы пользовались такими же почестями и привилегиями, как принцы королевской крови. Более того, Муссолини заложил основы будущего процветания Ватикана, согласившись выплатить тому компенсацию за утрату Папской области в размере 92 млн долларов. Благодаря этому Церковь смогла покупать в тот самый момент, когда весь остальной мир вынужден был продавать, – как раз в то время начиналась Великая депрессия. Дуче признал за Ватиканом права суверенного государства, независимого как от Италии, так и от прочих государств мира. При этом право на экстрадицию за Италией не сохранялось. Во время Второй мировой войны эти соглашения сияли немало жизней. Гитлер тоже признал «конкордат», который его союзник Муссолини заключил с Ватиканом, поэтому многие аристократы и другие люди со связями находили в Ватикане убежище от нацистов. Все они уцелели, хотя дожидаться конца войны им пришлось в изрядной тесноте: площадь государства Ватикан составляет всего 108 акров.

Точно так же поступил и архиепископ Марцинкус, как только узнал, что правительство Италии выдвинуло против него обвинение. Итальянских полицейских с ордером на арест Марцинкуса в Ватикан не впускали, а сам архиепископ отсиживался на папской земле все пять месяцев, пока дело о полномочиях на его арест слушалось в Верховном суде Италии. Наконец в июле 1987 г. суд постановил, что итальянское правительство не имеет права выдвигать обвинения в связи с преступлениями, совершенными на территории другого суверенного государства. Иного решения никто и не ждал; лондонский «Обсервер» откликнулся на этот вердикт ироничным замечанием: «Свершилось чудо!»

Но настоящее чудо свершилось позже, а именно когда папский банк согласился выплатить – и выплатил! – «Банку Амброзиано» 244 млн долларов, не признав при этом за собой никакой вины и отрицая даже финансовое участие в пресловутой афере. Если учесть, что, по слухам, в ходе скандала папский банк потерял еще 450 млн долларов, то получится, что связи с «Банком Амброзиано» обошлись Католической церкви в кругленькую сумму – около 700 млн долларов. Сумма эта в десять раз превышала потери от неудачных капиталовложений в 1987 г. – потери, которые католики всего мира по просьбе папы возмещали дополнительными пожертвованиями, так и не получив разъяснений о том, какая участь постигла их прежние добровольные взносы и инвестиции. Ватикан сделал все возможное, чтобы окутать скандал непроницаемой завесой тайны, и уже одно это обстоятельство наглядно показывает, какое именно «тайное общество» сыграло ведущую роль в афере «Банка Амброзиано».

Таковы факты. Но в изложении г-на Найта скандал вокруг *Ватикана* необъяснимым образом превращается в *масонский* скандал! И единственным обоснованием такой «гипотезы» служит тот факт, что светским партнером Ватикана в этой афере выступала подпольная группа, именовавшая себя масонской ложей, но таковой не являвшаяся. Главу «Итальянский кризис» г-н Найт начинает со следующего заявления: «Летом 1981 г. масонский заговор гигантских масштабов потряс Италию до самого основания». Далее автор «Братства» утверждает, что Джелли в целях шантажа вытягивал из членов своей секты государственные и личные тайны, якобы ссылаясь при этом на «долг масона» перед своими братьями. Не забывает г-н Найт упомянуть и о «продажных масонах в рядах итальянских вооруженных сил».

Касаясь загадочной гибели Кальви, г-н Найт сообщает, что, по официальной версии, банкир покончил жизнь самоубийством, но, по слухам, якобы дошедшим до него (или возникшим под пером самого Стивена Найта?), Кальви «был ритуально умерщвлен масонами. Шея его была обмотана „буксирным канатом“; карманы набиты камнями как символом масонов – вольных каменщиков, а место для убийства было выбрано по названию моста, поскольку в Италии эмблемой братства служит силуэт черного монаха». По моему мнению, этот «слух» сильно приукрашен, если не изобретен лично г-ном Найтом. Я считаю так нагому, что «фигура черного монаха», по моим данным, никогда не являлась эмблемой итальянского масонства (впрочем, известно, что одна из итальянских масонских лож получила в полном согласии с традицией именованная масонских организаций название «Фрати Нере» – «Черные братья» или «Черные монахи»). Ничуть не беспокоит г-на Найта и очевидное отсутствие мотива для такого «ритуального умерщвления». К чему масонам было рисковать своей репутацией ради убийства итальянского банкира? Мотив для убийства мог обнаружиться у кого угодно у сотрудников «Банка Амброзиано», у работников иностранных фирм, получавших проценты с займов, у любого лица, в руках которого оказалась часть вовлеченной в аферу суммы, у каждого заинтересованного в том, чтобы замять дело... Но ни один из этих возможных мотивов не соотносится с масонами. Что касается Ватикана, то г-н Найт не только перекладывает вину с окружения папы на масонов, но и выводит Святой Престол

потенциальной жертвой дальнейших масонских злодеяний, заявляя, что «масоны просочились не только в Римско-католическую церковь, но и в сам Ватикан». Нет нужды пояснять, что все эти заявления не подкреплены ни единым доказательством.

Но и это еще не все. Г-н Найт идет дальше и обнаруживает еще одну удивительную тайну: оказывается, в ряды масонов, в свою очередь, «просочились» агенты КГБ! С обескураживающей прямоотой автор «Братства» утверждает: «Никто еще не превзошел советскую разведку в способности проникнуть в любую организацию любого государства. И в каждой стране, где только существовало масонство, оно неминуемо становилось главной ее целью». Подумать только – *главной целью!*

К числу стран, в которых существует масонство, принадлежит, например, Швейцария. И вот что пишет г-н Найт: «С вопросами о масонстве я обратился через посредника к бывшему агенту КГБ Илье Григорьевичу Джирквелову, перешедшему в 1980 г. на службу к западным разведкам». Г-н Джирквелов явно ничего не знал о масонстве, но г-н Найт быстро оправился от этого удара и нашел что сказать читателю. Он напомнил нам, что из тридцати пяти лет, которые Джирквелов состоял на службе КГБ, большую часть времени он провел в Швейцарии, где насчитывается всего-навсего пятьдесят две масонские ложи. Вспомним, что утверждал г-н Найт чуть раньше: *езде, где только существует масонство, оно становится главной целью КГБ.* Но вот он связался с агентом КГБ, который долго жил в маленькой стране с пятьюдесятью двумя масонскими ложами. И этому человеку нечего сказать о масонах! Как же так? Ведь приемы проникновения в масонские ложи должны были занимать главное место в подготовке Джирквелова! Однако неустрашимый Стивен Найт не сдаётся. Он вытягивает из бывшего шпиона комментарии к тому, что может сказать о масонстве сам Стивен Найт. И комментарии эти приводят его в такой восторг, что он сплошь выделяет их курсивом: «Джирквелов... сказал, что если масонство играет столь важную роль в государственной системе, как это явствует из моих слов, *то не может быть никаких сомнений в том, что КГБ его использовало и даже рекомендовало агентам, завербованным в Англии, вступить в масонские ложи.*» Понятно, что с таким же успехом КГБ могло рекомендовать своим агентам работать с бойскаутскими отрядами и в местных благотворительных организациях, добиваться членства в модных клубах и всеми иными возможными способами набирать вес и авторитет в обществе.

Но у г-на Найта есть в запасе и еще более «сильный аргумент».

Г-н Найт встречался с недавно ушедшим в отставку офицером разведки. Встреча эта, обставленная по всем канонам секретности, состоялась у фонтана на втором этаже некоего банка. «Он согласился встретиться со мной только после того, как я дал слово, что мы не коснемся в беседе тех предметов, по поводу которых он давал подписку о неразглашении. Он не был масоном. По его словам, он даже не представлял себе, что масонство может дать какие-то преимущества на государственной службе, и не считал, что членство в масонской ложе может как-то способствовать его карьере. „Но, возможно, все дело в том, что я просто никогда об этом не задумывался“, – признался он. Он сказал мне, что никогда не сталкивался со случаями работы КГБ через масонов в Англии, и добавил: „Но, разумеется, это вовсе не значит, что таких случаев не было“». Не правда ли, сильный аргумент в пользу того, что масонство – главная цель КГБ?

Чтобы наконец закрыть тему «тайных» связей между масонами и советскими спецслужбами, приведу еще один пример. Номер отдела внешней разведки британской «Интеллидженс сервис» – М16, а номер отдела контрразведки – М15. Г-н Найт сообщает нам: «Как мне удалось узнать у бывшего министра внутренних дел... работникам разведывательной службы запрещено состоять в масонской организации». Но далее он пишет: «Согласно полученным недавно сведениям, КГБ активно пользовался традицией „трудоустройства братьев“, принятой у английских масонов, проникая с ее помощью в самые высшие эшелоны власти. Особенно впечатляют успехи, достигнутые советской разведкой в этой области после 1945 года: агентов удавалось внедрять на высочайшие уровни, такие как М15 и М16». Жаль, что г-н Найт не объединил этот фрагмент с предыдущим в одном абзаце: тогда ни один читатель не упускал бы из виду, что КГБ успешно внедрял масонов в руководство именно тех спецслужб, куда масоны не допускались. Впрочем, нам есть за что благодарить заботливого автора: наверное, он не желал, чтобы у читателя разболелась голова от попыток совместить несовместимое.

Подведем итоги. Решительные заявления г-на Найта о связях КГБ с масонством основываются на его убежденности в том, что масоны пользуются несправедливыми преимуществами в продвижении по служебной и общественной лестнице и что, следовательно, разведывательные службы не могут не пытаться действовать за счет масонов. Однако на тридцати четырех страницах, посвященных этой теме, г-ну Найту так и не удается привести ни одного стоящего аргумента, подкрепляющего название главы – «Связи с КГБ». Эта «тайна» – всего лишь очередная фабрикация г-на Найта. Полагать иначе – значит заподозрить во лжи двух перебежчиков из КГБ на сторону западных спецслужб, книги которых вышли весной 1988 г. Илья Джирквелов – тот самый бывший агент советской разведки, с которым беседовал через посредника г-н Найт, – выпустил книгу «Тайный слуга. КГБ и советская элита: взгляд изнутри», а Станислав Левченко – книгу «По ту сторону: моя жизнь в КГБ». Ни тот, ни другой не упоминают о

масонстве как о главной цели КГБ. Более того, они вообще не упоминают о масонстве.

На самом деле домыслы г-на Найта о связях КГБ с масонством – не что иное, как вывод из основного тезиса «Братства», заключающегося в том, что среди масонов царят фаворитизм и кумовство, позволяющие им делать карьеру быстрее и легче, нежели это дается простым смертным. Это кумовство г-н Найт видит везде и повсюду, но, чтобы доказать его существование, ему приходится идти на невероятные ухищрения. И в этом нет ничего странного. Действительно, кумовство встречается во всех странах мира и во всех слоях общества, но очень часто оно существует только в воображении тех, кому кажется, что их несправедливо обошли. Вполне естественная реакция для всякого, кто ценит себя хоть сколько-нибудь высоко. Каждый инстинктивно стремится переложить вину за собственные неудачи на других людей. Если работодатель-католик повысит по службе работника-католика, то протестант, метивший на ту же должность, прожужжит своей жене все уши жалобами на дискриминацию по религиозному признаку. Если торговец-католик попытается сбывать крупную партию товара фирме, во главе которой стоит еврей, но сделку перехватит другой еврей, то, вполне возможно, неудачник скажет своему начальнику: «Вы же знаете этих евреев – они всюду пролезут». В Америке ситуации, когда белому работнику отдают предпочтение перед чернокожим, часто вызывают обвинения в расизме, даже если чернокожий на самом деле не столь компетентен.

Но если оставить в стороне несправедливые жалобы неудачников, можно ли говорить о существовании реального фаворитизма на рабочих местах или в системе государственного управления? Безусловно, да. Однако свести все проявления этого фаворитизма к какому-либо одному сектору общества просто невозможно, хотя, пожалуй, самый тяжелый груз ответственности за злоупотребление должностными полномочиями по справедливости следует возложить на политиков. Вплоть до недавнего времени в США председатель победившей на выборах политической партии автоматически становился министром почт, как будто его способность добиться успехов в политике доказывала способность управлять мультимиллиардным бизнесом. Из системы государственного фаворитизма не смог вырваться даже президент Кеннеди: приличия ради поразмыслив, он объявил, что самым подходящим во всей стране кандидатом на пост министра юстиции считает своего младшего брата. В этом случае, как и во многих других, решения такого рода мотивированы желанием окружить себя людьми, на которых можно спокойно положиться. Несколько лет назад в рекламном бизнесе из-за этого разразился громкий скандал. Один крупный производитель макаронных изделий решил подобрать для своей компании рекламное агентство и устроил конкурс. Владелец компании – итальянец по происхождению – добросовестно высиживал на всех презентациях от начала и до конца. Расторопные молодые люди один за другим услужливо демонстрировали ему результаты маркетинговых исследований и анализа потребительского спроса, сопровождая свои выступления прекрасным показом товаров и рекламными роликами. Все шло гладко, но тем сильнее оказалось потрясение, которое испытали все приглашенные на последнюю презентацию. Она от начала до конца проводилась на итальянском языке, который понимал только один человек в жюри! Внимательно выслушав итальянского рекламного агента, владелец компании объявил, что принимает его на работу. «Но, сэр, – вмешался один из администраторов, – если они говорят по-итальянски, это еще не значит, что они понимают проблемы нашего рынка». «Возможно, – со счастливой улыбкой ответил владелец компании, – но зато они понимают *меня!*» Случай дискриминации по языковому признаку налицо.

Следует также упомянуть еще об одном аспекте фаворитизма, а именно: многие сознательно и целенаправленно пользуются теми преимуществами, которые может предоставить кумовство при продвижении по служебной лестнице. В молодости я работал на компанию, которой владело еврейское семейство. Евреи составляли большинство в руководящем составе этой фирмы. В один прекрасный день к нам на работу поступил молодой человек, только что закончивший университет и нанятый лично президентом компании, а не кем-либо из менеджеров. Спустя несколько дней этот новичок доверительно попросил нас не держать на него зла, если через пару недель его поставят во главе отдела. Он объяснил, что в университете был председателем еврейского братства, директором которого являлся президент нашей компании, и что он посещал ту же синагогу, что и наш президент. Его взяли на работу к нам специально для того, чтобы быстро протолкнуть наверх. Но по-видимому, он полагал, что при таких связях работать совсем необязательно, и через девять дней, к великому его потрясению, оказался на улице. Он упустил из виду, что ему никто не давал гарантий: ему лишь предоставили шанс, которым он не сумел воспользоваться. Такой характер носят многие личные связи – связи, которые можно завести в церкви, в любительском театре, в бизнес-клубе или в обществе единомышленников.

На самом деле, многие организации – а не одно только масонское братство, как утверждает г-н Найт, – открыто ловят новых членов на эту удочку. Они сулят новичкам выгодные деловые связи, и многие на это клюют. Однажды моя секретарша сообщила мне, что в приемной ожидает какой-то человек, не назвавший своего имени, но просивший передать, что мы с ним учились в одном колледже. Я бросил все дела, вышел к этому посетителю и стал предаваться с ним воспоминаниям юности. Правда, мне никак не удавалось припомнить его лица, и наконец я сказал: «Мне очень стыдно, но я вас не помню. Когда вы

учились в Майами?» «О, – отвечал он, – я учился вовсе не в Майами, а в Аризоне» (то есть примерно в двух тысячах миль от Майами). Он объяснил мне, что участвует в маркетинговой программе страховой компании. Каждому агенту вручили список выпускников колледжа, в котором он когда-то учился. «Мы предположили, что вы согласитесь застраховать свою жизнь по рекомендации вашего однокашника». Но я не согласился.

Такой подход применяется не только индивидуально. Один католический деятель из города, неподалеку от которого я живу, решил: «В этом районе много католиков. Построю-ка я маленький торговый центр и буду сдавать торговые места только католикам. Наверняка покупатели-католики отдадут предпочтение своим единоверцам». Так он и поступил – и назвал свое детище «Центр Мадонны». Но затея его с треском провалилась, поскольку духовное братство не выдержало конкуренции с другими продавцами ни по качеству товаров, ни по ценам, ни по богатству ассортимента.

Одним словом, я хочу сказать, что личные контакты при найме на работу и в бизнесе, безусловно, играют свою роль, но не в такой мере, как полагают многие искатели легкой выгоды. Обещаний в этой сфере всегда больше, чем реальных дел. Разумеется, ничто не отучит людей надеяться извлечь пользу из личных связей, где бы они их ни установили – в «Старинном ирландском братстве», в «Обществе Каледонии», в «Сынах Италии», в «Рыцарях Колумба» или в масонской ложе. Но нигде – и даже на страницах «Братства» – я не нашел ни единого свидетельства того, что личные контакты, завязанные через масонскую ложу, срабатывают эффективнее, чем связи иного происхождения. Люди всегда будут отдавать предпочтение тем, кого они лучше знают; члены любой национальной или религиозной группы всегда будут чувствовать себя комфортнее с себе подобными – и всегда будут избегать тех, кто им не нравится и не вызывает у них доверия. Но с другой стороны, я готов побиться об заклад, что ни один менеджер не рискнет собственной карьерой и не захочет усложнить себе жизнь, наняв некомпетентного человека только из-за того, что тот сидит рядом с ним в церкви, ходит с ним в один и тот же ресторан или обменивается при встрече тайным условным знаком принадлежности к масонскому братству.

А теперь, учитывая все это, предположим, что мне захотелось обвинить какую-то одну группу лиц в злоупотреблении личными связями в масштабах, сравнимых с коррупцией, – как изо всех сил пытается сделать г-н Найт. Что бы я предпринял? Я мог бы, например, отправиться в Бостон, выяснить имена полицейских-католиков, состоявших на службе за последние несколько десятков лет, и проверить, сколько католиков занимало в этот период высокие посты в полиции. Последняя цифра дала бы мне основания говорить о недолжном предпочтении, оказываемом единоверцам при найме на работу. Затем я мог бы установить, скольких офицеров полиции уличили за тот же период во взяточничестве и в прочих противозаконных действиях, определить, сколько из них были католиками, и представить все эти сведения как свидетельство католического заговора, направленного на развал полицейской организации. Чтобы «разоблачить» баптистов, то же самое можно было бы проделать в Бирмингеме (Алабама), а мормонов – в Юте.

Конечно, г-н Найт не сам додумался обвинить масонов в кумовстве и сокрытии следов преступлений, совершаемых членами братства. Такие обвинения высказывались задолго до него. Но г-н Найт первым извлек их на свет в наши дни и протащил в мировую прессу, не потрудившись ни в малейшей степени обосновать. Прочитав «Братство» в первый раз, я пришел в замешательство оттого, насколько шатки все его гипотезы и насколько безосновательны все его выводы. Но, перечитав эту книгу еще раз, я устыдился: только теперь мне удалось обнаружить кое-что, ускользнувшее прежде от моего внимания из-за гладкости слога. К примеру, в прологе г-н Найт сообщает, что два брата-издателя, с которыми он работал раньше, заплатили ему вперед крупную сумму, но затем передумали опубликовать книгу и потребовали вернуть аванс. Один из них заявил, что «ни он сам, ни его брат не принадлежат к масонской ложе, но их отец... занимает высокий пост в братстве, и ради него они решили не издавать это сочинение». Объяснение вполне исчерпывающее. Издатели *не были* масонами. Но уже на следующей странице г-н Найт, резюмируя эту щекотливую ситуацию, утверждает: «Даже если кое-кто не сочтет этот инцидент свидетельством непосредственного влияния, которое оказывают масоны на „четвертую власть“, он все же остается ярким примером того, какую слепую преданность внушают масоны своим неофитам – преданность, поистине граничащую с религиозной». Каким еще *неофитам*? Только что было заявлено, что издатели не являлись масонами, а следовательно, не могли быть и неофитами масонской ложи. И весь инцидент – «яркий пример» лишь того, что братья-издатели не пожелали наживаться за счет оскорблений в адрес своего отца.

Познакомившись на этом «ярком примере» с поистине уникальной системой логики г-на Найта, продемонстрируем напоследок всю неисчерпаемую глубину его познаний в критикуемой области. Я позволю себе процитировать без купюр один-единственный абзац из книги «Братство», в котором автор демонстрирует свою осведомленность в масонских ритуалах: «Почти все масонские ритуалы основаны на убийстве. [Неверно: из главных обрядов трех степеней масонства символика убийства присутствует только в одном.] В ритуале третьей степени жертвой выступает Хирам-Абиф, мифический строитель храма Соломона. В ходе церемонии имитируется убийство Хирама тремя масонами-учениками [ошибка:

не учениками, а товарищами] и последующее его воскресение, [ошибка: Хирам не восставая из мертвых. Его просто эксгумировали, а затем похоронили в другой могиле.] Эти трое учеников [опять ошибка] именуется Иувела, Иувело и Иувелум, а все вместе они называются Иувы. В масонских преданиях Иувов выслеживают, ловят и казнят [ошибка: их выслеживают, ловят и заключают в темницу, а затем приводят на суд к царю Соломону], „рассекая грудь, а сердце и все внутренности вынув и швырнув через левое плечо“ [ошибка: к такой казни Соломон приговорил только одного Иуву], что весьма напоминает *modus operandi* Джека-потрошителя» (курсив мой. – Дж. Р.).

В связи с этим последним утверждением следует напомнить, что предыдущая книга г-на Найта «Джек-потрошитель: тайна раскрыта» посвящена доказательству того, что жертвы неуловимого Джека-потрошителя якобы погибли от рук масонов, а связанный с братством комиссар полиции сэр Чарльз Уоррен покрыл преступников. Самое, по мнению г-на Найта, убедительное «свидетельство» в поддержку этой версии так его впечатлило, что он счел нужным повторить его и в книге «Братство». Он утверждает, что рядом с последней жертвой Потрошителя была оставлена надпись мелом: «Иувы не из тех, кто прощает наветы». Г-н Найт утверждает, что сэр Чарльз, узнав об этой надписи, бросился на место убийства и стер ее. «Уоррен... прекрасно понимал, что означает эта надпись. Она кричала всему миру: „В убийствах повинны масоны“». Так г-н Найт стал первым за 270 лет писателем, отождествившим термины «иув» и «масон». Любой читатель, мало-мальски осведомленный в истории масонства, знает, что «иувы» – это *враги* масонства, убийцы Великого Мастера Хирама-Абифа.

У меня просто не укладывается в голове, что такая книга вызвала потрясение в обществе. Правда, она потрясла и меня, но совсем по иной причине. Я не нахожу слов, чтобы определить всю меру наглости г-на Найта, посмевшего назвать себя в книге «Братство» «непредвзятым наблюдателем». В конце концов, если «непредвзятый наблюдатель» обвиняет масонов в фаворитизме при продвижении по служебной лестнице, в подкупе полицейских и судей, в связях с КГБ, в успешных попытках внедриться в Ватикан и втянуть верхушку Католической церкви в величайшую финансовую аферу нашего времени, в совершении убийств, приписываемых Джеку-потрошителю, и, наконец, в поклонении дьяволу, – то какие обвинения остаются тогда на долю наблюдателя «предвзятого»?

Глава 25 Недостроенный храм

11 февраля 1998 г. в Овальном кабинете Белого дома собралась группа масонов высокого ранга. Они пришли, чтобы засвидетельствовать свое почтение президенту США Рональду Рейгану. Прежде всего, Рейган получил почетную грамоту от Великой ложи Вашингтона, а затем был принят в почетные масоны Шотландского обряда. Третья же и самая высокая из оказанных ему в тот день почестей заключалась в том, что г-н Борис Кинг, августейший глава Древнего арабского ордена благородных почитателей мистического Храма, провозгласил президента США почетным членом Императорского совета Храма.

История этого ордена, самого известного из масонских обществ США, богата событиями. Старшее поколение американцев, должно быть, еще помнит, сколько беспокойства доставляли собрания «храмовников» простым смертным. Первые страницы газет пестрили возмущенными выпадами против взрослых, солидных людей, находивших удовольствие в том, чтобы кидаться из окна отеля в ничего не подозревающих пешеходов пакетами с водой. Эпоха «храмовников» – череда бурных вечеринок.

Но затем нашлись разумные люди, которые сумели обуздать этих любителей порезвиться и направить их энергию в гораздо более полезное русло. В результате на свет появились двадцать две детские лечебницы: девятнадцать ортопедических клиник и три ожоговых центра. В этих больницах не только лечат детей, но и проводят исследования. Двадцать лет назад ребенок, у которого пострадало от ожогов 30 процентов поверхности тела, почти наверняка бы умер, а сегодня, благодаря исследованиям, проводившимся на средства «храмовников», выживают даже дети с 60-процентным поражением кожи. Но самая, пожалуй, замечательная особенность этих клиник состоит в том, что все они бесплатны. Родителям пострадавшего ребенка не приходится собирать деньги на лечение, и помощь поступает неотложно. Средства же на содержание клиник поступают из доходов передвижного цирка, который «храмовники» организовали именно ради этой цели. Куда бы ни приехал этот цирк, на представлениях всегда выделяются бесплатные места для детей из сиротских приютов. Для них это становится настоящим праздником, тем более что «храмовники» на время представления берут таких детей под личную опеку и щедро угощают их сахарной ватой, попкорном и лимонадом. Не забывайте, что клоун-«храмовник», который от души старается на арене, чтобы визит этого цирка в ваш городок запомнился надолго, может «в миру» оказаться, например, известным банкиром. Учитывая все это, можно сказать, что превращение «храмовников» из озорников и разгильдяев в энтузиастов-благотетелей – выдающийся пример того, насколько эффективным может быть разумное руководство и насколько сильна в людях врожденная склонность жертвовать свое время, силы и деньги ради дела, в которое они поверили.

Возможно, вас озадачило то, что в этой книге не уделяется достаточного внимания более известным

формам масонства – таким как Шотландский или Йоркский обряд. Не удивляйтесь: ведь происхождение и структура этих масонских систем и так довольно известны и не хранят в себе древних тайн. По-настоящему важные тайны можно обнаружить только в самом сердце Масонства – в изначальной Ложе ремесла, или Синей ложе, состоящей из трех степеней: ученика, товарища и Мастера. Это настоящее тайное общество, происхождение и задачи которого, как может показаться на первый взгляд, затерялись безвозвратно во тьме веков, а смысл обрядов утрачен по вине многократных ошибок при изустной передаче.

Атмосфера тайны, окутывающая изначальное масонство, вредит в глазах общественного мнения членам любой организации. Она возбуждает не только любопытство, но и враждебность, а подчас и зависть со стороны тех, кто не состоит в подобном обществе, а в особенности – тех, кто по уставу вообще не может быть в него принят. Поскольку люди в целом не представляют себе, чем занимаются члены такой организации, то все тайное общество нередко вынуждено расплачиваться за несанкционированные действия отдельных своих членов. К примеру, в XIX в. тайное общество шахтеров «Молли Магуаерс» держало в страхе всю Пенсильванию. Члены этой террористической группы сжигали дома владельцев шахт и отрезали носы и уши бригадирам за то, что те увольняли их товарищей-пьяниц. Практически все эти террористы одновременно принадлежали к Старинному ирландскому братству, и тому пришлось приложить немало усилий, чтобы убедить мир в своей невиновности. Точно так же нелегко приходилось масонам, когда на всю организацию пытались возложить вину за преступления отдельных ее представителей – такие, например, как предполагаемое убийство капитана Уильяма Моргана. Морган, проживавший в Батавии (Нью-Йорк), в один прекрасный день бесследно исчез, и в его убийстве были обвинены масоны.

А неподалеку от Батавии стоял городок Манчестер, в котором жил молодой человек по имени Джозеф Смит – основатель секты мормонов. В основу нового учения Смит положил наставления, записанные на двух золотых скрижалях, якобы врученных ему ангелом Морони всего через год с небольшим после таинственного исчезновения Моргана. С проповедью этого учения Смит впервые выступил в Пальмире (Нью-Йорк), но вскоре его оттуда выгнали. В конце концов «отец мормонов» обосновался в иллинойском городе Наву. Город рос, а вместе с ним росла и местная масонская организация, в ряды которой активно вливались мормоны. Историк масонства Альфонсе Черца сообщает, что к 1843 г. в Наву было уже пять масонских лож, укомплектованных мормонами. Вскоре Верховная ложа распорядилась закрыть их все за ошибки в руководстве, но мормонские ложи проигнорировали этот приказ. Одновременно на почве полигамии, практиковавшейся мормонами, нарастало напряжение между новой сектой и местными христианами (в том числе христианами-масонами).

Что произошло затем, не вполне понятно. Известно, однако, что антимормонское население в конце концов взбунтовалось. Толпа сжигала дома и амбары сектантов, избивала и убивала их самих. В этой бойне погиб и Джозеф Смит. Его преемник Бригам Янг обвинил в подготовке нападения местных масонов, обзвав их «приспешниками Сатаны». Он объявил, что всякий мормон, который откажется выйти из масонской ложи, будет отлучен от Мормонской церкви. Масоны, со своей стороны, наотрез отрицали свою причастность к расправе, учиненной в Наву. В итоге мормоны предпочли покинуть Соединенные Штаты. Они направились на запад и обосновались в Юте, которая тогда принадлежала Мексике. Масоны же приняли решение, что мормонство несовместимо с принципами их братства, и в течение многих лет мормоны не принимались в масонские ложи. Только в 1984 г. Верховная ложа Юты примирилась с мормонами, и в настоящее время многие мормоны состоят в масонской организации.

Через несколько лет после описанных событий, во время гражданской войны в США, братья-масоны из разных штатов оказались по разные стороны баррикад. О том, как выручал в это время многих масонский сигнал беды, сложено немало легенд, но самое выдающееся событие в этой связи произошло уже после войны. Группа южан-протестантов, взбешенных тем, что привычный им жизненный уклад рухнул, а люди, только недавно бывшие их рабами, обрели известную политическую власть, образовала тайное общество для борьбы с победителями. Многие из них были масонами, и в основу ритуалистической инфраструктуры общества, поставившего своей целью «спасти Юг» через восстановление господства белых, легли масонские обряды. Это общество заимствовало у масонов такую важную деталь, как круглая ложа для собраний. И свое название эта организация получила именно в честь такой ложи. Устроители ее, демонстрируя свою образованность, использовали греческое слово *киклос* – «круг». Но очень скоро под влиянием местного диалекта оно стало произноситься и писаться как «Ку-клукс». Южане, объединившиеся в рядах этого общества, стали именовать себя «Рыцарями Ку-клукс-клана», поскольку в их ритуалах содержались элементы обряда посвящения в рыцари. Центральный орган их получил название «Великий Киклоп» – по образцу масонского «Всевидающего ока». «Рыцари Ку-клукс-клана» обзавелись особыми приветственными знаками, рукопожатиями, паролями и даже священной клятвой. Вся эта обрядность разрабатывалась на основе масонской. Некоторые куклуксклановцы даже заявляли об официальной связи Клана с масонством. Общество, зародившееся как единственный инструмент борьбы южан с послевоенными злоупотреблениями победителей, очень быстро

деградировало и превратилось в рассадник расизма. Члены его не останавливались перед насилием. Они избивали, линчевали и пытали своих противников. Руководство Клана, узнав об этом, решило распустить организацию. В 1869 г. Великий Мастер Клана, бывший генерал кавалерии в армии конфедератов Натан Бедфорд Форрест, издал свой первый и последний Общий указ, предписывавший куклуксклановцам разоружиться и расформироваться. Но было уже слишком поздно. Большинство куклуксклановцев, так и не смирившихся с поражением в войне, оставили указ без внимания. Насилие набирало обороты, и жертвами куклуксклановцев становились теперь уже не только чернокожие, но и евреи, католики и вообще все иностранцы. При этом не стихали толки о связях этих расистов с масонами. В конце концов Верховные ложи всех штатов – и северных, и южных – вынуждены были сделать публичное заявление о категорическом неприятии философии, мотивов и действий Ку-клукс-клана.

Тем не менее тень на масонство была брошена, и даже участие, которое проявляли многие масоны к судьбе чернокожих, не могло окончательно обелить их в глазах общественного мнения. Конечно, правы те, кто утверждает, что негров-масонов в США очень мало, однако следует учитывать, что масоны вообще составляют ничтожный процент от населения страны. Один масон объяснил мне, что виной всему старое правило, гласящее, что «масон должен быть свободным мужчиной, рожденным от свободной женщины», а ведь все чернокожие американцы происходят от рабов. На мой вопрос о том, существует ли правило, предписывающее принимать в масоны только свободных мужчин, происходящих от свободной пра-пра-прабабки, ответить он не смог.

Еще одна давняя причина обвинять масонов в расизме – существование в США влиятельной, но почти неизвестной широкой публике сети масонских лож, состоящих, напротив, почти исключительно из негров. Большинство белых масонов не признают ее. Эту организацию называют масонской системой Принса Холла – в честь ее основателя, свободного негра, служившего солдатом во время войны за независимость. Еще до войны вместе с четырнадцатью другими чернокожими Холл был посвящен в масоны в передвижной военной ложе № 441, которая состояла при 38-м пехотном полке Британской армии, квартировавшем в Бостоне. Позже, когда полк вынужден был отступить под натиском противника, ложа оставила чернокожих братьев в Бостоне с позволением проводить собрания, но ни принимать новых членов, ни посвящать друг друга в более высокие степени они не могли.

Война близилась к концу, и наконец стало ясно, что британский полк в Бостон не вернется. Тогда Принс Холл обратился с запросом в Верховную ложу Англии, и 29 сентября 1784 г. та издала указ об основании полноправной Африканской ложи № 459. Но, несмотря на это официальное постановление, ложа № 459 не получила признания у большинства белых масонов США. В конце концов ложа Принса Холла принялась самостоятельно учреждать филиалы среди черного населения разных городов и даже организовала несколько передвижных военных лож, которые вербовали новых членов среди негров, сражавшихся на стороне северян в гражданской войне, а позднее – и среди чернокожих участников обеих мировых войн. Так масонская система Принса Холла постепенно распространилась по всей стране. От нее даже отпочковались побочные системы, точь-в-точь как от «белого» масонства. И в конце концов она стала одним из влиятельнейших (и в то же время одним из наименее известных широким кругам) столпов черного населения США, особенно на Юге, где она насчитывает более четверти миллиона членов.

Время от времени на общих собраниях американских «белых» масонов заходит речь о том, чтобы признать ложи Принса Холла, но сторонникам этого предложения до сих пор не удалось набрать большинство голосов. Масоны заявляют, что они не расисты, но трудно представить себе, как может расовая терпимость совмещаться с негласным отказом в членстве по расовому признаку.

Оправдать притязания на универсальность долгое время мешали масонству и специфические отношения с Католической церковью. Впрочем, в последнее время, особенно после Второго Ватиканского собора, они заметно улучшились. Церковники уже не так рьяно проводят в жизнь содержащееся в энциклике «*Humanum Genus*» требование папы Льва XIII «чтобы родители и духовные наставники в воскресных школах не уставали предостерегать детей о порочной натуре этих сект [т. е. масонских лож]». А прежде это требование выполнялось неукоснительно. Один прокурор-католик рассказывал мне, что в приходской школе его округа в 1950-е гг. монахини читали лекции о вреде масонства. Всего в двух кварталах от этой школы стоял масонский храм, и ученикам советовали, проходя мимо, отворачиваться, чтобы не смотреть на «логово Антихриста». (Говоря по справедливости, католики тоже страдали от вздорных нападок. Лет за двадцать до этих событий моя мать-пресвитерианка говорила мне – ребенку лет семи-восьми, – что католики так часто строят храмы и монастыри на вершинах холмов специально для того, чтобы удобнее было обстреливать окрестности, когда они наконец решатся захватить власть в стране.)

Кроме того, Лев XIII рекомендовал основывать конкурирующие общества, чтобы дать «грудящимся» альтернативу масонству. Он предлагал приглашать людей «в добрые общества, дабы они не были втянуты в дурные», и выражал одобрение тем, кто уже создает такие организации. Должно быть, папа подразумевал основанное двумя годами ранее в Хартфорде (Коннектикут) отцом Майклом Макгивени Общество католиков ирландского происхождения. Это братство, получившее название «Рыцари

Колумба», предоставляло своим членам все, что полагалось тайному обществу, – и секретные собрания, и пароли, и степени посвящения. Оно было призвано поддержать ирландских католиков, оказавшихся во враждебной протестантской среде, и, как открыто утверждали «рыцари», должно было составить католическую альтернативу масонству. Идея оказалась плодотворной: в наши дни в США насчитывается более 1,3 миллиона рыцарей Колумба, а в Мексике, Канаде и на Филиппинах действуют филиалы организации.

Оба конкурирующих общества – и масоны, и «Рыцари Колумба» – заметно прибавили в численности в первые годы XX в. До открытого столкновения между ними дело не дошло, но не осталось такого средства не прямой борьбы, которого они бы не испробовали. Наибольшей остроты конфликт достиг в Мексике. «Рыцари Колумба» развернули «мексиканскую кампанию» против «коммунистов», как они называли антицерковную правящую партию страны. Из-за победы революционеров Католическая церковь в Мексике лишилась богатых владений и большинства своих традиционных привилегий. Религиозные ордена были поставлены вне закона, священникам, монахам и даже простым верующим запрещено было преподавать в начальных школах. Отделение Церкви от государства было настолько радикальным, что священники лишились права голоса: их стали считать иностранными гражданами – подданными Ватикана.

К 1925 г. в Мексике насчитывались уже тысячи рыцарей Колумба, решительно настроенных на борьбу против антикатолических законов и на возвращение Мексики в лоно святой Церкви. Они даже попытались открыть религиозные школы, но власти быстро пресекли эту попытку. В конце концов многие «рыцари», объединившись с другими католиками-мирянами, основали Национальную лигу защиты свободы совести. Эта лига стала ядром вооруженного антиправительственного восстания. Повстанцы объявили, что сражаются за «Царя Христа» – «Кристо Рей», из-за чего их и прозвали «кристеросами». Мексиканские масоны сражались на стороне правительства. В США масоны и «рыцари» собирали средства на помощь обеим сторонам. Восстание длилось с 1926 по 1929 г., но в конце концов было жестоко подавлено. Власти не могли простить повстанцам того, что «кристерос» ради победы не брезговали убийствами. В 1927 г. двое членов Национальной лиги, один из которых являлся священником-иезуитом, были казнены без суда за покушение на убийство Альваро Обрегона (год спустя тот все равно погиб от пули убийцы). Когда же восстание было подавлено, большинство арестованных «кристерос» были расстреляны.

Накануне Великой депрессии в США вновь подняли голову куклуксклановцы, которые у многих рыцарей Колумба ассоциировались с масонством. Взаимная неприязнь вновь обострилась, и страну вот-вот мог захлестнуть новый всплеск насилия. Однако в то же время «великая религиозная стена», разделявшая «рыцарей» и масонов, дала первые трещины: два враждебных лагеря неожиданно нашли общий язык на почве американского национализма. Во время Первой мировой войны «рыцари» открыли несколько филиалов в Европе и ввели в своей организации четвертую степень посвящения, которую присваивали за патриотические поступки. После войны они решили преподнести в дар французскому городу Мецу конную статую Лафайета в знак благодарности и братской взаимопомощи. Но кое-кого из их же братьев-католиков такой поступок чрезвычайно возмутил. Критики заявили, что Лафайет был масоном, а значит, верующий католик не должен его уважать. Самые резкие выступления против этого проекта раздалось из лагеря германо-американских католиков, обвинивших «Рыцарей Колумба» в попытке создать «масонского святого». Рыцари встали перед непростым выбором. Они были католиками, это верно. Но при этом они были гражданами США. И они не могли отрицать тот огромный вклад, который внесли в историю американского государства масоны: ведь это значило бы вычеркнуть из памяти имена Джорджа Вашингтона, Бенджамина Франклина, Джона Хэнкока и десятки других великих имен. Рыцари Колумба не отступились от своего решения, и 6 августа 1920 г. жители Меца получили в дар бронзовую статую французского масона-аристократа. После церемонии открытия памятника делегация рыцарей Колумба отправилась в Рим на аудиенцию к папе Бенедикту XV. Тот положил конец спорам, объявив, что патриотизм всецело совместим с католическими идеалами.

Полагать, что вражда между масонами и такими католическими организациями, как Католический орден лесничих, Старинное ирландское братство или «Рыцари Колумба», в наши дни утасла, было бы довольно наивно. Однако в последние годы лед действительно тронулся. В 1967 г. высокопоставленные представители Ремесленной ложи и Шотландского обряда даже сели за стол переговоров с руководителями «Рыцарей Колумба», чтобы обсудить объединяющие всех их цели борьбы за нравственные и патриотические идеалы, за поддержание порядка и законности. А в действительности общего между ними еще больше. Обе системы подвергались суровой критике за «издевательства» над новичками, якобы имеющими место в церемонии посвящения, а также обвинялись в фаворитизме на рабочих местах и в попытках закулисного влияния на политику. Познакомившись с такими обвинениями в адрес масонства в изложении Стивена Найта, я решил поинтересоваться, что пишет на аналогичную тему Кристофер Дж. Кауфман в книге «Вера и братство: История „Рыцарей Колумба“», и обнаружил следующее: «Встречались, конечно, и такие, кто вступал в орден исключительно по экономическим и политическим мотивам. Однако „Рыцари Колумба“ в этом отношении не одиноки: такая ситуация

складывается вокруг любого организованного товарищества».

Приучаясь сосуществовать друг с другом в рамках «организованного товарищества», члены любого братства вынуждены привыкать и к тому, что с течением времени их ряды редеют. Массонство, правда, по сей день остается крупнейшим братством США, но за последние несколько лет приток неопитов резко снизился, а многие «старожилы» добровольно отказались от членства. Времена меняются, и потребности людей меняются вместе с ними. В периоды экспансии – например, в эпоху активного расселения по миру англоговорящих людей, – массонство играло важную социальную роль. Если одинокого масона-англичанина посылали на работу в Гонконг, если он отправлялся в поисках заработка на южноафриканские рудники или, подхватив «золотую лихорадку», сходил на берег в Сан-Франциско, он знал, что томиться в одиночестве ему придется совсем недолго. Всего через день-другой он связывался с местными братьями масонами, которые помогали ему советом, поддерживали в беде и могли замолвить за него словечко «нужному» человеку. Кроме того, членство в масонской ложе обеспечивало ему достойный прием в обществе.

Насколько все это было серьезно, можно продемонстрировать на примерах из истории колонизации Австралии. Общеизвестно, что на первых порах эта «колонизация» происходила за счет ссыльных каторжников. Но мало кто знает, что военные части, сопровождавшие заключенных, прихватили с собой в Австралию британское массонство – в форме передвижных военных лож. Теоретически каторжник, отбывший свой срок, мог воспользоваться всеми шансами, которые предоставляла колонизатору новая земля, но на практике судьба его складывалась далеко не так радужно. Он мог открыть собственное дело, мог построить ферму, но и сам он, и его семья, а возможно, и несколько поколений потомков обречены были носить в глазах общества клеймо преступников. Они оставались на самой нижней ступеньке социальной лестницы. И все же у них был способ «выбиться в люди». Для этого следовало всего-навсего вступить в масонскую ложу. Войдя в масонское братство, бывший каторжник сразу же становился на одну ступень со многими офицерами гарнизона, влиятельнейшими людьми города и членами правительства. Правда, для многих ирландцев этот путь был закрыт: принадлежность к Католической церкви исключала для них возможность контактов с масонами. Но это не помешало Австралии стать одним из главных в мире оплотов массонства: сейчас в этой стране насчитывается более трех тысяч лож.

Высокий социальный статус масонов в Великобритании долгие годы поддерживался за счет покровительства королевской семьи, но сейчас, возможно, и здесь ситуация меняется. Принц Чарльз стал первым за двести лет наследником трона, отказавшимся вступить в масонское братство. По неподтвержденным, хотя и упорно циркулирующим в Англии и за ее пределами слухам, принца Чарльза настроил против масонов его отец, принц Филипп, вступивший в масонскую ложу крайне неохотно, под давлением своего тестя, короля Георга VI. Подчинившись монаршей воле, Филипп тем не менее не пожелал принимать в масонской деятельности сколь-либо активного участия. Поэтому в настоящее время Великим Мастером британских масонов является кузен королевы, герцог Кентский.

Не следует, однако, полагать, будто обеты братства позволяют стереть все классовые различия между масонами. Герцог Суссекский, сделавшись Великим Мастером Объединенной Верховной ложи, предложил организовать ложу, состоящую исключительно из пэров, чтобы обеспечить себе «достойное окружение» при отправлении обрядов. Но с другой стороны, благодаря королевскому покровительству упростилась процедура формирования масонских лож в военных и военно-морских частях, а залы собраний стало возможным размещать в таких почтенных заведениях, как Скотленд-Ярд и Английский банк.

Нынче неприятности британский масонов не ограничиваются фактом подчеркнуто прохладного отношения со стороны принца Уэльского. Масонские ложи Великобритании до сих пор терпят последствия нападков Стивена Найта и прочих враждебно настроенных деятелей. К примеру, в июне 1988 г. эти деятели попытались – правда, безрезультатно – провести в палате общин закон, запрещающий принимать масонов на службу в столичную полицию.

Говорить об успешном отражении этих атак еще слишком рано, однако Объединенная Верховная ложа Англии все же предприняла некоторые попытки противостоять валу враждебных публикаций в прессе. В частности, в 1986 г. была принята программа бесплатных экскурсий по Масонскому залу. Однако экскурсии эти зачастую освещались в той же прессе с предвзятых позиций и даже в оскорбительном тоне. Многие отзывы о них были, что называется, «высосаны из пальца». Например, статья одной журналистки в «Иллюстрийтед Лондон ньюс» (ноябрь, 1987), озаглавленная «Храм кошмаров», сопровождалась злобещей картинкой: из Масонского зала вылетают целые стаи летучих мышей. Отчет об экскурсии был составлен с подчеркнуто женской точки зрения. Поделившись своими впечатлениями об ароматах Масонского зала («дурной запах изо рта, бриллиантин и мебельный лак»), автор представляет читателям отзывы о двух своих спутниках – американке и американце. Американка, по уверению автора, состояла в масонской организации. Поразительно! Я-то, по своей наивности, был убежден, что женщин в масоны не принимают... Разумеется, она была в туфлях на высоких каблуках, звонко цокавших по мраморному полу. И разумеется, в какой-то момент ее застукали на попытке

потрогать скульптурную группу «Ионафан и Давид». Американец же, само собой, был родом из Техаса, непрерывно жевал резинку и на все сообщения экскурсовода реагировал радостными возгласами: «Ба!» или «Вот те на!». (Я знаю многих техасцев, в совершенстве владеющих самыми изысканными и пикантными ругательствами английского словаря, но до сих пор не слышал ни об одном, который говорил бы «Ба!» или «Вот те на!». Боюсь, что британское телевидение до сих пор показывает «Гомера Пайла»¹

.) Повествуя о том, как группа остановилась, чтобы рассмотреть звезду, украшающую пол Массонского зала, журналистка замечает: «Я бы не удивилась, если бы в тот момент из этой лазурной звезды вырвался, раздувая ноздри и хлопая черными крыльями, огнедышащий Князь Тьмы». Проходя мимо какой-то запертой двери, она погружается в раздумья о том, уж не рубят ли там, за этой дверью, головы невинным цыплятам. Трудно представить, что может дать такая публикация читателям журнала. Но легко представить, что друзья журналистки надорвали животики от смеха, читая эту статью, а именно в этом очень часто и состоит цель работы репортера. Ну и, кроме того, появление такой статьи должно было успокоить англичан, запуганных «масонским заговором»: оказывается, масоны еще не полностью захватили власть над прессой.

В прошлом масонство сделало немало для пропаганды веротерпимости. Соединенные Штаты Америки на заре своего существования состояли из замкнутых колоний, в которых религиозный фанатизм был нормой жизни. В каждом штате была своя «государственная» религия; так, Коннектикут вплоть до 1818 г. официально оставался штатом конгрегационалистов. Роджерс Уильямс, спасаясь от засилья пуритан в Массачусетсе, основал новый штат – Род-Айленд. Католики братья Кэлверты получили разрешение на создание колонии в Мэриленде лишь после того, как согласились провозгласить официальной религией нового поселения англиканский, а не римский католицизм. В Виргинии господствовали воинствующие англиканцы. Изданные там законы предписывали подвергать публичной порке всякого баптистского или методистского священника, осмелившегося выступить с проповедью перед своей паствой. В результате баптисты и методисты целыми общинами покидали Виргинию и уходили в леса, на юго-восток Америки, где их потомки и по сей день составляют большинство населения. Обвинить в этих гонениях Римско-католическую церковь невозможно, ибо в 1776 г. католики этой конфессии составляли менее одного процента от всего населения Америки. Все решали протестанты, и далеко не всем из них пришлось по вкусу положение о свободе совести, внесенное впоследствии в Билль о правах. Тот факт, что многие люди, боровшиеся за введение этих прав, были связаны с масонской организацией, свидетельствует о том, насколько серьезно они воспринимали свои обеты, гласящие, что каждый человек волен молиться Богу как хочет.

Но сколько бы пользы масонство ни приносило в прошлом, сегодня перед ним стоят совсем иные проблемы. Ориентация на такие цели, как поддержание высокой морали каждого члена братства и групповая благотворительность, не смогла приостановить процесс снижения численности ордена. Все чаще и чаще молодые люди отказываются идти по стопам своих отцов и дедов, состоящих в масонских ложах. Не исключено, что с ростом материализма и вседозволенности в нашем обществе идеалы личной нравственности, чести и чувства собственного достоинства многим начинают казаться устаревшими. Если это так, то необходима комплексная программа их возрождения, но уже не как идеалов, а как практических моделей поведения. И если бы масонам удалось это сделать, они оказали бы всему обществу неоценимую услугу, учитывая тот факт, что в наши дни крупная прибыль начинает служить оправданием любого преступления.

Более специфической и потенциально не менее полезной особенностью масонства является давняя традиция борьбы против засилья сутяжников. В США ежегодно появляется на свет 3,8 миллиона младенцев и 8 миллионов юристов. Реакцией на засилье сутяжничества стал резкий рост цен на страхование ответственности, что повлекло за собой удорожание, а подчас и дефицит жизненно важных товаров и услуг. В одном городке в Джорджии акушеры и гинекологи даже объявили, что не примут ни одну пациентку, которая является адвокатом, женой адвоката или служащей юридической фирмы. Причина такого демарша очевидна: врачи опасаются судебных исков по обвинению в преступной халатности. Несчастливым беременным женщинам приходилось ездить за семьдесят миль в Саванну. Повальное увлечение юриспруденцией отразилось даже на древних, как мир, законах гостеприимства: гостю не следует удивляться, если даже самый радушный хозяин не позволит ему искупаться в своем бассейне, покататься на лошади или залезть на дерево в его владениях, опасаясь травм и последующего судебного иска.

Масоны оказали бы всем нам огромную услугу, если бы вспомнили о своей давней неприязни к крючкотворству и вынесли эту тему на публичное обсуждение. Старые масонские правила гласят, что судебный иск – это последний из возможных способов разрешения конфликта, и прибегать к нему следует только после того, как все остальные средства исчерпаны. И даже в этом случае судебный процесс

¹ Американский комедийный сериал (1964–1969).

допустим лишь в целях восстановления чести и достоинства, но никак не в целях возмещения материального ущерба. Разумеется, правило это предназначалось для внутреннего пользования, и учредители его не могли предполагать, что в обществе сложится описанная выше ситуация, однако смысл старинной заповеди от этого не меняется: в чем бы ни заключался конфликт, разрешать его по возможности следует без вмешательства суда. Если бы три миллиона людей открыто выступили с таким заявлением, они могли бы оказать серьезное воздействие на умы и сердца своих сограждан. Такое вмешательство просто необходимо, прежде чем социум не сорвется с цепи окончательно и не вырождается в агрессивное сообщество, где основным мотивом будет достижение материального успеха и где из-за все более хитроумных попыток извлечь выгоду за счет судебных исков правовая система усложнится до абсурда.

Еще более важной – не только для США, но и для всего мира – может стать общественная деятельность масонов в области укрепления братских уз между людьми всех вероисповеданий, сочетающаяся с индивидуальной работой каждого масона на благо той религии, которую он сам исповедует. Проблема религии, любви к Богу сейчас остается во многих странах одной из главных. На почве религиозных разногласий по-прежнему вспыхивают политические конфликты, процветает терроризм, а подчас дело доходит и до полномасштабных войн, которые не только не решают проблем, но и создают потенциал для еще более ожесточенных столкновений.

Одним из самых горячих точек в подобных спорах является государство Израиль, что позволяет нам снова вернуться к основной теме нашей книги – теме масонства. Дело в том, что именно на территории Израиля находится место, где некогда стоял древний храм Соломона – Иерусалимский храм на горе Мориа, колыбель Ордена тамплиеров. Наверное, на всей Земле не найдется другого места, в котором столь же ярко воплотилась бы насущная потребность в братском объединении представителей любых вероисповеданий. Ситуация, сложившаяся вокруг этой святыни, исключительно остра, и некоторые авторы даже высказывают опасения, что она может дать повод к началу третьей мировой войны. Поэтому впервые на страницах этой книги мы поведем речь не об аллегориях, связанных с образом храма, а о реальном Иерусалимском храме.

Этот храм – исключительно важная святыня трех религий: иудаизма, христианства и ислама. В Ветхом Завете повествуется о том, как царь Давид решил возвести великий «дом Господа» и купил у одного из своих подданных, Орны, гумно, на месте которого предстояло построить храм. Но честь строительства храма выпала лишь на долю сына Давида – царя Соломона, у которого ушло на это семь лет. Храм Соломона был возведен в X в. до н. э. А в 587 г. до н. э. Иерусалим оказался во власти вавилонского царя Навуходоносора, войска которого разграбили храм и сожгли его дотла.

Приблизительно через 50 лет Вавилон завоевали персы. Они разрешили переселенным в Вавилонию евреям вернуться на родину и исповедовать прежнюю религию. Правителем над ними персы поставили некоего Зорова-веля, который, прислушавшись к увещаниям первосвященника Иисуса, принял решение построить новый храм на месте разрушенного. Новое здание оказалось довольно большим, но убранству его было далеко до легендарного великолепия первого храма. Его достроили к 515 г. до н. э., и богослужения совершались в нем в течение нескольких веков.

В 168 г. до н. э. сирийский царь Антиох Епифан, потерпев поражение в войне с Египтом, обрушился на земли иудеев, в истории которых этот период стал одним из самых мрачных. Завоеватели под страхом смертной казни запретили обрезание и празднование субботы. Чтобы лишний раз унижить евреев, которым по законам Моисея возбранялось есть свинину, Антиох построил на горе Мориа алтарь, на котором приносили в жертву свиней.

Но безответной покорности от завоеванного народа сирийский царь не дождался. Вскоре все услышали об отряде повстанцев – Маккавеев, весьма успешно действовавших партизанскими методами. Сперва во главе их стоял некто Маттафия. После смерти Маттафии командование перешло к его сыну Иуде. Вражеские полководцы до такой степени недооценивали боевой дух повстанцев, что один из них перед крупным сражением договорился с работоторговцами о продаже в рабство всех иудеев, которые останутся в живых после битвы. Однако маккавеи наголову разбили противника, невзирая на его огромное численное превосходство. Одержав целый ряд славных побед, маккавеи в конце концов взяли Иерусалим. Направившись в храм, чтобы вознести благодарственные молитвы и снова возжечь священную менору, они обнаружили, что освященного масла в храме почти не осталось. На ритуал освящения новой порции масла понадобилось бы восемь дней, а того, что было в наличии, не хватило бы и на день. Однако маккавеев это не остановило. Они приступили к обряду, и свершилось чудо: менора не угасала восемь дней и восемь ночей – до тех пор, пока не завершился ритуал освящения. В честь этого чуда евреи до сих пор отмечают Хануку – праздник огней.

Но насладиться вновь обретенной свободой иудеям не удалось. Вскоре пришли римляне. Завоевав Иерусалим, они лишили евреев власти над Священным городом почти на два тысячелетия – до Шестидневной войны 1967 г. Правда, ставленник Рима, царь Ирод, попытался расширить и украсить Иерусалимский храм. Он хотел, чтобы второй храм стал больше первого, и для расширенного фундамента

на юго-западном склоне горы была возведена массивная опорная стена. Именно в этом перестроенном храме, во дворике с колоннадой, наставлял учеников Иисус Христос. Но срок жизни этому храму был отпущен самый короткий: в ходе гражданской войны в Иудее в 70 г. римляне стерли его с лица земли. Все, что сохранилось от некогда величественного строения, – часть той самой опорной стены, которую сейчас называют Западной стеной, или Стеной Плача.

Захватив Иерусалим в 1967 г., Израиль остерегся, однако, предъявлять права на гору Мориа. Мусульмане строго охраняют эту гору, поскольку вместо иудейского «дома Господня» на ней возвышаются теперь две мечети, воздвигнутые во времена исламского владычества. Одна из них – знаменитая Скальная мечеть, украшенная мозаикой и увенчанная золотым куполом. Такая ситуация порождает среди израильтян недовольство и раздоры. Большинство стоит за сохранение статус-кво, однако фундаменталисты, такие, например, как «Гуш эмуним» («Преданные»), находят невыносимой саму мысль о том, что на месте Храма Господня совершают свои обряды мусульмане, тогда как евреям открыт доступ только к стене у подножия горы. Христиане, со своей стороны, не могут не чтить древний храм, где проповедовал Иисус Христос и откуда Он изгнал торгующих. Католическая церковь предложила сделать Иерусалим интернациональным городом. Многие поддержали это предложение, но оно не решает проблему. Ведь спор идет не за сам город, а всего за несколько акров священной земли на горе Мориа. Смогут ли приверженцы трех великих религий, трех великих путей, ведущих к Богу, ужиться в мире на этом крошечном клочке земли? Именно в этом месте ярче, чем где бы то ни было, проявилась бы общемировая ценность масонского подхода к религиозным вопросам, подхода, подразумевающего, что всякий человек, верующий в Высшую Сущность, достоин уважения своих собратьев и обязан оказывать уважение им вне зависимости от избранного ими вероисповедания.

Для масонов это был бы поистине чудесный способ достроить наконец незавершенный храм Соломона и, описав полный круг, вернуться к изначальной цели их предшественников-тамплиеров, которые взялись обеспечить всем паломникам безопасный доступ к иерусалимской святыне.

Библиография

- Adams, John Quincy. *Letters on the Masonic Institution*. Boston, 1847.
- Addison, C. G. *The Knights Templars' History*. New York, 1875.
- Aston, Margaret. *Lollards and Reformers*. London, 1984.
- Aston, Trevor, ed. *Crisis in Europe 1560–1660*. New York, 1967.
- Attwater, Donald, ed. *A Catholic Dictionary (The Catholic Encyclopaedic Dictionary)*. New York, 1953.
- Bainville, Jacques. *History of France*. New York, 1926.
- Barber, Richard. *The Knight and Chivalry*. New York, 1982.
- Bariug-Gould, S. *Curious Myths of the Middle Ages*. London, 1877.
- Barracrough, Geoffrey. *The Medieval Papacy*. New York, 1968.
- Bassett, John S. *A Short History of the United States*. New York, 1931.
- (Bell Publishing). *The Lost Books of the Bible*. New York, 1979.
- Bennet, H. S. *Life on the English Manor*. Cambridge, 1971.
- Berton, Pierre. *The Comfortable Pew*. New York, 1965.
- Bohmer, Heinrich. *Luther in Light of Recent Research*. Trans. Carl F. Huth, Jr. New York, 1916.
- Boorstin, Daniel J. *The Discoverers*. New York, 1985.
- Brailsford, H. N. *The Levellers and the English Revolution*. Ed., C. Hill. London, 1961.
- Briggs, Asa. *A Social History of England*. London, 1963.
- Bryant, Arthur. *King Charles II*. London, 1931.
- Bryant, M. Darrol, ed. *The Future of Anglican Theology*. New York, 1984.
- Buchan, John. *The Massacre of Glencoe*. London, 1985.
- Campbell, G. A. *The Knights Templars*. New York, n. d.
- Campbell-Everden, William P. *Freemasonry and its Etiquette*. New York, 1978.
- Cardinale, Hyginus E. *Orders of Knighthood, Awards and the Holy See*. Gerards Cross, Bucks, 1983.
- Ceram, C. W. *Gods, Graves and Scholars*. New York, 1951. (Orig. publ. 1949.)
- Chambers, Michael. *Chambers' Guide to London, the Secret City*. London, 1974.
- Chesneaux, Jean. *Peasant Revolts in China*. London, 1973.
- Churchill, Winston S. *The Birth of Britain*. New York, 1956.
- Churchill, Winston S. *The New World*. New York, 1956.
- Clunn, Harold P. *The Face of London*. London, 1960.
- Cohen, J. M. and M. J. *The Penguin Dictionary of Quotations*. Middlesex, 1962.
- Collins, James A., ed. *Book of the Scottish Rite*. Cincinnati, 1895.
- Comynnes, Philip De. *The Universal Spider*. London, 1973.

- Cook, Ezra A. *Revised Knight Templarism Illustrated*. Chicago, 1986.
- Cooper-Oakley, Isabel. *Masonry and Medieval Mysticism*. London, 1977. (Orig. publ. 1900.)
- Costain, Thomas B. *The Three Edwards*. New York, 1958.
- Dawley, Powell Mills. *Chapters in Church History*. New York, 1950.
- Delderfield, Eric R. *Kings and Queens of England*. New York, 1966.
- Ditchfield, P. H. *English Villages*. London, 1901.
- Dobson, R. B., ed. *The Peasants' Revolt of 1381*. London, 1970.
- Draffen, George, of Newington, ed. *Masons and Masonry-Selected Articles from the Grand Lodge of Scotland Year Books 1953-72*. London, 1983.
- Dupuy, R., and Trevor N. *The Encyclopedia of Military History*. London; 1970.
- Erbstosser, Martin. *Heretics in the Middle Ages*. Leipzig, 1984.
- Ernst, Jacob. *Illustrations of the Symbols of Masonry*. Cincinnati, 1868.
- Evans, Joan, ed. *The Flowering of the Middle Ages*. New York, 1985. (Orig. publ. London, 1966.)
- Fellows, John. *The Mysteries of Freemasonry*. London, 1860.
- Finney, Rev. C. G. *The Character, Claims, and Practical Workings of Freemasonry*. Cincinnati, 1869.
- Foxe, John. *Foxes Book of Martyrs*. Ed. Marie G. King. New York, 1968. (Taken from Foxe's original *History of the Christian Martyrs*. Publ. 1583.)
- Fraser, Antonia. *Cromwell: The Lord Protector*. New York, 1975. (Orig. publ. London, 1973.)
- Frere, A. S., ed. *Grand Lodge 1717-1967*. Oxford, 1967.
- Fuller, J. F. C. *The Decisive Battles of the Western World: 480 B. C. - 1757*. 2 vols. London, 1970.
- Funk, F. X. *History*. 2 vols. Trans. Luigi Cappadelta. London, 1913.
- Gabrieli, Francesco, ed. and trans. *Arab Historians of the Crusades*. Trans. from the Italian E. J. Costello. Berkeley, Calif., 1969.
- Geoffrey of Monmouth. *History of the Kings of Britain*. Trans. Sebastian Evans. New York, 1958. (Orig. publ. 1912.)
- George, Dorothy. *England in Transition*. London, 1953.
- Gibbon, Edward. *The Decline and Fall of Roman Empire*. London, 1960.
- Gies, Frances. *The Knight in History*. New York, 1984.
- Gies, Joseph and Frances. *Life in a Medieval Castle*. New York, 1979.
- Gies, Joseph and Frances. *Life in a Medieval City*. New York, 1981. (Orig. publ. 1969.)
- Girouard, Mark. *The Return to Camelot: Chivalry and the English Gentleman*. London, 1931.
- Gould, Robert F. *The History of Freemasonry*. 3 vols. Edinburgh, n. d.
- Gray, Robert. *A History of London*. New York, 1985.
- Greene, Samuel D. *The Broken Seal, or Personal Reminiscences of the Morgan Abduction and Murder*. Boston, 1872.
- Greer, Thomas H. *A Brief History of Western Man*. New York, 1968.
- Hainill, John. *The Craft. A History of English Freemasonry*. London, 1986.
- Hay, Douglas, Peter Linebaugh, John G. Rule, E. P. Thompson, and Cal Winslow. *Albion's Fatal Tree*. London, 1975.
- Heer, Friedrich. *The Medieval World: Europe 1100-1350*. Trans. J. Sondheimer. London, 1963.
- Helms, L. C. *Twice Told Tales: A Masonic Reader*. Richmond, Va., 1985.
- Hilton, R. H., and H. Fagan. *The English Rising of 1381*. London, 1950.
- Hilton, R. H., and T. H. Aston, eds. *The English Rising of 1381*. Cambridge, 1984.
- Hinnels, John R., ed. *The Penguin Dictionary of Religions*. Middlesex, 1984.
- Hole, Christina. *A Dictionary of British Folk Customs*. London, 1978.
- Housley, Norman. *The Avignon Papacy and the Crusades 1305-1378*. Oxford, 1986.
- Hutchinson, William. *The Spirit of Masonry*. New York, 1982. (Orig. publ. 1775.)
- Huxley, Aldous. *The Devils of Loudun*. New York, 1965.
- Jarrett, Derek. *England in the Age of Hogarth*. London, 1974.
- Jenkins, Elizabeth. *Elizabeth and Leicester*. London, 1972.
- Joinville and Villehardouin. *Chronicles of the Crusades*. Trans. M. R. B. Shaw. Middlesex, 1963. (New York, 1985.)
- Jones, Bernard E. *The Freemason's Guide and Compendium*. London, n. d.
- Kauffman, Christopher J. *Faith and Fraternalism: The History of the Knights of Columbus 1882-1982*. New York, 1982.
- Kavanaugh, Fr. James. *A Modern Priest Looks at his Outdated Church*. New York, 1967.
- Keen, Maurice. *Chivalry*. New Haven, 1984.
- Kelen, Betty. *Muhammad: The Messenger of God*. New York, 1975.
- Kenny, Anthony, ed. *Wycliffe in his Times*. Oxford, 1986. Knight, Stephen. *the Ripper: The Final Solution*. London, 1976.

- Knight, Stephen. *The Brotherhood*. London, 1985.
- Knowles, David. *Bare Ruined Choirs*. Cambridge, 1976. Koenigsberger, H. G., and G. L. Mosse. *Europe in the Sixteenth Century*. New York, 1968.
- Ladurie, Emmanuel Leroy. *Montaillou: The Promised Land of Error*. Trans. Barbara Bray. New York, 1979.
- Lewis, Roy, and Angus Maude. *Professional People in England*. Cambridge, Mass., 1953.
- Macaulay, Thomas B. *The History of England from the Accession of James II*. 5 vols. New York, 1856.
- Mansfield, Peter. *The Arabs*. New York, 1980.
- Martin, Malachi. *The Decline and Fall of the Roman Church*. New York, 1981.
- Martin, Malachi. *Rich Church Poor Church*. New York, 1984. Mayer, Hans Eberhard. *The Crusades*. Trans. John Gillingham. Oxford, 1988.
- Meltzer, Milton. *Slavery: From the Rise of Western Civilization to Today*. New York, 1977. (Orig. publ. in 2 vols. 1971.)
- Mitchell, Donald G. *English Lands, Letters and Kings from Elizabeth to Anne*. New York, 1890.
- Moncriefie, Sir Iain. *Royal Highness-Ancestry of Royal Child*. London, 1982.
- Moote, A. Lloyd. *The Seventeenth Gentry: Europe in Ferment*. Lexington, Mass., 1970.
- Morgan, Capt. William. *Freemasonry exposed*. Chicago, 1986. Morris, Jan. *The Oxford Book of Oxford*. Oxford, 1978.
- Nettl, Raul. *Mozart and Masonry*. New York, 1987.
- Newhall, Richard A. *The Crusades*. New York, 1963. (Orig. publ. 1927.)
- Nicholas, David. *The Medieval West*. Homewood, Ill., 1983. O'Brian, Rev. John A. *The Faith of Millions: The Credentials of the Catholic Church*. Huntington, Ind., 1958.
- O'Connor, Richard. *The Spirit Soldiers*. New York, 1973.
- Pagels, Elaine. *The Gnostic Gospels*. New York, 1981.
- Palmer, Alan. *Kings and Queens of England*. London, 1976.
- Parker, Thomas W. *The Knights Templars in England*. Tucson, Ariz., 1963.
- Partner, Peter. *The Murdered Magicians*. Rochester, Vt., 1987.
- Pick, F. L., and Knight G. N. *The Pocket History of Freemasonry*.
- Pick, F. L., and Knight G. N. *The Freemason's Pocket Reference Book*. London, 1953. Revised F. Smyth, 1965 and 1983.
- Platts, Graham. *Land and People in Medieval Lincolnshire*. Lincoln, 1985.
- Poundstone, W. *Big Secrets*. New York, 1983.
- Powell, E., and G. M. Trevelyan, eds. *The Peasants' Rising and the Lollards*. London, 1899.
- Powell, James M. *Anatomy of a Crusade 1213–1221*. Philadelphia, 1986.
- Powell, K., and C. Cook. *English Historical Fads 1485–1603*. London, 1977.
- Quennell, Marjorie and C. H. B. *A History of Everyday Things in England 1066–1499*. London, 1919.
- Randel, William P. *The Ku Klux Klan*. Philadelphia, 1965.
- Read, Jan. *The New Conquistadors*. London, 1980.
- Rebold, Emmanuel. *A General History of Freemasonry in Europe*. Trans. J. F. Brennan. Cincinnati, 1866.
- Redding, M. W. *Scarlet Book of Freemasonry*. New York, 1880.
- Richardson, Jabez. *Monitor of Freemasonry*. Chicago, n. d.
- Roberts, Allen E. *Freemasonry in American History*. Richmond, Va., 1985.
- Ross, Frank, Jr. *Arabs and the Islamic World*. New York, 1979.
- Rowley, Trevor, and John Wood. *Deserted Villages*. Princes Risborough, Bucks., 1982.
- Rowse, A. L. *Oxford in the History of the Nation*. London, 1975.
- Runciman, Sir Steven. *A History of the Crusades*. 3 vols. Cambridge, 1951.
- Rundle, R. N. *Scenes from Stuart England*. London, 1978.
- Russell, Bertrand. *Why I Am Not a Christian*. London, 1957.
- Sadler, Henry. *Masonic Facts and Fictions*. Wellingborough, Northants, 1985.
- Sampson, Anthony. *Anatomy of Britain Today*. New York, 1965.
- Scott, A. F. *Everyone a Witness: The Plantagenet Age*. New York, 1976.
- Scott, Sir Walter. *Ivanhoe*. New York, 1982. (Orig. publ. 1819.)
- Seward, Desmond. *The Hundred Years War*. New York, 1984.
- Seward, Desmond. *The Monks of War*. Frogmore, St. Albans, 1974.
- Smith, Elwyn A., ed. *The Religion of the Republic*. Philadelphia, 1971.
- Smurthwaite, David. *Battlefields of Britain*. Exeter, 1984.
- Stillson, Henry Leonard, ed. in chf. *History of Freemasonry and Concordant Orders*. Boston, 1900.
- Stubbs, J. W. *Freemasonry in my Life*. London, 1985.
- Theis, Dan. *The Crescent and the Cross*. New York, 1978.
- Tierney, B., Kagan D., et al., eds. *Great Issues in Western Civilization Since 1500*. New York, 1968.
- Towers, Eric. *Dashwood: The Man and the Myth*. London, 1986.

- Trevelyan, G. M. *History of England*. London, 1926.
- Tuchman, Barbara W. *A Distant Mirror: The Calamitous 14th Century*. New York, 1978.
- Turnbull, Stephen. *The Book of the Medieval Knight*. London, 1985.
- Van Gordon, John H. *Ancient and Early Medieval Historical Characters in Freemasonry*. Lexington, Mass., 1986.
- Van Gordon, John H. *Biblical Characters in Freemasonry*. Lexington, Mass., 1982.
- Van Gordon, John H. *Medieval Historical Characters in Freemasonry*. Lexington, Mass., 1987.
- Van Gordon, John H. *Modern Historical Characters in Freemasonry*. Lexington, Mass., 1985.
- Vaughn, Richard, ed. and trans. *Chronicles of Matthew Paris: Monastic Life in the Thirteenth Century*. Gloucester, 1986.
- Waite, Arthur E. *A New Encyclopaedia of Freemasonry*. New York, 1921.
- Walkes, Joseph A., Jr. *Black Square and Compass*. Richmond, Va., 1981.
- Webber, Ronald. *The Peasants' Revolt*. Lavenham, Suffolk, 1980.
- Webster, Nesta H. *Secret Societies and Subversive Movements*. London, 1924.
- Wedgwood, C. V. *The King's Peace, 1637–1641*. London, 1955.
- Wedgwood, C. V. *The King's War 1641–1647*. London, 1958.
- Wedgwood, C. V. *The Trial of Charles I*. London, 1964.
- Wells, H. G. *Outline of History*. 2 vols. New York, 1930.
- Wilken, Robert L. *The Myth of Christian Beginnings*. New York, 1971.
- Williams, Ann. *The Crusades*. Harlow, Essex, 1975.
- Wilmshurst, W. L. *The Meaning of Masonry*. (Orig. publ. London, 1927.)
- Winkler, Paul. *The Thousand-Year Conspiracy*. New York, 1943.
- Wolf, Eric R. *Peasants*. Englewood Cliffs, N.J., 1966.
- Wolf, John B. *The Emergence of European Civilisation*. New York, 1962.
- Yates, Frances A. *The Occult Philosophy in the Elizabethan Age*. London, 1929.